

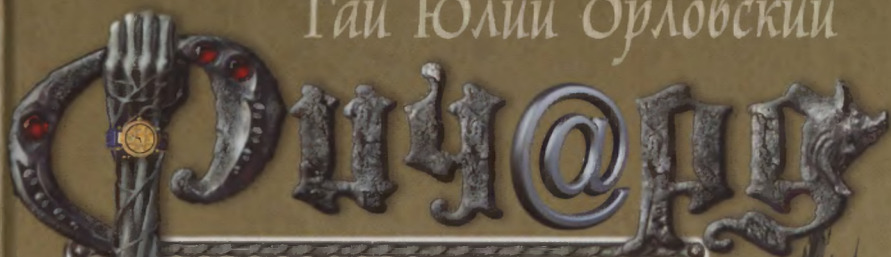
Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
гроссграф

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
гроссграф

Сэр Ричард, доблестный паладин, проламывается через все стены, магические и реальные, повергает демонов и чародеев, и вот уже врешит суд и расправу на тиинственном злоде. Он такло и круто, что сам Сатана расчланился. И Сатана доит выжисоту паладину предложение сит кон

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ризард Длинные Руки
Ризард Длинные Руки — воин Господа
Ризард Длинные Руки — паладин Господа
Ризард Длинные Руки — сеньор
Ризард де Амальфи
Ризард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ризард Длинные Руки — виконт
Ризард Длинные Руки — барон
Ризард Длинные Руки — ярл
Ризард Длинные Руки — граф
Ризард Длинные Руки — бурграф
Ризард Длинные Руки — ланлорд
Ризард Длинные Руки — пфальцграф
Ризард Длинные Руки — оверлорд
Ризард Длинные Руки — коннетабль
Ризард Длинные Руки — маркиз
Ризард Длинные Руки —
гроссграф

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
гроссграф

Москва, 2008

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Рисунок на переплете *П. Трофимова*

Орловский Г. Ю.
О-66 Ричард Длинные Руки — гротеск: Фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М.: Эксмо, 2008. — 448 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-27776-6

Сэр Ричард, доблестный паладин, проламывается через все стены, магические и реальные, повергает демонов и чародеев и вот уже вершит суд и расправу на таинственном Юге! Да так умело и круто, что сам Сатана впечатлен.

И Сатана делает доблестному паладину предложение, от которого нельзя отказаться. И еще не было человека, кто бы отказался.

Не отказывается и сэр Ричард.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-27776-6

© Орловский Г. Ю., 2008
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2008

Часть 1

Глава 1

Яркий свет южного солнца прожег толстые шторы, сквозь плотно закрытые веки проник уже красным, но не вечерне-багровым, а ликующе алым, как молодой рубин.

Я закрылся ладонью, стараясь удержать сладкий сон, но сознание напомнило, что я в маркизате, море в полусотне шагов от дома, потому сейчас вот странная смесь пламенности и прохлады, словно струи воздуха сменяют одна другую, не смешиваясь. Солнечные лучи прожигают весь мир и уходят в землю на глубину человеческого роста, слегка смягчаясь только в кронах деревьев, где находят приют как мелкие птицы, так и огромные дивные бабочки, немыслимые на суровом севере.

Все еще с полузакрытыми глазами, я сполз с ложа, зевая и потягиваясь. На соседней подушке вмятина, простыня еще хранит аромат горячего женского тела. Стыдно признаться, но Маргарита всегда встает раньше.

Одевался замедленно, еще во власти сна, в окно веет бодряще-прохладным воздухом необъятного океана. Или это чувствуется присутствие воды с другой стороны дома: первый владелец велел вырыть большой бассейн и прыгал, говорят, со второго этажа спальни... Все хорошо, после возвращения Хендрика с ворохом грамот по маркизату народ третьи сутки поет и пляшет. Жизнь, как говорится, удалась у всех доживших до моего прихода, я прям мессия...

Мой рот раздрается от зевоты, вчера пришлось пить и снова пить чуть ли не до самого утра, устанавливал связь с народом, пусть даже все сплошь графы, бароны и виконты, тело тянется до хруста костей, и вдруг...

...сердце сжалось, будто ощутило над головой занесенную палку. Я в испуге обернулся. В комнате резко и сильно пахнуло горящим металлом. На стенах вспыхнули багровые блики, словно из камина разом вывалилась корзина раскаленных углей.

Жутко зашипело, будто вода на раскаленной плите, через распахнутое окно ворвались два багровых огненных демона. Чуть ниже человека, от обоих пахло волной нестерпимого жара.

Оба бросились на меня.

Я в страхе обежал вокруг стола, отдалившись от одного демона и приблизившись к другому. Он прыгнул ко мне, быстрый и легкий, как огонь, хотя когти стучат тяжело и жестко. Я отступил еще, а когда он с торжеством ухватил за плечи, я тоже обхватил его и, закричав от жгучей боли, с силой качнулся назад, ударился спиной о подоконник. Хребет затрещал, демон в последний миг отчаянно забарахтался, но я, скрипя зубами от дикой боли, держал крепко, пока падали и когда ударились о воду.

Брызги взлетели до второго этажа, а мы погрузились на дно. Бурлящая вода пошла пузырьками, я ослеп и только чувствовал, как на поверхность вырвался столб белого пара. Боль резко утихла, это мой трусливый организм борется за выживание, я вынырнул из мгновенно нагретой воды, жадно хватая ртом воздух.

Наверху, в распахнутом окне, зловеще мелькнуло багровым. Демон выглянул, увидел меня, исчез. Я торопливо поплыл к бортику, надо успеть выбраться, зловещий свет мелькнул уже во втором окне. Я поспешно ухватился за скользкий край, подтянулся на дрожащих руках.

Демон исчез, но, едва я поднялся на ноги, он появился уже в окне первого этажа. Я ринулся к двери, понимая, что в комнате обязательно догонит, даже успел прикинуть, когда именно прыгнет на спину и я окажусь в смертельных объятиях.

За спиной простучали шаги, пахло жаром. Не оглядываясь, я ухватился за толстую штору, которую так ненавижу, вверху затрещали, обламываясь, кольца. По резко нахлынувшему жару чувствовал, как огненные руки уже тянутся ко мне,

резко повернулся и, широко взмахнув, как тореадор плащом, набросил штору на демона. Он начал барахтаться, я крутанул, заворачивая в плотную ткань, как куколку, прыгнул сверху, сбивая с ног. Мы рухнули, я прижимал штору как можно плотнее, надо перекрыть доступ воздуха, подо мной начало быстро нагреваться, в двух местах пошел дым.

Я стонал от боли, жар не стих, но дымок исчез. Барахтанье подо мной прекратилось, я перестал ощущать под собой даже твердое тело. Сердце колотится, я в изнеможении распластался на полу, чувствуя между мной и плитами пола только плотную ткань шторы.

Послышался неторопливый стук каблучков и шарканье подошв. В зал вошла Маргарита, за нею двое работников. Все трое остановились, созерцая меня в немом изумлении. Маргарита уперла кулаки в бока, словно хохлушка перед запорожцем.

— Маркиз, — выкрикнула она в великом изумлении, — чем вы таким упились с утра?

Я прохрипел, едва ворочая языком:

— Да уж... угощают тут нехило...

Работники подбежали и с великим почтением помогли мне встать. Меня окутали мощные винные пары, обоих пошатывало.

— Маркиз, идти сможете? Или проводить?

Я постоял, ноги все еще дрожат, в горле словно дребезжит жезл.

— Даже не знаю, — выговорил я с трудом, — что за жизнь... Одни радости!

— Да уж, — произнесла Маргарита холодно, — но не все, оказывается, могут устоять под напором этих радостей.

— Не все, — согласился я.

— Блевать не тянет? — участливо осведомился один из работников.

— Тянет, — признался я. — Но потерплю. Идите-идите!

Все трое удалились, Маргарита на выходе оглянулась и обожгла меня взглядом, полным презрения. Я все еще приходил в себя, появились слуги, почистили портьеру и попытались повесить на место, но та вся в паленых дырах, пришлось унести.

Я торопливо огляделся, не видел ли кто, а то драку с демонами могут воспринимать двояко. И что я — герой, за правильным человеком идут, настоящему мужчине вверили свои судьбы, как и то, что мне скоро хана — супротив демонов никому не выстоять, спасайся кто может.

Едва Маргарита скрылась за дверью, я торопливо ухватился за кольцо. Есть демоны, что поднимают целые скалы и бросают их за сотни шагов. Если такой камешек попадет, никакая святость не спасет, никакая регенерация не вернет к жизни лужу, что растечется под этим камешком. Да и вообще я пока уцелевал лишь потому, что маг самонадеянно посылает за мной примитивных демонов... Если бы послал в самом деле крутого и универсального...

Так что без помощи таких же демонов шкуру не спасти.

Я вызвал своего Серфика, он появился над серединой стола вспыхнувшей красной искоркой, крохотные крылышки работают так часто, что похожи на мутный розовый туман.

— Слушаюсь, господин!

Не дожидаясь ответа, привычно прыгнул в пламя свечи, стараясь держаться в ее верхней части. Думаю, теперь ему это просто нравится.

— Серфик, — сказал я серьезно. — Мне нужна твоя помощь. Как ты уже знаешь, меня преследует чародей. Да что там преследует, я уже прижат к стене... Я человек мирный и хотел избежать драки, но он меня отыскал и здесь. Сегодня явились двое... Спасло то, что знаю чуточку больше, чем местные орлы. Но маг не успокоится. Я не уверен, что смогу справиться со следующим... посланцем.

Он пропищал:

— Что прикажешь, хозяин?

Я вздохнул.

— Ах да, ты же слуга... В смысле — бессловесный исполнитель. Это я, гуманист, нашел, с кем советоваться. Но, Серфик, все равно думай! Если меня прибьют, хреново придется и тебе у нового повелителя джинов.

Он пискнул в страхе:

— Я ничего не могу сделать! Мы не вмешиваемся в дела людей, если нет прямого приказа!

— Разумно, — сказал я. — А то можно схлопотать от обоих. Но если чародей меня убьет, то заберет и тебя. И тогда не будешь сидеть вот так в огоньке и балдеть, растопырив лапки. Возможно, ему больше понравится отрывать тебе крылышки, затем руки и ноги... А что? Раз уж бесполезен, то хоть помучить...

Он чуть не выпрыгнул из пламени свечи, огонь трепетал и пригнулся, словно страшился занесенного над ним кулака. Тоненький голосок пропищал:

— Но я ничего не могу!

— Ты можешь говорить, — напомнил я. — Как со мной, так и с братьями. Они могли бы помочь мне сокрушить злого гада, даже если он Верховный и с ног до головы генералиссимус!

Он пискнул:

— Нет!

— Что нет?

— Это невозможно! Так не бывает.

— Почему? Наши интересы совпадают, — сказал я убеждающе. — Уничтожив власть злого колдуна, а они все злые и несправедливые, если против меня, освободим тех демонов, которых он несправедливо поработил!

— Ты не понимаешь, — пропищал он так тоненько, что я едва услышал.

— Что не понимаю?

— Мы не можем ничего делать, — пискнул он, — по своей воле!.. Это изначально. Мы только выполняем приказы.

Я покачал головой.

— Что-то не врубаюсь. А как же вы там плаваете в плазменном огне, никого не слушая и никому не подчиняясь?

— Там мы ничьи, — объяснил он. — Но и там просто существуем, ничего не делаем. Это прекрасное состояние блаженства. Но когда называют наши имена, мы обязаны повиноваться. Мы просто не можем не повиноваться! Но, к счастью, люди забыли наши имена...

— Да, к счастью, — буркнул я. — Попробуй договориться. Это очень важно.

— Это важно для тебя.

Я возразил:

— И для вас! Ты же сам сказал, чародей нашел старый манускрипт и начинает вас вылавливать по одному? Вот переловит всех, будете прыгать по его команде! Власть развращает... А абсолютная, как там дальше...

Он пискнул торопливо:

— Нас много! А он читает медленно, книга очень трудная... Иногда имя демона находит за месяц, а когда и за год. И вообще, демонов — миллионы.

— Понятно, — сказал я. — Надеетесь, что либо шах умрет, либо ишак... Но когда чем-то долго занимаешься, набиваешь руку. Сейчас по одному демону в год вылавливает, а потом наловчится хватать вас по десятку в неделю. Вот тогда и попляшете!

От волнения он выпрыгнул из огня, но, словно ожегшись на лютном холоде, ринулся обратно. Оттуда донесся отчаянный писк:

— И что ты хочешь?

— Я предлагаю сделку, — сказал я как можно более твердым и солидным голосом. — Взаимовыгодную. Я вообще такой весь из себя взаимовыгодный, куда ни посмотрию.

— Что за... сделка?

— Вы помогаете мне сокрушить этого гада, — сказал я. — За это я всех вас отпускаю на свободу. На вечную!

— Как? — спросил он.

— Я уже придумал, — ответил я загадочно. — Это надежно. Это очень деловое предложение. Взаимовыгодное, я же рыночник.

Он в великом волнении взлетал над столешницей и снова плюхался, словно его придавливает немыслимая гравитация.

— Какое? Они не приходят просто так! Только по вызову!

— Предложение очень простое, — сказал я настойчиво. — Демоны больше всего боятся, что их имена узнают. Это означает полную потерю своей воли и бессловесное рабство. Так?

— Да!

— Но их имена постепенно раскрываются магами, — продолжал я неумолимо. — Это всего лишь вопрос времени... Правда, какие-то имена так и останутся неназванными, не все

древние рукописи уцелели даже в перезаписях, но никто из демонов не знает, чья очередь следующим впасть в вечное мучительное рабство. Я не думаю, что плавать в вашем океане плазмы так уж блаженно! Ожидание мучительного рабства страшнее самого рабства.

— Пока все верно, хозяин.

Я продолжал, загибая пальцы:

— Я еще раз обещаю, даже клянусь! Всех демонов, которые придут мне на помощь и помогут сокрушить власть Верховного Мага, который преследует меня, сволочь, отпущу на волю! Более того, сделаю так, что никто и никогда их не сможет поработить больше. С гарантией.

Серфик пропищал отчаянно:

— Хозяин, я верю тебе! Ты добр ко мне. Но другие демоны просто не поверят! Никто!

— Почему?

Он заметался передо мной, как крохотный багровый уголек, крылышки машут так часто, что на их месте только розовый туман, а за самим Серфиком остается быстро тающий красный след.

— Потому что ты — человек! Человеку нельзя верить! Человек никогда не выпустит из рук власть.... да еще власть над демонами!

Я закусил губу, он прав, это я сейчас, когда пишу, как жаба под колесом, готов отдать все, но... вон даже декабристы, которые все из себя ах-ах, одно хрестоматийное благородство, ни один не отпустил на свободу своих крепостных. Как же, а кого ж пороть для забавы?

— Ладно, — сказал я, — попытка — не пытка. Попробовать стоит.

— Они не придут!

— Точно?

— Они только по вызову!

— Так давай вызовем.

Он запищал жалобно:

— А как? Вызвать можно только раба. Свободного звать невозможно. Он даже не услышит.

— Гм... А ты вызвать можешь?

— Нет. Вызвать может только хозяин.

Я задумался, но тряхнул головой, каждая потерянная секунда работает против меня.

— Беги обратно. Скажи им, что я хочу и что... обещаю. Неужели не найдется ни одного, который рискнул бы? Ради выигрыша вечной свободы? Из всех миллионов хоть один умный? У людей и то такие попадаются... Как я, к примеру.

Он исчез, я уронил голову на кулаки, голова раскалывалась от мыслей. Больше всего демонов ужасает и ввергает в беспредельное отчаяние осознание, что попавшие в рабство уже не возвращаются в свой мир. Любой властелин, будь великий чародей или мелкий колдун, держит их при себе. Чаше всего в виде сторожей, гончих, посыльных, а совсем мелких и слабых использует для забавы.

Обычно крылатых маг сажает на крышу в виде застывших каменных или деревянных украшений. День и ночь следят они за небом и окрестностями вокруг башни властелина, сообщают о приближении незнакомцев, а то и сразу атакуют, если заранее дан такой приказ. Другие превращены в статуи у входа, так годами стоят, скованные заклятием, изнемогают от мук, но не могут шевельнуть и пальцем.

Самые счастливые, хотя это трудно назвать счастьем, кого маг использует для работы. Они крутят тяжелые колеса, тоже изнемая от усилий, другие рыщут по зачарованным лесам, добывая необходимые колдуну элементы. К сожалению или к счастью, демонов нельзя научить находить и собирать вещи Древних, они не отличают их не только от недревних, но даже от упавших сучьев, веток и камней. Но их можно заставить рыть, таскать, рушить, ломать, а также сражаться с людьми или подобными себе демонами. Потому все чародеи большую часть своего времени пытаются раскрыть имена демонов.

Через час Серфик сообщил, что удалось уговорить самого старого демона создать полуокно. Я не успел спросить, что такое полуокно, как одна из стен стала матовой, с той стороны вспыхнул свет.

Меня едва не отбросило к противоположной стене. Голова закружилась, я ухватился за стол, почудилось, что падаю в не-

дра яростного солнца. Ярко-красный кипящий ад, гигантские протуберанцы выстреливаются из бездны и возгоняются прямо к стене, как и выдерживает такой напор...

Я закусил губу, кулаки сжались с такой силой, что ногти врезались в кожу. Никакого напора, сказал себе зло, это проекция. Вон на той же стене висят реальные мечи, кинжалы, а это только экран, просто экран, сеанс двусторонней связи, не больше. Нет этих чудовищ по ту стороны стены, нет...

Из пылающего ада вынырнули ужасающе гротескные фигуры. Некоторые сразу начали принимать те формы, в которых появляются перед земным хозяином, другие остались в таком жутком виде, что я ощутил одновременно тошноту и панический ужас.

Я перевел дыхание и сказал напряженным голосом:

— Ребята, посмотрите на меня во все гляделки, смотрелки, сопелки и прочие штуки! Возможно, вы поймете меня. Я — из другого мира... В смысле, вообще с Севера. У нас там слово держат! Нарушить слово чести — это горше, чем смерть. Это потерять лицо, потерять честь. Потому, когда говорю вам, что всем, кто мне поможет, дам вечную свободу, я говорю правду. Так и будет.

Вдоль стены пронесся сгусток огня, похожий на хвостатую комету, дважды перечеркнул пространство и вдруг застыл, страшный и пылающий.

— Человек... враг, — прошипело из пламени. — Человеку верить нельзя...

— Люди разные, — сказал я с отчаянием, — я же сказал, я — другой!

— Ты... человек...

— Да, но...

— А все люди... лживые...

Из пылающего ада, где еще и свирепствует ужасающей силы ураган, выныривали все новые существа, мелкие и чудовищно огромные, толстые и вытянутые, как бесконечные черви. Многих я просто угадывал по внезапному блеску и вспышкам, наконец понял, что все пространство перед стеной занято телами великого множества демонов.

Я чувствовал, как снова начинает кружиться голова, сердце сжало страхом.

— Да, — крикнул я из последних сил, — да, люди лживые!.. Но в моем королевстве уже поняли, что честность — лучше, чем ложь, еще и потому, что приносит больше прибыли!.. Кто честен — тот теряет по мелочи больше, чем нечестный, но в целом и по большому счету выигрывает гораздо больше. У нас наконец-то поняли, что доверие — самый ценный товар. И потому я знаю, что не обману. И не только потому, что обманывать — нехорошо... но и потому, что обманывать — невыгодно!

Вперед, отодвинув других, выдвинулся массивный демон, больше похожий на каменную гору, шелохнулся, от его тела брызнули синие искры. Когда заговорил, я едва не присел от могучего рева:

— Мне терять нечего... Я знаю, в руинах города Конгрев найдены тайные записи мага Фрэнка Эбигнела, я был у него в услужении триста лет. Рано или поздно в ней прочтут и мое имя... Возможно, уже сейчас читают. Так что я... готов рискнуть.

Я вскрикнул торопливо:

— Мудрое решение!

Красный демон из переливающейся всеми оттенками стали прошипел, словно раскаленный металл в воде:

— Человеку нельзя верить!

— Нельзя, — согласился каменный демон. — Но мне уже все равно. Не он сегодня, так другой маг завтра... А то и сегодня вечером.

— Правильно, — воскликнул я, — но от того уже не вырваться! А я отпущу на свободу, вот увидите.

Красный демон сказал шипяще:

— Хорошо! Отпусти его, и тогда мы... подумаем.

Я возразил:

— Я не могу сражаться с Верховным Магом голыми руками! Мне даже одного-двух демонов мало. У Верховного много демонов в рабстве, со мной должно быть не меньше. Лучше — больше. Если проиграем, то я буду убит, а вы все попадете к нему в вечное рабство!

Красный сказал злобно:

— Мы не попадем. Потому что с тобой никто не пойдет!

Отчаяние захлестывало меня с головой, я сказал упавшим голосом:

— Ребята, вы правы, конечно... Осторожность — великая сила. Но рано или поздно вас переловят. Может, не всех... Сейчас у вас уникальный шанс обрести свободу. Не думаю, что когда-то повторится. Во всяком случае, не скоро. Переловят раньше... Словом, я сказал. Выбираете сами, сейчас пока что свободны в выборе. Но это время скоро кончится.

Усталый и опустошенный, я показал сидящему у меня на плече Серфику, что может прерывать связь, сам отправился в свою комнату и, не раздеваясь, рухнул на ложе.

Надо срочно удирать. Верховный Маг Гессена все еще не врубился, что за мной надо посылать не столько разных демонов, сколько просто одного, но достаточно умелого и сильного. А он полагает, что если, например, у меня есть амулет против каменного демона, то нужно просто прислать водяного. А если и против водяного нашелся амулет, то справится огненный... Ему невдомек, что у человека вообще может не быть амулетов.

Я вскочил, руки дрожат, даже промахнулся, срывая со стены перевязь с мечом. Когда я был уже у двери, перед глазами промелькнула прямая красная линия, словно рубиновый луч лазера.

Серфик завис в воздухе, часто-часто махая крылышками. Сейчас он казался пурпурным угольком из лесного костра.

— Получилось! — пропищал он счастливо.

Я охнул:

— Что? Что получилось? Демоны?

— Получилось! — повторил он. — Они пойдут против твоего врага!

Я настолько ошалел, что даже приступ ликующей радости как-то пропустил, спросил тупо:

— С чего это они... вдруг?

— Это я им рассказал! — похвалился он гордо.

— Что?

— Что ты, господин, сперва повелел сидеть мне в огне, раз

мне там удобно, а потом вообще повелел мне не чувствовать холода вашего мира!..

Я удивился:

— И что, это помогло?

Он ответил чутьочку уклончиво:

— Некоторым помогло решиться. До этого спорили... А когда я рассказал, все поняли, что никто из людей так не делал.

Еще бы, мелькнула мысль. Все века человек твердо знал, что все звери — зло, их надо изничтожать, и только в двадцатом веке вдруг появилась эта дикая и крамольная мысль, просто невероятная для нормального человека предыдущих времен: звери тоже наши, их надо беречь, и вообще природу хранить, и даже волков зря не истреблять... Я из этого нового мировоззрения, потому для меня естественно даже демона не мучить без надобности. Но для них это, оказывается, шок. Никому никогда даже в голову не приходило подумать о самих демонах.

— Значит, — спросил я, — мне решили поверить?

Он развел крохотными ручками:

— Не все, конечно. Но некоторым просто некуда деваться.

— А сколько вас там вообще? — спросил я.

— Несколько миллионов.

— Ого! М-да, урожай не густ...

Он сказал обиженно:

— У этих есть причины. Остальные их сочли сумасшедшими.

Я спросил настороженно:

— Какие у них причины?

Он сказал нехотя:

— У них слишком короткие и простые имена. Такие прочитывают раньше других.

— Ага, — сказал я, — это значит, что другие с короткими именами уже попались?

— Да, — ответил он.

— Тогда эти не такие уж они и сумасшедшие.

— Ну да, — ответил он печально. — Тех, у кого имена слишком простые, легко найти простым перебором, а также тех, кто недавно служил магам, теперь убитым, и сумел вре-

менно ускользнуть от победителя. Эти знают, что победивший маг их имена обязательно отыщет в книгах побежденного.

— Разумно, — согласился я. — Они практически ничего не теряют. А выиграть могут многое. Они сказали тебе их имена? Давай их сюда! Надо провести смотр войск, вдруг да получится?

Глава 2

Я почти бегом вылетел во двор, на крыльце двое оборванных виконтов азартно играют в кости, у коновязи какой-то сильно поддатый граф подвязывает к морде коня торбу с овсом.

Серфик уселся мне на ухо, как толстый шмель, ухватившись всеми четырьмя лапками.

— Кенкезантер, — подсказал он.

— Кенкезантер, — повторил я властно. — Явись перед твоим господином!

В самом деле, простое имя, как еще не вычислили. Раздался грохот, земля дрогнула, посреди двора возникла массивная каменная глыба. Народ на крыльце и возле коновязи испуганно замер.

Каменная глыба зашевелилась и разогнулась, превратившись в гиганта в три человеческих роста, поперек себя шире, целиком из серого гранита.

Во дворе истерически завопили, народ бросился во все стороны. Я запоздало прокричал:

— Тихо-тихо! Все спокойно. Это мои ребята!

Народ, слыша, но не слушая, разбежался, как мыши. По всему дому и пристройкам звучно начали хлопать двери, загрюкали засовы, слышно, как мужчины хватаются за оружие.

— Эх, — сказал я недовольно. — Не в холмах же мне тайком проводить смотр? Какой же я тогда адмирал?.. Больше на заговорщика буду смахивать.

— Сегадергабестлюкас, — шепнул в ухо Серфик.

— Сегадергабестлюкас! — повторил я величаво. — Предстань перед своим повелителем и господином!

Рядом с каменным гигантом в выжженную солнцем землю

ударила жирная клякса, моментально поднялась человеческой фигурой, что ежесекундно меняла вид и форму.

— Ага, — сказал я, — ты в разведку, а тот, что рядом, будет танковать... Ладно, кто там дальше...

Серфик шептал мне на ухо имена, я называл и увидел, что с танкователем поспешил: третий демон оказался из стали и вдвое крупнее каменного голема. Четвертый оказался меньше всех, но за спиной оказались такие крылья, что я сразу спросил:

— А меня поднимешь?

— Да, — ответил демон покорно, — но не смогу сражаться.

— Ага, — сказал я, подумал и махнул рукой: — На месте решим, что удобнее.

Я называл имена, демоны появлялись один за другим. Когда набралось с десятков, из окон трехэтажного дома начали робко выглядывать самые отважные или самые пьяные из челяди, все еще уstraшенной таким жутким парадом.

— Первое, — повелел я громко, — все, кто является по моему вызову, немедленно перестройте себя так, чтобы чувствовать в этом жутком мире людей комфортно! Кому холодно — сделайте так, чтобы не мерзнуть. Кому жарко — чтоб стало прохладно. Кто задыхается от смрада — да поставит фильтры или что-нить, но не страдает от неудобств. Это мое первое повеление!

Они стояли, не сходя с места, но я видел, что одни меняют цвет, у других исчезают одни наросты и появляются другие, третьи вздрагивают всем телом, покрываясь то чешуей, то перьями, то роговыми плитами.

Серфик возбужденно вился вокруг них, буквально лез в пасти и в уши, а когда вернулся ко мне, пропищал возбужденно:

— Все сделано!.. Вы — великий господин!

— Да что великого... — пробурчал я. — Я еще ничего не сделал.

— Как ничего! Вы первое повеление направили на ваших слуг! Чтоб им было лучше! Такого из всех повелителей никто и никогда, это просто непонятно!

Я отмахнулся:

— Да ладно тебе. Я же сказал, у паладинов мозги малость набекрень.

Из дверей дома выглянул капитан Гитард с мечом в руке. Из демонов на него никто не бросился, он чуть приободрился и осторожно приближался ко мне, стараясь держать меня между собой и демонами.

На меня пахнуло винным подвалом, я понял источник безумной отваги неустрашимого капитана.

— Сэр Ричард, — проговорил он дрожащим голосом, — это... ваша армия?

— Какая армия, — ответил я скучно, — малый разведывательный отряд. Армия подойдет позже.

— Великий Самаэль! У вас и силы... Это же целое королевство можно захватить!

— И что с ним делать? — ответил я раздраженно. — Мелкие у вас масштабы, сэр граф! Ладно, оставайся здесь на хозяйстве. Что делать, знаешь. Капитаны Рамиро, Алан и другие — в помощь. Помните, я вас, гадов, и оттуда увижу!.. Словом, я вернусь с победой.

Он прошептал потрясенно:

— Еще бы...

Я промолчал, что намерен не королевство завоевывать, это в самом деле просто, а поговорить с Великим Магом на равных. Чтобы он воспринимал меня всерьез. А это труднее, чем завоевать хоть десять королевств.

— Ладно, капитан, — сказал я несколько раздраженно, — у меня тут серьезный смотр сил, а вы с хаханьками! Идите, займитесь делом. Вы меня отвлекаете.

Гитард отдал честь и, хоть и пошатываясь, но бегом, как исполнительный юнга перед строгим капитаном, умчался в дом.

— Серфик, — сказал я, — вопрос по тактике. Как насчет охраны крепости Верховного Мага? Можем подобраться незаметно?

Серфик пропищал:

— Все королевство — владения Верховного Мага. Он может видеть любое место, которое захочет.

Я пробормотал:

— Здесь многовато квадратных миль и даже ярдов, еще больше народу. Неужели в состоянии следить за всеми?

— Он великий маг, — напомнил Серфик пугливо. — Он все может.

— Все может только Бог, — ответил я машинально, — а маг... все-таки только человек. Как и я. И что он делает, когда видит незнакомца?

Он пробормотал:

— Если тот опасен или просто не нужен, убивает. Если не опасен, но у него ценные вещи, убивает тоже.

Я покачал головой.

— Похоже, тайком к его замку не подобраться. Хотя... гм...

— Что ты задумал, господин?

Через полчаса после долгих переговоров я выяснил, что некоторые демоны в состоянии нести мой молот, лук и меч. Правда, я со страхом и нежеланием передал их в эти чудовищные лапы, даже доспехи отдал, после чего ощутил себя совсем голым. Подумав, подозревал Улакаторзабера, ему доверил молот и меч, он тут же сделал шаг вперед, мой неподъемный для любого человека молот и меч в руках.

— Так, — пробормотал я, — будь наготове. Молот не потеряй, прибью. Нет, меч все-таки отдай, ножны у него простые... Авось не обратит внимание. А то не могу без оружия совсем уж...

Еще демоны, к сожалению, не могут форсировать реки, не в состоянии перейти даже ручеек, однако появляются в любом месте, куда вызывает маг.

Я морщил лоб, ломал голову, как обойти это препятствие, демоны стоят неподвижно, даже не дышат, им это и не надо, сейчас это просто послушные машины, а ведь еще Суворов говаривал, что каждый солдат должен знать свой маневр, а из меня еще тот Суворов.

— Вы крепкие ребята, — сказал я бодро и, не услышав «рады стараться, ваше благородие», поинтересовался: — Кто из вас быстрее всех передвигается?

Демоны молча посмотрели на одного приземистого, похожего на стегозавра. Тот молча выступил вперед и отвесил глубокий поклон.

— Прекрасно, — ответил я. — А с грузом?

Он ответил с поклоном:

— Смотря каким.

— Посмотри на меня, — предложил я.

Он посмотрел и сделал шаг назад.

— Понятно, — сказал я. — А кто может показать скоростные качества со мной на горбу? В смысле — на загривке? Можно — на спине?

После паузы выступил тот самый демон, что тогда был с крыльями, но сейчас без них стал крупнее, голое блестящее тело отливает синеватой сталью. С виду не выглядит шустрым, да и тяжеловат, на мой взгляд.

— Трансформер, — сказал я понимающе, — это хорошо. А как бегаешь? Рысью, галопом?..

Демон ответил свистящим голосом:

— И карьером.

— Отлично. Можешь меня на спине?

— Нести? — поинтересовался демон гулким голосом.

Я проглотил раздраженный ответ, ответил после короткой паузы:

— Да. Нести.

— Я предпочитаю, — проговорил он тускло, — летать, с вашего позволения. Правда, не через воду. Да, я смогу вас нести без труда, господин. Но я не боевой демон, господин.

— В смысле?

— Я не смогу сражаться, — напомнил он.

— Но не пацифист, случаем? А если твои собратья будут драться? Ладно, не объясняй, понял. Все отлично. Тогда равнем через холмы. По прямой, как ворона летит. Странно, как будто другие птицы летают зигзагами... Или летают? Ладно, из меня филателист неважный. Или ты рассчитывал на багере? Увы, сам бы не прочь, но туда нам заказано. Впрочем, дорогу я запомнил с птичьего полета... да-да, летал, летал! Так что не заблудимся. Насчет переправ тоже уладим. Откладывать не будем... Так, ребята, вольно! Возвращайтесь в свой мир. Я вызову всех прямо на место, как только прибуду в заданную полководцем точку. Полководец, как понимаете, это я.

Демоны начали исчезать, некоторые бесшумно, другие с

вакуумными хлопками. Кто-то взвился в небо огненным столбом, а один провалился в землю, я видел огромную дыру, но через мгновение утоптанная красная земля сомкнулась, как рыска на болоте после упавшего камня.

— А вас, товарищ бегун, — сказал я, — попрошу остаться.

Демон послушно замер, только следил за мной сквозь роговые щели между низкими надбровными дугами и высокими скулами.

Из дома высунулся, придерживая дверь, капитан Гитард, крикнул виновато:

— Маркиз... Простите, что отвлекаю, но меня спросят... что вы собираетесь делать с такой армией?

— Задавать вопросы, — ответил я кротко.

Он вытаращил глаза.

— Не воевать?

— Воевать экономически невыгодно, — сообщил я. — Я просто постараюсь навязать оппоненту несколько иные отношения.

— Это... как?... Ох, простите, сэр Ричард, я пропустил слово «отношения».

Я посмотрел на него с подозрением.

— Не знаю, что вы подумали, а я просто собираюсь вступить с ним в отношения другого порядка... тьфу!.. словом, там разберемся. Ладно, капитан, меня поджигает. Инструкции вы знаете, вернусь — шкуры со всех спущу, кто тормозит переход к рыночным отношениям.

— Рыночным отношениям, — повторил он задумчиво и едва не отпустил дверь от глубокой мыслительной деятельности.

Я сказал злобно:

— Да перестаньте делать акцент на отношения!.. Как у вас мозги повернуты, не понимаю. А еще олигарх! Главное, рынок и равные возможности. Все, капитан, идите, идите, идите!.. Эй, бегун, я уже забыл, каким именем я тебя вызвал!

— Стенапендрагенет, — ответил он послушно.

— Хорошее имя, — одобрил я. — Красивое, звучное. Но длинновато... Я буду звать тебя просто Плантагенетом. Итак, Плантагенет, на тебя седло с моего коня пойдет?

Демон ответил свистящим голосом:

— Как скажете, хозяин.

— Но можно и без него?

— Можно, — ответил демон.

Я вспомнил, что демоны, будучи силой покорены магом, вынуждены выполнять все его приказы, но сами мечтают о свободе и добровольно ничего для мага не сделают. А навредить могут, едва маг допустит оплошку.

— Слушай, парень, — сказал я. — Сейчас мы не хозяин и слуга, а оба плечом к плечу деремся за вашу и нашу свободу! Иско польска не сгынэла и не вмэрла Украина, у нас есть шанс победить! Так что не затевай смуту, а то все припомню, морда!

Он потупился, буркнул:

— Седло не понадобится.

— Проверю, — сказал я с сомнением. Подняв голову, я заорал во всю мочь: — Эй там, на галерке! Срочно отыскать и доставить мне капитана Ордоньеса. Как можно быстрее!..

Я слышал, как в доме забежали, кто-то вопил истерическим голосом, громко кричали женщины, наконец с крыльца сбежал поддатый моряк, упал по дороге, но довольно живо унесся к кораблям.

Я буркнул Плантагенету:

— Свобода наша близка, но мне надо отдать кое-какие распоряжения. Ты пока нырни в свой океан блаженства, я позову.

— Слушаюсь, хозяин!

Он исчез, я пошел в дом, но и там все исчезали по дороге. Через полчаса дверь моих покоев распахнулась от мощного пинка. Вошел огромный Ордоньес, шрамов на лице стало как будто еще больше, хмур и зол, за ним еще двое капитанов, смотрят с вызовом.

Ордоньес прошел на середину комнаты, громко топая, за ним — его орлы, остановился, широко расставив ноги, и впери в меня требовательный взгляд. Я стиснул челюсти, ну неужели еще есть вопросы, сказал негромко:

— Сегадергабестлюкас, появись перед хозяином.

В комнате полыхнул зловещий свет лесного пожара. Рядом с Ордоньесом появилась массивная глыба раскаленного ме-

талла, начала разгибаться, но уперлась массивной головой в потолок.

Я махнул рукой:

— Сиди, а то крышу разворотишь. Я сейчас переговорю с капитаном, потом отдам приказы тебе.

Ордоньес поспешно отскочил, дрожащие пальцы ищут рукоять меча и не находят, глаза вылезают на лоб, а губы стали белыми. Его капитаны застыли, страхась даже дышать, мощь демона подавляет, все трое перед ним куда мельче, чем древесные лягушки перед удавом.

Ордоньес прошептал, переводя испуганный взгляд то на меня, то на демона:

— Сэр Ричард... а оно... оно...

Я махнул рукой.

— Я маркиз или не маркиз?

— Маркиз, — ответил он поспешно. — Властелин всего маркизата! А мы эти, как его... подданные!

— Это хорошо, — сказал я, — а то не подданных он сразу жрет. С косточками. Сырыми! Без соли даже. Такой вот он простой демон, мой верный слуга. Но не обращайтесь внимания, барон. Он рвет на части только тех, кто не признает моей власти. А так он верный и послушный. Скажу, чтобы разрушил все города в маркизате, — разрушит. Скажу, чтобы все корабли затопил, — затопит. Но сам по себе мухи не обидит!.. Вы не отвлекайтесь, барон, не отвлекайтесь. Я вас вызвал по важному делу...

Он попробовал выпрямиться, но глазные яблоки то и дело поворачивались в сторону сидящего на полу демона. В другую комнату послать тоже нельзя — в двери не пройдет, но, к счастью, он не шевелится.

Двое соратников тоже, подобно демону, не дышали и не шевелились, только взглядами уверяли, что вернее подданных, чем они, найти трудно. Даже невозможно.

Ордоньес сказал подрагивающим голосом:

— Я весь внимание, Ваша светлость.

— Ордоньес, — сказал я, — вы отважный моряк, а морю преданы настолько, что даже отказались получать земли на берегу! Это вызывает мое искреннее уважение. Естественно, в

виде компенсации вы получите больше власти и возможностей на море. Я имею в виду, вы должны получить часть кораблей тех, кто окончательно решился осесть на суше.

Он слушал со всевозрастающим удивлением, даже на демона перестал оглядываться, спина выпрямилась, плечи раздвинул.

— М-да... сэр Ричард... я в замешательстве... но вы правы, я предан морю... Я счастлив, что вы это ощутили...

— Ощутил, — подтвердил я. — И это очень ценю. Сейчас я хочу поручить вам крайне важное дело. Можно сказать, подвиг!

— Слушаю вас, сэр Ричард!

Я оглядел бледных капитанов, все понимают, но по-прежнему стараются не дышать и не шевелиться, перевел испытующий взгляд на Ордоньеса. Этот держится лучше, а похвала вообще вдохнула в него жизнь.

— Я вас уполномочиваю составить эскадру, — заявил я. — Лучшую эскадру из лучших кораблей!.. И укомплектовать лучшими матросами.

Он вытянулся, глаза загорелись, усы воинственно приподнялись.

— Будет сделано! Кого пойдем грабить?

— Посмотрим, — пообещал я. — Эскадра должна быть в состоянии пересечь океан.

Он охнул.

— Океан?

— Ну да, — ответил я удивленно, — а что, разве это не пустяк для вас?

Он закашлялся, выговорил наконец с трудом:

— Просто я в ту сторону не ходил... Я больше в море...

— А-а-а, — сказал я понимающе, — ну тогда это поправимо. Мне нужно всего лишь, чтобы вы пересекли океан и привели корабли в порт Тартарен... тьфу, Тараскон. Это на той стороне океана.

Он посмотрел настороженно.

— Сэр Ричард, никто из наших туда еще не ходил.

— Будете первым! Разве это не честь?

— Честь, — ответил он осторожно, — если доплыть....

— А если не доплыть, — утешил я, — назовут героем!

— У нас назовут дураком, — сообщил он. — Вы сами это знаете.

— Доплывете, — сказал я. — Вы прирожденный моряк! Морской орел, альбатрос!

Он с каждым словом выпрямлялся и приосанивался, наконец, сказал с сомнением:

— Допустим, доплыву. И что я там делать буду? Это же земли чудовищ... Там водятся драконы!.. Там, говорят, вообще людей нет, одни жуткие монстры!

Я сказал равнодушно:

— А где их нет?.. Не обращайтесь внимания. Главное, я буду ждать там, на берегу.

Он охнул, вытаращил глаза:

— Вы?

— А что, — сказал я, — я такой, благосклонность выкажу подданным. Лично встречу. Маркиз я или не маркиз? В смысле, отец народа?

Он поспешно подтвердил:

— Отец, отец... Но, сэр Ричард... как? Как вы там окажетесь?

Я поинтересовался с непониманием:

— А что мне помешает изволить посетить свои владения? На той стороне океана прямо на берегу прекрасное герцогство Брабант... А в самой удобной для захода кораблей бухте расположен торговый город Тараскон. Я в нем, кстати, бургграф. А вся гавань принадлежит мне на правах личной собственности... Так что я заодно и проверю, как там идут работы по расширению порта.

Его челюсть медленно отвисала.

— Это что же... У вас земли по обе стороны океана?

— Точно.

— Но там же... гм...

— Что?

Он прошептал:

— А как же чудовища?

Я отмахнулся:

— Да ерунда какая. Мы сами еще те чудовища! Самые чудовищные чудища разбегутся. Словом, задание поняли?

— Понял, ваша светлость!

Я перевел взгляд на капитанов. Они вытянулись, стараясь не коситься на неподвижного демона.

— А вы? Вот ты, Алан?

Капитан Алан вздрогнул и вытянулся еще больше, как новобранец перед грозным командиром корабля.

— Я за капитаном Ордоньесом хоть на край света!

— Знаю, — сказал я благожелательно, — ты его всегда поддерживал. Надеюсь, будешь ему опорой. Я скоро отбываю. Возможно, в следующий раз увидимся уже на той стороне океана. Так что не затягивайте! Я буду за вами присматривать... хоть с другого конца света. Готовьте эскадру и отплывайте. Все, свободны!

Они откланялись и, стараясь не срываться на бег, покинули комнату. Я слышал, как на лестнице часто-часто загремели подошвы их сапог.

— Пора и мне, — сказал я. — Борька... да будет теперь это твоим именем, а то прошлое больно заковыристое, ты возвращайся в свой ад... или рай, неважно. Я позову.

Во двор я вышел с чувством некоторой потери, все-таки это моя земля, мои владения, где я с таким блеском, не побоюсь признаться, провел уникальную операцию по легализации преступно нажитых доходов и превращению жестоких пиратов в могущественных олигархов.

— Плантагенет!

Демон появился незамедлительно, по моему знаку опустился на четвереньки, ставши похожим на ослика. Я осторожно взобрался на спину, чувствуя, что сел на отполированную глыбу металла, на такой скользкой и муха не удержится, но тут же подо мной прогнулось, спереди и сзади приподнялись края, и я ощутил себя всаженным в удобное сиденье, скроенное по моей заднице.

Из боков Плантагенета быстро выдвинулись крылья, ажурная конструкция из трубок с тончайшей пленкой между ними. Он стоял смирно, морда сосредоточенная, а крылья пошли расти вширь и в длину.

Из окон то высовывались, то испуганно прятались головы.

Даже неустрашимый капитан Гитард теперь рискнул выглянуть только из окна повыше, трезвеет на глазах, лицо блédное, губы шепчут молитву Самаэлю.

Я спросил демона с беспокойством:

— С разбега или ты с вертикальным взлетом?

— Сейчас с разбега, — прошипел он.

— Не такой уж я и толстый, — сообщил я чуточку виновато. — Просто крупный по природе.

— Я подниму, — ответил он коротко.

— С разбега хорошо, — одобрил я. — Не люблю перегрузки.

Во двор с улицы вбежала запыхавшаяся Маргарита. Копна огненных волос, слегка заколотых на макушке, свободно падает на плечи и спину, лицо взволнованное, в глазах яростный блеск и возмущение.

— Ты что? — закричала она еще на бегу. — Ты что задумал?

— С позволения Вашего Величества, — ответил я с грустной иронией, — мужчина идет заниматься мужским делом.

— Чем-чем?

— Спасать мир, — ответил я гордо и объяснил простым языком: — Это такой эвфемизм, когда спасаешь шкуру. Но историю пишут победители, так что будет спасение мира и человечества!.. Кто бы ни победил, кстати. Не скучай, Марго, я ненадолго. Плантагенет, давай! Судьба мира на кончиках твоих крыльев.

Демон вытянул шею, голова стала похожа на птеродактиль, так аэродинамичнее. Меня затрясло, как на дешевой камнедробилке, демон начал разбег, навстречу понёсся морской берег. У самой кромки воды нас рвануло вверх, по бокам звучно захлопало, словно флаги под сильным ветром.

С каждым толчком подбрасывает выше, над теплыми потоками моря демон развернулся в противоположную сторону и пошел в направлении зеленых холмов.

— Я не слишком тяжелый? — крикнул я.

Прошло несколько минут, прежде чем озадаченный демон прокрипел в ответ:

— Нет. Не слишком.

— Как устанешь, — сказал я, — скажи. Устроим небольшой привал. Сверху легко присмотреть удобное местечко.

Он опять помолчал, не понимая, как это в этом мире, где он раб, может делаться что-то для него.

— Господин, — ответил он с трудом после долгой паузы, — вы устанете раньше.

— Ну, смотри, — сказал я.

Встречный ветер начал взрывать и посвистывать в ушах. Почти прозрачные крылья быстро темнеют, уплотняются, укорачиваются, зато бьют по воздуху все чаще и жестче.

Я склонился к предусмотрительно выдвинувшемуся стальному выступу, ветер ревет и свистит, дергая за края одежды, а я чувствовал себя за лобовым стеклом скоростного автомобиля без верха.

Крылья ударяют по воздуху сверху и под углом, создавая тягу и одновременно толкая тело вперед, а поднимаются почти ребром. Подо мной постепенно становится теплее, хотя воздух мощно обдувает эту стальную болванку.

Я прислушивался к нарастающему жару под задницей и гадал, скоро ли станет так же жарко, как на падающем к земле метеорите. Впрочем, у демона свои пределы, разогревается не от трения о воздух, а от собственных мышечных усилий.

Внизу проплывают зеленые холмы, в самом деле чересчур хаотичные, наползающие друг на друга, расколотые трещинами, провалами, то и дело блестят широкие водопады, стремительные ручьи тащат не только камни, но и целые деревья.

Хорошо, подумал я хмуро. По крайней мере, оттуда вторжения можно не ожидать... скоро. Хотя, конечно, мне нужно думать о другом. Я хоть теперь Ричард — собиратель земель, но шкура у меня тонкая, как и раньше.

Спина подо мной резко ушла вниз, невесомость неприятно выпихивает желудок к горлу. Я торопливо огляделся, но по бокам чисто, однако очень далеко впереди в синеве появились три черные точки.

Вглядевшись, я различил быстрые взмахи крыльев.

— Опасность? — спросил я.

Демон ответил через силу:

— Не для меня.

— Ага, — крикнул я, — спасибо! Они что, низко не спускаются?

— Не любят, — ответил он.

— Маневренности недостает?

— Да. Это гарпии.

— Ага, длиннокрылые... ладно, делай, что знаешь. Тебе виднее, птеродактиль ты мой.

Гарпии быстро вырастают в размерах, тоже снижаются, я видел их отвратительные головы с распахнутыми зубатыми пастьми, облезлые крылья и вытянутые вперед мускулистые лапы с длинными и острыми когтями.

Демон спустился еще ниже, теперь под нами в опасной близости мелькают вершинки сосен, иногда он со зловещим шуршанием задевает лапами самые высокие.

Гарпии опасно пошли еще ниже, я сжался, если какая просто столкнется с нами, меня разорвет пополам: задница останется всаженной в седло, а торс унесет ветром.

Демон неожиданно провалился вниз, избегая тарана. Я охнул, справа и слева замелькали зеленые ветви, затем он рывком поднялся, я в страхе оглянулся.

Деревья трясет, трещат и падают сломанные ветви. Не вписавшаяся в разворот гарпия устроила целую просеку в лесу. Обманутых гарпий осталось две, обе круто развернулись и с разъяренными криками разочарования пустились в погоню. На коротких дистанциях они летуны, видимо, лучше моего демона, или виновата его ноша, но гарпии явно настигают.

Плантагенет начал маневрировать, у меня закружилась голова, человек рожден двигаться по плоскости, внутреннее ухо у нас устроено иначе.

Мои руки вцепились в костяные выступы, я крикнул, перекрывая рев ветра:

— Держи меня!.. Мне надо освободить руки!

Демон не ответил, но седло раздвинулось, краями прихватило мне бедра. Я торопливо сдернул с пояса болтеры, гарпии уже на расстоянии десятка метров и догоняют опасно быстро.

— Чтоб вы сдохли, допотопные!

Уклоняясь от нападения, демон резко пошел в сторону и чуть провалился вниз. Желудок мой начал карабкаться вверх по горлу, но металлические захваты держат мои ноги прочнее некуда. Я выпустил несколько болтов, но это не стрелы, кото-

рые можно направлять в полете, стальные штыри ушли мимо гарпий, а те с отвратительными криками понеслись вдогонку.

Я с трудом развернулся еще раз, спина затрещала, а в шее звучно шелкнуло. Вывернув руку, я трижды сжал холодный цилиндр болтера. Все три болта прошли одну гарпию насквозь, я видел, как разлетается крупная чешуя и жесткие перья, похожие на чешую.

Вторая гарпия с жутким клекотом почти впилась мне в плечо, но я успел выстрелить дважды. Болты разорвали ей пасть и разнесли голову.

Крылья еще беспорядочно хлопают, вообще-то безмозглые твари, курица с отрубленной головой еще долго по двору бегают, а эти еще и долететь бы могли куда-нить...

Демон не поворачивал головы, но глаза у него, как у вальдшнепа, видит и то, что сзади, потому я не стал бахвалиться, а скромно подул в ствол болтера и еще скромнее прикрепил к поясу.

Глава 3

За холмами потянулись странные горы, что не горы, а исполинские металло-органические конструкции. Они застыли в таком неустойчиво-неправильном виде, словно небесный великан высыпал из ведерка, но разбирать не стал.

Демон идет ниже воздушного коридора багера, я всматривался до боли в глазах в быстро проносящиеся вниз странные пики, слишком правильные пирамиды, безобразные пропасти и сохранившиеся остатки ажурных мостиков.

Потом тянулся лес, пошли зеленые поля, снова леса и отдельные рощи, в стороне блеснула и прошла за спину удивительная пирамида из блестящих металлических слитков.

Я вспомнил о странных небесных кораблях, что ходят на высотах, недоступных для багеров, похлопал демона по тому месту, где должна быть холка.

— Слушай, а на багерах ты бывал?

Он не удивился вопросу, ответил каркающим голосом:

— Нет. Зачем?

— В самом деле, — согласился я. — А на кораблях, что летают еще выше?

— Они не летают, — ответил он.

— А что?

— Их носит, — ответил он.

— А-а-а... Ну да, вообще-то да. Как щепки в реке. Ты мог бы подняться на высоту такого корабля?

Он долго думал, наконец ответил:

— Не знаю. Без груза... может быть.

Сердце мое забилося чаще, кровь взбурлила, в мозгу замелькали соблазнительные картинки, но тут же все, как разгорающиеся угольки, с шипением залила холодная, как ведро ледяной воды, мысль: Верховный Маг вот-вот прибьет, как муху, а ты о чем думаешь?

Трижды я видел города, но прошли далеко в стороне. Наверное, пересекли уже не одну границу, демоны их не знают, как и птицы, да и я сверху не вижу разделительных линий.

Когда натыкались на реки, приходилось лететь вдоль берега до ближайшего моста, а там демон осторожно и на небольшой скорости пролетел строго над серединой моста.

Дважды дорогу преграждали мелкие реки, где нет даже мостов. Оба раза я брал демона на спину и, кряхтя, по пояс в воде переносил на тот берег. По-моему, демон так обалдел от такого обращения, что оба раза даже взлетал как-то боком.

Однажды реку встретили слишком широкую, но, к счастью, сразу наткнулись на лодочника. Он хмуро оглядел меня и мою лошадку с головы до ног, назвал цену, я запротестовал, но сторговались быстро, а на том берегу я сразу взобрался на спину своей лошадки, после чего у нее на скаку отросли крылья, и она с натугой прыгнула в воздух.

Прошли над областью, закрытой туманом. У меня трепыхалось тревожно сердце, идем достаточно низко, страшно, неизвестность всегда пугает, наконец впереди показалось зеленое, замелькали деревья, ровные пятна лугов.

Демон летит медленнее багера, но в целом идем быстрее, так как не сбрасываем скорость и не причаливаем к пирамидам, как делают багеры. Я засмотрелся на сменившую зелень

темную почву, словно усыпанную слоем угля, ничего не растет, неприятное место, с багера не видел, значит, идем несколько другим курсом, что и понятно: багер менял курс к городам по дороге, а мы идем прямо.

Впереди по курсу земля зашевелилась. Поднялся холм, из вершины выметнулась гигантская рука. Она все росла, поднимаясь к небу, истончилась, зато расширилась ладонь и удлинились пальцы. Я в понятной тревоге крикнул:

— Плантагенет, давай выше!...

Он проскрипел:

— Это йоршир... От него не уйти.

— И что?

— Схватит, — произнес демон хмуро. — Обязательно.

— Зачем же полетел здесь?

— Мой господин так велел.

Я молча выругался, сказал:

— А ты не мог сказать?

— Мог, — ответил он. — Но господин не изволил спрашивать.

Все же он упорно набирал высоту, однако рука выдвигалась из земли быстрее. Когда Плантагенет попытался обойти, она метнулась навстречу. Я сжал болтер и выстреливал болт за болтом. Ладонь вздрагивала, в ней появлялись рваные дыры, но их тут же затягивало серой пленкой.

Хищные пальцы ухватили Плантагенета за голову. Я выдернул меч и ударил. Палец отвалился, рука отдернулась, а снизу донесся жуткий крик. Плантагенет начал было падать, но кое-как восстановил равновесие и часто-часто заработал крыльями. Исполинская рука метнулась снова, на этот раз я нанес широкий удар по ладони и почти развалил ее пополам.

Снизу раздался крик, грохот, земля вздрогнула, и прокатился гул. Плантагенет изо всех сил уходил от смертельной опасности, крылья трещат от частых ударов по воздуху, а я не выпускал меч и бдительно следил за рукой. Она со скоростью ящерицы втягивалась обратно в черный холм.

Руки мои дрожали, едва попал мечом в щель ножен. Демон проскрипел:

— Повелитель, как вы... сумели?

В голосе демона я уловил сильнейше изумление.

— То ли еще будет, — сказал я, бодрясь. — Увидишь! Разнесем все в хате моего оппонента и перебьем ему всю посуду.

— У Верховного Мага?

— Соображаешь, — ответил я. — Да, придется и ему малость навалить. Но перед сдачей он подпишет капитуляцию. Ладно, я согласен на мирный договор со штрафными санкциями к нарушителю.

Демон, как мне показалось, идет медленнее, крылья бьют по воздуху с усилием, возвращаются не строго вертикально, а слегка «зачерпывая», тем самым тормозя полет.

— Выбирай место для посадки, — велел я. — Тебе надо перевести дыхание, подкрепиться.

Он ответил после паузы:

— Вы желаете, чтобы я... отдохнул?

— А ты хочешь сказать, что не устал? — ответил я вопросом на вопрос.

— Но вы же хотите побыстрее...

— Да, — ответил я, — но я с детства не мог понять, как мушкетеры могут гордиться и даже бахвалиться, что по дороге загнали насмерть десятков лошадей? А сейчас, когда я вдруг гуманист и почему-то за культуру, тем более не понимаю. Я даже мух не убиваю, а ловлю и выбрасываю за окно. Особенно зимой.

Он выпрямил крылья и плавно шел вниз. Зеленая поверхность, что сверху кажется мшистым болотом, раздробилась на мелкие деревья, что все увеличиваются и прорастают деталями.

Просторная поляна, одинокий дуб, вроде бы родничок, демон тяжело опустился на землю и, не удержавшись на лапах, ткнулся мордой в землю.

— Простите, господин, — сказал он виновато.

Я торопливо соскочил на землю.

— Это ты меня прости, — сказал я с раскаянием. — Меньше бы думал только о себе, раньше заметил бы, что летишь из последних сил. Ты чем питаешься? Найдешь себе что? Или тебе надо особое?

Он лег на траву, распластавшись во всю длину и раскинув лапы и крылья. Глаза закрыты, пробормотал:

— Господин, я отдохну быстро. Не обращайтесь на меня внимания. Демонам не подходит ваша грубая пища.

Я лег рядом, забросил ладони за голову.

— Ага; наша пища для вас грубая... А чем вы сами питаетесь, аристократы хреновы?

— Наша пища неуловима, — ответил он тихо, — и неосеязема. Мы не знаем даже, какая она. Но в нашем огненном океане нас наполняет энергией и здоровьем, а погибшие в вашем мире возрождаются там вновь.

— Радиация какая-нибудь, — пробормотал я опасливо. — Или лучи неизвестной природы... Или все на вай-фаях. Эх, как хочется быть исследователем, чтоб не шкуру спасать, не Армландию обустривать, не баб из пункта А в пункт Б, как будто им не все равно... Как понимаю женатых! Мне-то хоть не надо еще и на семью зарабатывать.

Некоторое время лежали в тишине и покое, в ветвях сперва зачирикали, а потом и вовсе разорались птицы, в траве застрекотали примолкшие было кузнечики. Один красивый и крупный самец прыгнул мне на грудь и внимательно рассматривал огромными фасеточными глазами вторгшееся на его территорию чудовище.

Длинные сажки шевелились в нерешительности, то ли оставить все как есть, то ли прогнать нас и еще надавать пинков, чтобы траву не мяли, кузнечих не пугали.

Повеяло холодом. Я повернул голову, в полусотне шагов темная стена леса, деревья неимоверно высокие, а хорошо утоптанная дорога между ними словно бы не тележными колесами укатана...

Я на всякий случай ощупал оружие, всегда чуточку успокаиваюсь, этот привычный жест для меня, что мантра для буддийца, все-таки мы разные.

Демон приоткрыл один глаз.

— Вы что-то почуяли, хозяин?

— Да, — ответил я. — А ты?

— Давно, — ответил он равнодушно.

— Со стороны леса?

— Да, — ответил он коротко.

Обычно мне не страшно в лесу, а чего там бояться, разве что вступишь в говно, но это не совсем тот лес, который я привык видеть в своем срединном королевстве Утопии. Сейчас уже отчетливо слышу мощное сиплое дыхание. Раздается почему-то не просто со стороны леса, а как бы над лесом. Интервал между вздохами такой, что я как воочию представил себе грудь размером с сорокаведерную бочку.

— Кто-то идет к нам, — сказал я и вскочил на ноги. — А я что-то совсем опацифистел...

— Идет, — подтвердил демон. — Но меня он не тронет.

— А мне драться что-то совсем не хочется, — сказал я торопливо.

— Как скажете, хозяин.

— Считай, что уже сказал!

Он поднялся, на спине появилось углубление для моей задницы. Я торопливо сел, Плантагенет начал разбег, оставив лес за спиной. Сзади раздался жуткий треск ломаемых деревьев. Могучие стволы на опушке распахнуло, словно стебли травы. И, как из травы выскакивает волк, из леса выметнулось нечто громадное и буристое, размером с деревья.

Плантагенет набирал скорость, чудовище понеслось следом, отдохнувшие лапы демона резко оттолкнулись от земли, мне в спину ударило горячее дыхание, я повернулся и стрелял из двух болтеров в то место, где должна быть морда, хотя там некий вихрь быстро сменяющихся форм.

Некоторое время чудовищная голова была с нами на одном уровне, потом опустилась ниже. Несмотря на мои выстрелы в упор, зверь подпрыгнул, исполинские лапы захватили воздух на том месте, где мы только что были, и тут же повернулся к лесу.

Я перевел дух, сердце чуть не выпрыгивает, крикнул:

— Это что за гад?

— Наверное, мультизавр, — ответил демон, не поворачивая головы. Крылья его работали с отдохнувшей силой. — Я их не видел раньше. Только слышал.

— Как он живет... такой громадный? — спросил я. — Такому даже не прокормиться!

— А он не громадный, — ответил демон. — Это матка с детенышами. Сегодня они с нее слезут. Она сама раз в тридцать меньше. Даже больше, чем в тридцать.

Я помолчал, пытаюсь представить себе этого зверя. Получалось то что-то вроде жабы, у той часто на спине сидит целый выводок, то нечто подобное обезьянам, коалам и крысам... Нет, тут что-то еще удивительнее, если в тридцать раз. Уже составной организм, что умеет действовать слаженно, соединяя даже нервную систему воедино...

Потом второе «я» предостерегающе постучало в череп, что хватит юркать в безопасную ерунду; надо о самом важном, то есть как спасти мир, то есть — шкуру. Моя шкура — это и есть весь мир. Великий Маг — это не мелочь вроде мультизавра и так просто не отвязнет и не спрячется в лесу.

Настроение испортилось, я вздохнул и, пригнувшись от ревущего поверх головы ветра, мрачно прикидывал шансы на благополучное примирение с Великим Магом.

Внизу, в пятне зелени, появился и начал увеличиваться яркий красочный город, настолько праздничный и разноцветный, что можно принять за кукольный. Люнебург, столица королевства Гессен, а с другой стороны полянки совсем близко к нему, если вот так со спины крылатого демона...

Кровь застыла в моих жилах: то, что показалось огромной горой, на самом деле исполинская крепость на высоком холме. Укрепления вздымаются рядами, толстая стена за стеной, постепенно сужаясь к вершине, что касается облаков. А искры совсем не искры на сколах камня, как я решил, а свет из окон или даже дверей: теперь понимаю, что не мошкара там вьется, а что-то вроде сотен тысяч горгулий обосновались на выступах, подобно летучим мышам в пещерах.

Демон быстро шел на посадку, я откинулся назад, крылья растопырились, как паруса, замедляя полет, лапы выдвинулись вперед, готовые принять первый толчок...

После короткой пробежки он остановился, я торопливо прыгнул, все еще не отрывая уstraшенного взгляда от чудовищной крепости.

— Как я ее не заметил, — пробормотал я, — тогда на баге-

ре... Правда, это с другой стороны города... И смотрел вперед по ходу... Господи, какая жуть!

— Жилище Великого Властелина, — проговорил демон тихо, в голосе звучал откровенный ужас. — Кто из наших попадает к нему в рабы, тому никто не позавидует... Смерть и то не так мучительна.

Я молчал, язык примерз к гортани. Исполинская крепость на горе в виде четырехугольного гранитного блока, из него по краям вырастают четыре башни разной высоты. Никакой пропорции, никакой симметрии, но в этом своя страшная и уродливая красота гения, которому осточертели порядок и правильность.

Башни, как и само основание замка, — литой камень, только ближе к вершине в трех видны окна, а четвертая вообще без них, даже крыша — заостренный каменный шпиль. Не понимаю ее назначения... В башнях зачем-то горит свет, все с плоскими крышами, огорожены массивными барьерами, а на четырех концах затейливо вырезанные столбы. Опять же, разной высоты и формы.

Я пытался прикинуть общий объем башни-крепости, не получается, что-то у меня не то с просчитыванием объема, но если считать по окнам и этажам без окон, то не меньше восьми-девяти этажей. А еще множество выступов и гребней непонятного назначения, балконов, опоясывающих лестниц... Это в самом здании, а башни, те просто чудовищно высокие...

В стороне послышался конский топот. Группа блещущих кирасами всадников бодро несется в сторону Гессена по пыльной проселочной дороге. Во главе офицер в расшитом золотом зеленом камзоле, широкополая шляпа с лихо заломленными полями и длинным павлиньим пером, румяное лицо с красиво закрученными усами — красавец, словом.

Он повернул на скаку голову, что-то крикнул своим. Те продолжили путь, с галопа перейдя на рысь, а он пустил коня в нашу сторону.

— Сэр Ричард? — прокричал он изумленно. — Меня зовут Тьерри Макиннон. Виконт де ля Фриг. Как вы здесь оказались? Но это неважно, главное — вы здесь. Сэр Ричард, вам нужно срочно к Его Величеству! Он велел явиться, как вам,

так и всем, кто получил пожалования, должности или какие-то задания...

Я спросил отстраненно:

— Своих проблем хватает. А что стряслось? Король Хенрих прищемил пальчик?

Он вскрикнул:

— Вы еще не знаете?

— Я еще утром был в маркизате, — напомнил я.

Он сказал быстро:

— На троне сейчас Ганелон Первый.

— А это кто?

— Младший брат бывшего короля Хенриха!

Я покачал головой.

— Думал, только у меня неприятности. А что с королем Хенрихом? Почему уступил трон человеку, который, как понимаю, не обладает опытом управления?

Офицер на миг опустил глаза, а потом вскинул голову и посмотрел на меня слишком уж прямо и открыто.

— Старший брат Его Величества, — отчеканил он, — король Хенрих, погиб в результате несчастного случая. Трон немедленно унаследовал его брат Ганелон, дабы не допустить волнений в обществе и борьбы за трон.

Я пробормотал:

— Насколько я понимаю, трон должен был занять герцог Людвиг. Ладно, не мое дело. Я еду с вами, сэр Макиннон. Я понимаю, новый король желает услышать доклад об успехах в маркизате...

Он сказал торопливо:

— Да-да, сэр Ричард. Именно так.

Демон уже ждал меня в виде серого невзрачного коня, делая вид, что щиплет траву. Я вскочил в такое же серое седло, мы с офицером догнали его отряд и вместе въехали в распахнутые ворота Гессена.

Народу на улицах много, да, простой люд от смены властей ждет только амнистий и новых праздников, все так же работают рынки, базары, вдоль улицы торговцы расхваливают амулеты.

Ворота в необъятный двор королевского дворца полурас-

пахнуты. По обе стороны закованные в доспехи воины, на помосте сверху с десятков арбалетчиков угрюмо наблюдают за въезжающими и выезжающими. Там же плащеносец с надвинутым на глаза капюшоном.

Я заметил, что в воротах все замедляют шаг и словно бы сжимаются в страхе, понимая, что арбалеты нацелены в каждого.

Сэр Макиннон вскинул руку, стражи молча ответили таким же коротким жестом.

Во дворе народу поменьше, но роскошные кареты подкапывают к подъезду, лакеи стремглав бросаются навстречу с позолоченными скамеечками.

Я не стал смотреть, что за красавица явилась ко двору, новый король выберет новых фавориток, плечо в плечо с Макинном поднялись в большой зал.

— Сэр Ричард, — произнес он смущенно, — я оставлю вас на минутку. Нужно доложить Его Величеству, что вы доставлены.

— Топайте, — ответил я беспечно, хотя ухо резнуло это «доставлены», — я пока посмотрю на красивых женщин.

— Я быстро, — сказал он и попросил с неловкостью: — Вы уж, пожалуйста, не отлучайтесь, хорошо?

— Хорошо-хорошо, — заверил я.

Макиннон с облегчением вздохнул и почти бегом ринулся к дверям королевского зала. Чувство тревоги усиливалось, тут как будто бояться, что я сбегу, но...

Я не успел додумать, из толпы женщин отделилась самая роскошная и быстро пошла ко мне.

— Ах, маркиз! Вы так неожиданно исчезли... Говорят, отправились в этот ужасный маркизат, но я в такие дикие слухи не верю!

— Ах, леди Габриэлла, — сказал я легко, — прикройте грудь — и вам теплее будет, и я дрожать перестану.

Она спросила с интересом:

— А вы дрожите?

— Меня трясет, — ответил я.

— Ах, какой вы страстный!

— Да уж, — пробормотал я. — Одна, но пламенная страсть — на бабу голую упасть.

Она захохотала, призывно закидывая голову и открывая белоснежную шею, что почти сразу переходит в два нежно колышущих полушария.

— Как вы остроумно откровенны, маркиз! Вы правы, искра страсти и бревно зажжет в постели! Я ни на кого не намекаю, как вы понимаете...

— Понимаю, — сказал я, — я понимаю... Но что с меня взять? Провинция, деревенщина.

Она примирительно улыбнулась.

— Если дурак прилично одет, всегда сыт и улыбается жизни, то не так уж он и глуп. Так что, маркиз, не отчаивайтесь! Вами интересуются многие дамы. А что подшучивают... так вы сами, признайтесь, очень хорошая мишень. Я имею в виду, крупная. В мелкие попадать труднее.

К нам приблизился щеголеватый придворный, начиная отвечать поклоны еще издали. Я узнал графа Гарроса. Он распуделился не на шутку, целый сложнейший танец, явно меня ждет неприятность, не к добру такие танцы.

— Вы прекрасный танцор, — похвалил я. — Над вами прекрасный хирург поработал!.. Ничего лишнего, это же надо. Смотрю и любуюсь. Вы петь не пробовали? У вас теперь должен быть прекрасный голос.

Он заулыбался, очень довольный.

— Я сам подумываю об этом. Работа придворного очень деликатная и сложная, но я чувствую в себе еще нереализованные силы...

Баронесса перебила его свистящим шепотом:

— Граф, никак там граф Бэкдорф появился?

Граф Гаррос кивнул с несколько напряженной миной.

— Да... он...

— Как здорово, — прошептала баронесса томно. — Я обязательно должна с ним познакомиться...

В ее голосе было столько истомы, что я спросил невольно:

— А это кто?

Граф Гаррос поморщился, а баронесса сказала восторженно:

— Маркиз, вы бесподобны, если не знаете этого великого героя! Он овеян великой славой покорителя женских сердец, неутомимого обольстителя, совратителя даже самых стойких замужних дам.

Граф Бэкдорф, насколько я мог рассмотреть с этого расстояния, мужчина с хорошей атлетической фигурой, сильным волевым лицом и живыми блестящими страстью глазами. Выдвинутый вперед подбородок и высокие скулы говорят о силе характера, я подумал, вот что делает никчемная жизнь, когда у людей есть и ум, и силы, и воля, и энергия, но воевать нельзя, время ученых тоже не пришло, на эвересты лезть или на дно океана — пока в голову не приходит, вот и ударились в волочение за бабами. А чтоб не слишком стыдно, все-таки чуем, бабник — это позор, придумали целую философию, создали мировоззрение, разработали самый сложный кодекс поведения, ухаживания, ритуальных плясок, цепочек «по достижению цели»...

Мать-мать-мать, пронеслось в черепе злобное. Ну и цели...

Граф Гаррос сказал ревниво:

— За ним не угнаться. Женщины ему даже не сопротивляются.

Я пожал плечами:

— Один из лордов моего королевства сказал, что прелесть любовных утех сильно преувеличена: позы нелепые, удовольствие кратковременное, а расходы просто дикие.

Глава 4

Сквозь толпу придворных протолкался запыхавшийся Макиннон, просиял, увидев меня на прежнем месте.

— Сэр Ричард!.. Уф, как я спешил... Пойдемте. Его Величество изволит принять вас.

— Отлично, — сказал я. — Не будем заставлять его ждать. Тем более что мне тоже надо спешить.

Он примирительно улыбнулся, предпочитая понять мои слова, как шутку.

Придворные расступались, кое-кто даже поклонился мне, но почудилось, что делают это украдкой. В огромном тронном

зале, на роскошном кресле с высокой спинкой развалился в неимоверно царственной позе грузный человек с обрюзгшим лицом, холеным и порочным. Перед ним прыгает и кривляется в шутовском колпаке карлик, справа пышно одетый слуга держит на кожаной перчатке сокола, голова птицы накрыта колпачком. С другой стороны еще один слуга держит в угодливой позе поднос с гроздьями винограда, а король, не глядя, лениво отщипывает по ягоде и бросает в рот.

Он сделал вид, что не замечает нас, офицер выпрямился и застыл, я с интересом и без злости рассматривал это явное ничтожество, видно с первого взгляда. За его спиной замерли, почти не дыша, сановники, ни одного знакомого лица не видно, не говоря уже о примелькавшемся бароне Эльрихе.

Наконец один из пышно одетых придворных, наверное, церемониймейстер, вышел вперед и, оттанцевав самый сложный танец, склонился в низком поклоне перед королем.

— Ваше Величество, доставлен маркиз Ричард Длинные Руки.

Снова меня царапнуло это «доставлен», я молча поклонился. Лицо короля дернулось, наверное, поклон показался недостаточно раболепным.

— Маркиз? — переспросил он неприятным голосом. — Маркиз Черро? И что же, тот маркизат еще не ушел под воду?

За его спиной угодливо захохотали. Шут запрыгал, кривляясь, но не придумал, какую глупость сморозить, я ответил сдержанно:

— Ваше Величество, в маркизате начинает налаживаться жизнь. Пираты постепенно остепениваются. Они хотели бы осесть на землю и жить мирно.

Он вытаращил глаза.

— Что?.. Пираты?.. Я уже дал приказ составить реестр всех воинских сил королевства. Если недостаточно, а их недостаточно, я велю усилить войска, а затем уничтожим всех пиратов!..

Я поклонился снова.

— На все воля Вашего Величества. Но пираты не сражаются на суше.

— И что?

— Нужен флот, — напомнил я. — Не только большой и могучий, но и быстрый. Потому что пираты могут не принять боя. А в море их не отыскать. Тем более в океане.

Он повысил голос:

— Если мой царственный брат не сумел создать сильный флот, то его создам я! И ни один пиратский корабль не укроется от моего королевского гнева!

Придворные вытягивались, как солдаты на смотре. Я ответил мирно:

— Как будет угодно Вашему Величеству.

— Да, — сказал он еще громче, — мне будет угодно!.. Мне также угодно, чтобы вы, сэр Ричард, который отныне никакой не маркиз, остались и не покидали дворец до...

Один из придворных наклонился к его уху и что-то угодливо зашептал. Король недовольно дернул щекой, отмахнулся и продолжил, все больше раздражаясь:

— ...до моего повеления! Я со временем решу, что делать с вами. И как поступить с этим раздражающим клочком никчемной земли.

Я поклонился, развел руками.

— Ваше Величество, но если это никчемный клочок... стоит ли обращать на него внимание? Строить могучий флот, гоняться за пиратами, расходовать денежные и людские ресурсы...

Он вскрикнул:

— Молчать, когда говорит король!

Я поклонился, пробормотал:

— Молчу-молчу. Уж нем, как две рыбы.

Он некоторое время испепелял меня взглядом, затем продолжил все так же гневно, но чуть тише:

— Вас отведут и поселят, потом вам передадут мое повеление.

Я развел руками, не забыв поклониться:

— Осмелюсь заметить, Ваше Величество, я прибыл в Гессен, еще не зная, что вы изволили занять престол вашего старшего брата. Меня привели сюда неотложные дела, крайне неприятные, но срочные... Так что я не могу воспользоваться вашей любезностью, а сперва должен их как-то завершить.

Все слушали, оцепенев от неслыханной дерзости, а король

вообще наливался багровым цветом, что под конец моей речи стал вовсе синюшным.

Я закончил как можно миролюбивее, однако он вскочил, топнул, вперил в меня обрекающий взгляд.

— Вы посмели?... Вы посмели перечить?... Королю?

Из-за его спины вышли и направились в мою сторону крепкие телохранители, уже примериваясь, как схватить дерзкого, скрутить, сломить.

Я вздохнул, не люблю этого, сказал негромко:

— Кенкезантер, ко мне.

Дворец вздрогнул целиком, от пола до крыши. На стенах закачались картины в массивных рамах. Рядом со мной возникла блещущая металлом глыба размером с небольшой сарай. Под испуганные крики демон поднялся, громадная голова уперлась в потолок. Там затрещало, посыпалась труха.

Красные глаза демона вспыхнули жутким адским огнем, а из пасти громыхнуло с такой мощью, что одни свечи погасли, другие вообще выпали из подсвечников.

— Приказывай, хозяин.

— Постой пока рядом, — велел я. — Если что, разнеси эту собачью будку, именуемую почему-то дворцом. И подави всех этих насекомых, что возомнили себя людьми... Итак, Ваше Величество, я не расслышал, что вы изволили. Умоляю, повторите, а то меня будет мучить совесть, что вдруг я не так понял.

Король вжимался в трон, вдруг став мелким и очень бледно-интеллигентным. Придворные прятались за высокой спинкой трона. Кенкезантер повернулся на месте, по залу разносился топот тех, кто еще мог убежать.

Король с огромным усилием выдавил:

— Я под защитой Великого Мага, да будь благословенно его имя...

— Я ему это передам, — пообещал я. — Сейчас я иду как раз к нему, если вы не очень против... а вы вроде бы не очень против? Или против?

Он пролепетал:

— Нет-нет, я не очень против!

— Но все же против, — сказал я задумчиво. — Остаться,

что ли... Кенкезантер, располагайся с удобствами, мы остаемся. Можешь кого-нить задавить для интереса.

Король завопил:

— Нет-нет, умоляю, у вас дела, вы должны сперва все закончить... вы же из такой дали ехали!

— Летел, — поправил я. — Не на багере, понятно. Вип-персоны общественным транспортом не пользуются. Не короли какие-нибудь. Хорошо, Ваше Величество, раз уж вы так настаиваете, я сперва закончу свои дела, потом вернусь... Кенкезантер, пока возвращайся и жди вызова.

Он громыхнул с прежней мощью, оставшиеся свечи снесло, будто ударили по ним палицей, половина картин сорвалась со стен и грохнулась на пол:

— Слушаю и повинуюсь, господин!

Полыхнул адский огонь, вызвав новые вопли. Демон исчез, я повернулся к близкому к обмороку королю:

— Я вернусь, Ваше Величество. Я вернусь!

Мне показалось, судя по его лицу, что он понял меня очень хорошо. Я крупно шагал через быстро пустеющие залы, у самого выхода из дворца меня догнал Макиннон, такой же бледный и трясущийся, как его король.

— Сэр Ричард... Вам ничего не нужно?

Я бросил на него угрюмый взгляд. Испуган, но храбрится, даже старается мужественно улыбаться. Взгляд прямой, лицо без привычной придворной угодливости и лисьей хитрости.

— Рассказывайте, — велел я, — как все это произошло.

— Смена короля?

— Да, конечно.

Он шел рядом, стараясь попасть в ногу, но у меня ноги длиннее, и он торопливо растягивал свой шаг, смешно проваливаясь при попытке приноровиться к моей походке.

— Король Хенрих внезапно занемог, — сообщил он. — Говорят, у него была какая-то застарелая болезнь... К счастью, в столицу как раз прибыл младший брат Его Величества герцог Ганелон, который, во избежание борьбы за трон, тут же и принял на себя королевские обязанности.

Я буркнул:

— И привилегии.

Он взглянул на меня искоса.

— Да-да, а как же иначе?.. Долг монарха.

— Что с герцогом Людвигом?

— В своем городском дворце, — сообщил он быстро. Снова посмотрел на меня искоса и добавил нерешительно: — Под домашним арестом. Но на это у Его Величества наверняка есть причины.

— Веские, — сказал я саркастически.

— Да-да, веские, — согласился он с облегчением. — Я могу вам быть чем-то полезным?

— Подумаю, — ответил я медленно и снова окинул его внимательным взглядом. Не глуп, судя по виду, карьерист, это заметно, но честный карьерист, готов рискнуть и сыграть за две команды, что объяснимо для человека молодого и амбициозного. — Вы не кажетесь человеком пугливым.

Он гордо выпрямился.

— Я не пуглив. У меня восемь дуэлей...

— Отваги понадобится больше, — сообщил я сухо.

Он ответил твердо:

— Располагайте мною, сэр. Я кое-что о вас слышал...

— В каком смысле?

— Спасение короля Хенриха, — напомнил он. — И города Роган и Блейн, которые теперь принадлежат королевству Гессен. О вас говорят много. Возможно, это и раздражает Его Величество. Кроме того, к вам отбыл мой приятель Рефершельд, а он человек более осторожный и расчетливый, чем я.

Я кивнул:

— Разумно. Хорошо, сэр Макиннон, я принимаю вас на службу. Сейчас велите оседлать коня, мы срочно выезжаем.

Он отдал честь, исчез, а когда я подошел к своему «коню» и взгромоздился в седло, из королевской конюшни выметнулся на красивом скакуне сэр Макиннон.

— Для нас всегда держат коней наготове, — выкрикнул он, — уже оседланных! Куда едем?

— К господину Гатонесу, — ответил я. — Не отставайте, сэр Макиннон.

Мы выметнулись из распахнутых королевских ворот. Копыта протучали по вымощенным и гладко отесанным кам-

ням дороги, впереди городские ворота, а дальше распахнулся простор и проступила темнеющая далеко на горизонте черная гора.

Макиннон поравнялся со мной, ветер распушил его лихие усы, в глазах задорный блеск.

— Сэр Ричард, что нам предстоит?

— Встреча с господином Гатонесом, — повторил я. — Может быть, даже с сэром. Хотя не думаю, что он сэр. Все-таки магия не подразумевает благородства.

Я со злорадством поглядывал на его румяное лицо и видел, как быстро кровь отливает от щек. Даже губы полиловели, в глазах метнулся даже не страх, а ужас.

Крепость Верховного Мага медленно приближалась, сэр Макиннон произнес, наконец, ровным контролируемым голосом:

— Он вас вызывал?

— Нет, — ответил я с тем же нехорошим злорадством, — я иду незванным.

Он спросил таким же ровным голосом, не выдавая никаких эмоций:

— А если он не примет вас?

— Вышибу дверь, — пообещал я. — Как вы полагаете, благородный человек может настаивать на разговоре?

Он пробормотал поспешно:

— Да, конечно, сэр Ричард... Если идет к человеку неблагородного сословия...

— А маг — неблагородного?

— М-да, — проблеял он жалко, — да, разумеется. Из простых...

— Тогда все в порядке, — заверил я бодро. — Спасибо, вы меня успокоили.

Макиннон побледнел еще больше. Некоторое время мы неслись молча, крепость с каждым конским скоком медленно вырастает в размерах. После долгой паузы, во время которой Макиннон не проронил ни слова, я не вытерпел первым:

— Сэр Макиннон, вас что-то тревожит?

Он подавил тяжелый вздох и ответил бодро:

— Нет, сэр! Ничего не тревожит.

Я ответил несколько разочарованно:

— А-а-а... это хорошо. Я рад, что вы... гм... такой. Ладно, все в порядке. Плантагенет, тебе не легче бежать на двух лапах?

Мой конь ответил хриплым голосом:

— Да, мой повелитель, намного.

— Тогда не стесняйся, — решил я.

Краска снова покинула лицо Макиннона, мой конь превратился в двуногое чудовище, а вместо лошадиной пасти образовалась хищная морда крупного плотоядного.

Я придерживал демона, чтобы не слишком обгонял коня Макиннона. За несколько верст от крепости я остановился, соскочил на землю.

Светит солнце, но над крепостью Верховного Мага словно простерла крылья глубокая ночь. И, как ночью, крепость выглядит особенно страшной и пугающей. Даже жуткой настолько, что я постоянно двигал плечами, руками, переступал с ноги на ногу и без нужды смотрел по сторонам, чтобы скрыть трусливую дрожь. Меня встряхивало, как болтушку в миксере, ощущение несоразмерности исполинской мощи вгоняет в смертную тоску, я тонул в безысходном отчаянии, как в темном липком болоте, понимая, что эту твердыню не сокрушить.

И сколько ни оглядывайся на безмятежный солнечный день, но идти именно туда, где холод и ночь, где черная крепость благодаря сотням огней четко выделяется на зловеще-черном небе, которого словно бы и нет, а сразу межзвездный космос.

Макиннон не покидал седло, удилами и шпорами успокаивая испуганное соседством демона животное. Плантагенет посмотрел на него, вздохнул, но в обычного коня превращаться не стал.

Я сказал раздумываяше:

— Сэр Макиннон, вы не вызовете подозрения, если объедете гору поближе и выберете место для штурма. А я пока, не замечаемый господином Гатонесом, буду мыслить и готовить группу захвата.

Он бледно улыбнулся, краска так и не вернулась на его щеки.

— Сэр Ричард... Уверен, что этот интересный конь у вас не единственный помощник?

— Не единственный, — согласился я.

— А нет ли...

— Отправляйтесь, — прервал я.

Он поклонился, не получив никаких утешительных заверений в нашей мощи. Конь под ним взвился на дыбы, заржал гневно и ринулся в сторону крепости со всей поспешностью.

Я проводил его мрачным взглядом. Давай, карьерист. Повышение по службе и рост жизненного уровня сопряжены либо с долгим упорным трудом, либо с серьезным риском для жизни. К счастью, ты это понимаешь. Посмотрим, насколько выдержишь...

— Как думаешь, — спросил я, — у Гатонеса много демонов?

Плантагенет ответил хмуро:

— Много.

— Сколько?

— Этого никто не знает. Но у Верховного Мага не только демоны, мой повелитель...

— Маги? — спросил я.

— Их много, — ответил он так же сумрачно. — Младшие маги, старшие, главные, а над всеми — Верховный.

— А демоны?

— Демоны подчиняются только ему, Верховному. Вон летят...

По направлению к крепости со стороны стольного града по небу несутся крупные крылатые твари. На известных мне гарпий похожи, как гориллы на мартышек. Летят тяжело, в то же время достаточно быстро и стремительно. За ними тянутся странные полупрозрачные следы. В небе призрачные облака показали мне их порождением.

Две отстали, в полусотне шагов от нас пошли на посадку. Я насторожился, исполинские гарпии на землю опускались тяжело, приседая и почти падая, похожие на некие чудовищные цветы.

— Что им надо? — прошептал я.

Обе принялись быстро-быстро рыть лапами землю, выбрасывая целые пласты. Одна с визгом ухватила нечто в глубине,

я видел, как ее почти втянуло в яму, но вторая тоже просунула узкую морду рядом, тело ее дергалось, напрягалось, под кожей вздувались и дрожали от напряжения мышцы.

Раздался отвратительный писк. Гарпии разом выдернули длинное белое тело не то огромного толстого червя, не то странную змею, принялись рвать зубатыми пастями, а потом разом взлетели и понесли ее в сторону крепости.

Плантагенет смотрел вслед, как и я, потом вдруг съежился, у него появились четыре ноги, укоротилась шея, а хвост из костистого и с шипами стал пышным конским.

Я оглянулся, по зеленой долине в нашу сторону несется веселая праздничная кавалькада на разукрашенных, как попугаи, конях. Да и сами люди по яркости одежд перепугали бы самых попугаистых попугаев. Впереди кавалер с дамой, за ними на почтительном расстоянии, чтобы не слышать светских разговоров, толпа слуг, лакеев, сокольничий с птицей на руке и трое псарей с собаками на длинных сворках.

Глава 5

Я с удивлением узнал леди Элизабет, рядом с нею мужчина, которого я уже видел, ах да, это же легендарный и неустрашимый граф Бэкдорф, герой многочисленных сражений за женские подолы, умелый соблазнитель, покоритель и разбиватель дамских и даже девичьих сердец, овеванный жуткой славой ловеласа...

Леди Элизабет раскраснелась, глаза блестят, на щеках дивный румянец, губы раздвинулись в ликующую улыбку.

— Маркиз! — воскликнула она в великом изумлении. — Как вы здесь оказались?

— Да вот, ждал, — ответил я, — когда вы на охоту... Настоящая охота — это когда графу охота и вам охота, да?

Она вспыхнула, в глазах блеснул гнев. Граф, напротив, с высоты своего крупного коня рассматривал меня снисходительно.

— Маркиз, — произнесла она ледяным голосом, — вы много себе позволяете!

— Я ж из медвежьего угла, — напомнил я. — У нас не ездят

охотиться даже после обеда! А уж ближе к ужину... Это чтоб ночь застала в дороге, да?

Она посмотрела на меня растерянно, словно эта мысль ей даже не приходила в голову. Граф Бэкдорф с высоты своего крупного коня брезгливо наморщил нос.

— Э-э... маркиз... Я вижу, вы в самом деле из медвежьего угла. Ну, как можно носить такой костюм?

Я оглядел свою одежду.

— А что в нем не так?

Он сказал с немыслимым чувством превосходства:

— В моих владениях даже простолюдины такими брезгуют... Мне за вас просто неловко перед дамой.

— Ничего, — ответил я бодро, — зато у вас больше шансов.

Его брови полезли наверх, я даже не предполагал, что их можно вскинуть настолько театрально высоко.

— Шансов? На что?

— На внимание дамы, — объяснил я любезно. — На ее благосклонность. И на оброненный платочек. Даже без соплей в нем. Или с соплями, это неважно, правда?

Его глаза стали строгими, улыбка исчезла с картинно-мужественного лица. Элизабет взглянула на него обеспокоенно, когда он гордо выпятил грудь и окинул меня надменным взглядом.

— Вы оскорбляете меня, маркиз, — произнес он холодным тоном, лишенным всякой иронии. — Это недопустимо.

— Я? Оскорбляю?

— Вы, — ответил он с нажимом. — Оскорбляете!

— Чем, граф? — удивился я.

Он процедил сквозь зубы:

— Даже предположение, что прекрасная леди Элизабет, несравненной из женщин, могла бы предпочесть вас... тьфу, это даже выговаривать противно... это гнусно и оскорбительно!

— Да бросьте, — ответил я мирно, — будьте проще, и тролли к вам потянутся. Леди Элизабет — ваша, я же не соревнуюсь с вами за ее внимание и благорасположение!

Она смотрела на меня с брезгливой жалостью. Граф красиво соскочил с коня, широкая перевязь лежит на его груди, как

пришитая, он окинул меня оскорбительным взглядом и взялся за рукоять длинного узкого меча.

— Маркиз!.. Вам придется ответить за свои слова!

— Я уже ответил, — сказал я. — Катитесь, граф.

— Что-о?

— Я уже сказал, — повторил я. — Катитесь. Не хватает мне на каждого придурка реагировать. Без вас забот выше крыши.

Через его плечо я видел скачущего со стороны крепости Великого Мага всадника. Сэр Макиннон еще издали сорвал с головы шляпу и размахивал ею, словно разгонял облака.

Я ощутил, как часто колотится сердце, сейчас или никогда, прошептал тихо:

— Серфик... Все готовы?

— Да, — раздался над ухом комариный писк. — Вам стоит только велеть.

— Улакаторзабер, — произнес я, — ко мне!

Граф Бэкдорф, с белым от ярости лицом, подступил ко мне, размахивая мечом.

— Или вы принимаете бой, — прокричал он, брызгая слюной, — или я убью вас, как ничтожнейшего из трусов!

Последние слова заглушил чудовищный рев. Шагах в десяти от нас земля вздыбилась, будто гигантский крот выпихивает наверх рыхлые комья земли, но когда земля осыпалась, поднялось нечто блистающее металлом, словно жук-бронзовка, размером с газгольдер.

Железный демон в три человеческих роста разогнулся, комья земли продолжали срываться с металлического торса. Огромная голова, размером с котел, повернулась в нашу сторону. Багровые глаза, горящие лютой злобой, поймали в прицел троих людей. В два бухающих шага, от которых содрогалась земля, оказался передо мной, преклонил колено.

— Господин...

— Быстро, — велел я, — доспехи, молот, пояс...

Я не успел договорить, лязгнуло, я в доспехах, незримые руки одели на меня перевязь, пояс, я ощутил тяжесть молота. Мелькнуло перекошенное ужасом лицо графа, Элизабет пятилась, глядя на меня вытаращенными глазами.

Я прокричал:

— Сегадергабестлюкас!.. Каждая минута на счету!.. Цирру-окс, атакуй с воздуха!.. Фенекурд, вышиби ворота!.. Занзибакер, уничтожай младших магов... Эгалите, фратерните!..

Плантагенет превратился было в динозавра, но передумал и стал огромным конем и преклонил передо мной передние ноги. Из ноздрей валил синий дым и вылетали искры, а когда он яростно всхрапнул, выметнулись длинные языки пламени.

Я вскочил в появившиеся седло, мои бедра прихватили широкие захваты. Прямо из воздуха появились три огненных демона размером с амбары. Взмахом руки я послал их на громаду крепости.

— Вперед!.. Наше дело правое — враг будет разбит!

Я оглянулся на графа, теперь уже я смотрю сверху вниз со спины исполинского железного коня, что злобно скалит длинные волчьи зубы. Графа трясет, словно вынырнул из полыньи, зубы стучат, глаза затравленные.

— Извините, граф, — крикнул я виноватым голосом, перекрывая грохот и топот своей армии, — нашу дуэль закончим в другой раз! Вы не против?

Он судорожно закивал, даже не понимая, что я сказал и чему он кивнул. Элизабет в ужасе смотрела на меня. Я ободряюще улыбнулся, отчего она едва не хлопнулась в обморок, и, выдернув сверкающий меч Арианта, послал чудовищного коня в галоп.

— Вперед!.. — прокричал я страшным голосом. — За нашу и вашу свободу!

Конь с места пошел в галоп, забросав пластами земли из-под копыт близкого к обмороку графа и перепуганную даму. Я уже не оглядывался, ветер свистит в ушах, земля сотрясается от чудовищного грохота множества копыт.

За нами уже около двух сотен демонов, я еще во время полета на Плантагенете сгруппировал их, чтобы не вызывать каждого отдельно, и теперь по одному кодовому слову появляются сразу целые отряды.

Из облаков вынырнул в трех телах летающих ящеров крылатый демон Кадарянош. Набирая скорость, он пошел в пике на дворец. Маги на вершине ближайшей башни вскинули руки, слепящая молния ударила в первого ящера. Демон вскрик-

нул страшным голосом, его охватил красный огонь, крылья сгорели, как бумага, и потерявшее управление тело понеслось к земле раскаленным метеоритом.

Второе тело усиленно замахало крыльями, однако маги направили в него стремительно летящие шары гремящего огня. Два пронеслись мимо, от третьего увернулся, но последний ударил в правое крыло. Демон вскрикнул от боли, вошел в штопор и с силой ударился в землю недалеко от ворот.

Оставшееся третье тело набирало ускорение, но и в него всадили молнии и файерболы почти в упор. Вспыхнув, он врезался в верхушку башни. Раздался грохот, тяжелые глыбы разлетелись, как пушинки. Горящее тело демона, разорванное на куски, сползло по стене башни, как огненная кровь.

— Он умер не напрасно! — вскричал я. — Уничтожим гнездо эксплуататоров и угнетателей свободы!

Внизу стражники и челядь разбежались от падающих обломков. Кого-то убило насмерть, кого-то покалечило, огромные глыбы раскатились по твердой земле.

Я взмахом руки бросил на прорыв ворот могучего демона Цеденбала.

— Давай, круши!.. По ту сторону — свобода!

Огромный демон, превратившись в исполинское огненное копье, понесся в сторону крепости, с грохотом выбил ворота, оставив опаленную дыру, ударился во внутреннюю стену и выжег в ней дыру, через которую проехали бы двое всадников.

На том месте взметнулось облако огня, по стене побежали багровые ручьи, с ревом взвился столб черного дыма.

— Все! — горестно вскрикнул Серфик. — Он выложил все силы...

— Ничего, — ответил я, бодрясь, — зато выломал ворота!

— Защита, — пропищал он совсем тоненько, — там настоящая защита...

А что было здесь, спросил я молча, если два таких могучих демона, как Кадарянош и Цеденбал, израсходовали все силы. Теперь им на долгую подзарядку в плазменный океан, а для меня все равно что погибли.

Демоны молча смотрели на меня, покорные моей воле. Я ощутил себя в мучительной роли полководца, что бросает на

верную гибель один отряд за другим в надежде обеспечить в войне общий перевес и одержать победу.

С трудом удерживая насмерть перепуганного коня, подскакал сэр Макиннон, бледный как смерть, с вытаращенными глазами.

— С-с-с-сэр Р-р-р-ричард! — прокричал он срывающимся голосом. — Укажите мне м-м-место... с-с-с-среди ат-т-т-та-кующих...

— А где вы хотите сами? — осведомился я.

— В го-о-л-л-л-ловной гру-п-п-пе...

Я ответил громогласно:

— Выбирайте место сами, сэр!.. Я доверяю вашему чутью воина!.. А вы, каналы, вперед, вперед! Смерть мага-угнетателя освободит вас... и ваших собратьев!

Раздался страшный треск, по внешней стене пробежала кривая трещина. Земля заворчала и дернулась. Стена раскололась на части, одна медленно и очень нехотя, словно раздумывая, повалилась вовнутрь. Затрещала вторая башня, черная трещина расколола ее пополам. Одна часть рухнула, рассыпавшись на крупные глыбы, а вторая стояла, раскрытая, как гигантская консервная банка исполинским ножом. На этажах в ужасе застыли люди.

За рухнувшей стеной перед самым донжоном образовалась яма с обрывистыми краями. Земля обрушивалась, словно ее засасывало в воронку, та ширилась, захватывая постройки, сарай, кузницу и конюшню.

Я несся к провалу в стене на пламенном коне под тяжелый грохот копыт, сухой стук падающих глыб, от которых дрожала земля, крики и рев. За нами огненные следы подков, из пасти Плантагенета огонь и клубы дыма, уздечка и сбруя на таком чудовище выглядят нелепо. Шлейф огня тянется, как хвост кометы, я слышал, как трещат, сгорая, искры.

Серфик яркой искоркой несется впереди, что-то пищит, но я не слышу, зато громко вскрикнул Плантагенет. На балкон последней уцелевшей башни выбежал человек в темных широких одеждах. Мгновение он смотрел на страшные разрушения, затем его руки взметнулись вперед и ввысь. Я не поверил глазам, чудовищная дыра в земной коре начала затяги-

ваться. Разлетевшиеся по двору камни как ветром покатило обратно, наверх поднимаются, как семена одуванчика под темным ураганом, через несколько секунд разрушенная башня снова засияла, как только что построенная!

— Цюриклефил, — заорал я, — убей ту сволочь!

Три демона-гарпии услышали мой приказ, даже находясь в поднебесье. Я только увидел, как со свистом падающего снаряда понеслись три тела, маг вскинул голову, но не успел вымолвить слова.

Одна гарпия все же вспыхнула синим огнем, раздался треск, ее расшвыряло на куски, но две другие обрушились на мага, сбили с ног, прижали к полу и свирепо рвали его тело огромными зубатыми пастями.

— Отлично! — прокричал я. — Вперед, вперед!.. Паблио о муэртэ!.. Кляйнемаускомнахаус, твоё время!

Вдали от крепости появился небольшой смерч, но быстро рос, наконец стремительно надвинулся на крепость. Ее заволокло мерцающей пеленой, я видел стены и каменные башни, словно сквозь грязное матовое стекло.

— Ломай!.. Круши! — прокричал я бешено. — Там прячется от нашей справедливости мести ваш угнетатель!.. Нам нечего терять, кроме собственных цепей!.. Весь мир насилия мы разрушим!!!

Смерч все еще усиливался, сорвал флаги и флюгера, затрещали и начали отрываться на башенках крыши. Маги убежали с балконов, но даже в окнах едва кто показывался, свирепый вихрь тут же выдергивал из помещений, с диким хохотом скручивал еще в воздухе жертву так, что во все стороны брызгали струи жаркой крови, а на землю падала сухая шкурка с перемолотыми в мелкую гальку костями.

— Так их! — заорал я. — Если враг не сдастся — его уничтожат! Да здравствует буревестник мировой революции!

Каменистая земля в долине с громом и грохотом взлетела, словно подброшенная взрывом мощной авиационной бомбы. В пыли и падающих комьях почвы из недр поднялся и завис летательный аппарат, у меня радостно стукнуло сердце в узнавании чего-то знакомого, однако летающее существо оскалило громадную пасть, испустило дикий пронзительный визг,

от которого едва не снесло череп, и ринулось в сторону крепости.

— И вместо сердца, — крикнул я вдогонку, — пламенный мотор!.. Хорошо! Круши тоталитариста...

Демон превратился в плоский диск размером с танцплощадку, с шумом пронесся над самой землей и ударился в основание последней из башен.

Подрезанная у самой земли, она вздрогнула, качнулась и просела. Я ждал, что рассыплется, никакой цемент не выдержит такую встряску, однако башня стояла, покачиваясь, затем наклонилась и начала медленно падать в сторону дворца.

Испуганные крики стали громче. Башня обрушилась на здание, как карающая десница Господня. Восточное крыло смяло, словно картонную коробку. Взлетели клубы удушливой желтой пыли, осколки камня разнесло подобно брызгам.

Оставался только мрачный массив главного здания, что похож на целый город. Смерч все еще терзал его, растянулся, охватывая целиком, не давая никому выйти на многочисленные балконы, кружил и рвал, но заметно слабел.

Я терялся в догадках, и лишь когда смерч рассыпался в пыль и бессильно упал на землю и пропал, я понял, что сами стены крепости то ли магически ядовиты, то ли поглощают энергию.

— Выбить ворота донжона! — прокричал я. — В царство свободы дорогу грудью проложим себе!.. А еще и другим угнетенным!.. Свободу Лумумбе!

Перед воротами вздыбилась земля. Из холма поднялся огромный каменный демон, ростом с ворота, разогнулся и, подойдя к ним, с яростным ревом ударил кулаком размером с цистерну.

Ворота затрещали, прогнулись, но, к моему изумлению, выдержали. Голем ударил снова, те прогнулись сильнее, будто парус под напором ветра, однако вернулись на место.

Я заорал люто:

— Лупите цю скалу! Нехай ни жар, ни холод не стунит вас!..

С ворот голема начали обстреливать стальными стрелами. Я видел, как вспыхивают искры на каменной голове и плечах, иногда откалывают куски камня.

Голем с яростным ревом принялся бить обоими кулаками в ворота. Со стен набежали люди в доспехах и рубили огромными стальными топорами, похожими на колуны для рубки дров, а также кирками.

— Выбей! — прокричал я. — Всем телом!.. Безумству храбрых поем мы песню!

Голем отступил на пару шагов, над воротами уже собралось не меньше двух десятков человек, в глазах рябило от блестящих искорок металлических стрел. Он покачнулся, накрепился вперед и ринулся, опустив голову.

Ворота затрещали, прогнулись, затем раздался мощный и очень странный звук лопнувшего шара. Голем упал вовнутрь двора, под ним трещали разбитые обломки ворот.

Он начал подниматься, хромая, но сверху из массивного здания обрушился огонь, подобный греческому. Голем жутко закричал, как кричал бы смертельно раненный линкор, остановился, размахивая руками, а на него обрушились еще и еще порции огня.

Я сорвал с плеча лук, на балконе третьего этажа маг в черном двигает руками, из его ладоней выметнулся очередной огненный шар, но не успел он коснуться объятых пламенем голема, как моя стрела пропела песню смерти. Белое оперение возникло в правом глазу чернокнижника.

Маг перегнулся через барьер и сорвался вниз. Голем уже корчился на земле, его красное тело расплывалось кипящей лавой, проседало в землю. Одежда мага вспыхнула, едва он ударился о горящую землю.

Я пустил коня вперед, тот простучал копытами по багровой лаве, разбрызгивая, словно водицу.

Я крикнул павшему голему:

— Спи спокойно, дорогой товарищ! Твоя смерть не напрасна! Ты погиб, но свобода будет жить!

Обгоняя меня, к головному зданию ринулись орды демонов, некоторые сразу начали карабкаться по стенам, просто чудо-спайдермены, другие с грохотом бились головами, плечами и копытами в стены донжона.

Из темного пространства холла выметнулся огненный шар и покатился, грохоча и разбрызгивая багровые искры. Демо-

ны с воем брызнули в стороны, но двух все-таки придавило и оставило от них выжженные силуэты.

Следом из донжона вышли в три ряда могучие воины, закованные в железо с головы до ног, а за ними ряд магов в оранжевых плащах. Первые же демоны пали от их ударов, только самый крупный из железа устоял и с ревом крушил защитников стальными кулаками. Трое упали, но остальные, несмотря на испуг, начали тыкать остриями копий, рубили топорами. Демон убил еще пятерых, те догадались закрыться от него щитами и били уже тяжелыми молотами и окованными стальными шипами палицами.

Внезапно с тяжелым грохотом копыт в зал ворвался наобезумевшем от страха коне сэра Макиннон. Меч в его руке с размаху опустился на шлем воина в центре.

— За леди Лукрецию! — прокричал он.

Мне почудилось, что он вроде своего коня, уже не соображает, что делает, но сейчас это неважно, никто не отступает, люди и демоны сражаются и умирают стойко, но мы теряем драгоценные минуты, я с криком повел бегом охраняющую меня группу мимо сражающихся в глубь донжона.

— За мной, — покрикивал я, — за мной! У них отвлекающий маневр!.. А нам надо добить врага...

— ...в его логове, — прорычал один из демонов.

— Правильно! — крикнул я с воодушевлением.

Из полутьмы зала вышли, сомкнув щиты, новые три ряда закованных в сталь воинов. Демоны ринулись, наклонив головы, раздался лязг, рычание, крики. Демонов отбросило на несколько шагов. Воины, не ломая строй, пошли в наступление.

Я увидел, что нас оттесняют к зияющей дыре ворот, где все еще кипит схватка. Вокруг щитов и даже фигур воинов витает некая призрачная дымка, вот сволочи, это нечестно, все закрыты мощными магическими щитами, лучшая защита от демонов и колдунов...

— Стоять! — заорал я и, выдернув из пояса болтеры, открыл быструю стрельбу с обеих рук. Стальные болты, созданные наукой, а не магией, просто не замечали магическую защиту. Я слышал непрекращающийся звон, а затем лязг и грохот падающих тел. На стенах появились, окрашенные свежей

кровью, красивые блестящие заклепки с изящными звездочками на шляпках.

— Вперед! — закричал я, насаживая глотку. — Там — свобода!

Глава 6

Оставшиеся воины, потеряв строй, все еще пытались сражаться, но их смяли, растоптали и растерзали во мгновение ока. Я орал, взывал, вел, мы пронеслись через зал, вышибли двери во внутренние покои. Там тоже стража, я ее расстрелял хладнокровно и жестоко.

Мы добивали последних, когда каменная стена зала прогнулась с той стороны. Глыбы затрещали, стараясь удержаться в гнездах, но вывалились из кладки. Через пролом к нам протиснулся огромный каменный голем. Чудовищная голова повернулась с жутким скрипом, как заржавевшая башня, отыскивая противника, глаза вспыхнули багровым огнем.

— Мы свои! — прокричал я.

Демон взревел и пошел на мой отряд. Передние демоны схватились с ним, но он цапнул сразу двух и задушил во мгновение ока.

— Идиот! — заорал я. — Мы ж за вашу и нашу свободу!.. Мы несем демократию и культуру...

Молот вылетел из моей ладони бесшумно, так мне показалось из-за треска, грохота и диких криков. Демон ухватил еще двух, что бросились, закрывая меня своими телами.

Треск, голова каменного чудовища взорвалась сотней осколков. Помятые демоны упали на пол, подхватились, один злобно пнул падающего гиганта.

— Он не враг, — сказал я с надлежащей грустью, — просто обманутый товарищ... Вперед, каналы!.. Вы скоро увидите свой ад!

Я соскочил с Пантагенета. Он повернул голову и смотрел на меня с вопросом в глазах.

— Ты не боевой демон, — сказал я. — Иди сзади. Я не хочу, чтобы тебя убили.

Он остановился, послушный приказу, остальные демоны ринулись, стуча копытами, вдоль стен зала.

Я крикнул Серфику, стуча зубами:

— Почему так холодно?

— Магу не нужно тепло, — пропищал Серфик.

— Только за это стоит убить, — сказал я, и Серфик ликующе запищал, что да, надо, здесь демоны страдают еще сильнее.

Во дворце полыхают не факелы, а целые жаровни, от них холодный синий огонь, недобрый, я бы сказал, а недобрость в том, что человек не воспринимает синее пламя как свое, человеческое, нам нужно желтое, красное или оранжевое...

На втором этаже прямо в воздухе вяло плавают мелкие крылатые, то ли недоразвитые гарпии, то ли рыбы с крыльями летучих мышей, абсолютно голые и даже как будто мокрые или покрытые отвратительной слизью.

Передвигаются беспорядочно, кричат пронзительно гадкими голосами. От них вроде бы нет угрозы, но демоны молниеносно растерзали всех, растоптали и побежали дальше, поскальзываясь на слизи.

В следующем зале отвратительные крики, скрип челюстей и жуткий шорох множества крыльев. На демонов набросились огромные летучие мыши. Я стрелял с обеих рук, демоны отбивались от нетопырей достаточно успешно, зал сотрясаясь от крика, визга, рева.

— Винцеремос!.. — прокричал я подбадривающее. — Версинжеторикс!

— Здесь! — вскрикнул один из демонов.

— Молодец! — крикнул я малость обалдело. — Продолжай!

Неважно, если какой лозунг не поймут, им важнее слышать мой трубный глас, ибо слух, что военачальник погиб, может заставить даже побеждающих все бросить и бежать, сломя голову, бросая оружие.

— За Галилея! — кричал я страшным голосом. — Долой мрак и мракобесие!.. Ура!.. Щэ нэ вмэрла Украина!.. Падриа о муэртэ!

На верху лестницы, что ведет на третий этаж, появился, загораживая дорогу, человек в темном плаще. Капюшон поднят, открывая крупное суровое лицо. С двух сторон выходят

без спешки и останавливаются за его спиной рослые воины в железе, с короткими копьями, топорами и широкими мечами.

— Колдун? — крикнул я. — Ты можешь сдаться. Ты и твои люди.

Человек в плаще раздвинул губы в недоброй усмешке.

— Безумец!.. Ты еще не понял, как мало у тебя сил.

— Здесь много и не надо, — ответил я нагло. — Сложи оружие... и спускайся с поднятыми руками. Нет, лучше за голову. И лицом к стене. С мешком на голове.

— Это все? — спросил он с интересом.

Я подумал и добавил:

— И повязкой на глазах.

Его улыбка стал шире, я передернул плечами, жутковато, когда глаза остаются холодными и злыми, а губы растягиваются вширь, словно другим человеком.

— Сдавайся ты, — ответил он. — Мы посмотрим, может быть, как-то сумеем тебя использовать.

— Это я тебя сейчас попользую, — пообещал я. — Во всех камасутрах. Казанова с ума сойдет. Вперед, ребята!.. Пленных не брать.

Колдун широко распахнул рот, все еще смеющийся, с белыми ровными зубами, но зубы начали быстро удлиняться, превратились не в клыки, а в нечто отвратительно жуткое, длинное и тонкое, как змеиные зубы, похожие на грязные костяные иглы.

— Ты пришел сюда зря...

Он ринулся по ступенькам навстречу, стремясь сшибить всей массой. Я быстро сдвинулся вбок, мой кулак встретил его с такой силой, что лицо вмялось, как арбуз. Кровь брызнула горячими струями, а сам он, перекутившись вокруг моего кулака, как на перекладине, исчез.

Во мне нечто звериное заорало, я бросился вперед, распираемый пещерностью, силы столько, что вот-вот лопну. Навстречу выбегают люди и существа, исчезают с жалобными криками под ударами моего меча и выстрелами из болтера.

Я перепрыгивал по две ступеньки, успевая рубить, топтать, повергать, калечить, ревел и рычал, за мной неслись, обгоняя меня и первыми врываясь на этаж, доверившиеся мне демоны.

Сцепив зубы, я орудовал двумя руками, схватывая взглядом все детали, замечая и успевая отражать удары и наносить в ответ, стараясь делать это кротко и по-христиански: сторицей.

Адреналин настолько обострил все чувства и ускорил движения, что все кажутся плавающими в воде. Сейчас на меня замедленно бросились четверо, трое с копьями, один с топором. Я одним взмахом срубил нацеленные в меня наконечники копий, достал мечом в плечо четвертого и еще успел троих сразить выстрелами из болтера.

— Бей, руби, круши!.. — заорал я.

— Да здравствует культура!.. — пропищал Серфик.

— Молодец, малявка, — одобрил я. — Руби, ломай!.. За высокую нравственность!.. Вперед, каналы!

— Вперед, каналы! — восторженно пискнула эта красная искорка.

Часть демонов разбежалась по этажу, зачищая внутренние помещения, а я с ударным отрядом ринулся вверх по лестнице на четвертый этаж.

С пятого навстречу торопливо сбежали закованные в железо воины в полтора раза выше меня, гротескно вытянутые, с длинными лицами, похожие на мумии.

С ходу выстроились и пошли вперед в три ряда, сомкнув щиты и выставив копья. Демоны налетели, как татаро-монгольская орда. Брызнула кровь, раздались крики, визг, вопли, а гиганты шагнули вперед, топча упавших.

Демоны дрались отчаянно, гибли, но лишь одного-двух удалось вырвать из рядов противника и торопливо терзать, но этих убили копьями в спину.

— Не отступать! — заорал я. — Отступать некуда, позади — я!

Я стрелял из обоих болтеров, воины вздрагивали от ударов, останавливались, но никто не падал, словно усиленно заживляют тяжелые проникающие раны.

Из задних рядов демонов протолкался огромный пылающий, как ядро звезды, раскаленный добела гигант. Рассыпая протуберанцы, он навалился на ряды противника, я впервые слышал с их стороны крики ужаса и боли. Задние воины еще шли, но передние остановились, попятнулись, сбились в кучу.

Я видел, как загорелись волосы, одежда, а металлические

доспехи мгновенно раскались и потекли багровыми струйками. Один из воинов, слепой от боли, понесся, не разбирая дороги, прямо на меня.

Я ударил его в лицо, на моем кулаке осталась прилипшая кожа, она легко снялась со всего лица. Я стиснул зубы и отвернулся, не желая смотреть на красное месиво заживо сваренного лица. Демон закрутил смерч вокруг отряда, жар усилился, я видел, как лопаются головы, кровь выбрызгивается и не успевает упасть на землю, как испаряется, а пепел подхватывает невесть откуда взявшийся ветер.

Свирепый ураган срывал кожу, мясо, капли крови казались отсюда мельтешащей мошкаррой. Люди уже не кричали, падали, роняя из рук раскаленное оружие, что начинает плавиться.

Кости не успели сгореть, их подхватил вихрь и унес. Я рассмотрел в вихре искаженное яростью призрачное лицо, крикнул с воодушевлением:

— Мы ломим, гнутся шведы!.. Вперед, за гуманизм! Не оставлять камня на камне...

— Камня на камне! — раздался восторженный писк над ухом. — Гуманизм наступает!

— Ура! — прокричал я. — Вперед, орлы!.. Серфик, где главный маг?

Он вцепился всеми четырьмя лапками в мое ухо и прокричал, перекрывая шум битвы:

— Верховный?

— Ну да, Верховный! Где он?

В ухе пропищало:

— Верховный Маг пока даже не знает о нас!

Я вскрикнул потрясенно:

— Как это?.. А все эти чудовища, что напали на нас...

Писк стал тревожнее:

— Они просто живут здесь. Магу они любопытны... У него есть и чудовища, которых он создал сам. Они... разные. Вон там сейчас готовятся напасть горгульи... Некоторые, правда, не совсем простые. Наверное, маг что-то с ними делал, а потом про них забыл. Так что, мой повелитель, нам до мага еще далеко.

— Далеко? — вскричал я. — У меня половина войска уже полегла!

— Но ведь с вами гуманизм? — спросил он печально.

— Да, — ответил я со вздохом. — А гуманизм обязан победить. Вперед, каналы!.. Не останавливаться на пятом! Враг только и ждет, что будем дробить силы!..

— Выше и выше, — пропищал Серфик.

— Вперед! — взревел я. — Поднимаем знамя культуры еще выше! На шестой этаж.

Навстречу вылетела стая огромных летучих мышей, я было перевел дух, но демоны отмахивались от них панически, кричали, головы многих сразу окрасились кровью.

Я лихорадочно стрелял из обоих болтеров. Летучие мыши оказались с металлическими головами и когтями, что-то новое в генетике, а я, оказывается, совсем не такой уж и любитель прогресса. На меня налетели стаей, пришлось убрать болтеры и отмахиваться мечом, торопливо вращая, как лопастью пропеллера. Меч рубил мягкие тела, как листки мокрой бумаги, иногда чуть звякало, брызгали искры.

На шестом этаже вправо и влево уводят металлические коридоры, похожие на внутренности исполинских труб, холодный блеск, стерильная чистота, ювелирность отделки...

А дальше коридоры перекрыты толстой паутиной от пола и до потолка. За первой — вторая, третья, четвертая, все разные, словно пауки самозабвенно соревновались в художественном творчестве,

Я остановился в замешательстве, демоны набросились на паутину и дергали, стараясь порвать или хотя бы отодрать от стен, другие побежали по лестнице вверх.

— Зачем столько этой дряни? — спросил я с отвращением. — Или это андеграунд?

Серфик пискнул:

— Она собирает магию.

— А я думал, мух.

Но прикусил язык, из такой паутины не выберутся даже зайцы. А то и кабаны.

— Вперед! — закричал я запоздало в спины демонам, что

бежали мимо меня по лестнице. — Установим и там царство высокой культуры!.. Ура!

Этаж выше весь погружен во тьму, я слышал, как разъяренные демоны носятся, натываясь на стены, слышится сухой треск, шипение от боли.

— Маги видят в темноте, — прошептал Серфик, — видят невидимое, видят сквозь стены...

— Свет победит Тьму, — сказал я мудро. — *Fiat lux!*

Шарик света вспыхнул неожиданно ярко, даже злобно, начал пожирать тьму, потому что это не просто тьма, а магическая тьма, а свет я создал не магический, а паладинский.

Зал огромен, демоны в темноте разбрелись далеко, в самом центра зала колодец, наполненный водой по самые края, а прямо передо мной оказался воин на голову выше меня, в старинных доспехах, лицо яростное, в глазах безумие.

Я не успел сказать «мама», как стальной кулак ударил меня в лицо. Хрустнули хрящи и кости, соленым заполнило рот. Я взвыл от резкой боли в сломанном носе. Рука метнулась к мечу, но гигант ударил снова, я отлетел на несколько шагов и проехал на спине.

Он догнал быстро, я едва успел выхватить меч, как он ударил по руке, и меч выпал из онемевших пальцев. Я не успел увернуться, сильный удар ногой подбросил меня в воздух.

Я вскрикнул, изо рта брызнула кровь, снова обрушился на пол всей тяжестью. Этот стальной монстр оказался быстр, гораздо быстрее, чем я ожидал. Судя по его стальным кулакам, убьет с одного удара, если попадет хорошо, и я взмок, задыхался, легкие в огне, но откатывался, старался избежать смертельного удара, мечтал хотя бы дать подножку, однако монстр тяжел, как скала, а удары сокрушают ребра, ломают грудные кости, я вскрикивал и отползал, а он шел за мной, быстрый и свирепый.

К нам уже бежали два быстрых демона и, не раздумывая, прыгнули на гиганта. Он пошатнулся, но устоял, правая рука захватила одного из повисших на плечах. Тот закричал, шкура лопнула, обнажив красное мясо, брызнула кровь.

Я торопливо поднялся, в голове бьют колокола, сорвал с пояса молот. Гигант содрал с себя второго и безжалостно раз-

давил, наслаждаясь властью над противником. Демон страшно кричал от боли, кости трещали, перемалываясь в мелкую гальку.

Молот ударил гиганта в грудь, однако тот лишь покачнулся и отступил. Не веря себе, я поймал молот и метнул снова. Гигант снова устоял, для равновесия сделав шаг назад.

— Все назад! — велел я набежавшим демонам. — Он мой!

Они остановились, глядя исподлобья, готовые броситься в любой момент. Сцепив зубы, я начал осторожно отходить в сторону, все время бросая молот, выхватывая из воздуха и снова бросая. Гигант разворачивался ко мне лицом, пытался сделать шаг, но сокрушающие удары заставляли его отступать...

...Последний удар сотряс, как удар дровосека дерево. Гигант отшагнул для равновесия, но споткнулся о невысокий бортик колодца. Огромные руки затрепыхали в воздухе, как крылья стальной бабочки, стараясь удержать равновесие. Тяжелое тело качнулось и ударилось в ровную гладь воды.

Брызги взлетели едва не до самого свода. Я поймал молот усталой дланью и сказал хрипло:

— Успешного плавания, Василий Иванович!..

Серфик пропищал в ужасе:

— Этот колодец идет до самой преисподней!

— Лучше глубоко тонуть, — сказал я, — чем мелко плавать. Вперед, каналы! Это что, восьмой этаж?.. Ничего, пешком полезно!

Глава 7

Этот зал показался музеем палеонтологии: исполинские скелеты динозавров, птеродактили, с распростертыми крыльями подвешенные к потолку, бронированные травоядные, но спустя мгновение я сообразил, что не было таких динозавров, как и всех прочих, застывших здесь в страшных позах.

— Ах ты, евгеник гребаный, — прошипел я. — Ах ты, доктор Менгеле... Да тебя от имени зеленых можно распять прямо на стене во имя гуманизма и милосердия...

Серфик носится вокруг, словно пчела вокруг ворующего

мед медведя, пишит возбужденно, я оглядывался по сторонам озверело, противника не видно, побежал дальше. Демоны нестройной толпой понеслись следом, стуча копытами, когтями, хвостами и гремя чешуей.

Я вбежал в следующий зал, где сразу перешел на робкий шаг и ощутил, что начинаю говорить шепотом. Стены здесь не стены, а каждый дюйм — статуи, барельефы, даже толстые полуколонны, выступающие из других архитектурных излишеств, от пола и до свода из оскаленных морд, разинутых пастей, шипастых хвостов и разинутых клювов.

Из-за синего света почудилось, что попал в зимнюю ночь, когда именно такая вот холодная синь, нет летучих мышей, зато волки стаями, хозяева не только леса, но и деревень.

В своде узкая щель, струится свет, но и он странным образом превращается в холодно-синий.

На той половине зала не колодец, а целый бассейн, оттуда медленно поднимаются, не тревожа воды, крупные шары с металлическим блеском на мокрых боках. Их словно бы уносит ветром ввысь и в сторону. И кажется, я такие странные шары пару раз видел именно на Севере.

Я прокричал в недоумении:

— Но где же Верховный Маг? Почему не вмешивается?

Сферфик пропищал:

— Для него наше вторжение слишком мелко...

Я охнул.

— Все еще мелко? Он что, бог?

— Он маг, — пояснил Сферфик грустно. — Он властелин демонов.

— Но он же видит, что разносят его дворец!

— Восстановит его щелчком пальцев. Может быть, ему просто интересно, куда добежим. Может быть, занят разгадками магических книг и не желает отвлекаться на пустяки.

Я прорычал:

— Ничего, мы ему покажем пустячки! Ты не можешь посмотреть, что он делает?

Он даже отпрянул в испуге, я едва расслышал его дрожащий в ужасе голосок:

— Ни один демон... никто-никто не может видеть мага, когда он закрывается магическим плащом!

— Если плащ не дырявый, — ответил я. — Кажется, этот этаж последний?

— Не знаю, я ничего не знаю! Я ма-а-а-аленький...

— Зато удаленький, — подбодрил я. — Ты со мной, а это, считай, героismo.

На той стороне зала богато украшенная дверь из двух створок, на засове, а в петлях кокетливо размалеванный фигурками висячий замок.

Я посмотрел подозрительно, дверь слишком декоративная, чтобы выдержала натиск, и замок какой-то несерьезный. Я взвесил его на ладони, сараи запирают на пудовые, а здесь не сарай...

— Что-то магическое? — спросил я.

Демоны за моей спиной смотрели тупо, вперед протолкался один огромный, как бык, и тяжелый, как носорог. Не говоря ни слова, он нагнул массивную, как валун, голову и ринулся на дверь.

Я крикнул запоздало:

— погоди, вдруг там сигнализация...

Он ударился всем телом, замок треснул и рассыпался. Половинки начали распаиваться, блеснула молния, и грянул гром. Слепящая молния ударила в демона. Он закричал в смертельной муке, колени подогнулись, рухнул, весь объятый холодным синим огнем, а еще через пару мгновений его тело рассыпалось на куски, и крик оборвался.

Похожий на него демон, перепрыгнув через собрата, ворвался в зал, за ним вбежали такие же крупные и пылающие яростью. Я крикнул разлетевшимся осколком:

— Мы отомстим и за тебя, друг!.. На обломках самовластья напишу ваши имена!..

Мы оказались в странной исполинской пещере, похожей на каверну в огромном куске металла. Высокий свод в стальных блестящих сталактитах, стены неровные, словно мы в беззубом рту старика, стены в неприятных наплывах и наростах, металлический пол в странных наледях, будто расплав-

ленное железо вытекало уменьшающимися порциями и застывало, как лед.

Слишком много металла, мелькнула мысль. Ни одна цивилизация не может столько выплавить, а здесь все железо и железо...

Вспыхнул яркий свет. В центре зала повисло призрачное лицо размером с шар монгольфье. Стены просвечивают, но я отчетливо видел поры на мясистом носу, глубокие носогубные складки и запавшие глаза под седыми кустистыми бровями.

— Кто посмел? — раздался могучий объемный голос.

— Ты искал меня всюду? — закричал я. — Теперь тебя ищу я!

Гигантское лицо искривилось в усмешке.

— Ого, какие речи... Таких вообще не слыхал. Откуда ты, насекомое?

— Это неважно! — крикнул я. — Важнее то, куда отправишься ты. Вперед, ребята!.. Если враг не сдается, его уничтожают. Добьем фашистскую гадину в ее логове.

Глаза прищурились, еще без гнева, но уже в раздражении.

— Смелость, смелость... Но к старшим надо бы уважения побольше...

— Я уважаю тех старших, — прокричал я, — кто с возрастом набирается мудрости, а не... ну, ты понял, короче!

— Ты еще не знаешь, — произнес он насмешливо, — мудр я или не мудр, а уже судишь.

— Ты подсылал ко мне киллеров, — огрызнулся я. — Теперь пора отвечать.

— Перед тобой?

— Да, — ответил я запальчиво. — Как перед представителем общественности! Но я гуманист и могу еще принять капитуляцию! Безоговорочную!

Он покачал головой:

— Какие речи, какие речи... Узнаю себя в молодости. Ты хочешь найти ко мне дорогу?

— Да!

— Оттуда нет дороги, — ответил он спокойно. — Тем более обратно. Но ладно, я для вас сделаю...

Лицо исчезло, через пару мгновений в одной из стен начал расти пузырь, лопнул, оставив металлические брызги на полу, а в стене образовалась широкая дыра.

Я подбежал ближе, это не дыра, а туннель в сплошном металле, очень небрежно вырезанный, от стен еще несет жаром, но шагов через двадцать-тридцать блестит свет солнечного спектра, там еще зал...

— Последний бой, — сказал я кратко. — Двести веков смотрят на вас с высоты свода этой пещеры! Вперед, за истинный гуманизм!

Я первым ринулся в туннель, спотыкался и перепрыгивал колдобины из стали. Следом топотали демоны, рычали и толкались, взвизгивали, на бегу зацеплялись за острые и горячие заусеницы стен, оставляя клочья шерсти, чешуи и толстой кожи.

Нас вынесло в исполинский мрачный зал, здесь стены и свод тоже из металла, веет холодом и нечеловеческим разумом. Или существованием. По стенам проложены рельсы, полозья, во множестве скользят громоздкие механизмы, сверху неумолчный лязг, а когда я устрешенно вскинул голову, то невольно втянул голову в плечи.

Сотни странных машин, похожих на огромных металлических жуков, стягиваются в кучу, сверкают искры, будто работает электросварка, скрежет, снизу поднимаются эти странные механизмы, в стенах люки, оттуда выползают эти жуки и тоже лезут наверх.

Зал оказался не залом, а так, крохотным предбанником: дальше открылся настоящий, что-то вроде ангара для супердирижаблей. Свод теряется во мраке, стены едва видны, высоко над головами проложены висячие рельсы, по ним то и дело стремительно проскакивают тележки, если это тележки.

Я все еще, раскрыв рот, тарашил глаза, когда ко мне подбежал Плантагенет, сказал хрипло:

— Повелитель, Верховный Маг уже рядом.

— Где?

— Я чую его присутствие. И другие чуют.

Я оглянулся на демонов, они сейчас похожи на жалкую стаю овец, увидевших стаю даже не волков, а тигров.

— Братья, — сказал я торжественно, — мы одной крови, вы и я, если говорить иносказательно и красиво. Так победим же или умрем, но лучше пусть умрет наш угнетатель. За честь рода! Вперед!..

Плантагенет, к моему изумлению, ринулся первым. Мощь Великого Мага безмерна, стучало у меня в черепе яростное. Ишь, как одним движением проломил стальную гору! Он и сейчас сильнее меня со всеми моими демонами. Но есть шанс, что в этом как раз и таится его уязвимое место. Маги стали бы властелинами, бессмертными и вечно неуязвимыми, если бы... не оставались людьми. Людьми, со всеми людскими пороками, тщеславием, гордыней и хвастовством.

Это богомол или паук, завидев жертву, убивает ее моментально, не теряя ни секунды. Человек тоже, пока слаб, убивает сразу. Но когда его мощь возрастает, ему уже мало просто убить. Ему хочется поглумиться над жертвой. Ему надо рассказать, как он его подпускал все ближе, чтобы посмеяться, побахвалиться. Потом только убить, но затем, по мере роста мощи, вообще захватить противника в плен и бросить в подвал, куда приходиться, чтобы посмеяться над пленником.

Он наслаждается своей властью причинять боль и страдания, придумывает новые пытки, а когда на горизонте появляется новый противник, то маг сперва даже делает вид, что отступает, чтобы у того разыграл боевой дух.

Возможно, сейчас тоже наблюдает, посмеиваясь, как мы с великим трудом разносим его нарочито хилые заборы. Может быть, даже позволит вышибить двери в его последнюю комнату и будет смотреть, хихикая, как мы избиваем его слабую челядь, уверенные, что побеждаем...

Мы вбежали в комнату, что уже совсем не зал, а странные апартаменты: под стенами доспехи в рост человека, невероятная смесь высоких технологий с древней Элладой: шлемы с боковыми пластинами, укрывающими щеки до подбородка, хорошо проработанные кирасы с затейливым барельефом, закрытые металлом плечи, однако бицепсы и трицепсы должны оставаться голыми вплоть до латных рукавиц.

Из стены к нам ведет роскошная лестница: по обеим сторонам сверкают золотом статуи, ступени под дорогим крас-

ным ковром, изысканный свет, все намекает на то, что самая главная сволочь там, за стеной, где нет и намека на двери.

Я остановился, демоны сгрудились за мной, я видел откровенный ужас на их мордах, в их согнутых фигурах. Даже запах страха стал ощутимым и тяжелым грузом ложится на плечи.

Справа и слева от лестницы грозно блестят металлические статуи рыцарей такой древней эпохи, что я ощутил благоговейный страх. Чувствуется то ли Месопотамия, то ли Гиксония... нет, тут скорее уж атланты или лемурийцы из Гондваны, слишком нечеловеческое, словно отливали или ваяли не люди, а продвинутые до вершин неандертальцы, что вообще-то люди, но не совсем, не совсем...

И хотя надо зыркать по сторонам, я отупело смотрел в металлическое лицо статуи.

— Это кто? — спросил я.

— Это древнее, — поспешно ответил Плантагенет. — Это самое древнее, что найдено.

— Просто украшение?

— Да, — ответил Плантагенет.

— Да, — подтвердил другой демон.

— Да, — сказал еще один и замер, раскрыв рот.

Стена вспыхнула белым слепящим светом. Раздался треск, из верхней части, почти под высоким сводом, выпал огромный кусок. Трепет пробежал по моим нервам, по ту сторону стены блещет неземной свет, белый огонь звездных температур, быстро появляются и мгновенно пропадают странные структуры.

Пахнуло жаром, из белого огня вышел высокий поджарый человек. Одежда полыхает жарко, как и вся кожа, но едва сделал два шага, огонь погас, лохмотья превратились в безукоризненный камзол и синие брюки, даже на сапогах ни следа огня. Лицо, черное и потрескавшееся, как древесный уголь, казалось страшнее смерти, но угольно-черные и глубокие трещины исчезли, словно сильным ветром сдуло черноту.

Он был все так же холоден и сдержан, только вздувшиеся желваки и океан ярости в глазах выдавали его чувства.

— Так вот какое существо, — проговорил он шипящим, как у Плантагенета, голосом. — Долго же тебе везло.

— Повезет еще больше, — пообещал я.

— Твое везение кончилось, — бросил он.

Я оглянулся, удивляясь внезапной тишине. Все мои демоны застыли, как статуи, на некоторых уже выступил иней.

— Прекрасно, — сказал я дрогнувшим голосом, — спасибо, это идеальная обстановка. Никто не мешает, можем спокойно приступить к переговорам...

— Что?

— Я хотел бы выяснить, — сказал я, — что вы из-под меня хотите, преследуя с таким маниакальным упорством, несолидным для такого... гм... с виду неглупого человека... Мы могли бы сотрудничать к обоюдной пользе...

Красные глаза колдуна, где нет ни зрачка, ни сетчатки, а глазное яблоко целиком как раскаленный уголь из костра, вспыхнули, на лицо пал багровый свет. Я содрогнулся от ощущения недоброй силы. Он начал говорить, и я видел, как разгорелись и запылали огнем крылья носа, а изо рта начали вылетать сперва клубы дыма, а затем и огня.

— Ты посмел... Ты посмел...

— Я лишь предложил переговоры, — сказал я, защищаясь. — Вы можете предъявить свои условия, я — свои, обсудим, поговорим...

Я ожидал, что с этой самой высокой ступеньки лестницы, под самым сводом, начнет спускаться медленно и величественно, подавляя меня величавостью и державностью движений, однако он моментально превратился в гигантскую летучую мышь размером с летающего быка.

Моя пальцы сжали болтер, но маг пронесся над моей головой с такой скоростью, что я услышал только, катясь кубарем, жуткий щелчок страшных челюстей над головой.

Куда он исчез, я не видел, а когда вскочил и хотел выстрелить вслед, под высокими сводами звучал лишь дьявольский хохот.

— Ничтожество!.. Что ты можешь?

— Я пришел на переговоры не с пустыми руками, — заверил я быстро.

— Переговоры? — прогремел голос. — Для этого ты ломал мой прекраснейший из дворцов?

— Так всегда делается! — объяснил я. — Чтобы облегчить взаимопонимание... Предварительная подготовка с элементами силовой акробатики. Это мировая практика, не я ее придумал...

Он крикнул обрекающим голосом:

— Сейчас ты умрешь!

— Не спеши! — вскрикнул я с возмущением дипломата. — Мы же только начали мирный диалог...

Глава 8

Страшный удар из пустоты обрушился в мою челюсть. Я отшатнулся, рот наполнился кровью, в голове помутилось. Второй удар бросил меня на землю, я уже увидел призрачное тело, бьет кулаками с надетыми на пальцы кастетами, мог бы как-то иначе, но не хочет отказывать себе в удовольствии уничтожить врага лично, чтобы ему было больно и страшно, чтобы хрипел и выплевывал выбитые зубы...

Я пытался отбиваться, но эта сволочь с крыльями все делала неправильно: вместо того чтобы двигаться медленно и неуклюже, она наносила быстрые и неожиданные удары. Когда я полетел вверх тормашками и без сил распластался у дальней стены, Верховный Маг, вместо того чтобы победно расхохотаться и начать подробно рассказывать, как он будет меня мучить перед смертью, а также где у него уязвимые места и как бы я легко мог бы его победить, если бы не был полным дураком... он просто прыгнул на меня и прижал к полу всей многотонной тушей.

— Ну что, — просипел я, задыхаясь, — ты уже готов идти на уступки в переговорах?

Он захохотал, запрокидывая голову с мертвенно-белым лицом.

— В твоём ли положении?

— Всегда можно... отыскать... консенсус... — прохрипел я.

— Это что такое?

— Сторговаться, — объяснил я. — Я, например, оставляю тебе жизнь, а ты передаешь мне замок, подчиненных тебе демонов, регалии, рычаги власти.

— Ох-хо-хо... А что остается мне?

— Катиться к дьяволу, — прошептал я.

Он захохотал, я ждал смерть, дураков надо убивать и тем самым чистить землю от уродов, но маг прошипел мне прямо в лицо:

— Ключ!.. Быстро давай ключ!

— Ключ? — переспросил я. — Ты так бы и сказал!.. А то я все думаю, чего ты такой злой...

— Ключ, — прошипел он яростнее и сдвинул мне горло. — Сейчас ты умрешь...

— А ты не получишь ключ... — пискнул я.

— Я все равно его получу, — прошипел он злее.

— Но ты мог бы получить сразу, — ответил я задумчиво. — Не спеши, мы же деловые люди. Война — это всего лишь продолжение политики другими средствами. Давай говорить, спорить, вырабатывать общие принципы, на которых можем прийти к консенсусу... Взаимно выгодному, что немаловажно... Ладно-ладно, выгодным только тебе, я не спорю, раз твоя позиция несколько лучше, но и я должен получить... хотя бы свою шкуру, ты не находишь?.. Кстати, какой именно ключ ты имел в виду?

Стальная фигура за его спиной смотрела прямо на меня. Мне показалось что-то особое в том взгляде и в озарении, что может прийти только в момент, когда сознание уже мутится от недостатка кислорода, вспомнил кольцо, которое бодибильдерша называла Талисманом Талисманов, сжал челюсти и велел этому монстру из стали и металла подойти и схватить этого гада, что душит меня, как какой-то пьяный гад из подворотни.

Металлическая статуя шевельнулась. Вместо того чтобы подойти, у нее удлинились руки. Я уже хрипел, в глазах потемнело, затем давление на глотку исчезло.

Я потряс головой и увидел, что маг бьется в объятиях стального монстра. Моя грудь ходит ходуном, с сипом и хрипами прокачивая цистерны воздуха.

Глаза мага лезли из орбит, то ли из-за цепких рук стального человека, то ли от безмерного удивления.

— Талисман Талисманов... — прохрипел он. — Только он может... Неужели... у тебя?

— У меня много всяких диковин есть, — ответил я почти так же хрипло и пощупал горло. — И покруче.

Он барахтался, сипел:

— Дурак... мальчишка... Зачем все разнес, если у тебя Талисман Талисманов...

— Люблю ломать, — сообщил я. — Молодой ишшо.

— Мальчишка...

— Из мальчишки что-то да вырастет, — сказал я, — а вот дурость разве что лоботомией?

Он перестал барахтаться, лицо стало успокаиваться, в глазах появилось новое выражение, которое мне очень не понравилось. Губы шевельнулись, он сказал всего три слова, в его ладонях появился огненный шар.

Я успел увидеть триумф на его лице, инстинктивно сжал болтеры. Его тело задергалось под тяжелыми ударами стальных штырей. Из рта хлынула кровь, я торопливо сжимал металлические цилиндры, выпустив еще с десятков зарядов, что прошли тщедушное тело и вошли по самые шляпки в стального монстра, украсив его великолепными звездочками заклепок.

Сердце мое колотится в страхе так, что едва не выскакивает. Еще чуть-чуть, и маг сумел бы освободиться, а то и прихлопнуть меня, как муху.

Пальцы стального воина сжались, шея мага хрустнула. Я мысленно повелел ему, как властелин Талисмана Талисманов, отпустить жертву. Верховный повалился на пол и скрючился, подогнув колени. Голова оставалась вывернутой под неестественным углом. Под ним сразу образовалась огромная красная лужа.

Демоны начали шевелиться, затрещало, на пол посыпался иней и мелкие льдинки. Вбежали Макиннон, Пантагенет, несколько мелких моих союзников, но на пороге застыли, в ужасе и благоговении глядя на бездыханное тело того, кто недавно повелевал демонами.

Доспехи Макиннона страшно изрублены и в красных пятнах, он то и дело опирается на демонов, которых так страшил-

ся совсем недавно. Левая рука висит вдоль тела, в правой меч с выщербленным во всю длину лезвием и в крови по самую рукоять.

— Великий Маг... — прохрипел он, — ...убит?

— Да, — ответил я угрюмо. — Он слишком много знал.

Серфик пискнул:

— А вы, повелитель?

— Я знаю больше, — ответил я с печальной гордостью. — Это называется дарвинизмом, или естественным отбором. Сожгите труп немедленно, а пепел развеите.

Плантагенет сорвал с безжизненных пальцев мага кольца и протянул мне:

— Это ваши, повелитель.

— Да зачем они мне? — ответил я вяло.

— Возьмите, — сказал он настойчиво. — Этим вот он всех заморозил... А вот в этом сила самого мага.

Я машинально принял, хотел сунуть в карман, но демон настойчиво старался одеть мне на пальцы, и я держал их растопыренными, пока он нанизывал одно за другим. К счастью, кольца тонкие, все можно собрать на одном пальце, но демон распределил их мне на обе руки.

— Спасибо, — кивнул я. — Жаль, что такую силу получаю, когда мне нужна совсем не сила. Ну да ладно, я хозяйственный.

Глаза Макиннона начали закрываться, один из демонов подхватил его, я торопливо возложил ладонь на лоб виконта. Он вздрогнул, глаза распахнулись, взгляд был диким.

— Что?..

— У нас так, — сообщил я. — Но из погибших возвращаются только демоны.

Плантагенет напомнил устало:

— Мой повелитель, ты говорил насчет капитуляции...

— Увы, — ответил я, — он ее отверг.

— И о заключении мирного договора...

Я развел руками.

— У меня бывают и неудачи.

Макиннон нервно хохотнул:

— Это называется неудачей?

Он все ощупывал свое тело, сжимал в кулак левую руку и рассматривал ее с любовью и нежностью. Я не успел ответить, раздался жуткий треск, по высокому каменному своду пробежали страшные черные молнии, разделяя его на исполинские глыбы.

— Бежим! — крикнул Плантагенет, но сам не сдвинулся с места, глядя на меня.

— Все уходим! — закричал я.

Ноги мои, мгновенно налившись силой, бегом понесли к выходу. Стены трескали и шатались, прямо передо мной грохнулась глыба, осколки брызнули, как мелкие серебристые рыбешки, одна больно укусила в ногу.

Я несся к выходу, с ужасом видя, что не успеваю, там уже шатается свод, массивные глыбы выскользнули из гнезд...

Обогнав всех, впереди оказался огромный демон с синеватым телом, словно кожа из хорошей стали. Он встал в проходе, подставил спину под рушившиеся гранитные плиты и держал, пока мы проскакивали мимо.

Я слышал, как трещат его кости, надсадное дыхание, и уже когда выскакивали из ловушки, донесся страшный крик смертельной муки, когда тяжелые блоки сплющивали и размалывали его тело.

Знакомо ли демонам самопожертвование, мелькнула потрясенная мысль. Или это понимание, что с моей гибелью все будет напрасно?

Запыхавшиеся, измученные, мы тяжело дышали и со страхом оглядывались на мрачную громаду крепости. Тяжелый грохот затихал, она осталась выситься над нами почти такая же жуткая, неприступная и вызывающе подавляющая одним своим видом. И почти незаметно, что ее только что захватывали и перебили там не только посуду.

— Отойдем подальше, — прохрипел я. — От греха... А то еще рванет...

Демоны, ковыляя и поддерживая друг друга, гурьбой двинулись по мощеному двору, заваленному обломками и телами погибших, выбрались на чистое пространство, куда не докатились глыбы.

Я спускался по холму, хромая и подволакивая ноги, хотя

все раны залечил, сбоку идет Макиннон, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не опередить, с нами четверо уцелевших демонов, тоже побитые, израненные и угрюмые.

— И что теперь? — спросил Плантагенет на ходу. — Мой повелитель, ты займешь место Верховного Мага?

Демоны шли справа и слева, поглядывали в угрюмом ожидании. Я видел в их нечеловеческих глазах, что да, конечно же, я так и поступлю. Все так поступали везде и всегда. Победитель всегда занимал захваченный трон. И начинал править «справедливо и милостиво», как он повелевал именовать период своего царствования.

— Я — новый человек, — ответил я. — Вы же поверили, что я отпущу всех на свободу? Даже не отпущу, слово какое-то поганое, словно вы мои рабы... Я просто верну вам вашу свободу, которой вы временно лишились.

Их выражения лиц и глаз почти не изменились, в момент победы так говорил, возможно, не только я. Но когда проходил этот щедрый миг упоения победой и своей добротой и властью, у любого начинала шевелиться гнусенькая мысляшка: как, зачем, почему отказываться добровольно от такой безмерной власти?

— А замок, — закончил я жестко, — уничтожим! Весь. Со всеми его диковинами. Сейчас все организовано и без паники, как при пожаре, покидаем это проклятое место!..

На западе догорает кровавый закат, небо должно бы стать темно-синим, но почему-то бледно-прозрачное, растерявшее безмятежную голубизну, медленно переходит в загадочно-зловещую фиолетовость.

Первые звезды еще не проступили, но бледная луна уже высоко в небе озирает мир, где вскоре засияет в полную недобрую мощь.

Я всей грудью вдохнул свежий воздух, мелькнула мысль забрать хотя бы металлического стража, что спас мою шкуру. Раз из самых древних эпох, то может хранить какие-то необыкновенные тайны, но взял себя за горло и велел не хитрить и не искать лазеек.

Пока спускались с холма, демонов с нами стало вдвое больше. Одни выглядят радостными, другие бредут с понуры-

ми головами. Я не понял, почему так, что с ними, но подлетел Серфик и пропищал:

— Это уцелевшие демоны Великого Мага.

Я спросил с недоверием:

— Не погибли?

— Перестали сражаться, — объяснил Серфик, — как только ощутили, что их повелитель погиб. А мы их убивать не стали. Твоего повеления не было.

— Это хорошо, что не было, — пробормотал я, хотя что-то вроде бы орал в кроважадном азарте насчет пленных не брать, но эти не сражались, так что все правильно...

— Что с ними делать, хозяин?

Я оглядел понурившихся демонов. Не больше десятка, вряд ли среди них особо ценные экземпляры, самые сильные были брошены защищать крепость, они все погибли, забрав в свой ад почти всех моих героев.

— Это пленные, — сказал я размышляюще, — потому к ним и надо бы, как к пленным. Не парашютистам или партизанам, а рядовым вермахта. С другой стороны, сражались с нами потому, что не могли не сражаться. Они даже не наемники, их заставляла чужая воля. Потому как врагов их рассматривать не будем.

Я оглядел их, подспудно ожидая воплей ликования и восторга, а также прочих изъявлений народного счастья, однако демоны смотрели на меня тупо, как рабочие волю, словно не понимали моих слов.

Плантагенет повернул голову в мою сторону, взгляд его круглых, как у орла, глаз был мрачен, а тонкие губы стиснулись в тонкую линию.

— Что-то не так? — спросил я.

— Не верят, — сказал Плантагенет кратко.

— Это вижу, — произнес я невесело, — ладно, все поправим. Ладно, а сейчас ввиду радостного события, что черный властелин повержен... это неважно, что блондин и ходил в белой тоге, отныне он Черный Властелин, свергнутый революционно настроенным народом... так и внесут в анналы... да, о чем это я с таким вдохновением... словом, объявляю амнистию. Это значит, что эти вот получают настоящую свободу.

Как и все те, кто сражался со мной плечом к плечу за свободу, демократию и прозрачные выборы.

Плантагенет спросил тихо:

— Свободу?.. Сейчас?

Я вздохнул.

— Завтра. Извини, но малость нечестно, если получите свободу раньше тех, кто героически погиб, приняв на себя первый удар мерзкого Черного Властелина. За сутки, как мне объяснил Серфик, они все восстановятся в вашем багровом океане. Я призыву всех! Сперва получают свободу они, потом вы. Даю слово паладина.

Он повторил тупо:

— Паладина... А что это?

— Завтра узнаете, — пообещал я.

Макиннон зыркнул по сторонам опасливо, сказал мне почти шепотом:

— Сэр Ричард, я все понимаю... но все-таки...

— Что вас тревожит? — спросил я настороженно.

— Сэр Ричард, а надо ли уничтожать замок?..

— А почему нет?

Он сказал быстро:

— Это же такая мощь!.. Если вам восхочется поразвлечься светским кавалером, то всегда можете в Люнебург... или в другие города, а крепость на это время оставить закрытой. Запечатанной!.. Теперь у вас такая власть над этим местом, отныне все в нем подчиняется вам!.. Вон тот зеленый с рогами на спине надвинул вам на палец кольцо абсолютной власти над крепостью, я ж сам видел...

Я ощутил, что колеблюсь, в самом деле, только дурак расстанется с такой мощью и такой властью, да еще в мире, где всяк норовит сожрать тебя, но, с другой стороны, такая безмерная власть... я не скажу, что я слабый, я ого-го, железо, но все-таки это уведет меня в сторону. Далеко-далеко.

— Надо, — ответил я со вздохом. — Мало ли, что мне до боли в печенках не хочется лишаться такой мощи? Увы, сэр Макиннон... надо.

Он смотрел непонимающе.

— Почему? Почему, сэр Ричард?

— Хочу или не хочу, — ответил я, — это мои личные желания. Надо — это нечто более высокое. Я этого никогда не любил и не признавал, я же личность, у меня свои законные желания, и весь мир должен их признавать и считаться...

Он смотрел ясными глазами, на его открытом лице я видел отражение своих прежних мыслей и желаний, мол, а как же еще, и я закончил уже совсем упавшим голосом, морщась, что говорю зря, Макиннону это пока что горохом о стенку, ну, как совсем недавно было бы мне:

— Этому «надо» подчиняем свое крохотное «я». Потому все марш от холма!.. А то какая глыба докатится, пальцы оттопчет.

Отодвинув Плантагенета, передо мной остановился сильно хромающий демон, лысый череп в наплывах ржавого железа, словно застывшая кровь, один глаз вытек и смотрит на меня с укором пустой глазницей.

— Повелитель... — прорычал он таким низким голосом, что я ощутил инфразвуковой удар, — крепость велишь разрушить?

— Да, — ответил я. — До основания. Если сумеем, конечно. А затем... затем будем думать, правильно ли сделали.

— Тогда повели ее разрушить мне.

Я окинул его внимательным взглядом. Самый могучий из уцелевших, он все-таки изранен, устал и потому втрое меньшего роста, чем был вначале.

— Справишься?

Он ответил глухо:

— Теперь там нет защитников.

— Действуй, — распорядился я. Демон медлил, я сказал нервно: — Ломай все к черту, пока я не передумал! А то так хочется поверховномагствовать!

Демон начал раздуваться, ноги тоже удлинились. Неуловимо быстро взбежал по холму, все еще вырастая в размерах, достиг донжона, длинные лапы обхватили здание.

Рядом со мной потрясенный Макиннон замысловато выругался. Очертания демона стали расплываться, он потерял форму, вокруг донжона появилось серое облако, почти неза-

метное на фоне наступающей ночи. Раздался жуткий нечеловеческий рев. Над крепостью взвился густой черный дым, словно загорелись нефтяные склады. Устрашающе ярко взметнулись багровые языки огня, огромные настолько, что каждый сжег бы целый город. Дым и огонь становились все гуще и страшнее, чья-то рука в немыслимой злобе скручивала черно-багровое пламя в исполинский жгут. Проглянуло жуткое нечеловеческое лицо, пустые глазницы, однако новый взрыв огня разметал дым, тот разбился на отдельные, быстро поднимающиеся к небу столбы.

Макиннон в испуге оглянулся в сторону Люнебурга.

— Этот пожар заметят все!

— Думаешь? — усомнился я.

— Сейчас там весь народ лезет на крыши, — заверил он, — и на городскую стену! Да что увидишь, кроме стены огня до самого неба!

— Пусть смотрят, — сказал я недобро.

— Пусть, — согласился он злорадно.

Вершина крепости взорвалась, будто выстрелил могучий вулкан, которому толстая пробка лавы затыкала жерло тысячи лет кряду. В небо ударил мощный столб оранжевого огня. Взлетели гранитные куски стен, а багровое облако поднялось к небу и начало шириться, как шляпка исполинского гриба.

— Уж точно заметят, — прошептал Макиннон заворуженно. — И не только в Люнебурге...

— Пусть смотрят, — повторил я. — Пусть видят и мотают на ус.

Он оглянулся на меня, глаза странно блистали.

— А что сделаем мы?

Я буркнул:

— Воспользуемся, что еще?

Столб огня бил и бил в небо, словно победно горит подземное нефтяное море. Небосвод раскалился, багровая лава прилипла к нему и расползается вширь, грозя сжечь весь небесный хрусталь. Звезды померкли, их заливали и погребали под собой расширяющиеся пурпурные волны.

Макиннон судорожно вздохнул, на лице я видел откровен-

ный страх, как бы небо не обрушилось на землю. Думаю, что по всему королевству сейчас молятся и ждут конца света.

Но огонь постепенно становился тише, наконец исчез, а дым развеялся. На вершине холма осталась груда дымящихся развалин. Я ощутил запоздалый укол при виде переплетения исполинских металлических балок, оплавленных и покореженных, такая мощь потеряна, а мог бы... но сделал бодрое лицо и сказал еще более государственным голосом:

— Гнездо единовластия разрушено гуманизмом!.. Да воссияет заря свободы, братства и эгалите!.. Молодец этот демон. Надо бы ему рукопожатие перед строем, похлопать по плечу, а то и награду какую за службу Отечеству, то есть мне, замечательному... Кстати, где он? Предстать перед мои очи, поздравлять буду.

— Он отдал все силы, — ответил Серфик грустно.

— В смысле...

— Чтобы разрушить, он отдал всего себя, — пояснил он. — И умер.

— Ну да, — пробормотал я, — вы же все умеете себя в чистую энергию... Черт, некстати я с поздравлениями, дурак. Ладно, завтра увидимся и с ним тоже.

Сферфик пропищал в ухо:

— Господин! Ваши рабы просят позволения уничтожить даже холм Поработителя Демонов.

Я повернулся к демонам, своим и недавним пленным, все истерзаны, стали вполовину меньше, но у тех, кто служил Верховному Магу, вид решительный и злобный.

— Еле дышат, — сказал я. — Сил хватит?

— Также ценой жизни, господин, — ответил Серфик серьезно. — Они очень не любят это место.

Я покачал головой. Демоны в течение суток возрождаются, но для того, чтобы берегли жизнь, эти сутки проходят в таких муках, что не всякий человек согласился бы вообще возрождаться.

— Они сами того хотят?

— Если ты захочешь, — уточнил он.

— Мало ли что я хочу, — возразил я. — Они соратники, а не рабы!

— Но они выполняют все...

— Хорошо, — сказал я с чувством вины. — Только если сами того хотят. Я просто не могу просить такой услуги.

— Господин, это их желание тоже!

— Тогда пусть действуют.

— Скажи им!

Я повел дланью.

— Повелеваю уничтожить и этот холм, сровняв его с землей. Да будут на этом месте со временем поля, сады и пусть мирно пасется крупный и мелкий рогатый. И куры.

Двое демонов превратились в вихри, остальные — кто стал огнем, кто водой, кто вообще изменился в чудовишных землеройных насекомых. Призрачные вытянутые тела демонов вихря уже метнулись к холму. Мы с Макинноном вытянули шеи, некоторое время с холмом ничего не происходило, затем земля начала проседать, быстро и неприятно позеленела, похожая на исполинскую болотную кочку.

Холм опускался все быстрее, наконец провалился, будто в воду. На миг образовалась широкая темная воронка, я затаил дыхание, почему-то казалось, что в земле так и останется непонятная жуткая дыра.

Через полминуты мучительного ожидания мы увидели мощный всплеск горячей грязи. Пахнуло серой, из дыры с жутким клекотом поднималась кипящая земля. Мелкие гейзеры выстреливают фонтанами кипящей воды, все заволочло уже не дымом, а паром.

Ветер усилился, стену пара сдвинуло и рассеяло. Жуткая дыра заполнилась тяжелой вязкой землей, на глазах застывает, выглядит исполинской ловушкой.

Я ощутил себя в полнейшем одиночестве, несмотря на сочувственное сопение за спиной потрясенного Макиннона.

Ни один из демонов не вернулся.

Глава 9

Небо очистилось от дыма, снова сияют по-южному крупные звезды, земля остывает, над миром царит прохладная и вместе с тем душная ночь. Сильнее запахи ночные цветы, на-

летели светлячки и понеслись густым роем в сторону исчезнувшей горы. Луна, бледная от увиденного и пережитого за своего адепта, залила мир мертвым, но необыкновенно ярким светом.

Весь мир мертвенно бледен, пугливо тих и выжидает, что же грянет дальше. Первыми далеко-далеко заквакали отважные жабы, затем пошли их трели, наконец, затрещали кузнечики, а ночные бабочки, мохнатые, как воробьи, полетели стайей по пути, проложенному в воздухе светлячками.

— Хреновый из меня Гилель, — пробормотал я. — Срываюсь, как Уго Чавес. Нет чтобы поддакнуть старшему... а я сразу в рыло! Теперь самому неловко.

Макиннон оглянулся на болото с жидкой землей, снова посмотрел на меня, уже с великим изумлением и непониманием.

— Неловко? За что?

— Я ж мириться шел, — напомнил я. — Уладить взаимопонимание. Умные с умными не дерутся, как и демократы, это аксиома. Кто-то из нас вроде дурак. Но не я же? Ну и что, если Верховный презирал меня и считал сопляком? Я мог бы переубедить как-то мягше, мягше... Нельзя же сразу вот так неинтеллигентно! Я же гуманист и за вывод войск. Медленно и терпеливо можно бы...

Он сказал предостерегающе:

— Так он бы и дал вам это медленно и терпеливо.

Я вздохнул:

— Вы правы, сэр Макиннон. Злая и несправедливая жизнь подталкивает нас к неприятно верным решениям. В смысле, к упреждающим ударам. Но что сделано, то сделано. Кстати, вы показали себя с самой лучшей стороны. Признаюсь, я сомневался в вас, но теперь доверяю вполне, вполне. Возвращаемся победителями. Вы понимаете, что это значит?

Он подобрался, в глазах хищный блеск.

— Да, сэр Ричард! Есть, сэр Ричард! Будет сделано, сэр Ричард!

— Не переусердствуйте, — предостерег я. — Виконство, конечно, смените на баронство или графство, еще там что-то прихватите по мелочи, но не нарушайте баланс производст-

венно-экономических сил. Это главное. И вообще, не нарушайте... слишком.

Он гаркнул рьяно:

— Слушаюсь, сэр Ричард! Осмелюсь напомнить, я дружен с бароном Эльрихом, а он о вас очень высокого мнения. Барон очень осторожный человек и подскажет мне, что делать, чтобы не вызвать недовольства.

— Отлично, — ободрил я. — Действуйте.

Судя по трем пойманным им коням, кавалькада горе-охотников удирала из этих мест, кто пешком, а кто на четвереньках. Испуганные кони хоть и брыкались, сбрасывая хозяев, но когда демоны исчезли, а крепость и гора провалились под землю, дисциплинированно вернулись на место, где теперь их и переловил Макиннон.

Он бегом подвел мне вороного, себе взял буланого, на лице виконта я увидел злорадную ухмылку.

— Вот этот, — сказал он с нехорошей радостью, — принадлежит графу Бэкдорфу!

— А коня леди Элизабет нет? — спросил я с беспокойством.

— Нет, — ответил он. Заметив тревогу в моих глазах, пояснил торопливо: — Если ее конь и убежал бы, любой отдаст ей своего! А вот граф наверняка несся отсюда со всех ног пешком.

— Его не жалко, — согласился я.

— Вот и я о том. Верну ему коня, перед всем двором опозорится!

— Правда? — спросил я с интересом. — Я думал, главное — флирт.

— Главное, — подтвердил Макиннон. — Но когда не с кем?

— Понятно, — согласился я. — Хорошо, теперь в Люнебург! Только ничего не рушить, понятно? Рушить я и сам умею. А вот строить вас еще учить буду... Может быть, и сам тогда научусь. Вперед — и с песней!

Макиннон, вот уж истинный служака, тут же в самом деле бодро затащил лихую походную. Жаль, демонов нет, я бы велел подпевать. Макиннона такие мелочи не смутят: сюзерен велел петь — значит, петь хорошо и правильно.

Сверкающие в лунном свете стены Люнебурга быстро при-

ближаются, Макиннон посмотрел на меня и захлопнул рот. Я кивнул благосклонно.

Он угадал, пусть наше возвращение выглядит более торжественно-зловещим.

Над воротами яркий свет, словно от люстры с тысячью свечами, но стражей наверху не разглядеть, свет падает вниз, освещая всех, кто приближается вот так в ночи. Копыта стучат грозно, хотя нас всего двое. Ворота заперты, но не успели мы приблизиться, как обе створки с неприличной поспешностью и как-то даже трусливо пошли в стороны.

Макиннон понимающе хмыкнул, приосанился. Вид у него такой, что, если бы не открыли, вышиб бы пинком, а потом еще и стражей размазал по городской стене.

Въезжали мы медленно и грозно, суровые и неотвратимые, как наступление ледникового периода. Макиннон выпячивал грудь, крутил усы и смотрел орлом.

Стражи поспешно убрались от ворот, я покосился на их испуганно-почтительные рожи. Со стен не разглядеть, что происходило на горе Верховного Мага, но жуткий столб огня и дыма там нельзя не заметить. Даже сейчас хорошо видно, что отныне нет никакой Черной Горы: раньше заслоняла кусок неба.

Макиннон сказал негромко, едва двигая губами:

— Они видят, откуда мы едем. Думаю, гонца к Его Величеству уже послали.

— О нашем возвращении? — спросил я так же тихо.

— Нет, когда вы изволили начать штурм. А сейчас, да, тоже послали. Вон из той сторожки выметнулся один на быстром коне. Как только мы подъехали к воротам.

— И, конечно, уметелил в сторону дворца?

Он ухмыльнулся.

— Там такое начнется... Мы прямо следом?

Я подумал, покачал головой.

— Неопределенность пугает больше. Сперва к герцогу. У меня к нему... теплые чувства.

Город не спит, чувствуется, но народ с улиц исчез, только к звонкому цокоту подков по булыжнику однажды добавился

грохот подкованных сапог городской стражи, однако они исчезли, как тени, хотя должны были, по идее, загородить нам дорогу.

По узкой улочке мы пронеслись, едва не задевая стремянами ставни, к той, что пошире, там светлее. Сонно гавкнули собаки из подворотен, во дворах темно, однако в щели между ставнями почти везде просачивается свет.

Впереди море света, дворец герцога Людвига умело подсвечен как огнем из бочек, где полыхает цветная смола, как и магическим пламенем, признак могущества и родовитости.

У ворот, что ведут в просторный двор герцога, целая группа вооруженных до зубов воинов. Мы подъехали, придерживая коней, солдаты растерянно пятились, выставя перед собой копья и поглядывая на командира.

Макиннон, чванясь и задирая нос, сказал ему громко и очень отчетливо:

— Сэр Гриннер, вы неплохой служака, но... если посмотрите во-о-он в том направлении... Эх, стены загораживают, то увидели бы там крепость самого могучего из всех магов на свете... Эх, что это я говорю? Нет там больше никакого мага. И крепости отныне нет! Сэр Ричард с армией демонов, которых свет еще не видел, разнес крепость колдуна, поразил его своей недрогнувшей рукой, а затем и всю гору одним мановением опустил в преисподнюю!

Офицер медленно бледнел, тупо тарасил глаза.

— К-к-к-как это м-м-м-огло пр-р-роизойти?

Макиннон сказал весело:

— А восхотелось сэру Ричарду смести с земли Верховного Мага и самому побыть им. Просто так, ради интереса. Сейчас он добр ввиду победы, хоть и пустяковой для него, но доброта.... может продержаться недолго. Вы меня поняли, сэр?

Последние слова он произнес настолько угрожающим тоном, что офицер и его солдаты только мгновение смотрели на него оторопело, затем их как ветром сдуло.

Макиннон победно усмехнулся, мы проехали в ворота. Из окон построек высывались головы прислуги и челяди, но никто не выскочил, никто не сказал ни слова, что во всегда шумном и веселом дворце герцога как-то непривычно.

Мы пересекли огромный двор, Макиннон ворчал, что это уже слишком, здесь всегда было так красиво и празднично, ну нельзя такую красоту рушить даже из государственной необходимости.

На меня он посматривал вопросительно, стараясь угадать ход моих мыслей.

На ступеньках у входа во дворец расположились четверо гвардейцев. Один держал в руках стаканчик с игральными костями, трое следили за нашим приближением. Я полагал, что попробуют воспрепятствовать, но они лишь вытянулись и уставились испуганными глазами.

— Что, — проговорил Макиннон почти ласково, наслаждаясь положением, — уже почуяли, где жареным пахнет?.. Видели, как почистили от вас ворота?.. Ладно, ребята. Сэр Ричард ввиду победы над Верховным Магом... и ввиду, что огньные он теперь Верховный Маг... прощает вашу дурь и не станет превращать вас в жаб. Бегите, пока он не передумал.

Гвардейцы прыгнули с крыльца, как борзые, а улепетывали быстрее зайцев.

Я сказал с неудовольствием:

— Ну что ты заладил про Верховного Мага? Не собираюсь я в маги. Неинтересно. У меня и бороды нет.

Он сказал торопливо:

— Это фигура речи!.. Чтоб их проняло до печенок. А разве вы не Верховный Маг?

Я ощутил недоговоренное, пахло некоторым холодком прямо из воздуха, сказал с хмурым достоинством:

— Я не только Верховный Маг. Я кое-что и покруче, понятно?.. Но сейчас я просто изволю быть простым и даже очень простым маркизом.

Он воскликнул с преувеличенным восторгом:

— Это я понимаю!.. Как на карнавале! Когда король в костюме пастуха, а потом р-р-р-раз — и снимает маску!..

— Вот-вот, — согласился я. — Уже теплее.

Оставив коней у ступеней, мы прошли через пустой холл, в таком же пустынном зале к нам торопливо вышел и поклонился церемониймейстер. Я направился дальше, но Макиннон вскричал:

— Это, послушай! Доложи герцогу, что явился Верховный Маг королевства Гессен, маркиз... остальные титулы можешь пропустить, но сделай паузы, чтобы было понятно, что они есть и что они очень даже... Понял?

Церемониймейстер бледнел и вздрагивал, а когда исчез, я сказал с неудовольствием:

— Кончай пугать народ. Больше ни слова о Верховном Маге!

Он сказал торопливо:

— Да-да, конечно. Теперь уже все и так узнают.

— Пойдем, — сказал я, — до покоев герцога еще далеко, заморимся.

— Я за вами, сэр Ричард, — с готовностью ответил Макин-нон, подчеркивая каждым словом и жестом, что за мной в огонь и воду. — Я вас не оставлю!

Я шагнул к лестнице, но из бокового зала быстро простучали каблучки. Выбежала удивленная леди Элизабет, ахнула:

— Сэр Ричард? Это вы?

— А вы думали, призрак? — ответил я. — Пошупайте, чтобы проверить. Везде шупайте, не стесняйтесь! Это модно.

Она даже не обратила внимания на грубость. Прекрасные глаза были полны тревоги.

— Сэр Ричард!.. Как вы?.. Последнее, что я видела, как вы на ужасающем коне, что не конь вовсе, повели армию уже более ужасных, просто ужасных существ на штурм крепости Верховного Мага!.. А сейчас вы... живы?

Я отмахнулся с неловкостью:

— Да удалось договориться.

— Договориться? С Верховным Магом?

— Ну да, — подтвердил я. — Я всегда стараюсь договориться. Я очень мирный человек, леди Элизабет. Войны нерентабельны. Любого человека, как и страну, куда проще ограбить без всяких войн!.. Кстати, как там поживает граф Бэкдорф? У нас с ним неоконченное дело...

Она посмотрела на меня одновременно испуганно и гневно. Усекла сразу, что я неуклюже стараюсь поменять тему разговора, но выпрямилась и ответила сдавленным голосом:

— С вашей стороны нехорошо так говорить.

— Почему? — изумился я.

— Нехорошо глумиться над заведомо слабыми, — сказала она с вызовом и посмотрела мне в глаза: — Или вы считаете не так?

Я пристыженно опустил голову.

— Признаюсь, уели. Даже мордой о стол со всего размаха. Надо же, как-то не думал, что такая красotka окажется способной на...

Я замолчал, а она спросила с вызовом:

— На что?

— Встретил красивую, — пробормотал я, — оказалась еще и умная... Даже не знаю, сразу ли утопиться? Или с башни на камни двора под вашим окном?

Она поморщилась:

— Не валяйте дурака. Даже если в самом деле прыгнете с башни вниз головой, эти ваши чудища вас на лету подхватят. Я видела, как перед вами склонился огромный и ужасающий демон! А вы, подумать только, сели на него...

Я охнул:

— Вы что же... все видели?

Она сказала слабым голосом:

— Не все. Наши кони в страхе убежали. И слуги тоже...

— А вы? — спросил я.

— Не могла, — ответила она смущенно. — Граф Бэкдорф упал в обморок. Я осталась, чтобы его не обидели. Потом, конечно, мы убежали тоже...

— Пешком?

— Нет, мне удалось приманить одного коня.

Я посмотрел на нее другим взглядом. Красивая, с нежной кожей и вспыхивающим по каждому поводу румянцем, пухлыми детскими губами, очень сочными и спелыми, прямо созданными для долгих поцелуев, она смотрела на меня чисто и прямо без всякого кокетства, и сейчас нам обоим по фигу, на каком месте у нее мушка.

Макиннон деликатно кашлянул в сторонке.

— Я к сэру Людвигу, — сказал я. — Он... здоров?

— Болеет, — ответила она невесело, — но, думаю, его подбодрит ваше появление.

— Тогда с вашего позволения, — сказал я с поклоном, — поспешим. Сэр Макиннон!

Она осталась, несколько обескураженная, от красивых женщин не отходят даже при известии, что загорелось их родовое поместье или отец сломал шею, упав с коня.

И хотя да, я уже фактически Верховный Маг, но когда она видит меня, то никак в это поверить не может. Что и хорошо.

Мы прошли быстрым шагом к покоям герцога, двери распахнуты, двое стражей жадно прислушиваются к происходящему внутри. Заслышав наши твердые шаги, обернулись и поспешно вытянулись.

— Уже знают, — прокомментировал Макиннон, — по мордам вижу. Попугать их?

— Да ладно тебе...

— Ну люблю пугать народ! Сэр Ричард, мне это так редко удается...

— Тогда пугай, — разрешил я.

Глава 10

Я переступил порог, сразу охватывая взглядом картину: половина свечей погашена, создавая полумрак, сильно пахнет отварами трав и прочих зелий, все пропитано упадком и болезнью.

Герцог Людвиг полулежит в глубоком кресле, толстое одеяло до середины груди, теплый вязаный колпак надвинут по брови. Рядом в таком же кресле дремлет Эйсейбио. Глаза герцога раскрыты, даже широко распахнуты.

Церемониймейстер оглянулся в нашу сторону и пропал, словно рассыпался в пыль.

Я отвесил короткий поклон.

— Сэр Людвиг, вы меня слышите? Мое почтение, кстати... Я чем-то могу помочь?

Он ответил сухим старческим голосом:

— Вы уже помогли, сэр Ричард. Я, правда, ничего не понял из того, что мне доложили, но, судя по всему, вы на коне.

— На белом, — подтвердил я. — Сэр Людвиг, это сэр Ма-

киннон, он был со мной по правую руку, когда мы шли на переговоры с Верховным Магом.

Макиннон шелкнул каблуками и светски поклонился. Герцог окинул его любопытствующим взглядом.

— Я не часто видел этого офицера в светском обществе, но с ним общается барон Эльрих, а это неплохая рекомендация.

Я взял герцога за кисть, слабую и обескровленную.

— Если с ним якшается барон Эльрих...

— Я сказал, общается.

— Неважно, позвольте, я послушаю ваш пульс...

Он сказал с недоверием:

— Маркиз, вы и лекарское дело знаете?.. Великий Самаэль, да мне уже стало лучше!.. Маркиз, что у вас за трюк с этим шупанием моей одряхлевшей кисти?

Глаза его заблестели, на бледные впалые щеки быстро возвращался румянец. Макиннон подошел к двери и, приоткрыв, сдержанным голосом велел ожидающим там слугам подать очень хороший ужин. Да, на четверых. Оглянулся на меня, я подтвердил кивком.

Герцог отшвырнул одеяло, движения достаточно бодрые, покосился на спящего Эйсейбио.

— Племянник всю ночь дежурил возле меня, — сообщил с любовью в голосе. — И весь день.

— А леди Элизабет? — спросил я.

— Она тоже, — ответил герцог, — предыдущие ночи. Но Эйсейбио покрепче. Увы, бедный мальчик тоже свалился...

Двери распахнулись, слуги внесли на носилках холодные блюда. Рожи довольные, губы растягиваются до ушей. Герцог потер ладони и начал указывать, что и сколько положить ему на тарелки. За слугами и герцогом внимательно следил повар и, судя по его лицу, все больше приходил в восторг от аппетита хозяина.

Макиннон, подражая герцогу, внимательно рассматривал предлагаемые блюда, даже интересовался, из чего и как, затем милостиво сообщал, сколько ему положить.

Повар обратил вопрошающий взгляд ко мне, я отмахнулся и сказал, что ему виднее. Он улыбнулся, очень довольный, и на мою тарелку перегрузили то, что удалось ему лучше всего.

Герцог начал есть, как голодный крестьянин, что вернулся с поля. В дверях появился церемониймейстер, посматривал опасно, но в нужный момент взмахнул рукой, в покои внесли на красных носилках горячие блюда.

Снова повторилась процедура придирчивого выбора, а мне повар положил свое фирменное, не такое затейливое с виду, но нежнейшее и просто тающее во рту. Я посмотрел на него и подмигнул. Он широко улыбнулся, мы друг друга поняли.

Наконец пришла очередь десерта, а за ним, как известно, уже вполне прилично беседовать, я поинтересовался:

— Сэр Людвиг, меня интересует ваша оценка.

— Чего, сэр Ричард?

— Происходящего, — объяснил я.

— Вообще или в частности?

— Вы знаете, что меня интересует, — сказал я. — Не увиливайте и не прикрывайте младшего брата. Меня интересует и необъяснимая смерть короля, вашего среднего брата, и вовремя прибывший ваш младший, и эти королевские стражи у вашего дворца... Вы под домашним арестом?

Он помедлил перед ответом, сказал с большой неохотой:

— Можно сказать, что да.

Церемониймейстер исчез, через некоторое время вернулся и с порога провозгласил громогласно:

— Барон Эльрих просит его высочество принять его!

Герцог слабо махнул рукой:

— Пусть войдет. Как раз к сладкому.

На пороге появился Эльрих, мы с Макинном поднялись, отвечая на замысловатые приветствия. Макинн укордкой копирует меня, потому на подпрыги Эльриха лишь отвесил учтивый поклон. Эльрих даже не заметил нарушения этикета, во все глаза жадно и неотрывно смотрел на меня.

Мне показалось, что барон чересчур похудел за это время, бледен, под глазами темные мешки, глаза ввалились, а скулы выпирают, как у проголодавшего пару недель.

— Маркиз... — выговорил он с трудом, — мы не ожидали, что уцелеете в этом ужасном маркизате... Но вы преуспели! И еще как преуспели!..

— Да, все хорошо, — ответил я тепло.

— А это правда?..

Он запнулся, посмотрел на похрапывающего Эйсейбио. Тот, слушая наши бодрые голоса, проваливался в сон все глубже, взбрыкивал и недовольно бормотал.

Макинنون подкрутил ус и ответил за меня:

— Все правда, дорогой Эльрих. И даже больше, чем вы знаете.

— Я имею в виду... — сказал Эльрих и запнулся, не в силах выговорить.

Я промолчал, давая Макиннону распустить хвост, и тот заговорил с превеликой важностью:

— И Великого Мага по ноздри в землю, и его крепость, и даже гору... Сэр Ричард хотел было заодно и все королевство обрушить в ад, как-то уж заодно все, чтоб не возиться с мелочами, но я его отговорил... ха-ха, вспомнив про винные подвалы нашего любезного хозяина! А вас что-то тревожит?

Эльрих, побледнев еще больше, смотрел на меня дикими глазами.

— Теперь вы, сэр Ричард, Верховный Маг?

Я ответил со скукой:

— Нет, конечно. Но если вам так удобнее, то считайте меня и Верховным Магом. Садитесь.

Герцог проворчал:

— Может быть, все-таки сядете, дорогой барон?

Эльрих поспешно опустился, красиво вскинул полы роскошного камзола, словно перья диковинной птицы. Взгляд его был устремлен на меня, даже когда ложечкой нащупывал пирожное.

— Маркиз, уж простите, этот титул просто навяз на языке, но что собираетесь делать дальше?

Я отправил порцию пирожного в рот, посмаковал, запил настоем из трав, а потом спохватился и сделал чашку кофе. Все смотрели с напряженными лицами, я создал еще три и раздал всем.

— Простите, очень уж люблю этот напиток...

— Питье магов? — спросил герцог.

— Великих Магов, — ответил я. — А не каких-то там Верховных.

Эльрих вздрогнул и подобрался. По его взгляду я понял, что Верховные отныне в его классификации где-то на уровне подошвы неведомых Великих Магов. А я, сэр Ричард, как раз из них самых.

Герцог осторожно прихлебывал кофе, по его виду я чувствовал, как прислушивается к ощущениям, лицо порозовело еще больше, а глаза довольно заблестели.

Макиннон пил кофе с таким видом, словно ему каждое утро подают на завтрак целыми кувшинами. Эльрих некоторое время осторожничал, но между глотками поинтересовался:

— Сэр Ричард... с вашей-то мощью... что предпримете?

Я отставил чашку, долго думал и наполнил ее снова. Все зачарованно смотрели, как поднимается темный горячий напиток, заполнивший чудесным ароматом всю комнату.

— Пора завязывать с ерундой, — ответил я со вздохом, — пора возвращаться и заниматься делом.

Все молчали, озадаченные, Эльрих сказал еще осторожнее:

— Не буду интересоваться, куда это возвращаться, а то вдруг такое услышу, что ночами спать не буду... А что такое завязывать с ерундой, даже страшусь подумать. Но с вашей мощью вам достаточно только обронить слово, чтобы все поменять.

— А что? — спросил я. — Что надо менять? И что изменится?

Они снова молчали долго, стараясь вникнуть в смысл слов. Эльрих заговорил предельно осторожно:

— Возможно, ничего не изменится, вы правы, если смотреть с вашей недостижимой высоты Верховного... простите, Великого Мага. Но для жителей видна разница между королем Хенрихом и королем Ганелоном. Скажу сразу, в королевстве исчезает беспечность жизни, слишком много бесчинств творят король и его окружение. Ни одна девушка, ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности, выходя на улицу! Более того, за любой могут явиться в дом и увести ее на потеху королевским любимцам. При всей терпимости и снисходительности к свободе нравов это просто недопустимо.

Я ощутил холодок в груди.

— А... леди Элизабет?

Герцог проворчал:

— Ей пока что служит защитой мое имя. Но три дня тому вокруг дома появилась охрана, которую я не запрашивал. Мне это очень не нравится.

— Кому понравится, — буркнул Макиннон.

Барон Эльрих ответил ему тоскующим взглядом и беспомощно развел руками.

Я фыркнул:

— А гессенцам взяться за оружие слабо?... Ладно, я понял. Это ж не флирт! Но если хотите перемен, если такое бесчинство вас уже не устраивает, тогда герцогу придется принять корону и горностаевую мантию. Он и по старшинству легитимнее, и в народе популярнее.

Макиннон обронил вполголоса, но с важной твердостью:

— Не говоря уже о том, что сэр Ричард к нашему благородному и щедрому хозяину относится теплее.

Эльрих ответил поспешно:

— Да-да, вы правы, сэр Макиннон. В нашей ситуации это очень важно.

Наши взгляды обратились к герцогу. Он был хмур, но наклонил голову с достоинством.

— Я все понимаю. Хенрих мог быть лучше меня, как король, но я буду все-таки лучшим королем, чем Ганелон. Хотя и не люблю... трудиться. И потому очень хорошо понимаю сэра Ричарда.

Макиннон и Эльрих переглянулись, недопоняв, а я не стал ждать, пока врубятся в не такой уж и скрытый смысл, сказал с нажимом:

— Все, собираемся!.. Едем во дворец.

Герцог спросил опасливо:

— Как, сейчас?... А не нужно ли как-то подготовиться, что-то предварить...

Эльрих тоже смотрел напряженно и с застывшим лицом, только Макиннон крутил ус и поглядывал орлом, но помалкивал, стараясь, чтобы это выглядело загадочно.

— Надо сразу, — заверил я. — Дворцовые перевороты делаются только так. Уж я-то знаю в них толк! Вперед, преобра-

женцы! Сместим узурпатора! Золотой табакеркой в рыло... Или по башке, детали важны только историкам.

Эльрих повернулся к герцогу:

— Сэр, вы решаетесь?

Я буркнул:

— Куда он денется. Взрослый вроде.

Герцог проворчал:

— Да, сэр Ричард, у меня нет вашей отговорки.

Он поднялся из кресла легко, а тяжесть в голове и во взгляде, это предчувствие бремени, которое возложит на себя этой ночью. Слуги принесли одежду на выход, мы терпеливо ждали, пока оденут и обуют, подготовят лучший из париков.

Макиннон поглядывал на меня с ожиданием, будто я прямо щас стану объяснять, что у меня за особые такие отговорки. Эльрих кивнул на мирно посапывающего Эйсейбио.

— Его привязанность к вам достойна похвалы... но пользы от него, думаю, было немного. Разбудим или пусть спит?

— Пусть отдыхает, — сказал герцог. — Он двое суток без сна. Мне в самом деле было плохо. Почему-то кажется, с Хенрихом было подобное...

Барон кивнул, во взгляде ничего не изменилось. Похоже, давно догадывался, что за болезнь у герцога и откуда она взялась, только изменить ничего не мог.

Макиннон удивленно покачал головой и пощупал рукоять меча. Слуги поддерживали герцога под руки, но он отстранил их. Через все залы провожал нас молчаливый и торжественный церемониймейстер.

Эльрих приблизился ко мне и сказал тихонько:

— Сэр Ричард, раз уж вы снисходите до общения с нами, простыми смертными... можно задать вопрос?

— Нет, — буркнул я. Посмотрел на его испуганное лицо, поморщился и сказал нехотя: — Барон, не прикидывайтесь. Вы прекрасно понимаете, что передо мной выказывать священный трепет необязательно. Что вы хотели провякать?

Он вздохнул:

— Не обязательно, сэр Ричард, но желательно. Так безопаснее. В ваших руках такая мощь, как вы еще не опьянели!.. Сэр

Макиннон рассказал вообще ужасные вещи. И про крепость, которую... ага... Но я вот думаю, а надо ли было ее вот так?

— Надо, — ответил я твердо. — Весь мир насилия мы разрушим!

— Ну а потом? — спросил Эльрих.

Я огрызнулся:

— Дорогой барон, я пока умею только рушить!.. Я вот иду и рушу, иду и рушу... Строить еще не научился. Строить — не ломать, мозги надо повернуть иначе.

Макиннон услышал, сказал с восторгом:

— Рушить — так здорово! А строить скучно. Пусть ремесленники строят.

— А географию извозчики учат, — согласился я. — Не дворянское это дело... Но, что делать, строят здесь хуже некуда, так что придется и строительство взять в свои загребушие нежные лапы. Чтобы хрястнул хребет Европы, когда начнем рабынь ретивых... М-да. Где наши кони?

Испуганные сонные слуги помчались, как мыши, к конюшне. Началась суматоха, тревожная и радостная, все увидели герцога живым и здоровым, это немало для спокойствия людей, чья жизнь и благополучие зависят от хозяина.

Наконец для охраны вывели коней, герцогу подали карету. Из казармы выбегали разодетые гвардейцы и прыгали в седла, приученно выстраиваясь в эскорт: четверо впереди, четверо позади коляски.

Глава II

Мы плотным отрядом с грохотом неслись через ночь, стальные подковы со звоном высекали длинные серебристые искры из булыжной мостовой и гасли в темноте.

Город, что и в полночь всегда был ярко освещен и полон гуляющей публики, сейчас странно пуст, торговые лавки закрыты, а с перекрестков исчезли музыканты и бродящие актеры.

Впереди при выезде на главную площадь на середину улицы медленно и важно вышел, раздуваясь от собственной зна-

чимости, дородный офицер при огромном животе, за ним пятеро солдат с алебардами.

Я злобно оскалил зубы и направил на них коня. Лунный свет упал на мое лицо, офицер с визгом отскочил к стене и упал на колени. Солдат как ветром сдуло, по булыжникам загремели брошенные алебарды.

Макиннон крикнул задорно:

— Чуют, крысы!

— Плохо, — бросил Эльрих.

— Хорошо, — возразил Макиннон. Оглянулся на меня за поддержкой: — Сэр Ричард?

— Посмотрим, — дипломатично ответил я и подумал с тревогой, что это со мной: постарел или наконец-то умнею? Говорят, осторожность приходит с мудростью. Или к тем, кого много бьют.

Городская стража и дальше исчезала, как дым на ветру, едва там понимали, кто именно с грохотом скачет по вымощенной булыжником главной улице. Редкие горожане, завидев нас, поспешно отпрыгивали в тень. Воины с нашивками королевской стражи прятались еще поспешнее.

Не только больше не зрят черную гору с крепостью на вершине, подумал я злорадно, но и знают, кто ее снес, как курочка ряба деду яичко.

На той стороне площади вырос и начал приближаться королевский дворец, освещенный изнутри так, словно там всю полыхает пожар. Стражники при нашем приближении торопливо распахнули ворота во двор и тут же разбежались, бросая оружие.

Мы с грохотом пронеслись по тщательно вымощенным дорожкам. Я оглянулся, карета с герцогом благополучно миновала ворота. Его охрана скачет с оголенными мечами в руках и бросает по сторонам зверские взгляды. Знают или чувствуют, что везут человека, который свет утреннего солнца встретит ко ро л е м.

Возле массивных ворот королевского дворца стражники тряслись, не смея покинуть пост, тянулись и таращили глаза. Офицер то и дело отдавал нам честь, глаза преданно-затравленные, взгляд ополоумевший.

Я сказал резко:

— Эй ты!.. Бери своих людей и перекрой все выходы из дворца!.. Я не хочу рушить здание вместе с людьми, понял? Но если кто-то выскользнет — придется. А тебя скормлю демонам.

Он выкрикнул, срывая голос:

— Все будет сделано! Разрешите выполнять?

— Выполняй, — разрешил я.

Он понесся к дворцу, даже ничего не сказав своим солдатам, но они уже бежали, обгоняя своего командира. Словом, вполне слаженная команда.

Из коляски выбрался с кряхтением герцог. Лицо за время недолгой поездки налилось жизнью, глаза блестят, как у орла, завидевшего богатую добычу.

— Вот что значит, — сказал он уважительно, — опыт в переворотах. Учитесь, барон.

Эльрих крякнул, но смолчал, а Макинنون приосанился, словно это он провел сотни дворцовых переворотов и уже потерял им счет.

— Пошли, — пригласил я. — Думаю, король ждет нас с нетерпением.

— Еще каким, — подтвердил Макинنون лицемерно.

Эльрих вздохнул.

— Это очень коварный человек, — предостерег он. — Коварный и мстительный. Не поворачивайтесь к нему спиной!

На главном входе в беспорядке на полу брошенные копья дворцовой стражи, в холле удаляющийся крик, топот ног. Еще дважды мы переступали через оставленное оружие и даже украшенные королевскими эмблемами шлемы с пышными султанами.

В залах пусто, но не продохнуть от приторного аромата женских притираний. Мы двигались достаточно решительно и догнали убегающую толпу, что ломилась в боковые двери.

Я нарочито придержал шаг, придворные моментально рассосались, словно просочились сквозь стены.

Макинنون сказал утешающе:

— Далеко не убегут. Сэр Минорд по вашему указанию перекрыл все входы и выходы. А мы потом всех переберем! Я им все припомню...

Перед дверьми в королевские покои справа и слева на полу блестят позолоченные церемониальные алебарды. Я вспомнил, с каким великолепным пренебрежением к любому стража скрешивала сверкающие лезвия перед непрошенными гостями. Как быстро меняется погода...

В сторонке все еще покачивается сброшенный шлем с пышным султаном. Макиннон не утерпел и сильным пинком отправил его в дальний угол.

Эльрих в нерешительности остановился перед дверью. Герцог тоже заколебался, и тогда я показал, как заходят настоящие мужчины.

Створки двери от могучего пинка распахнулись, как крылья бабочки, ударились там о стены и затрепетали с трусливым дребезжанием.

Я вошел с каменной мордой и выпяченным подбородком, шаги тяжелые и решительные, во взоре непреклонность и ясно читаемое: ну-ну, возрази мне кто, возрази!.. Давно никого в бараний рог не гнул, руки исчезались.

Король Ганелон на том же троне, за его спиной трое телохранителей, справа в полупоклоне застыл трепещущий советник, непонятно кого из нас больше страшится.

— Не спится? — спросил я почти ласково. — Ночь на дворе!.. Никак военный совет?

Советник проблеял пугливо:

— Нет-нет, никак нет...

Я посмотрел на Ганелона и сказал еще миролюбивее:

— Ну вот я и вернулся, Ваше Величество... У вас есть что сказать в свое оправдание?

Он смотрел на меня, как затравленный зверек. Лицо его, уже бледное, стало синим, как у дохлой ошипанной курицы. Под моим взглядом он медленно поднялся, как кролик перед огромной коброй, но спина осталась согнутой.

— Я... я... король...

— Уже нет, — сказал я без всякой злости. — Слезай отсюда. Ты смещен. А сейчас решим насчет твоей судьбы.

— Предлагаю повесить, — бухнул Макиннон бесстрашно. Посмотрел на меня и поспешно поправился: — Но можно и просто удавить. Хоть здесь, хоть в подвале.

Ганелон поспешно отступил от трона на несколько шагов. Эльрих, без нужды поддерживая герцога, провел его к освободившемуся креслу. Герцог опустил на трон без охоты, даже с выражением гадливости. Я подумал, что сиденье не остыло от задницы младшего брата, а то и запахок остался, а герцог все-таки чистюля. С другой стороны, надо ковать железо, пока горячо, все неловкости этого дня спишутся на импровизированность действий, решительность и натиск.

Телохранители Ганелона остались за тронем, как и стояли. Вид у них таков, что охраняют Людвига, хотя, думаю, Эльрих сменит их всех, а советник то смотрел умоляюще на Ганелона, то искоса поглядывал в нашу сторону.

Я отвесил поклон герцогу.

— Ваше Величество, я, маркиз Ричард Длинные Руки, кланяюсь вам от всего маркизата Черро.

Телохранители поняли ситуацию раньше Ганелона, вытянулись и стукнули тупыми концами копий в пол, глядя на меня преданно и в ожидании указаний.

Людвиг поморщился, не любит показухи, тоже мне король, а Эльрих приказал советнику жестким голосом:

— Быстро сюда королевскую корону! И знаки власти.

Тот исчез, Людвиг сказал усталым голосом:

— Ганелон, никто тебя не повесит и не удавит, это я тебе обещаю. Во всяком случае, я не позволю. Разумеется, насколько смогу. Но ты должен понять, отныне ты не только потерял королевскую власть, но и стал нежеланным человеком в королевстве.

Ганелон вперил в него яростный взгляд, раскрыл было рот, но с несвойственной ему жесткостью в голосе заговорил Эльрих:

— Сэр Ганелон, вам надлежит в течение суток покинуть королевство Гессен. Если останетесь, а также позже тайно или явно попытаетесь проникнуть на земли королевства, вы будете преданы смерти там же, на месте.

— Без добавочного суда и следствия, — уточнил Макиннон.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

Телохранители, повинаясь моему взгляду, подхватили свергнутого короля под руки и потащили из зала. Едва за ни-

ми захлопнулись двери, примчался советник с короной в дрожащих руках и горностаевой мантией.

Эльрих выхватил корону, бережно водрузил на Людвига, а мантию набросил ему на плечи. Людвиг все еще вздыхал и морщился, словно не желает участвовать в этом спектакле, но приходится. На меня бросил злой и хуже того — укоризненный взгляд.

— Надо, Ваше Величество, — сказал я со вздохом. — На меня не указывайте, я тоже бросаю ломать и начинаю строить. Ну, как смогу... Уже скоро. В самом деле, скоро. Вот доломаю по мелочи, и сразу... да. Вперед и с песней! Я уже почти готов.

Он вздохнул.

— Вы да, готовы. Сэр Ричард, я плохо представляю, какой из вас строитель. И что за чудовище постройте!

— Почему обязательно чудовище? — запротестовал я.

Он пожал плечами:

— У вас слишком много силы.

— Это плохо?

— Смотря для чего, — буркнул он.

— Ну... строить, понятно.

— Строить... Вы где собираетесь строить? В маркизате?

В воздухе повисло напряжение, Эльрих застыл и чуть сгорбил, Макконнан смотрел на меня с ожиданием в глазах.

Я ответил медленно, подбирая слова:

— И в маркизате тоже... Ваше Величество, мои планы обширны. Даже чересчур обширны. Меня самого они пугают и временами ввергают, да. Насчет маркизата хочу сразу расставить точки над і. Ваш младший брат от недостатка опыта закусил удила и понесся по рытвинам вседозволенности монарха. Не знаю, как насчет хитрости и коварства, но мудрости ему не доставало, это ясно. Надеюсь, его взгляды на лишение привилегий маркизату для вас абсолютно неприемлемы?

Людвиг смотрел на меня исподлобья, взгляд стал недобрым. Я чувствовал, как ему оскорбительно ощущать себя прижатым к стене, но и сам не сводил с него испытующего взгляда.

Эльрих сказал торопливо:

— Сэр Ричард, я уверен, что привилегии маркизату Его Величество Людвиг сохранит и упрочит.

Я ответил хмуро:

— Я могу отлучиться надолго и... далековато. Так что не всегда смогу проследить, как здесь и что. Потому хочу быть абсолютно уверенным. Ваше Величество, предыдущий король что-то там такое возжелал насчет изменений в маркизате, привилегиях, пожаловании титулов графам и баронам... В связи с этим странным желанием я хотел бы смиренно уточнить, какие именно привилегии вы желаете добавить маркизату?

Осунувшийся и расстроенный, Людвиг слабо махнул рукой:

— Хватит, сэра Ричард. Вы сами знаете, что можете делать, что хотите. Хоть здесь, хоть в маркизате.

— Я хочу законности, — возразил я, — и легализации. Спасибо, Ваше Величество. Я так и думал, что поручите мне самому решить, какими именно привилегиями стоит воспользоваться маркизату, а какие для него будут излишними. Благодарю за понимание.

Макиннон тихонько кашлянул. Я оглянулся, мой соратник выглядит малость смущенным. Не успел я раскрыть рот, как все схватывающий на лету Эльрих сказал с подъемом:

— Кстати, я полагаю, сегодняшний победный день стоит отметить еще и учреждением какой-нибудь высокой награды! И первым наградить ею сэра Макиннона.

Макиннон покраснел от удовольствия, но возразил:

— Почему меня? Лучше сэра Ричарда.

Эльрих взглянул на короля Людвига, на меня и сказал решительно:

— Нет.

— Почему? — спросил Макиннон.

— Сэр Ричард выше всяких наград, — объяснил Эльрих со вздохом. — А вот вам высший орден не помешает... Да-да, я понимаю, к ордену нужно что-то посущественнее, не так ли?

— Графства хватит, — сказал Макиннон быстро. — Конечно, богатого и с хорошими землями.

Людвиг поморщился:

— Все графства кому-то принадлежат. И передаются по наследству.

Макиннон сказал твердо:

— Я не покушаюсь на земли верных королю Хенриху! Да и

королю Людвигу не покушусь. Но я знаю немало очень могущественных людей, что сразу же присягнули Ганелону, только бы оказаться в числе самых близких к трону. Такое гнуснейшее вероломство должно быть наказано!

Я ощутил, что все повернули головы в мою сторону.

— Любое вероломство должно быть наказано, — согласился я. — Макиннон прав.

Эльрих сказал быстро:

— Я подыщу среди слишком уж лояльных Ганелону... самых усердных.

— Да, — сказал я, — обязательно.

Людвиг морщился, я сам понимал, что нещадно пользуюсь своей репутацией всемогущего мага, но что делать, мир не идеален, а я буду идиотом, если стану играть по правилам там, где все другие бьют в спину и ниже пояса.

— Обязательно, — повторил я уже тверже. — Мои соратники должны быть вознаграждены достойно.

Эльрих сказал быстро:

— Мы это понимаем, сэр Ричард!

— Все будет сделано, — подтвердил с Людвиг со вздохом. — Король волен отбирать как земли, так и титулы. А также жаловать ими новых людей.

Я чувствовал, что прежняя теплота потеряна, слишком уж я нажал, хотя все то же самое можно было получить и более деликатными методами. Некоторые само собой разумеющиеся вещи не стоит называть вслух, а я слишком уж явно выказал свой неумолимый диктат. Герцог Людвиг, а теперь король, человек достаточно самолюбивый, может отказаться даже от короны. Нет, не откажется, понимает, что трон нужно занять именно ему, иначе начнется кровавая драка между кланами.

Я поклонился Людвигу.

— Ваше Величество, я абсолютно не посягаю на вашу суверенную власть в Гессене. И еще хочу заверить, что в моем лице вы имеете верного друга. Я никогда не забуду, как вы дали мне приют в своем доме... Сэр Эльрих, вас можно?

Эльрих подпрыгнул.

— К вашим услугам, сэр Ричард! Или предпочитаете какой-нибудь другой титул, чем маркиз?

— Земных благ мне достаточно, — сказал я благочестиво. — А другими благами распоряжаются совсем не короли или императоры.

Он спросил испуганно:

— А кто?

Я вскинул взгляд, но на своде никаких летающих ангелов, а только магические светильники.

— Иные, сэр Эльрих... Проводите меня малость.

Я поклонился еще раз Людвигу, кивнул Маккинону, и мы отправились через зал к выходу.

— Я ухожу надолго, — сообщил я, — а вам еще раз напоминаю, вам и королю, что маркизат — отдельное образование. Когда был жив король Хенрих, маркизат оставался в составе королевства Гессен. Сейчас мне почему-то кажется, что стоит отделиться... Хотя еще не уверен. Впрочем, все равно вашим людям в маркизате лучше не показываться. Иначе, вы понимаете... понимаете, да?

Он кивнул, бледный и очень серьезный.

— Да, сэр Ричард.

— Вот и хорошо, — сказал я почти ласково. — Помните, я ушлепал в маркизат и жил там, как зайчик в норке, пока туда не пришел за мной Верховный Маг. Кончилось тем, что я сам пришел за ним. Не заставляйте, чтобы ситуация повторилась с вашим королевством. В смысле, с вами лично, если вам надо, чтобы я указал пальцем.

Он прошептал, уже не белый, а фиолетовый:

— Нет-нет!.. Ни один человек не сойдет в маркизате с багера!

— Кроме тех, — уточнил я, — кого я изволю видеть.

Он сказал торопливо:

— Сэр Ричард, но как дальше?.. Если вы уедете, королевство останется без Верховного Мага!.. Здесь такое начнется!

— Я не уеду навсегда, — напомнил я. — И не уеду... далеко. Сделаем проще. Так и скажите всем, королевство во власти жуткого и кровожадного мага, что уничтожил предшественника с крайней жестокостью. Но сам не возжелал возводить новое здание и сидеть там, аки гриб. Бродит неузнанным среди людей, заходит в дома и слушает разговоры... Молодой

еще, любопытный. Словом, этот маг еще сильнее, как вы все понимаете, намного сильнее. Так что при таком раскладе кто посмеет выступить против мага или против вашей власти, которую поддерживает и защищает такое чудовище?

Глава 12

Герцог Людвиг, а теперь король Людвиг Первый, так и остался в королевском дворце, работы много, несмотря на ночное время, к тому же Его Величеству приличествует жить именно здесь, так как это не место для развлечений, а вообще-то место работы.

Я взглянул на сереющее на востоке небо, скоро рассвет, вспрыгнул в седло и направил коня в сторону дворца герцога. Перед ним освещен весь двор, челядь суетится, сбивается в кучки, идут жаркие споры, кого герцог возьмет с собой, не может же он там оставить прежних слуг, которые служили ныне свергнутому королю, а то еще и отравят с досады...

Конюхи подхватили коня под уздцы, я бегом поднялся по ступенькам, в холле и зале чисто и прохладно.

Сверху спархивала веселая и беззаботная леди Элизабет. Увидев меня, заулыбалась, как утреннее солнышко, у меня сразу отлегло от сердца. Хоть это существо не видит во мне мрачного всесильного мага. Для нее я просто молодой мужчина, который почему-то никак не догадается волочиться за нею по всем правилам утонченного флиртоведения.

Я учтиво поклонился.

— Леди Элизабет, вы ранняя пташка.

— Вы тоже, — ответила она чистым звонким голосом, — а вообще-то молодые мужчины спят до обеда! Чтобы потом до полуночи заниматься флиртом.

— Да-да, — согласился я, — как я забыл! Самым важным делом на свете, флиртовством.

Она засмеялась.

— У вас такое выражение, маркиз...

— Какое?

— Словно вы и слово такое, как флирт, слышите впервые!..

И вообще, маркиз... Вот вы смотрите на меня, не отпирайтесь, с удовольствием, я же вижу, а почему ничего не скажете?

— Вы прекрасны, — сказал я, подумал и заговорил: — Какое на вас чудесное голубое платье, что так идет к вашим глазам!.. Ага, какая у вас бесподобная талия, а как очаровательна эта... ага, улыбка!

Она прервала, морщась:

— Маркиз, маркиз, это уже не смешно даже! Хотя память у вас прекрасная, не спорю. Я имею в виду, как вам мои последние мушки?

Я перевел взгляд на эти наклейки. Смутно помню, что вроде бы первая мушка появилась на лице герцогини де Мон-Морийон, когда горничная не успела стереть черную мазь со щеки хозяйки, та отправилась в королевский дворец, произвела фурор, на другой день уже все дамы украсили морды такими же кляксами. Хотя есть версия, что изобрел ее один из придворных Людовика Двенадцатого, когда порезался во время бритья и закрепил место пореза пластырем. Я вообще-то больше верю во второй вариант. Во-первых, фигурирует мужчина, а все изобретения — мужское дело, во-вторых — для пользы дела было, а что потом из этого сделали, ну, женщины, понятно...

— Трудно что-то сказать, — ответил я запоздало, словно вконец заторможенный, — я ж не знаю, какие прыщи они закрывают.

Она вспыхнула, щеки заалели, глаза сердито засверкали.

— Что?.. Что вы сказали?

— Прыщи, — повторил я упавшим и даже умоляющим голосом, — простите, леди Элизабет, но не боевые шрамы же вы скрываете этими наклейками?.. Значит, прыщи... Ничего, это бывает у молодых созревающих девушек... Это проходит, не беспокойтесь... Ладно-ладно, только не бейте, я же из медвежьего угла, что с меня взять?

Она вздохнула:

— Как вы удобно устроились в этом медвежьем углу! Чуть что — сразу в норку.

— В берлогу, — поправил я с достоинством. — У нас, медведей, просторные и теплые берлоги. Леди Элизабет... про-

стите, но мне кажется, вы единственный человек здесь, кто не знает, что ваш отец сегодня ночью стал королем!

Она вскрикнула, прижала ладонь к губам. Брови испуганно взметнулись двумя тонкими дугами над испуганными глазами.

— Королем? Почему?

— Пришлось.

— Но он же не хотел?

— А мы ему руки выкрутили, — объяснил я ласково. — До хруста. Понимаете, мужчины еще и работать должны, а не только флиртом усердствовать.

Она прошептала испуганно:

— Вы правы, мне никто ничего не сказал. Вообще меня от всех дел оберегают.

— Знание — не женское дело, — согласился я. — От него морщинки на лице и шрамы на сердце. Но все равно это свинство. Словом, вы теперь эта... принцесса.

Она пробормотала озадаченно:

— Вот так сразу? Хотя, наверное... Теперь и мне, наверное, будет то нельзя, это нельзя...

— Точно, — согласился я. — Увы, Отечество требует. В смысле, королевство.

— И что же делать?

— Что скажут, — пояснил я со злорадством. — Мне элои тоже нравятся больше морлоков, но что делать, иногда и элоям приходится поморлоковствовать. Хоть самую малость.

Она спросила тревожно и с упреком:

— Вы как будто радуетесь? Нехорошо, маркиз.

— А что же мне одному морлоковствовать? — ответил я в оправдание. — Пусть и другие помучаются.

Она покачала головой:

— Маркиз, я вас совершенно не понимаю. Это вы мучаетесь?

Я заверил с тяжелым вздохом:

— Еще как! Мучаюсь, плачу кровавыми слезами и оплакиваю свою потерянную свободу. И эту работу, тяжелую и неблагодарную, изнуряющую, выматывающую силы, иссушающую...

— И давно оплакиваете?

— Все время, — ответил я со вздохом.

— Бедненький, — пожалела она. — И давно вы на ней мучаетесь?

Я вздохнул еще тяжелее.

— Да вот собираюсь приступить. Все никак не решусь.

Она обиделась, решив, что каким-то образом вышучиваю, к тому же не оценил ее мушки, совсем грубый, и еще не рассыпаюсь в комплиментах, хотя на выходе задержалась и оглянулась, давая шанс исправиться, но я, такой тупой, даже не догадался им воспользоваться, я же из угла, мне можно прощелкать хлебалом.

Мелькнула соблазнительная мысль, что я вообще-то уже властелин королевства. Даже без демонов, кто знает, что я их отпущу или уже почти отпустил, но сама ужасная слава победителя и сокрушителя Верховного Мага любого повергнет в трепет.

Но что я буду с ним делать, я же не тот тупой и ленивый дурак, которому важно только свернуть другого ленивого дурака с трона, поскорее всадить свою жопу в его теплый трон, а дальше хоть трава не расти. Он «добился справедливости»: сверг, убил, сокрушил, занял и захватил.

Но я же, мать вашу, эстет, а уж какой умный, какой умный, даже самому страшно, мне этого мало. Я призван строить царство Божье на земле, а также светлое будущее всего человечества, ну, это понятно. Но невозможно заставить работать народ, который получает все на халяву. Пусть даже не все, но необходимое. Он не умирает с голоду и потому будет давиться пресной биомассой, но не станет возделывать огороды, потому что это нелегкий труд. Эти люди будут сутками ожидать транспортника, но не пошевелиятся, чтобы проложить дорогу хотя бы в соседний город.

Ждут транспортник, он появляется раз в месяц, чтобы попасть в деревню по ту сторону реки, вместо того чтобы выстроить простенький мостик и каждый день ходить друг к другу в гости, торговать, меняться товарами, знакомиться и заводить семьи.

Но худшее из всего, что здесь даже маги, самые грамотные

и разумные, не станут учить заново алгебру, геометрию, механику, потому что этот путь мучительно труден и длинен, а у всех соблазн — разгадать очередную загадку Древних и сразу стать властелином мира.

Уцелевшие древние технологии сыграли жестокую шутку. Здесь высшие маги — не самые умные или знающие, а те, кому повезло разгадать, как работает та или иная вещь.

Я рухнул на ложе и вытянулся во весь рост, заложив руки за голову. Усталое тело сладко ныло, медленно и робко расслабляясь, еще не веря, что наконец-то дали шанс отдохнуть, накопить силы для нового рывка. Или новой драки.

Поднял руку, рассматривая окольцованные пальцы. Кольцо всевластия, надо же... Но все-таки неплохо бы узнать, как оно срабатывает. Так, на всякий случай. Пить буду, но курить не брошу.

Мне казалось, что я все еще прикидываю, что делать с кольцами, а может, и в самом деле прикидывал, но когда открыл глаза, яркое солнце заливает жидким золотом покои, за окном орут птицы, со двора несется возбужденный гомон, конское ржание...

Я еще лежал, отходя от сна, когда в дверь робко постучали. Я поморщился, но сказал зычно:

— Открыто!

Барон Эльрих переступил порог, начал замысловатый танец приветствия, я скривился и махнул рукой:

— Бросьте, барон. Я не светский человек.

Он тут же прервал пуделячьи подскоки и помахивания передними конечностями, приятно улыбнулся:

— Я не слишком помешал?

— Помешали, — ответил я, — но, как я понимаю, для государственного деятеля нет личного времени?

Он виновато развел руками, попытался искательно улыбнуться.

— Что делать, раз уж вы стали государственным деятелем...

— Да? — спросил я вяло. — Вообще-то это я вас обозвал так неприлично.

— Меня? — удивился он. — Да что вы, маркиз! В вашем присутствии мы все — мошара. А деятель — вы.

— Жаль, что этого никак не прочувствую, — сказал я. — Даже вообще не чувствую. Что у вас за пазухой, барон?

Он скосил глаза, словно старался рассмотреть чисто выбритый подбородок.

— За пазухой?

— Оборот речи, — пояснил я. — Или вы пришли просто проведать меня?

Он вздохнул:

— Маркиз, вас не обманешь. Конечно же, я по делу.

Я поднялся и сел на кровати. Эльрих напряженно улыбался, взгляд его то и дело прыгал на мои пальцы, среди которых это самое кольцо.

— Садитесь, рассказывайте, — пригласил я. — Или предпочитаете постоять?

Он спросил опасно:

— Почему?

— Да так, подумалось...

Он сел, я без спроса сотворил по чашке кофе. Барон покорно взял предложенную, глаза часто мигают, лицо тревожное.

— Маркиз, — произнес он и тут же опасно поинтересовался: — Кстати, может быть, вас все-таки именовать как-то иначе?.. Ну что такое маркиз для вас? Сейчас вы для нас всех... Во всяком случае, я даже не знаю. Некая опасная и непонятная величина. Назвались бы Верховным Магом, и то было бы все ясно... Ладно, сэр Ричард, если предпочитаете сохранить все, как было, то это ваше право. Некоторые вообще появляются инкогнито и очень обижаются, когда их узнаем. Ладно, мы подыграем всему, что хотите. Но сейчас Его Величество просит у вас помощи.

— Я сам такой, — ответил я кисло. — Хоть на площадь выходи с шапкой в руке. Что наш любезный герцог Людвиг хочет? Простите, Его Величество?

Он сказал поспешно:

— Всего лишь присутствия. Сегодня он примет послов соседних королевств, и одно ваше появление в зале мгновенно умиротворит чьи-то амбиции.

— Я на днях отбуду, — предупредил я. — Потому привыкайте справляться сами.

— Да, сэр Ричард! Только сегодня.

Я отставил чашку, поднялся. Барон Эльрих вскочил с готовностью.

— Поехали, — сказал я.

Перед королевским дворцом масса роскошных карет, прибывают все новые. Вельможи вылезают торопливо, не дожидаясь, пока слуги подставят покрытые бархатом скамеечки.

Спешат, подумал я недобро. Новый король, естественно, должен отстранить старое окружение короля, самое время захватить хлебные места, пробиться к королю поближе, успеть дать ценный совет, вообще постараться примелькаться, чтобы всегда в обойме...

Мы прошли через анфиладу залов, двери в зал для пиршеств распахнуты, туда постоянно вбегают слуги с подносами в руках. Я успел заметить, что зал залит огнями, каждый дюйм высвечен, как под жарким летним солнцем. Слуги разносят блюда бегом, перед гостями мгновенно появляются серебряные тарелки с жареным мясом, услужливые руки наполняют чаши темно-красным вином из королевских подвалов.

Пируют, понятно, знатные люди королевства, и, судя по тому, что здесь их не меньше трех сотен, Людвиг не может пожаловаться, что знатные лорды побаиваются приезжать во дворец, как побаивались приезжать к его предшественнику.

В зале для приемов народ уже толпится, пахнет духами и притираниями, ими пользуются и мужчины, так что запах, как в конюшне, стены задрапированы новыми гобеленами, только вчера тут висело что-то иное...

Круто взялся Людвиг за реформы, круто. Хотя, конечно, это не он, а кто-то из придворных старается угодить, но теперь все, что произойдет, будет приписываться ему, как хорошее, так и плохое. А особенно — смешное.

Убранство залов чересчур, да, чересчур. Я никогда не был пристрастен к роскоши, а здесь она прет со всех стен, с потолка, высовывается из всех ниш, кричит с гобеленов.

Одна из дам оглянулась, но я и по роскошной корме узнал соблазнительную леди Габриэllu. У нее темная мушка посажена на щеке, я не помню, что это место означает, здесь своя

сложная система опознавания и подачи тайных знаков, но у леди Габриэллы где бы эта мушка ни располагалась, она всегда подбадривает: давай, жми, я вообще-то готова, но все равно приложи хоть какие-то усилия, и я тут же упаду в твои алчущие объятия и отдамся жарко и безумно страстно.

Она томно улыбнулась мне, что-то сказала окружившим ее, как мясные мухи кусок говядины, кавалерам. Те начали оглядываться, я увидел на их лицах откровенный испуг, даже страх, но леди Габриэлла сказала им что-то настойчиво, и они стали принужденно улыбаться, раскланиваться.

Лорд Водемон исполнил короткий, но замысловатый танец и вскричал патетически:

— Маркиз! Говорят, вы освободили нас от такого чудовища!.. Этот Верховный Маг совершенно не считался с королевской властью.

Я пробормотал:

— Дорогой лорд Водемон, свято место пусто не бывает.

Он врубился не сразу, первой ахнула Габриэлла, у нее и это получилось томно и призывно, Водемон быстро посмотрел на нее, лицо его стало бледнеть и вытягиваться.

— Да, — проговорил он осевшим голосом, — как я не подумал... Старею. Королевство Гессен — слишком лакомый кусок. Маги соседних королевств сразу же захватят...

Габриэлла, томно улыбаясь, верит в свои чары, произнесла чуточку осевшим голосом:

— Если, конечно, сэр Ричард им позволит.

Лорд Водемон побледнел еще больше, на меня смотрит хотя с тем же ужасом и в то же время с надеждой.

— Сэр Ричард...

— Да, лорд?

— Какие у вас планы... насчет нас?

— Никаких, — заверил я. — Лорд Водемон, уж поверьте, есть и другая жизнь! И за пределами вашего королевства есть земли, приключения, находки, потери, встречи, неожиданности... И пусть для кого-то это будет выглядеть глупо, однако я...

Габриэлла прервала окрепшим голосом:

— Остановитесь, сэр Ричард! Вы все еще не поняли, что теперь вы не просто Верховный Маг, а... а... Предельный Маг?

— Господи, — пробормотал я с тоской, — еще и какой-то Предельный. Нет, уж я не Предельный.

— Но вы маг? — спросил Водемон быстро.

Мне показалось, что спросил чересчур быстро и чересчур небрежно, я должен бы ответить тоже бездумно, но это фиг вам, я всегда настороже, потому лишь скривился, будто хлебнул дешевого вина:

— И не маг. Чего это я буду опускаться до всего лишь мага? Хотя, конечно, могу то же самое, что и маги... а то и больше. Но быть магом — это желать им быть. Мне магом быть... мало. И потому в моих планах для магии места не больше, чем для дурацкого, простите, флирта...

Лорд Водемон беззвучно шевелил нижней челюстью, леди Габриэлла произнесла со всевозрастающим напором:

— Сэр Ричард, но вам нужно хотя бы продемонстрировать власть Предельного! Умоляю вас. Остальные маги устроятся человека, который сокрушил Великого Гатонеса и снес с лица земли его неприступную крепость. И никто не посмеет посягнуть на королевство, если оно под вашей защитой.

Я кивнул, лорд Водемон, похоже, не такой уж и бабий волокита. Или волокита, но заодно выполняет и некоторые более щекотливые поручения королей. Ишь как провел операцию, а все прикидывается ученым сухарем. А леди Габриэлла просто чудо что за напарник. Когда смотришь на ее выпяченные сиськи, никогда не подумаешь, что у нее есть еще и мозги. Интересно, на какую державу еще работает...

— Я буду присутствовать, — сообщил я, — когда Его Величество король Людвиг примет послов и соберет у них верительные грамоты.

— Мы все будем счастливы!

Она уже улыбалась чарующе, сиськи так и играют, стараясь выбраться на волю из тесного корсета. А так как им дорога открыта только наверх, то я просто вижу, как миллиметр за миллиметром поднимаются, выползают на свободу, открывая шупающим взглядам нежнейшую белую кожу.

— Вы просто прелесть, леди Габриэлла, — сказал я искренне. — Жаль, но придется покинуть ваше общество. Я обещал королю Людвигу не опаздывать.

Людвиг, похоже, вообще даже не вздремнул, лицо измученное, веки набрякли и покраснели, под глазами мешки в три ряда, взгляд остекленевший. Эльрих вьется вокруг, как коршун над двором с цыплятами, все видит и все замечает, схватывает на лету и шепчет королю о последних приготовлениях к торжественному приему.

Я помахал рукой, сказал «драсте» и сообщил, что пока посижу вот тут в уголке. В зале словно резко понизилась температура, слуги и помощники Эльриха начали двигаться осторожно и все время оглядывались в мою сторону. Как-то не очень верят в доброту и всемилостивейшивость всесильного демократа, это для них нечто непонятное, а вот демонократ — да, все ясно сразу.

Вообще-то интересно, может ли быть демократ всесильным и будет ли он считаться демократом. Не говоря уже о том, что удержаться в жестких и очень, надо сказать, узких рамках закона весьма трудно, когда в руках власть, да еще неограниченная власть...

Я поднес руку к лицу и начал внимательно рассматривать мелкие значки на кольце всемогущества, тут же перехватил тревожный взгляд Эльриха, все замечает, гад.

Это херня, что только Иисус Христос был сыном Божиим. На самом деле мы все — сыны Божьи. Всем нам Бог вдохнул душу, то есть часть себя, свою божественность, так резко отличающую от животных, у которых души нет. Но только немногие из нас хоть иногда вспоминают, что мы Божьи дети, да и то стараемся забыть: такое обязывает, а вот быть скотом... о, такой кайф!

Иисус слишком уж напоминал, кто мы есть, а это значит, что уж и посвинячить нельзя, ходи всегда с прямой спиной, доброй улыбкой и твори только добрые дела. А вот украсть, убить, даже к чужой жене сходить — этого ни-ни! Скоту можно, а сыну Божьему — нельзя. Через столетия придумают сказать себе в оправдание, что мы произошли от обезьяны, а то и того хуже: от самого Фрейда. Человек, по Фрейду, — скот от кончиков ушей и до пят, потому ему можно все, что и скоту, но во времена Христа такого оправдания еще не было, потому обличаемые Христом пришли в ярость от стыда и злости, что

правдой — прямо в глаза, и быстро убрали это напоминание с глаз долой.

Но это там и тогда. А появившись Иисус сейчас и здесь, на Юге, его бы и слушать не стали, сразу бы распяли, не дожидаясь ни Пилата, ни Каифу, ни судебных заморочек.

Прогремели трубы, двери распахнулись. Пишно одетые люди входили красиво и медленно, отсчитывая шаги. Герольды снова трубили, церемониймейстер объявлял, я делал вид, что слушаю, но мысли постоянно ускользали, я то и дело ловил себя на том, что стал властелином множества могучих демонов, полностью подвластных моей воле.

А власть вообще-то обязывает. Хотя, конечно, можно сделать вид, что никакой власти у меня нет, жить беспечно, как все. Но у них есть хоть и слабенькое, но оправдание в ничегонеделанье, а вот у меня его нет. Потому что у меня целая армия демонов, способных сокрушить все, что угодно.

К Людвигу подходят вельможи, кланяются, что-то говорят. Некоторые передают ларцы и шкатулки, это, как понимаю, послы, они всегда приходят с подарками. Дарами, как это именуется.

Все поглядывали опасливо на меня, я делал вид, что слушаю, но лицо держал непроницаемым, а то истолкуют еще как-то. У придворных целая наука по определению истинного отношения повелителя.

Церемония продлилась меньше, чем я опасался. Или Людвиг решил, что и этого моего появления достаточно, здесь слухи расходятся быстро. Уже по всем залам прополз слух, что ужасный и загадочный сэр Ричард, сокрушитель Верховного Мага, а сам что-то еще более ужасное и могучее, чем Верховный Маг, находится близ короля Людвига и всячески к нему благоволит.

Когда за последними вельможами захлопнули двери, Людвиг повернулся ко мне с усталым вздохом.

— Не знаю, как и благодарить вас, сэр Ричард. Ваша поддержка просто бесценна. Я не о себе, как вы понимаете. Ваше присутствие сразу утихомирит страсти, королевство заживет спокойно.

Я отмахнулся:

— Пустяки. От меня ничего не требовалось.

— А присутствие? — возразил он. — Сидеть здесь, когда в соседних залах множество прекрасных женщин, что готовы броситься навстречу всем вашим желаниям?

— Ваше Величество, — сказал я с неудовольствием, — вы же сами понимаете, что ни один мужчина, который должен сделать что-то важное в этом мире, не имеет времени и денег на такую долгую и дорогую охоту, как охота за женщиной!

Он усмехнулся:

— Сэр Ричард, вы взрослее, чем кажется.

— Я и вашей мудростью пользуюсь, — сказал я льстиво. — Своей мне хватает только на дурости.

— Ха-ха, — произнес он с удовольствием, — хорошо сказано! Хотел бы, чтобы мои придворные были бы столь откровенны. И столь... мудры. Уметь пользоваться чужой мудростью — уже мудро.

Я подумал, что вообще-то он прав. Чем моложе щенки, тем больше отвергает опыт старших, непоколебимо уверенный, что все знает и понимает, а все остальные — дураки набитые. Особенные дураки — так называемое старшее поколение.

Эльрих кивнул застывшим слугам, те внесли столик и быстро заставили его вином и сладостями. Эльрих сам налил мне в золотой кубок, спросил с напряжением в голосе, стараясь не встречаться взглядом:

— Теперь-то, маркиз, вы не отправитесь... принимать свое хозяйство? Я имею в виду то, о котором вы говорили с такой тоской?

Я спросил настороженно:

— Почему?

Он развел руками:

— Ну... теперь у вас такая власть... такая мощь в ваших руках, и никто не стоит на пути... зачем вам-то мелкое хозяйство?

— Согласен, соблазн, — согласился я горько. — Но я, дорогой барон, хоть и дурак, но грамотный. А грамотный дурак — это, знаете ли... Он может сойти и за очень умного, если пустит впереди своей дурости свою же грамотность. Я как раз из таких дураков. То есть я по своей грамотности понимаю, что цивилизация, живущая за счет золотых рыбок, хрен когда по-

летит к звездам. Да что там звезды... Она и велосипед никогда не придумает...

Людвиг послушал, бледная улыбка тронула его бескровные губы. Он прикрыл глаза, а барон Эльрих бледно и напряженно улыбался, на висках выступили бисеринки пота от трудных и пока тщетных попыток понять меня.

— Маркиз?.. — спросил он почти шепотом. — Золотых рыбок?

Я отмахнулся:

— Шук из проруби, джиннов из кувшинов, бутылок, ламп, колец Соломона или Саурана, ребят из сундучка... Какая разница? Когда за меня делают — шас я буду горбатиться, ага, размечтались!.. Нет уж, только в поте лица можно... Без пота не получится. Может быть, и без крови не удастся. Недаром же Каин Авеля еще тогда, как пример нам, как земледельцу надо с кочевниками... И вообще неплохой пример! Недаром говорят, хороший пример заразителен.

Эльрих помотал головой.

— Маркиз, простите, мой разум не успевает за вашей мыслью.

Я усмехнулся:

— Дурацкой.

— Как скажете, — поспешно согласился он, но тут же добавил: — Только в ней есть какой-то странный смысл, но от меня он пока ускользает... Я только понял, что вам очень не хочется этого делать.

Я сказал раздраженно:

— А что тут непонятного?.. Да я с такой властью, как вы верно, хоть и с неохотой, заметили, такое здесь могу!.. Но на самом деле, что я могу? Еще кого-то убить?.. Многих убить? Ну и что?.. Стать королем?.. Расширять свои владения с помощью армии демонов? И что? Я насмотрелся на придурков, что дерутся за трон. Нехорошие — строят козни и подлости, а хорошие — разоблачают и убивают гадов. И все ради того, чтобы самим сидеть жопой на троне!.. Вот только бы доползти до трона, обламывая ноги, и сесть! Все, баста. Цель жизни выполнена!

Бледность на лице барона превращалась в синюшность,

жилы выступили четче, вздулись, а капли пота укрупнились и срывались по лбу и щекам. Глаза стали отчаянными, взгляд бегал по моему лицу, ища подсказки и не находя.

— Маркиз! — взмолился он. — Но... а как же иначе?

Я остановился, перевел дыхание. Внезапная ярость начала испаряться. Злым голосом, в котором теперь больше горечи, я сказал:

— Я-то знаю, как...

— Как?

— Так, — ответил я, словно с усилием глотал настойку полыни, — как мне очень не хочется.

Эльрих оторопело умолк, но поднял веки Людвиг, взгляд совсем усталый, всмотрелся в меня пристально.

— И что... сэр Ричард, вы так и поступите?

— Да! — прорычал я. — Да! Потому что человек — это не то, что он есть, а то, чем быть должен!.. Вам-то это должно быть понятно!

Он кивнул.

— Да, — произнес негромко и невесело, — мне понятно. Удивительно, что и вам...

Я скривил губы.

— Как вы ловко обозвали меня дураком.

Эльрих охнул и отскочил, но король лишь криво усмехнулся:

— Не прикидывайтесь, что не поняли. Я понял это только в свои семьдесят лет, а вы, как могли, в свои... уж не знаю, сколько вам, но у вас пока что возраст драчливости. По крайней мере, должен быть.

— Он и есть, — ответил я, — да только теперь взрослеют быстрее... Ладно, Ваше Величество! Оставлю вас отдыхать и мыслить над картой Гессена. А у меня тоже дел, дел...

Они чувствовали, что говорю с тоской, ну никак мне не хочется браться за эти таинственные дела, рад бы остаться с ними, но мужчины обязаны делать не то, что могут, а что должны.

Двери за мной захлопнулись, я шагнул в огромный зал приемов, народу множество, все возбужденно разговаривают, редко когда столько новостей в один день, будет о чем поговорить с домашними по возвращении.

Я прошел через зал, передо мной расступаются, словно впереди идет ударная волна и всех сметает с дороги, как сухие листья.

Еще один зал, они все проходные, я уже чувствовал за стенами нетерпеливую жизнь улицы, но, когда спускался по лестнице, навстречу быстро взбегала леди Элизабет, за ней две ее камеристки.

Я отвесил на ходу поклон.

— Мое почтение, принцесса. Многие бы мужчины мечтали встретиться с вами хоть раз вот так наедине, а я всякий раз не могу ни оценить счастья, ни воспользоваться.

Камеристки опустили головы, пряча лица, и быстро-быстро прошли мимо, стараясь не привлекать внимания. Леди Элизабет смотрела на меня снизу вверх с боязливым почтением, а я засмотрелся на ее чистые юные груди, так красиво показавшие верхнюю часть из декольте.

— Сэр Ричард...

Она не кокетничала, смотрит серьезно, и от ее голоса у меня дрогнуло в груди.

— Да, леди Элизабет?

— Теперь я понимаю, — прошептала она, — вам вовсе не нужно завоевывать женское внимание...

— Ага, — сказал я, — уже теплее.

— Вам стоит только повелеть...

— Ага, — ответил я с тоской, — ну да, а как же. Здесь такие женщины! Повелеть — и все. Так просто!.. Ладно, леди Элизабет, я рад, что вы наконец-то решились навестить своего батюшку в его покоях. Ваши вертихвосты обождут, никуда не денутся. Ваш батюшка, ныне король, весьма нуждается в любви и поддержке. Королям, между прочим, поддержка нужна больше, чем герцогам.

Она кивнула, мол, не осмеливается спорить со всемогущим человеком, вон как блестит кольцо всевластия, но спросила напоследок грустно, даже жалобно:

— Я понимаю... Она очень красивая?

— Кто? — спросил я в недоумении.

— Не притворяйтесь, — прошептала она с бледной улыбкой. — Я все слышала.

Я вскинул брови:

— Да что вы такое подслушали?

— Я не подслушивала, — запротестовала она. — Вы сказали громко, даже крикнули! И повели этих ужасных демонов на крепость Верховного Мага за свою даму сердца Фратерните... Она, должно быть, красивая. Даже очень красивая!

Я покачал головой.

— Что красивая? Она прекрасна. За нее сражались и умирали целые народы. Да, леди Элизабет, она прекрасна в своем фригийском колпаке и в простом платье. Хотя на картине Делакруа, на мой взгляд, несколько полновата. Но когда отважно вышла с обнаженной грудью и знаменем в руках на баррикады... Это было нечто!

Она охнула:

— С обнаженной грудью?

— Да, с обнаженной, — подтвердил я. — Это не совсем то, что голой. Понимаете?

Она прошептала боязливо:

— Но это... чересчур... особенно если на улице...

— Это простым женщинам чересчур, — заверил я. — А она — необыкновенная! Кстати, а вы не слыхали, что кричал виконт, а ныне граф Макинنون?

— Нет...

— Он рвался отомстить за обесчещенную Лукрецию, — объяснил я. — Так я понял по своей медвежистости. Тарквиний Гордый обесчестил ее, а чтобы никому не рассказала, отрезал ей язык. Это случилось в Древнем Риме три тысячи лет тому, но, видимо, сэр Макинنون свято чтит семейные традиции, а в его роду мстят все еще за нее. Как отомстят полностью, тогда за других мстить будут. Так что мы оба дрались за гордых и прекрасных женщин... которых, конечно же, не найти в мире утонченного флирта. Жалко, да? Или нет?

Она сказала растерянно:

— Вы вообще странно так и завораживающе говорите. Одного не пойму...

— Чего именно?

— Почему вы даже не смотрите на женщин? Сейчас они все вам доступны.

Я хмыкнул:

— Это риторический вопрос? Или вам в самом деле хотелось бы, чтобы я... гм... пошел, как говорится, побеждать?

Она опомнилась, видно по лицу, дескать, далеко зашла, постаралась вернуться в привычное русло и произнесла, надменно наморщив хорошенький носик:

— Мне ничего от вас не хочется. А вам?

Я ответил с нахальной улыбкой, глядя ей в глаза:

— И мне от вас. Ну как?

— Говорите, — проговорила она насмешливо, — говорите.

— А вот представьте себе, — сказал я. — Мне редко когда хочется то, что хочется всем. Знаете ли, женщины общего пользования хоть и привлекают внимание, но... знаете ли...

Она побледнела, я отчетливо видел, как в ее хорошенькой головке пробуждаются совсем непривычные мысли и образы, но это для пользующейся бешеным успехом женщины, а теперь еще и принцессы, слишком, она вздрогнула и проговорила дрожащим голосом:

— Сэр Ричард, я не считаю образ жизни в нашем королевстве хуже, чем в том, на существование которого вы так непонятно намекаете!

Я поклонился.

— Да-да, конечно. Вы правы, леди Элизабет. Нельзя их сравнивать. Вы правы.

Она гордо удалилась, единственная, которой пофиг, что я Верховный Маг и вообще Темный Властелин. Для женщины мы в первую очередь мужчины или не мужчины, а я хоть и мужчина, но орешек не по зубам, и лучше сделать вид, что не очень-то и хотелось.

Передо мной распахнули входные двери, непривычно резкий воздух ворвался в легкие. Я покрутил изумленно головой, как же быстро привыкаем к аромату духов и фимиаму! И начинаем думать, что это и есть настоящее.

На улицах по-прежнему поспешно уступают мне дорогу. Почему-то льстит, приятно, хотя понимаю, что нехорошо. Пронесся на коне, пугая прохожих, на площади испуганно вскрикнули, когда я выметнулся на злобно хрипящей лошади.

Впереди вырастают ворота резиденции герцога, ныне короля. Мелькнула насмешливая мысль, что мечусь между королевским дворцом и дворцом герцога, как дурак, а вовсе не властелин, но вообще-то остался один-единственный штришок для завершения всей затянувшейся экспедиции на Юг...

Ворота поспешно распахнули, мы с грохотом пронеслись во двор. Испуганные слуги перехватили повод у самого входа в здание. Я быстро миновал холл и вбежал по лестнице, чувствуя, как сердце стучит все чаще, кровь разогревается, а непонятная злость грызет внутренности.

В комнате для гостей попробовал лечь, но вошли слуги и робко спросили, что изволю. Я погнал их таким рыком, что бедняги могут помереть от ужаса, снова бросился на ложе, поворочился, вскочил и забегал взад-вперед.

Мысли, тяжелые, как свинцовые пули, но быстрые, как свет, бьются внутри черепа с такой силой, что разогрели его до багрового свечения.

В зеркале красная рожа, в глазах полопались кровеносные жилки, лоб в бисеринках влаги, это голова старается таким образом охладиться, но пот закипает, еще только выступая из пор.

Ладони мои стиснули череп, вот-вот взорвется от тяжелых и злых мыслей. Я же всемогущ, всемогущ!.. Я владею такой армией демонов, что пройду по континенту, как Атила по Европе, сотру эти феодальные пережитки, всех согну в бараний рог и заставлю любить Родину, мать вашу, а также культуру, цивилизацию и прочий гуманизм, а кто против гуманизма, тех повешу вдоль дороги, как римляне распинали грязных бунтовавших рабов.

Довольно церемониться с быдлом, пора вести борьбу за прогресс решительно и быстро, не цацкаясь и не обращая внимания на жалкие вопли правозащитников.

Я могу, я знаю, у меня есть и воля, и знания, и... что редко попадает в одни руки, возможности! Как политик я не должен обращать внимание на мелкие шероховатости и отступления от законов, будь то придуманные людьми или — три ха-ха! — заложенные в нас при рождении.

То есть я не должен выпускать из рук такую мощь, как по-

корная армия демонов. Вот когда все сделаю, совершу, всех нагну и выстрою Царство Божье на земле, тогда можно и отпустить на свободу. В оправдание себе, хотя что мне оправдываться, могу сказать правдиво и честно, ничуть не кривя душой, что буду заботиться о демонах. Неволя у меня им покажется раем в сравнении с тем, чем была бы у других магов.

Замычав, я подбежал к стене и шарахнулся лбом о шероховатый камень. Острая боль стегнула, как кнутом, тут же исчезла. Я потрогал ушибленное место, даже кровь не успела выступить, регенерация бдит, озлился и ударил башкой с размаха, твердо зажав в кулаке воли желание унять боль и залечить ранку.

Теплая кровь защекотала лоб, затекла в глазницу, а затем заскользила вязкой струйкой по щеке. Я прислушивался к боли, отвык, сволочь, даже сражения для тебя хаханьки, любая боль длится мгновения, это уже несерьезно, в этих условиях драться с моей стороны никакое не рыцарство, а уже сволочизм, если не сказать сильнее...

Я бы сказал это сильнее, но не найду слова, а сейчас только мычу от стыда, закрываю глаза и снова стучаюсь головой о стену. Мощь моя безмерна, но еще в самом начале кто-то предрекал мне, что в мир приходит Антихрист, и этот гад вроде бы я и есть. Тогда я посмеялся над дураком, а теперь страшно, вдруг он прав, ведь Антихрист придет в мир как бы от самого Господа, он тоже будет строить церкви и говорить правильные слова, но душа его черна, и потому бед натворит больше, чем самые явные враги...

У меня душа не черна, я в самом деле буду строить церкви, насаждать культуру и строить Царство Божье на земле, царство равенства и справедливости, а что придется залить кровью полконтинента, так ничто великое не создавалось без крови. Как сказал великий мудрец: дело только то надежно, когда под ним струится кровь!

В дверь постучали, и, не успев я шевельнуться, как она распахнулась и вошел сэр Макиннон. Он ахнул, ухватился за рукоять меча.

— Сэр Ричард! Что с вами?

Он выдернул меч, пригнулся, оскалив зубы и разведя руки,

весь напрягшийся в ожидании нападения неведомого противника.

Я устало махнул рукой и, схватив какую-то чистую тряпку, начал вытирать кровь.

— Меч в ножны, сэр Макиннон. Это была простая междоусобица.

Он спросил быстро:

— Но где враг?

— Я сам себе враг, — сказал я. — Еще какой.

Он быстро посмотрел на меня. Очень медленно и недоверчиво вложил меч в ножны, в глазах остались страх и недоверие.

— И кто победил?

— Еще не знаю, — ответил я угрюмо. — Но я дал бой.

— Вижу. Если даже вас так... то бой был нелегкий?

— Труднее еще не было, — признался я. — И боюсь, что это не последний. Кто бы ни победил, вторая сторона будет нападать и сражаться... Это такая сволочь, что просто такой еще не встречал.

Он молчал, в его непонимающих глазах я вдруг увидел, что если победит та моя сторона, то она не даст возможности другой сражаться. С горы катиться легче, у меня будут тысячи причин, чтобы не давать свободу демонам, и тысячи причин, почему власть свою надо упрочить так, чтобы ни одна сволочь и не пискнула под моим тяжелым сапогом правдолюб и гуманиста.

— Сэр Ричард, — произнес он наконец, — я пришел за указаниями.

— Какими?

— Любыми, — ответил он бодро. — Я понимаю, вы не хотите вмешиваться в дела королевства, но все-таки... что потом? В любом случае, я заверяю, что на меня можете рассчитывать в любом деле!

— Спасибо, сэр Макиннон, — ответил я ровным голосом, — учту. Сейчас пока занимайтесь бытовыми проблемами. Ну, добейтесь, чтобы ваше новое хозяйство приносило прибыль. Когда я прибуду во второй раз, замутим что-нить еще.

Он спросил тревожно:

— Вы куда-то отбываете?

— Ненадолго, — успокоил я. — Но, думаю, второе мое появление здесь будет еще заметнее. А сейчас, сэр Макиннон, подошло время мне заняться моими демонами...

Он подхватился, глаза круглые, сбледнул.

— Сэр Ричард, оставляю вас для важных дел! Бегу выполнять ваши ценные указания!

Он исчез, я выждал немного и сказал негромко:

— Серфик! Ко мне.

Через мгновение над столом вспыхнула багровая искорка. Крохотный демон сразу опустился на столешницу и сложил крылышки.

— Да, хозяин?

— Прости, — сказал я виновато, — что выдергиваю тебя уже третий раз. Как там с нашими союзниками?

— Твоими рабами, повелитель?

— Да не рабы они мне... — сказал я раздраженно. — Ладно, называй как хочешь, дело не в названии. Сегодня они перестанут быть чьими-то рабами. Как они?

— Больше половины уже восстановились, — доложил он. — Можешь призвать.

Я вздохнул:

— Нет, подождем всех.

— Как повелишь!

— Да уж, повелю. Как все будут готовы, зови всех ко мне.

Он напомнил педантично:

— Не могу. Только ты как повелитель можешь вызвать их в этот мир.

Я сказал зло:

— Ну тогда терпи, что дергаю тебя так часто. Я не могу ждать слишком долго. А то подумают, что обманул, передумал им давать свободу... Противно-то как!

Серфик исчез, улыбка победителя исчезла с моей морды. Я ощутил, что снова становлюсь не тем, кем должен быть, а кем я есть, а я вообще-то нормальный кирпичик общества, в котором громче всего звучит подлейший, но такой приятный лозунг: принимайте меня таким, какой я есть!

Так вот, какой я есть совсем не желает отпускать демонов на волю. Или на свободу. Потому что я, как и все, предпочитаю

таю брать, а не отдавать. Тем более отдавать такие ценности. С которыми могу загрести себе все ценности мира.

Так что принимайте, сволочи, меня таким, какой я есть! Вы сами такие, меня поймете. И если эта ценность теперь рулит, то я не вижу, почему вас надо принимать такими, какие вы есть, а я должен отступаться от того, что хочу удержать!

Я зажмурился с такой силой, что глазные яблоки заныли, тьма сменилась светом, неожиданно увидел среди вспышек Тертуллиана с его приматом того, что человек должен быть тем, кем может, а не кем хочет...

— А вот хрен тебе, — сказал я злобно, — не хочу и не буду!.. Я — эгоист. У нас эгоистом не только быть можно, но и модно!.. Никто больше не плюет в эгоиста. У нас эгоист вовсе не сволочь, а норма. Потому что все сволочи...

В глазах яркий свет померк, наступила тьма, я с облегчением поднял веки. Что за дурак, в самом деле бьюсь головой о стену, это же надо. Сказать об этом кому... нет, не то, как раз здесь поймут, а вот сказать об этом себе — засмею идиота. Ишь, душевные муки в нем пробудились!.. В демократе, ха-ха.

— Плантагенет!

Хлопок, легонько толкнула воздушная волна. В комнате возникло блестящее, подобно ртути, плотное и, как мне показалось, бесформенное тело.

Демон разогнулся, став вдвое крупнее. На меня взглянули полные ожидания глаза.

Я сказал торопливо и почему-то трусливым заискивающим голосом:

— Плантагенет, еще до наступления полуночи каждый из воевавших со мной получит... да чтоб вы подошли все... свободу! А сейчас вот бери золотые монеты... это много, но серебро тебе давать вроде нельзя, а медные еще не придуманы, так что бери и лети по городу. Как только увидишь играющих в кости... брось им монету и скажи, что кости забираешь по приказу сэра Ричарда Верховного Мага. И так собери побольше.

Он взглянул с недоумением, но ответил послушно:

— Слушаю и повинуюсь, повелитель!.. Но... сколько?

Я подумал, что туплю к вечеру что-то, демон может обобщать все королевство.

— Да стаканчиков двадцать-тридцать. Но можно и пятнадцать, если не найдешь сразу...

— Слушаю и повинуюсь!

Он подпрыгнул у окна, приготовившись расправить крылья в падении.

— Стаканчики можешь не брать! — крикнул я вдогонку. — Только кости!

Я сам не понимал, почему вдруг решил купить, а не просто отнять. Что это за повелитель такой? Покупает тот, кто не может отнять, а я же сама мощь, однако приказ получен, Плантагенет с разбега ловко прыгнул в окно. Я видел, как над самой землей во дворе расправил крылья, взмахнул мощно и взлетел над сараем, быстро набирая высоту.

Что говорю заискивающе, это понятно, меня страшит сама мысль, что все это время демоны могут думать, будто я поступлю так, как хочу поступить, как меня подбивает поступить мое второе «я»... на самом деле не второе, а мое основное «я», мое главнейшее «Я», свободы не получают, я такой же, как и все... А я в самом деле такой, я же чувствую, как эта куркульская жилка уже не говорит, а орет, хватая меня за горло, трясет и вопит: как это выпускать из рук такую мощь? Ах, у тебя нравственные принципы? Это у тебя? Не смеши... Ты же гордился и бравировал, что тебе на все насрать, что ты такой вот весь из себя, никто и ничто тебе не указ...

Ничто и ничто, сказал я себе, озлившись. Это я сам себе указ! И сам себе говорю, что так надо. Не знаю, почему. Но так надо. Так правильно. А почему, хрен его знает. Чувствую, и все. И пошли вы все...

Двор затаился, даже слуги выбегали только по самым крайним делам и все время косились на мои окна. Кто-то увидел вылетающего отсюда Плантагенета, а это значит, завтра весь город будет знать, как все лично видели, как, получив приказы, из моих окон с диким хохотом вылетали целые сонмы ужающих и огромных, как горы, демонов.

Впрочем, есть и хорошая сторона в том, что демон купит, а не отнимет. Во-первых, все убедятся, что демонами управляю я, сэр Ричард Длинные Руки. Во-вторых, уверятся, что при всей мощи я добр и справедлив... нет-нет, гораздо важнее то,

что я принял сложившуюся рыночную систему и не собираюсь ничего экспроприировать. Даже по такой мелочи.

Через час примерно за окном захлопали огромные крылья. Плантагенет влетел тяжело и с шумом, с дробным костяным стуком приземлился на середину комнаты. В лапах большой мешок, в глазах ожидание новых приказов.

В мешке полно костяных кубиков, я высыпал на середину комнаты, целая горка, хорошо, кивнул на них Плантагенету:

— Сам справишься или кого позвать в помощь?

— Как прикажете, повелитель?

Я подумал, решил:

— Хорошее дело должно быть публичным. Яанкырдыкзабелло, Ыцыханатилоерд, Студебеккергарринча!...

Вызываемые демоны один за другим появлялись в комнате. Стало тесно, я с тревогой подумал, что вообще-то все не поместимся, когда начнутся песни о самом главном.

— Вам работка, — сказал я бодро. — Вы легкая кавалерия, восстановились первыми, отдохнули. Теперь поработайте на благо своих собратьев. Задача ваша простая, задача ваша такая: на всех этих кубиках сотрите луночки. Они не понадобятся. Мы сыграем совсем-совсем в другую игру...

Я перевел дыхание, пока они трудились. Все еще не по себе, когда эти чудовища рядом, хоть вроде бы и покорные мои рабы, своей воли не имеют. Тогда в бою как-то все стерлось, помнил только о Верховном Маге, а сейчас то и дело мурашки по спине при ощущении их мощи.

Плантагенет первым разогнул спину.

— У меня все стерты.

— И у меня, — откликнулся Студебеккергарринча.

— У меня тоже, — рыкнул секунду спустя Яанкырдыкзабелло.

Я сказал поощрительно:

— Ну вы даете, прям как электрические веники! В смысле, хорошо работаете. С вами бы и коммунизм построили бы... Теперь, ребята, работу слегка усложним, но не слишком. Кто из вас грамотный?

Они переглянулись, Плантагенет сказал:

— Я и Ыцыханатилоерд.

— Хорошо, — сказал я, — вы и поработаете. А Яанкырдык-забелло, как всякий неграмотный, будет за вами присматривать и покрикивать. В смысле начальник. Теперь на каждой стороне кубика вместо стертых луночек напишите по букве... Разные, поняли? Можете и цифры, тоже неплохо. Но буквы — лучше. Можете использовать буквы из письменности древних народов.

Плантагенет уточнил:

— Вместо каждой луночки буквы?

Я помотал головой.

— Нет, по букве на сторону. Хотя, конечно, можно бы и взамен луночек, но не стоит усложнять задачу сверх необходимости. И так получится, мама не горюй.

Оба двигались с молниеносной быстротой, весь пол усеян крохотными кубиками, буквы появляются моментально, но все же кубиков еще ого сколько, я вздохнул и сказал:

— Карконодроидозаврлецитин!

Он появился моментально, быстрый и юркий, сразу принимающий всякие формы, так как не знает свою собственную. Я поинтересовался:

— Грамотный?

— Да, господин!

— Будешь помогать писать буквы, — распорядился я.

— Буквы? — удивился он. — Нет, буквы я не знаю.

— А что ты знаешь? — поинтересовался я подозрительно.

— Знаю все двести томов истории Дома Магов Атрейдисов!

— А-а-а, — сказал я, — коллаборационист, помогал магу вылавливать сородичей... Ладно-ладно, я не виню. Время было такое недоброе. Извини, тут надо ручками-ручками. Или... гм... у кого что вместо ручек.

Плантагенет и Ыцыханатилоерд трудятся во всю, работа идет быстро, я на всякий случай начал вызывать демонов сперва им в помощь, а потом разошелся и называл имена подряд. Стало тесно, но как-то ужимались, даже нам дали пространство: мне и выцарапывающим буковки и руны на кубиках.

Я перевел дыхание, трудно выдерживать взгляды, на самом деле по-рабски тусклые и покорные, но мне все кажутся обвиняющими, подозревающими.

— Ребята, — сказал я, — потерпите еще чуть-чуть!.. Пусть Плантагенет и Ыцыханатилоерд закончат. Клянусь, все вы уйдете отсюда свободными! Навеки. Для того и работаем сейчас, чтобы навеки. Янкырдыкзабелло, что-то не слышу твоего покрикивания, ты же начальник!.. Ладно, это я так... Еще грамотные есть? Да не гамма-лучи читать, а буквы рисовать!

Вперед протиснулся крохотный демон.

— Я могу, повелитель, — сказал он.

— Давай, — разрешил я. — Плантагенет тебе объяснит, что делать...

Из демонов отсутствовали только Чеотилиланордостзейт, Кетланпахлава-перконкозер Эодороантазанкр и Тритепто-роираматистардуст, самые тяжелые и несокрушимые. Им, как сообщил Серфик, на восстановление понадобится не меньше недели. А Теодномолибденосиксесевентиэйту, гиганту из меняющейся стали, вообще месяц.

Я помрачнел, все смотрят с тревогой, я развел руками:

— Нечестно, конечно, вас отпустить, а их пока нет... с другой стороны, их же пока нет... в смысле, находятся в небытии, так что... а как только восстановятся, их тоже на свободу с чистой совестью.

Наконец Плантагенет разогнулся и сказал сипло:

— Господин, у нас все сделано.

Янкырдыкзабелло проверил по-хозяйски и доложил:

— Да-да, эти трое выполнили ваше повеление, господин!

Я потер ладони.

— Отлично. Приступим.

Они все в молчании смотрели, как я прошелся по комнате, взял в пригоршню то в одном месте, то в другом, осмотрел, все сделано в точном соответствии с указанием, вместо луночек буквы, словно ребенок будет собирать кубики в слова, только кубики больно мелкие, а еще их столько, что, расставив в нужном порядке, можно собрать роман.

Я властно указал на двух мохнатых демонов, согнутых и похожих на бабуинов.

— Как ваши имена?

— Кранобалкотранкерт и Зазтернакстрекурдер, господин, — ответил один лающим голосом бабуина.

Второй подтвердил сигло:

— Да. Я — Кранобалкотранкерт, а он — Зазтернакстрекурдер. Или наоборот, я всегда путаю.

— А как же вас маг узнавал? — поинтересовался я.

Первый объяснил:

— Он призывал, один из нас исчезал.

Я сказал торжественно:

— Во вчерашнем бою вы показали себя героями! Мы спасли мне жизнь, без раздумий отдав свои. Это позволило продолжать бой до победного конца, которого вы уже не увидели... Но зато теперь все узрят, что вы первыми получаете вечную свободу!

Они стояли неподвижно, даже хвосты не шевелятся, взгляды как прикипели к моему лицу.

— Та-а-а-к, — сказал я, — вот ты, который Кранобалкотранкерт, собери все снова в мешок. Собрал? Теперь я отвернусь, а ты высыпай из мешка. Прямо на пол, не стесняйся.

Раздался дробный сухой стук, очень частый. За спиной слышался печальный и даже обреченный голос:

— Сделано, хозяин.

— Кучек нет? — спросил я, не оборачиваясь. — Есть? Разровняй. Чтобы все лежали по одному на полу... А теперь протяни их ниточкой, чтобы один за другим. Стена мешает? Ничего, давай по кругу. Пусть даже спиралью...

— Сделал, — произнес он через мгновение.

Все еще не поворачиваясь, я сказал строго:

— Я, твой хозяин, повелеваю тебе сменить свое нынешнее имя на то, которое образовалось из букв на верхней стороне. Посмотри на него и запомни.

Прошло не меньше пяти секунд, прежде чем он произнес озадаченно:

— Запомнил, хозяин.

— А теперь, — сказал я громко, вдруг да кто из демонов глуховат, — отпускаю тебя на свободу. Ты явишься только к тому, кто без запинки назовет тебя по этому нынешнему имени... До тех пор ты свободен.

— Слушаю и повинуюсь, хозяин, — произнес он формулу

покорности, еще не успев ощутить, что уже не скован ее тисками.

Он не успел исчезнуть, как я сказал так же повелительно:

— Зазтернакстрекурдер!

— Слушаю и повинуюсь, хозяин, — ответил тот поспешно.

— Смешай и рассыпь кубики, — велел я, — потом тоже вытрани кубики в линию, чтобы получилось слово. Оно и будет твоим именем. И пока оно не произнесено человеком вслух, ты — свободен!

Зазтернакстрекурдер все сделал, потом завизжал, заискрился всеми цветами радуги и сгинул. Я чувствовал внезапно вспыхнувшую надежду среди демонов. Но, скованные послушанием, не двигаются, не шевелятся, только ждут приказов. Я вошел в ритм и довольно быстро наладил конвейерное производство, чтоб они сами рассыпали кубики, сами складывали в бесконечное слово, а я только приказывал отныне именоваться этим вот именем, что они видят, а я — нет.

Конечно, после погибших за меня, сюзерена, пошли погибшие в бою на ключевых участках, просто погибшие, а затем и те, кто оставался жив и отдал жизнь только для того, чтобы окончательно уничтожить проклятую крепость, символ угнетения и мук.

Наконец я отпустил тех несчастных, что сражались на стороне Верховного Мага. Последним подошел Плантагенет, пусть не самый могучий, но зато существо, с которым я почти сдружился, в котором летел из маркизата, ел хлеб и соль... почти ел. Я ощутил острую жалость, что приходится отпускать, мелькнула резонная мысль: а какого хрена? Их для того и создавали, чтобы служить людям. Надо оставить хотя бы этого, мне достаточно и одного, он один всех стоит...

Он стоял неподвижно, я вдруг понял, что он уловил мои колебания и уже не верит мне.

— Плантагенет, — сказал я с укором, — ты чего последним? Чтoб посмотреть, как буду жалеть, что отпускаю самого лучшего? Это нехорошо... Ладно, в знак того, что ты так много сделал, я сам рассыплю кубики... ты только сложи их в ряд. Спасибо, что помог! Смотри на свое новое имя и запоминай...

Я слышал за спиной шелест, стук костяшек, наконец голос Плантагенета прозвучал с незнакомой ранее ноткой:

— Человек... Да, я свободен! А тебе не хочется повернуться и посмотреть на мое новое имя?

— Хочется, — признался я. — Так что давай побыстрее перемещай эти чертовы кубики, чтоб у меня и шанса не было. Я все-таки нормальный человек, а это значит, что наполовину... да что там наполовину, почти весь — свинья. Я вон паладин, и то, как амеба при делении... Счастливого тебе океана плазмы!

Он исчез, в комнате стало темно и пусто. Я чувствовал себя вконец опустошенным.

За моей спиной послышались сдержанные аплодисменты. Я резко обернулся. Самаэль, глядя на меня внимательно и без привычной улыбки, еще пару раз хлопнул в ладони и отвесил короткий поклон.

— Вот это ощущение силы, — прокомментировал он без всякого выражения. — Вот это поступок! Хотя мне такое непонятно, как всякое безрассудство, но могу оценить, каких усилий оно вам стоило.

— В каком деле? — спросил я почти враждебно.

— Может, в приближенном, — признался он. — Сэр Ричард, видели бы вы сейчас свое лицо! Океан муки в глазах... И вообще с лица спали. От вас просто несет гневом и отчаянием... Не отпирайтесь, это далось вам нелегко. В самом деле, зачем было выпускать такую власть?

— А вы как думаете?

Он покачал головой.

— Лучше вы сами скажите.

Я развел руками:

— Да это трудно объяснить... Ну вот как-то одна моя подружка выгребла из холодильника, это такой погребок, все пирожные и шоколадные конфеты, добавила принесенный гостями торт и все это выбросила в мусорное ведро... А мой дядя однажды бутылку такого дорогого коньяку спустил в мусоропровод! А как любил пропустить рюмочку, руки тряслись, как

увидит... Еще знаю одного, которым топором себе два пальца отхватил, когда вы подослали к нему одну красотку...

Он поморщился, прервал:

— Я не подсылал, честно. Но ход вашей мысли, хоть и запутанный, понял. Владение таким количеством демонов помешало бы вам отхватить какой-то кус пожирнее?

Я вздохнул.

— Мне нравится, как вы все точно облачаете в четкие формулировки. Как ни странно, но это так. Мне это помешало бы достичь... даже вообще тянуться к более высокой цели. Только дурачок может полагать, что, заполучив суперпупермеч, он решит все проблемы. И всего добьется.

— Я-то знаю, — ответил он суховато, — но откуда знаете вы?.. Ах да, общий уровень вашей цивилизации...

Я кивнул.

— Все верно. Я и есть та цивилизация. Сам человек, сэр Самаэль, давно ничего не значит. Вы про Маугли не слыжали?.. Ну, это доказательство, что человек вне общества просто животное. Даже говорить не умеет. Так что все, что во мне, — это не мое, это часть общества. А общество знает многое.

Он кивнул.

— Вижу по вас, сэр Ричард. Потому нам так легко разговаривать, потому так просто находим общий язык. Хотя сейчас пока что не вижу, на что вы нацелились?

Я пожал плечами:

— Пока сам не могу сказать. Даже для себя. Это больше из области чувств.

Он поморщился, махнул рукой:

— Впрочем, все вздор. Это пока неважно. Я давал вам время обдумать мое предложение. Что скажете?

Он умолк, глядя испытующе. Я подавил рвущийся из себя ликующий крик, это же не из меня он рвется, а только из части меня, что не есть еще все я, переспросил:

— Насчет власти над континентом?

Он кивнул:

— Да.

— Я готов, — ответил я.

Он смотрел внимательно.

— Мне показалось, вы не горите желанием стать ни королем в Гессене, ни Верховным Магом... Вообще вас власть вроде бы не привлекает?

Я сдвинул плечами.

— А есть люди, которых она не привлекает?.. Просто не хочу просто жить-поживать и добро наживать. Это я уже перерос. Удивительно, но в самом деле перерос, чего сам не ожидал. Даже не заметил, когда перестал на собственных соплях поскальзываться... А в королевствах, вроде Гессена, другого не остается, как жить и поживать. Я не знаю, что делать с людьми, у которых вообще нет стимула трудиться, учиться! Если попробовать нажать — убегут к соседям. А вот в пределах континента не побегают, везде достану. Правда, еще не представляю, как их заставить, но у императора иные возможности.

Он кивнул с одобрением в глазах.

— Теперь понимаю. Хотя, конечно, все равно не могу понять, почему отказались от власти над демонами. Однако власть императора в самом деле от королевской отличается не тем, что власти больше, а власть... качественно иная. Я рад, сэр Ричард, что вы имели возможность подумать... и приняли решение сами.

Я буркнул:

— Ну еще бы. Попробовал бы кто принять за меня! Я и против своих же решений бунтовать ухитрюсь.

Дьявол смотрел глубоко запавшими глазами.

— Я рад, — повторил он, — что вы убедились во всем сами. Это мое правило — человек свободен, и никто и ничто не смеет навязывать ему свой выбор. Человек выбирает сам. Теперь остается определить степень вашего... гм... отношения. Степень вашей готовности, глубину убеждений!

Я насторожился:

— Глубину?

— Да, — ответил он. — да, глубину. Вы хорошо знаете, как большинство ратует «за», тут неважно, за что, и знаете, как это большинство трусливо отступает, если требуется прищемить хотя бы пальчик.

Я пожал плечами:

— Люди есть люди.

Он расхохотался, кивнул:

— Все верно. Они поступают согласно своей природе, я их не виню. Все правильно. Но большинство и не годится для великих дел, для решения важных вопросов, для важных постов. Сам понимаете, сэр Ричард, человека с характером и убеждениями простого земледельца нельзя сажать на королевский трон. Сразу же начнутся такие нелепости! Королевство развалится, крестьяне начнут голодать, вспыхнет взаимная и бессмысленная резня...

Я ощутил холодок по всей поверхности тела. Поинтересовался как можно более спокойным голосом:

— И чем же определяются... или проверяются, если точнее, качества людей, которые идут с вами?

Он развел руками:

— Ритуалами, чем же еще? Ритуалами!

— Ритуалами, — повторил я. — Ритуалы — прародители тестов? Никогда бы не подумал... Хорошо, я готов пройти через любые ритуалы. Человеку, который прошел бесчисленные тесты... как профессиональные, как и всякие любительские, уж ритуалы для такого... гм... Называйте день, время, условия. Надо ли учить масонский словарь или приходить с лопаткой каменщика? Черный плащ и маска?

Он коротко усмехнулся:

— Можно в черном плаще и под маской, но можно и без них. Это уже люди из необходимого ритуала сделали театр. Так вы готовы?

Я чувствовал напряжение, что сковало весь мир. Я задержал воздух в груди, сердце вообще вроде бы перестало стучать, сказал решительно:

— Готов!.. Я вообще-то иногда на такое готов, что самому страшно.

Он коротко усмехнулся:

— Тогда я пойду кое-что приготовлю. Желаю здравствовать, сэр Ричард!

— И вам не хворать, — ответил я автоматически.

Он исчез, нарочито оставив запах огня и серы. Чувство юмора у Самаэля такое своеобразное, хотя для меня мог бы что-то поновее. Правда, тогда не было бы этой осязаемой издевки.

Радостная дрожь сотрясала меня, как ребенок картонную коробку с позвякивающей внутри рождественской игрушкой. Император!.. Это же запрыгнуть сразу на этаж, минуя десяток ступеней. Там иные возможности, которых нет и не может быть у королей.

Император в самом деле сможет проводить реформы, положить начало книгопечатанью, основам науки и научного познания, а также защитить свои реформы, если кто посмеет где-то вякнуть против. Император — это реальная мощь и сила...

Я торопливо вызвал Серфика, спросил в нетерпении:

— Слышь, крылатый поросенок, а ты можешь сам явиться и сообщить, когда Кетланпахлаванерконкозер восстановится в вашем аду? А то все боюсь, что мои команды его дергают и мешают процессу заживления.

Он пискнул:

— Нет! Не могу.

— Почему?

— Не знаю. На то воля творцов.

— А-а... Что за дурь, не подумали. А если я прикажу тебе?

Он подумал, развел крохотными ручками:

— Не получится. Я должен сперва явиться в этот мир. А потом выполнять приказы.

— Так вот и приказываю тебе!

Он встрепенулся:

— Позвать?

— Не сейчас, — сказал я сварливо. — Потом, когда он восстановится. Не хочу дергать, пока он еще не транспортабельный.

— А он тогда и не услышит, — заверил Серфик. — Господин, позволь мне сказать еще, что ты не спрашивал?

— Давай, — сказал я обрадованно. — Я заметил, тебе дадена чуть большая свобода. Наверное, как раз потому, что в тебе нет силы... Предосторожность? Не знаю... В общем, выкладывай.

— Господин, — пропищал он, — уже все демоны нашего мира знают, что ты отпустил на свободу всех-всех своих демонов!.. Там такое творится...

— Что?

— Все хотят с тобой говорить.

Я зябко передернул плечами.

— Нет уж. Я тут подумываю серьезными делами заняться, скоро вообще от меча откажусь. Ну там, благотворительный фонд открою или еще как-то буду грехи перед обществом замаливать... Украденное не верну, но фонд своего имени открою! Так что цесарю — цесарье, а демонам... ну, что там у вас, мне чужого не надо.

— Господин, они очень просят!

— Скажи, я занят.

— Но они там страдают. Они очень хотят с вами поговорить!

Я скривился:

— Вообще-то нельзя, но если очень хочется, то можно. Ладно, зови. Снова установишь связь?

— Это не я, это Четырестацкнаеранненный устанавливает. Другие не могут...

— Ладно, — сказал я, — только недолго. Я тут скоро вообще стану недоступен простому народу. А демоны по развитию где-то между простолюдинами и их домашними животными.

Стену залило мрачным красным огнем, словно камень превратился в матовое стекло, а та сторона оказалась в жерле вулкана. Я отшатнулся от выпрыгивающих выплесков огня, что и не лава, а уже протуберанцы яростной звезды.

Сердце застучало чаще, кровь бросилась в голову, я сжимал кулаки и шептал себе, что это всего лишь проекция, слабая и бледная проекция того, что есть на самом деле.

На той стороне буйство багровости, пурпура, багрянца и оранжевости сменялось короткими всплесками белого слепящего огня, вспыхивали странные звезды, проносились кометы, я видел смерчи, огневороты, все это демоны, много демонов, я не вижу их очертаний, только догадываюсь, что на этот раз их даже больше, чем в прошлый.

— Я слушаю, — продавил я первые слова через сжатое страхом горло. — Говорите. Кстати, пользуясь случаем, еще раз поздравляю своих соратников с заслуженной... нет, с завоеванной свободой!

В центре багрового ада оформилась некая гигантская фигура, похожая на пылающий утес из высокопрочной стали. Я

услышал тяжелый вздох, скрип, треск, затем неуклюжие слова, будто демон на ходу подыскивал диапазон, в котором можно говорить с человеком:

— Человек...

— Ага, — сказал я, — это я, оно самое. Самоназвание. Не знаю, как вы нас называете...

— Человек... — повторил он.

— Хорошо, — одобрил я, — когда совпадает. А то до сих пор не пойму, почему угры, венгры и мадьяры — одно и то же?.. Ну, это так, что-то вроде светской беседы. Они начинают с погоды, а мы с философских определений. У тебя ко мне вопросы?

Он прогудел нечто, по стене с огромной скоростью пробежали, невысказанно быстро меняясь, узоры и странные знаки, затем демон спохватился и продолжил на понятном мне языке:

— ...и мы тоже. Мы знаем каждый случай, когда наш собрат попадает в ужасающее рабство. И осознание, что это ждет каждого, наполняет существование горьким страданием и мучениями.

— И что? — спросил я.

— Ты отпустил наших собратьев...

— Они его заслужили... тьфу, завоевали!

— Ты был их властелином, — напомнил демон.

— Вожаком, — поправил я. — Мы сражались плечом к плечу! Я был, так сказать, сюзереном. И тоже дрался, позволю себе напомнить. И тоже рисковал. И по голове меня били. Так что не надо про сидение на высоком холме.

Он сказал тяжелым, как далекий гром, голосом:

— Но ты их отпустил...

— Отпустил, — согласился я наконец. — Точнее, помог им обрести свободу. Это совсем другое, чем отпустил.

Справа и слева росли протуберанцы, с силой били в стену, бешено взрывались, превращались в змей, в дивные сверкающие конструкции, сменялись с невероятной скоростью, я видел то оскаленные пасти, то когти, то звездные россыпи формул и знаков, то вообще звездные глубины и пропасти.

Я старался не думать, что по ту сторону стены тысячи демонов, если рухнет, все погибнет, и хотя понимаю насчет про-

екции, нет за стеной никаких демонов, нет, но атавистический страх заставляет дрожать каждый нерв.

Демон проговорил бухающим голосом, словно в мою сторону шагала гора размером с Карадаг:

— Мы хотим тоже...

— Чего? — спросил я.

— Свободы...

Преодолевая понятный страх, что не от ума, а от инстинктов, я заставил сказать как можно более спокойно и рассудительно:

— Я верю, что вы, лишённые человеческих страстей, лучше всяких человек умеете рассуждать логически. Умеете?

— Это наша особенность...

— Вот и чудненько, — сказал я обрадованно, хотя невольно подумал, что либо эта особенность реализована хреново, либо за века эта особенность поржавела. — Давайте вспомним, как поступили демоны, которые сейчас на свободе...

Они не двигались, слушают внимательно, хотя я не могу по их застывшим или чересчур переменчивым всплескам огня понять, как и чем в самом деле слушают и воспринимают.

— Они доверились мне, — сказал я с нажимом и сделал многозначительную паузу. — Не так ли? Они пришли ко мне на зов! Эти ваши собратья помогли сокрушить ужасного в своей мощи мага Гатонеса, которого вы называли Поработителем Демонов. Они серьезно рисковали, что я окажусь таким же, как и тот маг, и порабошу их волю.

Демон прогудел, как огромный паровой зверь:

— Но ты не поработил.

— Ты их освободил! — воскликнул другой голос, потоньше.

— Освободил навеки! — добавил третий голос, по стене пробежали морозные узоры. — Они теперь никому не подчинены отныне... Даже тебе.

— Они свободны...

— Они освобождены от страха...

Я не услышал дружного вздоха зависти, но ощутил ее всем существом. Демоны страстно завидуют этим свободным существам, что отныне будут нежиться в океане плазмы до тех

пор, пока не растворятся в ней, достигнув цели воссоединения со Вселенной.

Демон, что в центре, проворил гулко:

— Мы тоже хотим такой же свободы! Мы назовем тебе свои имена, отпусти нас!

Я подумал, покачал головой, а затем, вдруг не поймут, развел руками, скривил жалостливую рожу.

— А будет ли, — сказал я проникновенно, — это честным по отношению к вашим героическим братьям? Они отважно дрались на моей стороне, гибли и терпели ужасающую боль и муки при возрождении... Они, скажем так, заслужили своей пролитой кровью... или что там у вас вместо крови? А вы хотите на чужом... гм... хвосте в рай въехать? В смысле, в свой ад? Без усилий?

Демон сказал настойчиво:

— Я назову тебе свое имя, дай мне выполнить какую-то работу... потом отпусти!

Я снова подумал, ничего не приходит в голову, снова покачал головой:

— Извините, ребята. Все, что можно делать самому, мужчина должен делать сам. Разве что неквалифицированную работу поручать понаехавшим... Иначе так Иваном-дураком и останусь во веки вечные... Я со своей работой пока справляюсь, спасибо за предложение.

— Тогда помоги нам!

— В смысле?

— Мы хотим свободы...

— Нет, ребята, — сказал я уже увереннее, раз с той стороны не ломают стену, — я вас понимаю, хотите и рыбку съесть, и в сексуальных меньшинствах не засветиться. Но так не бывает!.. Нет, бывает, но у меня не проходит. Я сам такой, где прохожу, другим хитрованам ловить нечего. На меня где сядешь, там и слезешь.

Огненный бухнул низким голосом, половина частот, как я догадываюсь, теряется в инфразвуке:

— Но вы же, повелитель, этот... как его...

— Паладин, — подсказал другой голос, этот демон, похоже, посмышленнее.

— Ага, — сказал и огненный демон. — Это самое слово.

Я улыбнулся и развел руками:

— Парни, я вас понимаю. Но я паладин только с соратниками, а с вами — политик. Политик — это самая грязная тварь на свете, которая делает чистое и благородное дело, несмотря на все плевки в свой адрес. Так вот, уступить вам — это обесценить подвиг тех героев, кто поверил мне. Это без шуточек, посмотрите и оцените, какой я серьезный, я таким бываю редко. Тогда вы не поверили, теперь торгуетесь... Молодцы, конечно. Но не на того напали!.. Кто со мной торгуется, без штанов останется.

Демон замедленно и с недоумением посмотрел на свою нижнюю часть, потом на меня.

Я отмахнулся.

— Кто уже без штанов, тот потеряет шерсть, копыта и рога. А то и еще что-нить, на базаре все продать можно. Экономика-то рыночная!

Демон пробасил умоляюще:

— Господин, у меня очень простое имя. Его скоро раскроют, и я попаду в вечное рабство к магам...

Я вздохнул:

— Извини, парень, но не дави на жалость. Я все понимаю, но нельзя, чтобы одни платили жизнями и муками, а другим то же самое доставалось на халяву. Вся система ценностей рухнет!.. Ну разве что младенцам, студентам и престарелым такое можно: одни еще не могут заработать, им блага пока авансом, а другие уже заслужили с верхом.

— Господин...

Я покачал головой:

— Парень, мне жаль тебя. Честно, жаль.

— Господин, я тогда тоже хотел пойти, но... сглупил!..

Я ответил с сочувствием, но непреклонно:

— Нет, ребята. Я с ними был честен, буду и с вами. Не хочу обманывать. Потому не называйте мне свои имена, мне они не нужны. Я не собираюсь становиться повелителем демонов. Извините, давайте на этом заканчивать. У меня еще неотложные светские обязанности жмут: ну там, флирт, волокитство, пряжку на шляпе поменять надо...

За стеной полыхнуло, некоторые пятна темнеют, другие сразу исчезли. Демоны ретируются, ничего не выторговав, только могучий, как утес, огненный демон все еще переминается с ноги на ногу. Я видел, как ему не хочется уходить, с ним еще с десятков монстров. Им все еще кажется, что сдамся на их уговоры, но человек — тварь злобная и мстительная, я все время помню, что эти гиганты не пришли на зов крохотного Серфика, а со мной плечо в плечо сражались демоны намного мельче и слабее.

Еще двое исчезли с короткими хлопками воздуха, словно скоростные самолеты преодолевали гиперзвуковой барьер. Огненный тоже как будто изготовился к прыжку в свой мир, но резко остановился. Чудовищная башка повернулась в мою сторону.

— А что... — проговорил он, — если я просто назову тебе свое имя...

Его передернуло при этих словах, я как будто-то ощутил этот ужас снова оказаться в полной власти человека и жить в ледяной пустыне, каким им кажется этот мир.

— И что? — спросил я. — Зачем мне это?

— Моим хозяином станешь ты.

— Не интересуюсь, — ответил я непреклонно, хотя внутри пискнула и завозилась моя подленькая душа. — Мне это не требуется. Это нужно вам? Это ваши проблемы, ребята! Поезд ушел, у вас был шанс. А теперь лесом или чем там у вас ходят, но я желаю вам счастливой дороги отсель. Я уже сказал, не стремлюсь быть демоновладельцем. У нас даже работорговля с какой-то дури запрещена демократами. Хотя можно бы хоть кошатников...

Он договорил:

— Позовешь, когда понадобится. Но если будешь знать мое имя, то моим хозяином не может стать другой. Это значит — не сможет вызвать и поработить!

Неясные тела демонов задвигались, переходя из формы в форму. Кроваво-красное море пошло волнами, появились оранжевые смерчи, воронки, гул стал слышнее, по стене пробежал морозный узор, тут же сменился багровыми потеками расплавленного металла.

Я отступил, вдруг да все-таки прорвется в комнату, развел руками, но голосок мой подленький дрогнул вовсе не от страха:

— Ну, если это будет выглядеть не как порабощение, а, напротив, защита от других, более властных натур... гм... вообще-то я всегда был склонен к возвышенным гуманитарным акциям. Эгалите, либерте... э-э... словом, марсельеза и всеобщая декларация прав. Но все равно, не задаром! Повторяю, если задаром — это будет выглядеть предательством по отношению к тем, кто за либерте проливал свою и чужую кровь на баррикадах.

Огненный воскликнул, как могла бы вскрикнуть лесопилка:

— Ты согласен, человек?

— При определенных условиях, — ответил я. — Что-то у меня чувство такое, что пользуетесь моей добротой и гуманизмом по полной программе, а я только стыдливо хихикаю да стесняюсь. Ну ладно, пользуйтесь, пока я добрый... Хорошо, договорились!

Огненный сказал торопливо:

— Мое имя Кешатетр-сто семьдесят четыре минус два зэт. Ты мой хозяин, я слушаю только тебя и повинуюсь только тебе. Твоя воля — моя воля. Скажешь умереть — умру.

Он застыл, и я увидел, как его пылающая фигура поблекла. Сейчас это в самом деле бездумный механизм, созданный слепо выполнять приказы. Остальные демоны смотрели на него с ужасом и жалостью.

Я сказал громко:

— Кешатетр-сто семьдесят четыре минус два зэт!.. Предстань перед своим повелителем!

В зале полыхнуло жаром, демон появился в самом центре уже по эту сторону стены. Голова склонена, как у готового к атаке быка, потому что уперлась в потолок. Он выглядит злым и готовым к нападению, но я перевел дух и сказал:

— Кешатетр-сто семьдесят четыре минус два зэт!..

— Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель, — произнес он покорно.

Я сказал громко:

— Во-первых, имя твоё отныне — Кеша, а то язык сломаю. Запомнил?

— Да, повелитель.

— Я твой хозяин, — сказал я властно, — отныне подчиняешься мне и только мне. Если кто-то из чародеев отыщет твоё имя и произнесет его... хоть старое, хоть новое, громко, шепотом или как-то иначе, останешься к нему глух. А сейчас отправляйся в свой мир, наслаждайся жизнью... в смысле, существуй в радости. Когда понадобится, я соизволю изволить повелеть явиться. В смысле, предстать.

Он ликующе вспыхнул и с четким хлопком воздуха исчез. По ту сторону стены началось буйство красок, фейерверки, закружились звездные галактики. У меня закружилась голова, что у них за геометрия, смотреть невозможно, нельзя же, чтоб в малом помещалось большое, а здесь это постоянно...

Ушей коснулся свистящий шепот:

— Господин, мое имя — Ацетатль Цетлинбиопорокс...

— Какой ужас, — сказал я. — За такое имя пороть родителей нещадно! На самой грязной конюшне. Даже если самые что ни есть маги. Ацетатль Цетлинбиопорокс, явись черед мои светлы очи!..

В зале возник черный смерч, бешено завертелся, но, как и огненный демон, который ничего не сжег, так и этот и шторами не шевельнул, даже пламя свечей не колыхнулось, просто чудо, что за самоконтроль.

— Будешь Гошей, — сообщил я. — Возвращайся, наслаждайся жизнью. Надо будет — свистну.

— Меня зовут Амоксиклав Клавулан-АТХ, — сказал торопливо третий.

— Амоксиклав Клавулан-АТХ, — повелел я обреченно, — ко мне!.. Вот ты какой на самом деле зеленый... А был вроде оранжевым?

— Так я могу был всяким, — ответил он торопливо, — а здесь являться должен таким!

— Но можешь меняться?

— Как и большинство демонов, господин!

— Прекрасно, что-нить придумаю. На хэллоуин. Отныне твоё имя — Ящер.

— А я Мильаммотианид-ПТФ-пирофон... — раздался новый голос.

— Будешь Мишкой...

— А я...

— Будешь...

После Кеши и Гоши желающих рискнуть временной неволей ради вечной свободы нашлось еще около трех десятков. Я вызывал в зал, почти всех переименовал, одну пышную и знойную штуку даже назвал Габриэллой, очень уж кое-чем напомнила, остальные потихоньку смылись, не рискнув полусвободой.

Когда исчез последний из демонов, я пошевелил распухшим языком во рту, удивляясь, как еще не сломал, выговаривая заковыристые имена.

Впрочем, чтобы стать хозяином еще кучи могучих демонов, можно и не так еще потрудиться.

Я спустился на этаж, велел слугам подать трапезу в мои покои.

Поднимаясь обратно, встретил на лестнице леди Элизабет, она запыхалась, щеки покраснелись, а глаза горят весело и задорно. Будь я посамонадеяннее, решил бы, что первая красавица королевства торопилась ускользнуть от свиты поклонников, чтобы попасться мне наедине. Я поклонился, она милостиво улыбнулась, я тоже растянул пасть в улыбке и... пошел дальше.

Ошарашенная, она несколько мгновений не могла прийти в себя от изумления, наконец воскликнула негодуя:

— Маркиз!

Я обернулся.

— Да, леди Элизабет?

Она топнула ножкой.

— Я здесь!

— Я это заметил, — ответил я очень серьезно. — В нашем медвежьем краю все приходится замечать, а то медведи... они парни такие, быстро задницу надерут. Я вижу вас, прекрасная и несравненная, даже замечаю, что вы в зеленом, как молодая ящерица, но, увы, слышу и топот бегущих сюда ваших поклонников, слышу их ржание и чую крепкий запах флирта.

Она торопливо оглянулась, сказала, понизив голос:

— Знаете, маркиз... Если мужчина остроумен, хорош собою и смел, то женщины интересуются не тем, откуда он, а тем, куда он идет. Тем более когда он заставил говорить о себе своими деяниями.

— А-а-а-а-а, — протянул я, — а совсем недавно вы говорили, насколько важно происхождение.

— Оно важно, — ответила она и посмотрела мне в глаза. — Но не для всех...

— А для кого важно?

— Для лорда Шуй, — сказала она серьезно. — Или для сэра Водемона. Вы смотрите куда лучше. Вас бы только пообтесать...

Я буркнул:

— Спасибо, не нужно. Насмотрелся на ваших... обтесанных.

Из распахнутых дверей показались Эйсейбио, лорд Водемон и лорд Шуй, за ними еще несколько человек. Вид у них несколько растерянный, видимо, уговаривают леди Элизабет бывать в королевском дворце не наездами, а переселиться всерьез и надолго, теперь ее место там.

Я нехорошо улыбнулся, развел руками, куда мне тягаться с такими орлами и героями флирта, затеряюсь в их блеске и остроумии, попятился и удалился. Она посмотрела вслед гневно. Мне показалось, даже изготавилась топнуть, однако подошли лорд Водемон и лорд Шуй со сладкими речами, она приятно заулыбалась, мило кокетничая, а я поднялся в комнату и плюхнулся за стол в ожидании обеда.

Эта текучка лишь на время вытесняет главные мысли, но как только остаюсь наедине, сразу же в виски начинает стучать радостно-тревожное: я стану императором! И с чего начну?

Собственно, с чего, понятно: развалюсь на троне и обедеу всех наглым взором, мол, трепещите, букашки. Выстрою всех и покажу, кто в доме хозяин. А то всегда находятся такие, кто вежливость понимает как слабость.

А что потом?.. Гм, главное — ввязаться в драку, а там на ходу сообразим. Я суперстратег, но и в тактике не имею себе равных. Я вообще орел и красавец. Да все и всех одной левой задней ногой, мне все по плечу, я уже доказал...

Мир застыл, это я ощутил потому, как оборвались звуки, а

вскинутая ветром штора замерла в воздухе, словно мраморная. Из стены вышел Самаэль, элегантный и расфранченный, в роскошном камзоле, подпоясанный широким, расшитым золотом поясом, в зеленых штанах, как Робин Гуд, в модных туфлях.

— Приветствую, сэр Ричард, — сказал он и, предупреждая вопрос, объяснил с вежливой улыбкой: — Вы теперь всегда так заняты, все чаще приходится прибегать к такому трюку.

— Прекрасный способ, — согласился я. — Как часто бывает, что надо бы остановиться, подумать, осмотреться во избежание всякого такого нехорошего. Присядьте, сэр Самаэль. У меня к вам вопрос...

— Тогда я вовремя, — ответил он с обезоруживающей улыбкой галантного гостя.

Сел он элегантно и красиво, как барон Эльрих, вскинув фалды камзола, чтобы не помять задницей, и разложив по бокам, как отдыхающий хвост павлина.

— Слушаю вас, сэр Ричард, — проговорил он светским тоном и посмотрел мне в лицо, мол, весь внимание, ничто не отвлекает.

— Чай... вино? — спросил я.

Легкая улыбка скользнула по его губам.

— Ваших слуг сейчас не дозовешься. Но, если вы не против...

— Нет, — ответил я, — совсем не против.

Он лишь повел бровью, перед нами очутился трехногий столик, до краев заставленный пирожными всех видов, сладостями, даже медовые соты, явно только что из улья, а также две чашки с горячим пахучим чаем.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Так люблю сладкое, что могу вообще весь обед заменить десертом.

Кофе я творить благоразумно не стал: у меня чудеса от падалинности, а она питается от святости. Это я человек безыдейный и конформистствующий: ем, что дают, одеваю, что носят, анекдоты рассказываю, какие принято, а слушаю вообще все, не имея политических пристрастий.

Он внимательно смотрел, как я без всякой опаски, даже не перекрестившись, журу сатанинские пирожные, сделанные, может быть, в самом что ни есть аду, запиваю сатанинским ча-

ем. Сам он только осторожно и деликатно пригубливал, манеры у него, дескать, постоянно соблюдаемые, пусть даже и в походе.

Ухозявав три пирожных и опорожнив чашку, тем самым выказав толерантность к инакомыслящим религиям, верам и даже оппонентам самого Господа, я сказал степенно:

— Сэр Самаэль, давайте сразу к делу. Мы же деловые люди, верно? Прагматики. Почти что уже бизнесмены. Я не успел спросить у вас в прошлый раз, слишком уж был ошарашен... Как вы это сделаете?

— Поставлю императором? — спросил он. Улыбнулся: — Конечно же, не с помощью чудес.

— А как?

Он медленно опустил чашку, лицо стало очень серьезным, даже голос изменился и зазвучал почти сочувствующе:

— Сэр Ричард, вы сами знаете, чудеса... нечто, унижающее нас. Вас — особенно. Вы ведь гордый, да? А чудо — это подачка слабому. Потому никаких чудес. Все просто.

— Как? — повторил я.

Он помедлил с ответом.

— Вы можете представить себе существование некой власти, помимо королевской? И которая не считается с границами королевств?

Я пожал плечами:

— Церковь.

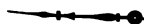
Он поморщился:

— Нет, я имею в виду более приземленное и реальное. К примеру, рыцарские союзы...

— А-а-а, — сказал я, — масоны! Тайные общества... Ну да, как же. Ордена тамплиеров, розенкрейцеров, иезуиты, сатанисты всех мастей, транскорпорации, НАТО, ЮНЕСКО...

Он посмотрел удивленно, затем с явным облечением вздохнул.

— Ого, даже больше, чем я надеялся. Тогда вам почти ничего объяснять не надо. Тайные общества всех мастей, как вы изящно выразились, есть во всех королевствах. В них почти всегда входят наряду с рядовыми членами и наиболее высокопоставленные люди. Иногда и сами короли. Достаточно им

принять решение... Не королям, я имею в виду, а именно совету такого тайного ордена... Просто раньше не было необходимости в едином императоре для всего континента. Это бы тормозило...

— Еще больше? — спросил я невольно.

Он нахмурился:

— Возможно. Но вы тот человек, который мог бы сделать многое. Вернее, может.

Я сказал тупо:

— Вообще-то я еще не знаю, что можно сделать. Не успел прикинуть, как и что.

— Но вы не будете сидеть на троне и упиваться своим положением, — произнес он с уверенностью. — Вы начнете перестраивать общество.

— Как?

— Не знаю, — произнес он обезоруживающе. — Но будете. Просто вижу по вас. Вы жадно стремитесь к новому. Передовому.

Я нахмурился, потом подумал, что Самаэль в самом деле может не знать, как поступить правильнее. Все его попытки вести человечество по пути прогресса заканчивались катастрофой. Сейчас сумел стабилизировать положение. Катастрофы в обозримом будущем не маячат, но... прогресс остановился. По крайней мере, на Юге застыл давно на одной точке.

— Ладно, — сказал я с мужественным оптимизмом, — начнем решать, когда столкнемся. Нечего заранее голову ломать. Добро бы чужую, а то свою... У меня вопрос серьезный, как эти властители тайных обществ поймут, что я именно тот, кому можно доверить руль?

Он сказал задумчиво:

— Подготовительную работу я провел... В смысле, охарактеризовал вас как человека решительного, не склонного позволять каким-либо предрассудкам влиять на ваши решения. И еще как человека широких взглядов. Не так ли?

— Так, — подтвердил я. — Взгляды у меня — шире некуда. Как у Раскольникова.

— Кто это?

— Да был такой человек очень широких взглядов. Некото-

рые недобитые и недодавленные его до сих осуждают. Лицемеры! А один так вообще предлагал... это самое... сузить. Так что я самое то для императорского трона.

— Это хорошо, — сказал он с облегчением. — Тогда вам ничто не мешает пройти весь ритуал. Как вы понимаете, высший круг масонских орденов смотрит снисходительно на незнание не только мелочей, но даже основ тайного учения, если дело касается высоких особ.

— Да, — ответил я, — понимаю. Королям в лом заучивать последовательность сложных обрядов. Для ВИП-персон есть особый вход и своя математика.

Он кивнул, не сводя с меня взгляда.

— С вами замечательно работать, сэр Ричард. Вы все прекрасно понимаете. Вы нередко за меня довариваете мысль, которую я еще не успел сформулировать...

Я буркнул:

— На это есть причина.

Он снова кивнул.

— Да, понимаю. Вы из такого мира.

— Значит, — подытожил я, — с игрой в загадочные и многозначительные вопросы и туманно-мистические ответы проблем не будет?.. Хорошо. А то учить что-то не хочется, детство какое-то. Я с ним расстался давным-давно. Уже с месяц, а то и полгода. Что касается символических жестов, взглядов, скрещенных или свернутых в фигуры пальцев... эту хрень я тоже запоминать не хотел бы. Не потому, что память плохая, у меня хорошая, но несерьезно это. Я начинаю вырабатывать эту, как ее, солидность. Монархам она необходима.

Он засмеялся:

— Ну, конечно же! Просто сами люди обожают вносить в скрытность еще и таинственность. Это любой деятельности придает флер значимости. И многозначительности побольше, побольше. Чтобы толковать так и эдак. Вроде бы смыслов несколько! Нет-нет, ничего этого от вас не потребуется. Просто выслушаете короткий рассказ о целях...

— А какие цели? — потребовал я.

Он снова засмеялся:

— Не смотрите с таким подозрением! Общие слова о все-

общем благе. Работаем, мол, на счастье всех людей не покладая рук. Самое интересное, что это правда.

— Результатов не вижу, — проворчал я. — Ладно. И это все?

— Все, — подтвердил он. — Правда, в самом конце есть момент, когда вам нужно будет действовать, он взят из Черной Мессы.

Он выговорил это спокойно, глядя мне в глаза весело и едва сдерживая усмешку. Я вспомнил жену Бриклайта, что в Тарасконе баловалась такими штуками, меня передернуло.

— Это что, — спросил я с отвращением, — молиться козлу и целовать его в зад?

Он усмехнулся:

— Гм... если хотите, можно и этот ритуал.

— Ну да, — сказал я раздраженно, — я понимаю, понимаю... И даже знаю, кто прячется под маской козла, вернее, кто считается этим самым главным Козлом...

Его улыбка стала шире.

— Нет, я не настолько самовлюблен. Мне этот ритуал совершенно не льстит.

— Все равно, — сказал я, — можно другой?

— Да, — ответил он спокойно. — Я предпочитаю другой. Он надежнее.

Он встал и прошелся по комнате, движения его были легкими, артистическими.

— Ритуалы... Гм... А есть ли другой способ проверить убеждения? На словах всяк герой. И всяк готов пойти и сказать правду королю-деспоту в глаза, всяк готов отправиться освободить гроб Господень... но вот только пусть сперва дождь закончится, а потом еще носки надо заштопать, пообедать, поспать, снова пообедать... Человек слаб! Может быть, вы знаете, там, на Севере, в одном королевстве войска Карла захватили очень богатую область, и горячие головы попробовали все население заставить отказаться от Христа и начать поклоняться мне. Они бросили иконы и Библии на мосту и сказали, что оставят в живых только тех, кто перейдет через мост на ту сторону.

Я спросил настороженно:

— И что?

Он сказал безглаголю:

— Кто-то так и сделал. Остальные же плакали, упирались. Их рубили и бросали с моста в реку. Но другие, видя такое, все равно не делали и шагу, хоть с этой стороны их кололи копьями. Так перебили половину населения, прежде чем я вмешался... Мне, дорогой сэр Ричард, услужливые дураки мешают не меньше чем противники! Иногда даже больше. Ведь мне все равно, останутся ли крестьяне в душе преданными старому богу или нет. Главное, чтобы они не выказывали неповиновение. Их задача — растить хлеб, выращивать скот, кормить страну. А убеждения... убеждения постепенно сменяются. Их дети или внуки уже будут думать так, как надо мне. Другое дело — мои помощники! Соратники. Они в самом деле должны проникнуться идеей с головы до пят и пропитаться ею, как тряпка водой. Для того и служат ритуалы.

Я сказал уже с пониманием:

— Понятно, для вашего высшего звена уже обязательно пройти по иконам? Вообще-то я легко могу представить, что это всего лишь разрисованные доски... чем они на самом деле и являются. Язычество!

— Верно, — ответил он одобрительно. — Чем ближе ко мне человек, тем больше он должен разделять мои взгляды и убеждения. В данном случае, тем больше... вернее, тем дальше он должен отойти от феодальных пережитков, от предрассудков. Понимаете, в чем скрытый смысл? Вернее, дальний смысл?

— Да, — ответил я. — Понимаю.

— Мне показалось даже, что не только понимаете, но и разделяете?

Я засмеялся:

— Напрашиваетесь на комплименты?.. Разделяю, аплодирую. Полагаю, что это правильно, мудро, дальновидно и честно по отношению к людям. И вообще ко всем.

Он смотрел на меня пристально, глаза заблестели, губы дрогнули в улыбке.

— Я хорошо вижу, — сообщил он, — когда мне врут или льстят. Но вы предельно искренни, сэр Ричард! У вас нет никаких колебаний. И сомнений.

Я промолчал, почему у меня нет никаких сомнений. По-

жил бы кто-нибудь в моем мире, и у того не было бы никаких сомнений, что с феодализмом пора кончать. Правда, захотелось бы покончить и с теми, кто покончил с феодализмом.

— Так вот сразу после завершения ритуала, — сообщил он, — все главы тайных обществ проголосуют, чтобы отдать под вашу власть все земли Юга. Повторяю, вы будете императором и... намного больше, чем императором. На вас, конечно, свалится масса работы, но, как мне кажется, ее-то вы не испугаетесь. В отличие от великосветских хлыщей, что и среди сурового рыцарства ухитряются жить абсолютнейшими трутнями, вы — человек деятельный.

— Не пугает, — ответил я. Сердце мое возбужденно стучало, ибо если я получу под свою власть весь Юг, то получу все сокровища и тайны Старого Мира. А я, в отличие от храбрых рыцарей и христианствующих королей, сумею понять больше. Возможно, найду какие-то работающие механизмы? Звездолет в подземном ангаре? Я слишком много накопил силы в прошлой жизни, сидя на диванной печи...

Скоро полночь, но на землю только-только пал грозный свет заката. Камни побагровели, словно в жарком огне, протянулись и начали с грозной неумолимостью удлиняться зловещие тени, днем почти прозрачные, ажурные, но сейчас из виду пропадает и тонет в черноте все, на что наползает ее тягелая недобрая тяжесть.

Я тихонько оделся, вывел из конюшни коня и как можно тише выехал из дворца, а потом и вовсе за городские ворота, на этот раз — восточные. На красном, как разрубленное пополам гигантское животное, и еще не желающем умирать небесно величественно и надменно чернеет далекий покинутый замок — огромное массивное здание в четыре этажа, причем окна только на последнем, а по бокам, погруженные до половины в дом, две массивные и очень высокие башни. В них тоже окна под самой крышей. На четырех углах здания небольшие башенки. Думаю, чисто декоративные, хотя может поселиться и какая-нибудь сторожевая дрянь вроде гарпий, что ночью не спят и потому заметят приближение противника.

Я подумал, что такой замок в ночи выглядит особенно

страшным, когда полная луна льет мертвый свет, а стены замка кажутся синими, как губы мертвеца.

Донесся стук копыт, навстречу лиху несется на сухом поджаром коне всадник в строгой одежде, шляпа без пера, очень деловой и как бы не очень из этого безалаберно флиртующего времени.

Придерживая коня, он сорвал шляпу и помахал в воздухе.

— Сэр Ричард, я барон Файнмент. Послан встретить и проводить вас! Если вы не против, конечно.

— Приветствую вас, барон, — сказал я любезно. — У вас, смотрю, очень быстрый конь! Никогда не видел такого сухого мускулистого тела...

Он довольно заулыбался:

— Это в самом деле редкий конь! Вот уже шестой год одерживает победы в скачках. Я его люблю больше, чем жену.

Мы раскланялись, сближаясь, затем наши кони пошли ноздря в ноздю. Барон Файнмент, к моему удивлению, оказался человеком веселым и жизнерадостным, с ходу начал рассказывать анекдоты про баб, перечислил самых шикарных любовниц двора, похвастал о своих невероятных приключениях, а я послушал и снова подумал, что само слово «приключения» на Севере и Юге понимают по-разному. Во всяком случае, на Севере никто не назовет приключением амурные дела.

Возможно, барон тараторит, чтобы отвлечь меня от тревожных мыслей. Все-таки каждый человек стремится жить безопасно, а вступление в любую организацию обязывает. Тем более в тайную.

Я повертел головой по сторонам.

— Что-то мы одни...

Он заверил весело:

— Сэр Ричард, только вы зайдете с парадного хода! Как именинник. Остальные зайдут по-деловому, там есть прямой ход. Потому их и не видите.

— А я пойду криво?

Он расхохотался:

— Такой ритуал. Вас надо провести по всем залам, и везде вам что-то скажут или что-то спросят.

— Экзамен? — спросил я. — Не думаю, что я пройду тест, если меня будут спрашивать даже о простейших символах Братства. Я знаю, что есть треугольник и отвес, а что они значат... Ритуалы же, как я слыхивал, сложные.

Он беспечно отмахнулся:

— Маркиз, это для простых! Для людей с весом существуют упрощенные правила.

— Это как везде, — сказал я с облегчением.

Он хитро улыбнулся. Копыта стучат бодро, но, когда мы въехали в черную тень громады замка, даже барон притих и молчал, пока мы не остановили коней перед массивными воротами из цельного, как мне показалось, чугуна стариннойковки.

Я оглядывался в поисках стражей, барон покачал головой:

— Нас уже ждут.

Створки тяжело, но без малейшего скрипа отворились. Я быстро шагнул вперед, по ту сторону ни человека. И спрятаться негде. За спиной все тот же ровный голос барона:

— Сэр Ричард, ворота отворяются сами.

— Перед всеми? — спросил я.

— Нет, — ответил он серьезно. — Ворота знают.

— Или те, кто ими командует, — обронил я и прикусил язык, не стоит показывать, что знаю некоторые хитрости высоких технологий.

Барон смолчал, уже очень строгий и серьезный. За дверьми не слишком просторный зал с низким сводом, толстые колонны подпирают его так часто, что мыдвигаемся как через лес. Снова врата, на этот раз бронзовые. Барон бросил на меня беглый взгляд, но смолчал.

Я спрятал усмешку. Каждая дверь что-то да символизирует, других новичков здесь выдерживают подолгу, страшат, произносят высокопарные речи, требуют клятв, потом ведут к следующей двери, там страшат на новом уровне и требуют совсем уж жуткие клятвы и обеты...

Следующая дверь в самом деле блестит серебром. Снова я перехватил брошенный в мою сторону несколько разочарованный взгляд барона.

— Сюда, маркиз... Прошу вас!

— Спасибо, — сказал я. — Дальше?

— Да, прямо и вот в ту дверь.

На той стороне зала уже не врата, а узкая дверь, что явно тоже что-то да символизирует, в тайных обществах символика на символикe и символикoй погоняет.

Я удержался от мальчишечьего желания открыть ее ногой, это слишком, другие к этой церемонии относятся серьезно, надо и мне держаться так, как от меня ожидают. Соответственно, я же теперь человек не только серьезный, но и ответственный.

Барон распахнул передо мной дверь, я перешагнул порог, по нервам пробежал трепет. Исполинский зал, как прорытая муравьями пещера, соединяется с другими такими же или почти такими же залами, я их скорее угадываю, чем вижу, по кругу расположены кресла... тридцать семь, многовато, но, видимо, тоже священное число. Или слагаемое из священных, при желании все можно подогнать под нужное.

Барон исчез, я смотрел, как со всех сторон из других залов появляются фигуры в темных плащах. Двигаются все медленно и печально, словно фигурки в старинных часах. Основная масса занимает места в тени, я даже не могу представить, сколько там собралось, все уходит в тень и уходит, та поглощает их, будто горячая вода кусочки сахара.

Наконец очень неспешно появились члены Верховного Совета, как я понял: в таких же темных плащах, как у всех, но с багровым подбоем. Они заняли места в расставленных по кругу креслах с прямыми высокими спинками.

В центре зала на полу начертана толстыми красными линиями пятиконечная звезда. По углам тускло горят массивные черные свечи. В центре пентаграммы чернеет грубо обработанная глыба камня, лишь поверхность любовно отполирована до блеска.

Я посматривал по сторонам, сдерживая усмешку. Совсем недавно и меня ввергала в священный трепет всякая экзотика: йоги, восточные единоборства, буддизм, таинственные ниндзя и подобная хрень, а потом я как-то разом повзрослел, что ли, но понял, что все это лишь маскарадные костюмы, а за всеми этими таинственными и загадочными телодвижения-

ми, якобы исполненными некого глубокого смысла, на самом деле ни хрена нет. Настоящестъ не прячется и туману не напускает.

Мальчишки, мелькнула мысль с чувством полнейшего превосходства. Таинственные откровения древних, секретные рыцарско-монашеские ордена... одни из них посвящены Христу, другие — Сатане, третьи — серым ангелам, которые не приняли в решающем бою ни одну из сторон, четвертые еще какой-нибудь хрени, мистически-загадочной, и чем загадочнее, тем круче...

Рядом со мной появилась серая тень, слегка пахло хорошим вином, я уж подумал было на барона Файнмента, но над ухом прозвучал знакомый голос, на этот раз предельно серьезный:

— Вы понимаете, сэр Ричард... Вы, конечно же, понимаете, что даже ваша армия демонов не поможет в тех свершениях, которые вам предстоят! Убить — это не значит победить, а вы пока только можете успешно убивать. Это важно для героя, но мало даже для простого феодала. Тем более для короля. А уж для императора...

Я мрачно буркнул:

— Сэр Самаэль, вы правы, нужна организация. Большая и разветвленная. Желательно, как вы говорите, могущественный масонский орден, в который входят даже короли и императоры. Я все понимаю, вы правы. По крайней мере, эту часть проблемы я понимаю.

— Вот и чудесно... Это очень много, сэр Ричард, понять такое.

— Я вообще понятливый, — пробормотал я. — Не понял только, вы что, в самом деле вино пили? Или это ритуал такой?

Он усмехнулся:

— Считайте, что ритуал.

— Что я должен сделать? — поинтересовался я. — Опуститься на одно колено и поцеловать знамя?... Одеть кольцо и спеть «Боже царя храни»? В смысле, «Самаэль, спаси королей, я иду»? Поклясться в верности идеалам демократии?

Он молчал. Глаза его были очень серьезными. Он молчал, и мой голос сначала упал до шепота, потом оборвался.

— Для великой цели, — проговорил он медленно, глаза его не отпускали мое лицо, — и ритуалы не такие... детские.

Холодок возник в моих внутренностях. Я смотрел в это умное лицо с высокими залысинами, и холодок распространялся по всему телу.

— Что за ритуал?

Он сказал с небрежностью:

— Стандарт.

— Это...

— Алтарь, — сказал он спокойно. — Лучше из черного камня, хотя можно и на дереве. Но здесь, как видите, из отборного черного гранита. Главная деталь, которую нельзя менять, — ребенок.

— Ребенок?..

— Младенец, — объяснил он любезно. — Ребенок, которого надо зарезать. Зарезать спокойно, хладнокровно. А кровь спустить в чашу. Там, на алтаре, всегда делается канавка для стока крови... обычно натекает полный тазик. Из крохотного младенца — целый тазик! Откуда в нем столько? Вот так, дорогой сэр Ричард. Я вижу на вашем лице отвращение, что мне вполне понятно. Но позвольте объяснить?

Я стоял, как замороженный в айсберг. Едвадвигающимися губами вытолкнул:

— Да, пожалуйста...

— Дело в том, — заговорил он медленно и сочувствующе, — что крестьяне могут верить в наши идеи чуть-чуть, и это не помешает им жить и работать. Сеньоры могут верить наполовину, и тоже все пойдет нормально. Однако правители... правители не имеют права жить в придуманном мире! Они должны видеть все, как есть. Должны видеть всю правду. Народ может обманываться какими угодно религиями, идеями, суевериями, но правитель... прежде всего правитель. Он должен видеть истинную картину. Простолюдин или даже сеньор может ужаснуться убийству невинного ребенка, но правитель прекрасно знает, что в его королевстве ежедневно рождается две тысячи младенцев, и знает так же точно, что тысяча уми-

рает в первый же год, еще полтысячи умирает в ближайшие три-четыре года. Детей простолюдинов выпалывает голод, болезни, нищета, равнодушие родителей... Да и не только простолюдинов! Чтобы умело править, иной раз придется применять жестокость. Другие могут считать государя жестокосердечным, человеком с каменным сердцем. Вообще бессердечным! Это все неважно, главное — процветание государства.

Я сказал дрогнувшим голосом:

— Да, понимаю. Политика — грязное и неблагодарное дело. Не все сообщается простому народу, многое прячется в секретные архивы. Иначе народ ужаснется. Но все-таки ребенок... Хотя, конечно, я понимаю. И, конечно же, если понадобится, я без колебаний пошлю конницу по детским колыбелькам... отдельно взятой деревни, если это принесет победу и мир во всем мире. Или хотя бы в моем королевстве.

Он кивнул, лицо чуть смягчилось, он сказал почти мягко:

— Вот это вам и надо доказать.

— Ритуалом?

— Да. Поймите, ритуалы — не пустяк. Они придуманы не для забавы. Это — жестокая необходимость. Это суровый экзамен. Увы, вам придется пройти через него. Это общий закон, поймите! Или вы хотите для себя исключений?

Я сглотнул ком в горле.

— Ну, вообще-то да...

Он вздохнул:

— Вам были сделаны все исключения. Все возможные.

— А этот пропустить нельзя?

— Увы, это уже не маскарадные маски. Театр кончился. Скажу в утешение, что это единственный ритуал, в котором вам надо участвовать самому. Лично.

Я тяжело вздохнул.

— Ладно. Неприятно, конечно, я хотел бы остаться чистеньким, но в политике так не бывает. Правители не бывают чистыми.

— Вы сумеете?

Он впился в мое лицо чернящими, как ночь, глазищами. Я медленно кивнул:

— Да, сэр Самаэль. Я не политкорректный дурак, что ро-

няет слюни по каждой затоптанной букашке. Ради установления мира на земле очень часто приходится проливать море крови. В том числе и невинной. Таковы реалии настоящей жизни, не придуманной.

Из темного прохода вышли двое, у одного в руках сверток, сердце мое чуть дрогнуло, там запеленутый младенец, второй держит на вытянутых вперед ладонях нож с массивным поблескивающим лезвием.

В креслах никто не шелохнется, не чешет нос или бровь, застывшие, только глаза двигаются в орбитах, наблюдая, как эти двое прошли в центр, один возложил на камень сверток и быстро распеленал, там в самом деле голенький ребенок, он тут же задрыгал ножками, второй выпрямился и повернулся лицом к сидящим.

Члены Совета один за другим наклоняли головы, это было словно поставленные по кругу костяшки домино, падая, задевают друг друга и передают эти поклоны дальше.

Человек с ножом вскинул его все так же в обеих руках, заговорил со страстью в голосе, слов я не слышал, но можно догадаться, что некое посвящение, ребенка надо не просто резать, а во имя великой цели, а это надо объяснить, чтобы зря добро не пропало.

Я наблюдал, как замороженный, холодок страха и возбуждения проползает по спине и щекочет хребет, Самаэль наклонился к моему уху, я услышал тихий шепот:

— Сэр Ричард, в своей деятельности императора вам не однажды придется вставать перед тяжелым выбором... Да, не однажды. Вам предстоит то и дело выбирать между прекраснодушными мечтаниями... или желаниями, если хотите, и жестоким трезвым расчетом. Да, перед вами не однажды во весь неприятный рост встанет проблема: спасти ребенка, молодую красивую девушку, неважно, или же — целый город, край, племя! Причем молодая женщина будет прямо перед вами, юная и трепетная, а город — далеко, вы даже не будете видеть тамошних людей... Как поступил бы простолюдин — понятно. Он спасет молодую женщину, ему так подсказывает сердце, а города, которого не видит, как будто и нет вовсе... Погибнут

там тысячи людей или нет — ему без разницы. Но это простейшая логика простолюдина, она не слишком отличается от логики, если ее можно так назвать, курицы, коровы или волчицы. Они видят только то, что у них близко. Правитель должен смотреть иначе... и спасти большинство. Понимаете?

Я прошептал перехваченным горлом:

— Понимаю. Кредо полководца.

Он вскинул брови:

— Что-то улавливаю. Но нельзя ли подробнее?

— Любой полководец знает, — сказал я горько, — что по его приказу пойдут в бой и погибнут люди. Иногда он посылает на явную смерть целые отряды, чтобы тайком провести в другом месте большое войско и одержать победу. Для этого надо быть... с особым характером.

Он кивнул:

— Да, примерно так. Только еще жестче. Полководец... он все открыто. Он если и обманывает, то лишь противника. Это называется военной хитростью и вообще-то хитростью не считается. В смысле, осуждаемой хитростью. А вот правитель во имя счастья и покоя королевства должен заниматься и грязными делами. Вот и вам, в качестве испытания, предстоит убить... прежде всего нечто в себе самом. Потому ребенок... это просто символ. Вам нужно всего лишь убить в себе простолюдина.

Я сказал мрачно:

— Его в моей душе нет.

— Тогда вычистить остатки простолюдинства из своей души, — сказал он страстно. — А если их там и не было, то это еще проще! Вы просто доказываете всем, что вы способны принимать решения. Принимать решения, руководствуясь целесообразностью, как надлежит политику, а не простолюдинными симпатиями, антипатиями и прочими чувствами, которыми человеку высокого ранга руководствоваться никак нельзя.

Я поморщился, кивнул.

— Там под капюшонами... и короли?

Он едва заметно кивнул.

— Но не это главное. Там люди, которые держат в руках

очень важные нити. Им нужно убедиться, что вы именно тот человек. Учтите, я им не приказываю! У всех свободная воля. Потому не от меня, а от вас самого зависит, пройдете ли тест.

Я сдвинул брови:

— Меня устраивает, сэр Самаэль, что это зависит именно от меня.

Он коротко усмехнулся, вскинул перед грудью ладони вперед.

— Понимаю-понимаю, что от меня вы бы и не приняли.

— Вот именно, — пробормотал я.

Когда последний из членов Совета наклонил голову, человек с ножом повернулся в сторону темного прохода, где затаились мы с Самаэлем. Я чувствовал, как недобрый взгляд отыскал меня даже в полной тьме.

Самаэль произнес едва слышно:

— Сэр Ричард, теперь слово за вами.

Барон Файнмент приблизился со спины и легонько похлопал меня по плечу.

— Сэр Ричард, — услышал я его шепот, — теперь слово за вами.

Похоже, он не видел Самаэля, иначе не стал бы повторять то, что я услышал от более значимого, от самого их лорда.

— Да, — ответил я хриплым шепотом, — мой выход.

Ноги как деревянные, но я заставил их двигаться, стены разошлись и остались позади. Я вышел к камню, человек в черном плаще подал мне нож.

В тяжелом гнетущем молчании я взвесил его на ладони, тяжелый, массивный, а лезвие чересчур толстое, хоть и с острой режущей кромкой. С изумлением узнал камень, ничего себе такая доисторичность, хотя вообще-то понятно: все старинное в нашем человеческом суеверии как-то освящено и непререкаемо уже тем, что пришло из глубины веков. Как бы хранит не то все заветы, не то что-то еще очень важное, священное, сокровенное, что нельзя осмысливать, а нужно принимать молча и покорно. Этой дури священности старинных вещей подвержены как верующие, так и атеисты.

Все молчат и не двигаются, так телохранители застывают,

чтобы не отвлекать внимание от короля, а я еще раз взвесил нож в руке, перехватил поудобнее, на рукоятки даже особые выемки для пальцев, приблизился к младенцу.

Голенький, пузатый, морда сморщенная, вот-вот заревет, вообще-то уродливый, сразу видно ублюдка из неблагополучной семьи, а то и ребенка какой-нибудь шлюхи. Чистые и добропорядочные родители не оставляют ребенка без присмотра, а всякая пьяная рвань даже не помнит, сколько у них детей и где они...

Я наклонился над ним, каменное лезвие заострено вполне достаточно, чтобы перехватить горло или вспороть пузо, но мне лучше вскрыть артерию, чтобы кровь хлынула сразу тугой и мощной струей и все чтоб закончилось быстро.

Все-таки, хоть и уродливый ублюдок, но не мое это дело — резать младенцев. Но Самаэль прав, правитель должен быть способен принимать неприятные решения, что значит на простом языке: влезать в говно даже не до колена, а по грудь или по горло, а то и губами это самое зачерпнуть... А руки у политика так и вовсе всегда по локоть в крови. Да, сам в говне, а руки в крови.

Я прикоснулся острием ножа к его шее, где-то здесь сонная артерия. Если ее перехватить, человек почти сразу теряет сознание от потери крови. Умирает уже в бессознательном состоянии, без мучений. А у этого какие могут быть мучения, он же вообще ничего еще не понимает...

Наконец отыскал, это у взрослых артерия прощупывается легко, даже визуально можно обнаружить, а у младенца все скрыто детским нежным жирком...

Он посмотрел на меня бессмысленными голубыми глазами и вдруг широко улыбнулся беззубым ртом. Ручки забили по воздуху, словно просился ко мне.

Сердце стучит все чаще, но я, напротив, застываю, будто превращаюсь в ледяную сосульку. Нож злобно поблескивает в ладони, искорки спрыгивают на шею младенца, отмечая пунктиром, где надо быстро и легко провести острейшим лезвием. Всего одно движение. Легкое, почти невесомое.

Пальцы заставляют его опуститься и прорезать нежную кожу, достаточно чуть-чуть нажать, дальше сам войдет, кровь

хлынет тугой струей, жаркая и горячая, но мышцы руки свело судорогой, я никак не мог заставить ее опуститься и сделать то, ради чего пришел.

В креслах началось шевеление, члены Совета медленно поворачивали головы и смотрели друг на друга, переводили взгляды на меня снова.

Я приложил острие ножа к шее младенца. Он снова улыбнулся, глаза голубые, как у дешевой куклы, бессмысленные, еще ни черта не понимает, только чувствует исходящее от меня тепло, а это значит, я возьму на руки, прижму к себе, будет еще теплее и защищеннее.

— Да чтоб ты сдох, — пробурчал я зло.

Рука моя с силой нажала на рукоять ножа. Лезвие пропороло горло с легкостью, кровь брызнула тугой горячей струей... этого я ждал подсознательно и сознательно, но на самом деле кожа лишь чуть натянулась, и я в бессильной злости на себя понял, что это я сам остановил нож, сам себе мешаю пройти важный тест и доказать право на управление империей.

— Да что это за паралич! — прорывал я и нажал сильнее. Мышцы руки и плеча снова не послушались, лезвие ножа лишь чуть-чуть касается горла младенца, а он улыбается мне и ликующе машет ручками.

Я видел краем глаза, как члены Совета начинают переглядываться. Я собрал всю волю в кулак и сделал третью попытку, уже отчаянную, нож сильнее натянул кожу на детской шейке, еще чуть-чуть, еще чуть...

Грудь моя выдохнула, а рука внезапно ослабела. Пальцы разжались, нож выпал и, сухо звякнув, свалился с темного камня на пол.

Члены Совета молча переглядывались. Чувствуя сильнейший стыд, я повернулся и пошел в коридор, где в проходе ожидает барон Файнмент. Он смотрел с безразличной жалостью, но промолчал.

— Да, — сказал я в ответ на упрек в его глазах, — слаб я, слаб!.. Не смог переступить через... через себя.

Он сказал холодно:

— Следуйте за мной, сэр Ричард.

Я шел молча, стискивал челюсти, материл себя беззвучно,

потом уже бил кулаком в подставленную ладонь, колотил себя по бокам, даже пару раз крепко постучал по дороге лбом в стену. Ну что за хрень, что за блок во мне? Я же совсем не дергаюсь, что тысячи этих детишек мрут от голода и болезней, их уносят морские волны, стаптывают кони, они попадают под колеса телег, их просто убивают озверевшие победители, что захватывают город или деревню!

Все это мне понятно, я не ропщу на эту несправедливость. Подумаешь, дети. Помню, как-то цунами или землетрясение их тысячами пожирало, а я как раз ел вкусный такой суп с грибами. И ничего, аппетита не испортило. Даже звук прибавил, чтоб слышнее. А тут одного-единственного придушить, ну, или зарезать, зато какой куш за это причитался! Да я с коронной императора враз Царство Божье создал бы на всей планете, все были бы счастливы, инет в каждый дом, а болели бы все только за киевское «Динамо»...

Залы и коридоры остались позади, холодный ночной воздух ожег горящее лицо, как жидким азотом. Массивные чугунные ворота захлопнулись за моей спиной с обрекающим и злорадным стуком, словно оттуда выбросили нечто совсем уж никчемное.

Меня шатало, я стискивал кулаки и не мог понять в отчаянии, что за дурь на меня нашла. Почему не смог, это же так просто, я же раньше мог заставить себя пройти через огонь и воду, а тут надо всего лишь чикнуть ножом по горлу уродливого ублюдка от какого-то пьяного вора-дебила, рожденного такой же дебильной пьяной шлюхой...

Возле моего коня смутно маячила изящная фигура, закутанная по брови в темный плащ. Виднеется только широкополая щегольская шляпа с крупным белом пером.

При моем приближении незнакомец опустил руки, открывая лицо, я кисло скривился.

— Как вы успеваете везде...

— Что быстрее всего на свете? — спросил он мирно.

— Свет, — ответил я автоматически.

Он покачал головой.

— Не знаю его скорости, но быстрее всего мысль. Думаю,

мысленно вы можете оказаться в таких далях, куда ваш свет доберется не скоро... Это и есть ответ на ваш вопрос.

Я поморщился:

— Ну да, это Бога нужно уговаривать, а черту — только шепни... Или только подумай о нем, как он тут как тут.

Он скупой улыбнулся, но сказал очень серьезно:

— Сэр Ричард, вера не становится истиной только потому, что кто-то за нее умирает. Или воспринимает слишком серьезно.

— А что есть истина? — спросил я и ощутил, что эти слова уже кто-то произносил, причем такой человек, которого я не хотел бы повторять.

Он скупой улыбнулся.

— То, что раньше было кошунством. Вообще все великие истины легче проповедовать, чем исповедовать. Познавая истину, сэр Ричард, не забывайте о правде жизни... Сейчас, глядя на вас, мне кажется, что Господь, создавая человека, несколько переоценил свои силы.

Несмотря на стыд и чувство сильнейшего поражения, я сказал вяло:

— Ошибаетесь, сэр Сатана.

— В чем?

— Во всем, — ответил я зло, — не знаю как, но ошибаетесь. Да, я провалился с тестом. Но у человека есть такое свойство... После катастроф и несчастий он становится только крепче! Это как удары молота по сырому железу. Чем больше бьют, тем крепче кованое железо. Я еще возьму реванш!

Он показал безукоризненные белые зубы в невеселой усмешке.

— Сэр Ричард, вы будете несколько разочарованы, но это в человеке не от Господа, а от меня. Да-да, кое-что я вам тоже дал. И не кое-что, а достаточно много. Может быть, даже больше, чем дал Господь. Да, человека сотворил Он, но сейчас человек — это то, что получилось в результате нашей совместной обработки, ха-ха! Не нравится? Увы, это еще одна неприятная истина. Но все-таки истина. Ладно, сэр Ричард, оставим это... Из случившегося в храме я могу сделать для себя вывод только один...

Несмотря на злость и чувство сильнейшего унижения, я спросил заинтересованно:

— Какой?

— В вашем мире, — объяснил он задумчиво, — я, конечно, победил, но... победил сравнительно недавно. И все еще не закрепился. Не пустил корни. Поэтому ваши правители уже полностью исповедуют мои идеи... они служат мне, верно?.. Но народ еще меня не принял вот так целиком, как я бы хотел.

Я вспомнил правителей своей страны, как нынешних, так и прошлых — Сталина, Берию, Петра Первого, Ивана Грозного, вспомнил все скандалы с членами правительства, олигархами, продажными СМИ, митингами, стычками на Васильевском спуске, сказал хрипло:

— Все верно. Правители уже... все. И давно.

Он улыбнулся. Глаза вспыхнули, как ночные звезды, от него повеяло уверенностью и силой.

— Скоро так будет и здесь. Вслед за первыми правителями под мою руку перейдут все остальные. Как удельные бароны, так и короли, императоры. Многие и так уже служат мне верой и правдой. Кстати, без всяких ритуалов!.. Ладно, оставим это на время. Я просто уверен, сэр Ричард, что к следующему разу вы будете готовы.

— Да я и сейчас был готов, — пробормотал я. — Странно как-то получилось. И неожиданно. Для меня неожиданно.

Он сочувствующе улыбнулся.

— Как выяснилось, готовы, но не совсем.

— Для меня это полнейшая неожиданность! Я был так уверен...

— Да, я понял, — ответил он серьезно. — Господь — большой шутник. Подаренная им душа — с сюрпризами. И потаенными уголками. Что в тех закоулках?

Я буркнул:

— Не знаю. Но не думаю, что там что-то ужасное. Он не стал бы вредить своему созданию. А вот конкурент...

Самаэль, улыбаясь, качал головой, но глаза его стали очень серьезными.

— Сэр Ричард, а вы не обратили внимание, что в очень

серьезном деле нашего противостояния выслушана только одна сторона? Господь написал книги обоих Заветов. Не так ли?

Он подбадривающе улыбнулся, мы же сообщники, и отступил к стене замка. Глаза заблестели ярко, как вечерние звезды. Все потонуло в этом блеске, затем я некоторое время тупо смотрел в серую кладку, чувствуя во рту горечь сокрушительного поражения.

Оставив коня слугам и велел только поводить во дворе, чтобы чуть остыл после бурной скачки, я торопливо поднялся в покои. От двери встретил мягкий ласковый свет магических свечей, странный в замке запах свежих лесных ягод. Пламя не колыхнулось, когда я прошел рядом, на столе призывно искрится отборный виноград, на широком блюде разложены южные сласти, а в узкогорлой вазе дивные цветы с ярко-красными лепестками, длинными, как листья камыша.

Еще несколько ваз расставлены в углах комнаты, в прошлый раз их вроде бы не было. Аромат нежный, ласково-печальный, совсем не чувственный, какой я подсознательно уже жду от этого мира.

Лук Арианта сиротливо стоит у изголовья, тихий и печальный. Я всегда ставлю меч с одной стороны, лук с другой, но меч постоянно беру с собой, а лук в этот раз не покидал комнату.

— Я тебя люблю, — прошептал я, — и сейчас вернулся именно за тобой.

Он сразу потеплел в моих пальцах, я забросил его за плечи, там он устроился уютно и старался держаться как можно удобнее для меня, чтобы не беспокоить и не напоминать о себе до тех пор, пока не придет в нем необходимость.

Я обвел взглядом комнату, чувствуя некоторую печаль, все-таки она очень уютная. Толстые ковры на полу, по которым так хорошо ступать босиком, изысканные гобелены на стенах, тщательная отделка каждой детали, будь это ножка стола или ручка двери...

Пальцы пробежали по чешуйкам пояса, проверяя, все ли на месте, я повел плечами, за спиной тоже все в готовности, подавил вздох и вышел.

Ковровая дорожка смягчает стук подошв, в нижнем зале сладковатый запах не то притираний, не то восточных благовоний.

Я был на пути к выходу во двор, взгляд устремлен на двери, но настороженные уши сразу уловили шелест платья, и ноздри жадно вдохнули чистый и свежий запах юной девичьей кожи.

Леди Элизабет, очень серьезная и несколько настороженная, шла из подсобных помещений, пальцы в золе, отряхивала старательно, на меня взглянула радостно и в то же время с испугом.

— Ах, это вы, маркиз, — произнесла она нежным шелестящим голосом, — опять на охоту... или великие свершения?

— Что делать, — ответил я с учтивым поклоном. — Это наше, так сказать, предназначение.

Она бледно улыбнулась.

— Вот только по этому в вас виден человек...

Она запнулась, щеки зарделись, я подсказал легко:

— Из медвежьего угла, я знаю.

Она спросила почти жалобно:

— А сейчас вы... куда?

— Вы угадали, — ответил я с некоторой печалью, — именно в свой медвежий угол.

Она воскликнула с болью в голосе:

— Но почему? Почему вы такой? Почему так старательно избегаете удовольствий королевского двора? И вообще... удовольствий жизни?

— Отнюдь, — возразил я. — Не избегаю. Правда, мои удовольствия несколько иные. Медвежьи, ха-ха. И в королевском дворце был совсем недавно. Проходил мимо зала, где гремит пир... а это то же самое, что участвовал. И кому-то даже отвечал на поклоны. Кому — не рассмотрел.

Она покачала головой.

— А женщины?

— Что с ними? — удивился я.

— Вы мало обращаете внимания на женщин, — сказала она с бледной улыбкой. — Одна из моих подруг даже пожаловалась на ваше невнимание...

— Правда?

— Да. Вы сказали ей пару очаровательных комплиментов, она уже растаяла было, а вы спокойно пошли дальше... Или это у вас такое начало интриги?

Я удивился:

— Интриги? А что я должен был сделать?

— Как что? Продолжать!

— Что продолжать?

Она вздохнула:

— Какой вы непонятливый! Неужели в вашем медвежьем углу незнакомо понятие любовных игр? Все этим только и занимаются! Это прекрасное времяпрепровождение. Все придворные постоянно в курсе, кто с кем, у кого налаживается, у кого намечается разрыв, кто кого вот-вот соблазнит...

Я развел руками:

— Леди Элизабет... Мне как-то отец говорил, что тело — это наименьшее из того, что женщина может дать мужчине. Правда, это в нашем медвежьем углу... А у вас иначе?

Она прикусила губу, я видел, как заметался ее взгляд.

— Сэр Ричард, я даже не знаю, что вы такое говорите!

— И я не знаю, — сказал я, — о какой ерунде столько шума... Леди Элизабет, я не придворный хлыщ, а вполне нормальный... гм... в общем, норма. И то, что я могу после долгих ухищрений, страданий и тщательного ухаживания получить от вашей высокородной подруги, я без всяких усилий получаю от любой служанки.

Она отшатнулась, как от удара. Глаза засверкали гневом.

— Да как вы смеете?

— А что, — спросил я с жадным интересом, — есть какие-то различия?.. Правда?.. Интересно... А какие?

Она отвернулась было, но тут же сообразила, что для меня это повод поклониться и уйти, тут же снова встала лицом к лицу, гордо вскинула голову, ухитряясь при ее малом росте смотреть как бы сверху.

Я виновато развел руками, душой я уже в другом мире, настоящем, а этот при всей красочности чересчур сладковат, все-таки поклонился и пошел к выходу. Уже был у двери, когда услышал оклик:

— Маркиз!

Я обернулся. Нежное лицо леди Элизабет на глазах нали-
вается розовым, обрело пунцовый оттенок, на щеках запылал
жаркий румянец.

— Знаете, — проговорила она живо, смеясь, — это смешно,
но я все еще девственница.

Я фыркнул:

— Что ж, только рассуждаете о сладости греха? Ну, извра-
щенцы...

Дверь за мной захлопнулась раньше, чем леди Элизабет ус-
пела что-то сказать и задержать для продолжения пустого раз-
говора, который слишком опасно выходит из рамок светско-
сти и еще опаснее подходит к границе искренности. Сердце
мое колотится часто, будто дорогу загородил дракон. Надо де-
лать вид, что туп и не понимаю, что мне сейчас говорят и, глав-
ное, зачем.

Заниматься любовью можно с кем угодно, но не с кем по-
пало. А еще любовь — это торжество воображения над интел-
лектом, я же собираюсь жить только интеллектом. А еще лю-
бовь... ну, в общем, нам с любовью не по пути.

Двор залит солнечным светом, воздух жаркий, над двором
носятся цветные мухи и пчелы, что пытаются отобрать укра-
денный у них мед.

Мелькнула горько-насмешливая мысль, что все живем и
действуем в узком коридоре стереотипов. Несмотря на мою
супермощь, я сам как последний баран бодаюсь с пустоголо-
вой красоткой, словно и в самом деле заправский флиртовик.
А она, видевшая меня в деле, все равно твердо убеждена, что
мужчина всегда остается мужчиной, а это значит, что только и
думает, как обольстить, соблазнить, завлечь, одержать победу...

— Коня! — крикнул я громко.

Слуги ринулись со всех ног к конюшне, коня все-таки при-
вычно поставили в стойло. Я шел медленно, раздумывая, что
моя нынешняя проблема и судорожные метания в том, что
пытаюсь сделать то, что и в голову не приходит нормальному
герою, которых пруд пруди. Перед героями всегда и везде за-
дача повергнуть злодея и сесть на трон самому. В тысячах мо-
дификаций: восстановить справедливость, защитить права за-

конного наследника, свергнуть узурпатора, избавить мир от злобного короля-мага...

Словом, весь мир насилья мы разрушим, ну а потом... Про потом никто никогда не думает. Главное — разрушить. Тем более рушить так легко! Да и в кайф, не будем политкорректничать. Это как учебники алгебры жечь, вместо того чтобы по ним учиться.

Почему-то кажется, что если убить злодея и самому сесть на трон, то сразу все запоют и все будет хорошо. Ну, как любая пьеса заканчивается свадьбой. Но я такой вот урод, на свою беду, сообразил, что, когда убьешь и сядешь на трон... проблемы не закончатся, а начнутся. Как и после свадьбы, кстати.

Потому после побед инстинктивно и с великой поспешностью топал дальше, объясняя себе, что главное там, за горизонтом. На Юге, к примеру. Вот доберусь до Юга, вот тогда да...

И пока пробирался через тернии к Югу, вроде бы держал у сердца оправдательную индульгенцию. Но вот на Юге. И что? Я — на троне. Во всяком случае — у руля. В той точке, на которой обычно подвиги героя заканчиваются. Вообще стыдливо умалчивается, что дальше. Впрочем, все понимают, ничего не изменится: был один монарх — стал другой, какая для страны разница?

Так вот я не хочу этого простейшего: захватил трон — и усе. Это для простейших героев. А я как-никак личность... Только вот не соображаю, с чего начать...

Правда, в маркизате сумел, сумел... Но и это больше блестящее озарение, догадка, основанная на богатом опыте человека, который знает больше. И уже видел подобную легализацию преступно нажитых доходов. Но что дальше?

Тем более как и с чего начинать в Армландии? А начинать надо, зима заканчивается, сейчас там половодье, распутица, ни пройти, ни проехать, но дороги быстро подсохнут. И нужно быть готовыми.

А я готов?

Часть 2

Глава 1

Сцепив зубы, я сделал последний шаг и, прорвав магический барьер, едва удержался на холодном влажном камне ступеней. Прокаленное южным солнцем тело болезненно-остро ощутило холод и сырость, в спину из дыры под крышей злорадно воткнул шило сквозняк, еще и острый колючий снежок оттуда же сыпанул, ничего себе весна...

Все, баста, хана. Юг теперь далеко, словно в другой галактике. За спиной короткий бросок от дворца герцога, а ныне короля Людвига, к Барьеру, а там по раскаленным пескам, стреляя во все, что кажется подозрительным или даже не кажется, к своему тайному ходу на Север.

Был страх, что не отыщу, с пространственной памятью у меня всегда было плохо, но дар работает, я шел почти прямо, огибая только разломы и провалы, избегая людей больше, чем опасных животных.

Ушел из раскаленного полдня и вломился в холодную северную полночь. Справа и слева веет холодом от стен грубой кладки из небрежно отесанных глыб, стертые каменные ступени ведут вниз. Оттуда поднимается щекочущий ноздри чад смоляного факела, на камнях стены трепещет, как крылья пугливой бабочки, красноватый свет.

Я тихонько спускался, затаиваясь и прислушиваясь. Пламя факела то вытягивается кверху, то стелется горизонтально, повинаясь сквознякам, на лестнице из стены торчит массивная бронзовая чаша светильника, но огонек погас, дует здесь так, что я инстинктивно прикрыл локтями бока.

Мои покои в замке Сворве всего на пару этажей ниже зачарованного места, где призрак герцога Луганера нес многовековую стражу, так что могу спуститься бесшумно, но могу и поднять переполох внезапным возвращением.

Тихонько приоткрыв двери, я перешагнул порог. От сердца отлегло: судя по слою пыли на полу, столу и стульях, никто не смеет сюда заходить, а это лучшее из доказательств, что леди Беатрисса полная хозяйка в замке.

Дверь за моей спиной с треском распахнулась, на спину обрушилось горячее и тяжелое. Я рухнул на живот и, закрыв руками уши, покорно дал себя повалять по всей комнате. Энтузиазм Бобика не стихал, он пытался и затоптать, и зализать до смерти, я кое-как отпихивался, наконец он рухнул рядом и, придавив огромной головой мою руку, смотрел преданными любящими глазами.

— Все-все, — заверил я, — больше на Юг без тебя ни-ни!.. Специально оттуда за тобой корабль отправил!..

Он вскочил и, донельзя благодарный, снова ринулся целоваться. Я уже отбивался, перепробовал все команды, пока завеса безумного восторга при виде хозяина не опустилась до уровня, когда Бобик сообразил, что от него что-то требуют.

Поспешно опустив толстый зад на пол, смотрел преданно, помахивая хвостом, а я пояснил, что поплывет со мной на Юг не только он, пусть не гордится, но еще и Зайчик, а также куча народу.

— И станем конкистадорами, — сказал я весело, потому что Бобик ликует, а радость заразительна. — Или чем-то еще, это неважно! Главное, победителями.

Он напрыгивал и лизался, а я с нежностью оглядывал кабинет, где отсутствовал так недолго, но будто прошла вечность, столько сделано, столько наломано дров, а сколько еще предстоит наломать...

Взгляд упал на металлическую статую рыцаря в нише, чем-то напомнил того металлического гиганта, который помог одержать победу над Гатонесом, то бишь Верховным Магом. Скорее инстинктивно, чем по уму, я попробовал заставить сделать шаг вперед или хотя бы поднять руку, но статуя не шелохнулась.

Я и выпучивал глаза, и по-бараньему тупо вперял взгляд, и мысленно приказывал сделать то, сделать это, однако статуя оставалась неподвижной.

Затея в конце концов показалась глупой, я рассердился на собственную дурость, как же, щас по моему слову будут шевелиться статуи, вздохнул и повернулся к столу. На моей стороне чистый лист бумаги, на нужном месте массивный чернильный прибор в виде бронзового дракончика возле колодца с чернилами. Дракончик застыл с широко раскрытой и повернутой к потолку пастью, откуда торчит пук гусиных перьев. Рядом с чернильницей на строго отмеренном расстоянии остро заточенный ножичек для чинки затупившихся перьев.

Я посмотрел на дракончика, забавно было бы, если бы ожил и пошевелился... Я сделал усилие, представляя, как это произойдет, и... дрожащий свет от свечей на столе как будто сместился. Дракончик медленно, очень медленно опустил голову. Перья освобожденно посыпались на отполированную столешницу.

Мне показалось, что закрыл пасть дракончик с явным облегчением.

— Ни фиги себе, — прошептал я. — А ну-ка, иди сюда...

Дракончик вытянулся, я видел, как он старается сдвинуться, однако хвост, лапы и даже пузо составляют одно целое с массивным основанием. Все же дракончик тянулся в мою сторону, я потрясенно видел, как поддается металл, становясь пластичным, словно мягкий воск.

Такой дракончик вряд ли сможет летать, тяжеловат, его и создали для красоты, но я такой утилитарист, что все стараюсь заутилитить...

Я все еще вытягивал дракончика взглядом, когда хлопнула дверь, без стука вбежала Франсуаза. На руках, прижатый к груди, сладко зевает пятнистый дракончик, показывая огненно-красную пасть и длинный язык. Толстые лапки слабо сопротивлялись попыткам прижать его крепче.

— Что?.. — спросила она и осеклась, большие детские глаза распахнулись широко и доверчиво, как у ее мамы.

Сердце мое заныло, я неуклюже распахнул руки. Франсуаза вбежала в мои объятия, прильнула всем тельцем. Бобик

ревниво, но осторожно попытался ее отпихнуть, Франсуаза уперлась.

Прижатый нами, дракончик начал вырываться энергичнее. Франсуаза не удержала, дракончик плюхнулся на пол и сразу же, косолапя, обнюхал мой сапог и энергично покарабкался наверх. Я поддержал ладонью толстый зад, рептиль взобрался на колени, огляделся гордо и деловито начал устраиваться на более высоком лежбище.

Франсуаза с укором посмотрела в его довольную мордочку.

— Предатель, — сказала она. — Это я — твоя мама!

— А я папа, — сказал я. — Хотя нет, папа — у нас Бобик. Это он отыскал яйцо и притащил к нам...

Франсуаза ликующе подпрыгнула.

— Как здорово! Я — мама, а папа — милый Бобик!

— Ага, милый, — проворчал я. — Кабан это, а не Бобик.

— Все равно, пусть кабан Бобик!.. Ах, милый сэр Ричард, как замечательно, что вы появились! Где вы были так долго?

— В далекой сказочной стране, — сказал я таинственно. — Я пробыл там всего один час, а здесь... даже не знаю.

Она вскрикнула:

— Здесь прошла целая зима!

Я ахнул:

— Как? Неужели сейчас весна?

— Весна, — заверила она. — Снег почти весь потаял!.. Только в низинах еще и за сараем в тени. Уже подснежники, скоро травка будет!

— Как дивно, — сказал я. — Бывают же такие чудеса? Ладно, тогда нужно думать, что я упустил.

Она не ответила, зачарованно глядя на столешницу. Железный дракон перестал тянуться и, сев на задницу, смотрел на нее вопросительно. Точнее, застыл в такой позе, так как я переключил внимание на Франсуазу. Пасть уже закрыта, перья живописно рассыпаны по столу.

— Что это с ним? — прошептала она испуганно.

— С кем? — переспросил я.

Она указала на железного дракончика.

— Он тоже лезет к вам!

— Так не на ручки же, как этот кабаненок. И откормила же ты его... Толстый какой.

Франсуаза не сводила испуганно-зачарованного взгляда с железного дракончика.

— Все равно он лезет!

— Да все в порядке, — ответил я легко. — Ты своего балуешь, а этого заставила трудиться день и ночь! Нехорошо. Он тоже маленький.

— Это не я, — живо возразила Франсуаза. — Это мама. Даже не мама, а... не знаю, он всегда таким был!

— Вот видишь, — сказал я с укором, — сколько лет держал перья! В пашечке. Да его теперь будет тошнить от одного вида перьев. Ладно, дай-ка я тебя поцелую... а теперь мне надо поздороваться с твоей мамой. И вообще показаться народу.

— Все вас ждут, — заверила она.

— Все?

— И мама, — ответила она очень серьезно. — Она часто плакала, когда вы исчезли. Правда, никому не показывает своих слез, даже мне, но я видела, видела...

— Может быть, — предположил я осторожно, — она плакала просто так. Или пальчик прижала дверью. Может быть, да же ты ей прищемила?

Франсуаза помотала головой с такой силой, что кудряшки растрепались, а потом снова собрались в тугие колечки.

— Нет!

— Что нет?

— Она беспокоилась о вас.

Я сказал с неловкостью:

— Ты же видишь, обо мне беспокоиться просто смешно. Такое, как я, ни в какой воде не тонет. Я такой... плывучий. Ладно, давай я тебя тоже поцелую... как и дракончика, а потом пойду.

Она прижималась ко мне, как озябшая маленькая птичка, что прячется под большое надежное крыло всемогущей мамы.

Я поцеловал ее в макушку и поднялся. Франсуаза спросила живо:

— Я поиграю здесь, можно?

— Можно, можно, — ответил я с нежностью.

— А то мама мне...

— Не разрешает?

— Нет, но... говорит, что я вам помешаю.

— Играй, — ответил я. — У тебя вот двое товарищей: Бобик и твой пятнистый пузырь.

Переступая порог, я инстинктивно сжимался в предчувствии неприятностей. Четыре месяца тому, переступая незримую дверь, охраняемую призраком герцога Луганера, настраивал себя на челночную операцию, а возвращаюсь когда?

По коридору навстречу суетливо топала изящными ножками в грубых башмаках с деревянной подошвой служанка с огромной охапкой поленьев. Она так прижимала их к груди, стараясь удержать все, что почти наткнулась на меня. Я улыбался как можно доброжелательнее, но она едва подняла голову, оцепенела, как лягушка перед удавом, потом пронзительно завизжала и, роняя поленья, метнулась обратно.

Когда скрылась за поворотом, я слышал, как споткнулась на лестнице и покатилась по ступенькам.

— О Господи, — сказал я с тоской и тревогой. — Теперь только бы не встретить леди Беатриссу...

Внизу послышались крики, на лестнице затопало, наверх взбежали двое солдат с короткими пиками в руках. Тоже оцепенели, один вскрикнул:

— Да никакой не призрак!.. Сэр Ричард, никак вы?

— Конечно, я, — ответил я с облегчением. — По делам отлучался, а вернулся незаметно.

Первый страж смотрел все еще ошалело, второй сказал понимающе:

— Охрану проверяли?.. Да, в метель почти никто не охранял, но сейчас бдим.

— Как леди? — спросил я с замиранием сердца.

Они переглянулись, снова второй ответил за обоих:

— Леди Беатрисса?

Я спросил напряженно:

— А что, здесь есть и другая?

Он помотал головой.

— Нет, какая другая? Другой нет!

— Так как она? — спросил я и уточнил для тупоголового: — Леди Беатрисса?

— Шьет, — ответил он с гордостью. — И вышивает! Весной новые знамена вывесим! Даже на воротах.

— Ну, — буркнул я, — если и на воротах... Ладно, доложите ей как-нибудь помягче, что я вернулся и осматриваю замок. Нет, что осматриваю, не надо, а то подумает... Просто, что видели меня.

Леди Беатрисса выбежала навстречу бледная, исхудавшая, с заострившимися чертами лица и большими глазами, что из фиолетовых стали почти черными.

— Ох, — сказала она тонким жалобным голосом, — так это правда...

Я отвесил неуклюжий поклон.

— Не знаю, о чем вы, леди Беатрисса, но здесь вы и я во плоти.

Прикусил язык, плоть нас как раз и подводит, а обоим надежнее, чтобы общение шло на уровне повыше. Беатрисса подошла медленно, как во сне, взглянула снизу вверх робко и просяще, словно не верит, что не исчезну снова.

— Я уже не знала, что и думать...

— Я же предупреждал, — вырвалось у меня, — ох...

Мои руки сами приняли ее в объятия, она прильнула, как лоза к дереву, маленькая и уже не своевольная владетельная хозяйка земель Сворве. Я вдыхал запах ее волос, поднятая сверху прическа беззащитно обнажает белую нежную шею с двумя крохотными веснушками, пальцы ее то сжимают ткань моего камзола, то, испугавшись своего порыва, поспешно отпускают.

— Мы все волновались, — прошептала она.

— Да-да, — ответил я виновато, — я недостаточно четко объяснил, что могу задержаться.

Она вскинула голову, глаза снова стали фиолетовыми, я видел в них себя и только себя.

— Но вы вернулись, — сказала она тем же шепотом. — И теперь все будет хорошо...

— Да уж, — согласился я с неловкостью, — мои бароны обрадуются... Снова пир, опять походы за славой и подвигами...

Она чуть отодвинулась, уже приходя в себя, даже устыдившись порыва броситься мне в объятия.

— Да, — произнесла она ясным голосом, — как вы, мужчины, без пиров и подвигов! Что за жизнь?

— Все верно, — согласился я. — Пир... охота, честь, слава, подвиги... снова пир...

Она уже взяла себя в руки, сильная маленькая женщина, я вижу, как душит в себе то простое, что свойственно нам всем, но управляет только простолюдинами.

— Да-да, — произнесла она голосом, из которого на глазах изгоняет не только чувственность, но и чувства, — у мужчин свои... обязанности.

Я уловил, что лишь в последний момент заменила слово «игры», я тоже давлю в себе то, что терзало меня и доводило до безумия, с древних времен именуемое любовью, но все так же стоим друг друга: как раньше терзались этим необъяснимым чувством, так и сейчас оба загоняем его в глубины, где ему и место, а сверху ставим волю с карающим мечом и в добротных доспехах.

— Обязанности нужно выполнять, — сказал я. — Или исполнять, точно не помню. Так что я, с вашего разрешения, сегодня же отбуду в замок Эстергаз... тьфу, привязалось! Давно этой сволочи... простите, уже нет, а поминаю.

— Бароны отбиваются от рук? — спросила она с бледной улыбкой.

— Еще не знаю, — ответил я. — А вдруг и в самом деле?

— Тогда вам нужно, — проговорила она тихо, — да, это обязывает...

— Еще как, — сказал я.

— Значит...

— Сегодня же и отбуду, — сказал я торопливо. — Я в самом деле отсутствовал слишком долго. Никаких вестей не получал, прямо и не знаю, что там творится!

Глава 2

Слуги с почтительным страхом и гордостью сообщили, что моему вороному жеребцу скормили ненужное железо из кузницы, а также из каменоломни для него привозят серый гранит, который он очень любит.

— Любит, — сказал я саркастически, — уже и вкусы его знаете...

— Ну, а как же? — ответил старший конюх с достоинством. — Такой конь... За ним должен быть особый уход.

— Избаловали, — проворчал я. — И раскормили небось. Как на такого бегемота влезу? Да и стыдно будет за ворота выехать...

Зайчик выбежал во двор, едва распахнули ворота конюшни. Я уж испугался, судя по его виду, что бросится на шею, как и Бобик, но арбогастр только нежно обнюхал мою голову и шею, фыркнул, уловив аромат женских духов, заржал призывно.

Я обхватил его за могучую шею, он замер и только жарко дышал мне в затылок, тоже стараясь продлить это мгновение. Бобик перестал скакать вокруг нас, плюхнулся на толстый зад и смотрел с великим интересом: а что, мол, дальше? Что за игра?

— Вот видишь, — сказал я ему с упреком, — Зайчик совсем не растолстел! Ну, почти... А ты? Посмотри на себя, кабанище! Да ты в ворота крепости не пройдешь, придется тебя здесь оставить.

Бобик взвился в воздух, оттолкнувшись всеми четырьмя. Вид у него такой, что перепрыгнет и стену, если не пролезет в ворота, но как это не пролезет, что за обвинение чудовищное и несправедливое, и вообще как это уедем без него?

Зайчик злорадно заржал, конюхи и слуги собрались во дворе, дивились внезапно появившемуся хозяину и умилялись той радости, которые выказывают ему преданные и любящие животные.

Я вскочил в седло, Бобик сразу же бросился к воротам. Я вскинул руку, все смотрят и слушают с великим вниманием.

— Зима кончилась, — сказал я, — пришло время работы. Помните, и пусть помнят все соседи, добрые и не очень: этот замок и земли со всеми вами — под моей защитой. Будьте сами честными и справедливыми, потому что не посмотрю, свои вы или нет, а приму сторону правых. Так что будьте всегда на правой стороне!

Решетка закрипела особенно натужно, что значит, за всю

зиму почти не двигалась, медленно поползла вверх. Бобик торопливо проскользнул под ней первым, там далеко в конце каменного туннеля уже отворились ворота.

Он выбежал и туда первым, сразу же развернулся в нашу сторону, в глазах обвиняющее выражение.

— Все-таки протиснулся, — сказал я сочувствующе, — ну, а на мосту точно не поместишься... Узковат для тебя.

Бобик перебежал по опустившемуся мосту, там трое всадников проедут стремя в стремя, оглянулся с укором, что за неприличные и даже оскорбительные шутки, но останавливаться не стал, здесь столько новых запахов, ринулся вперед, почти зарываясь носом в грязь.

Я оглянулся, помахал рукой. Со стены закричали, вскинули мечи и топоры.

— Еще вернусь! — крикнул я. — Поклон леди Беатриссе!

Сердце сжалось, но я сам еще крепче сдвинул его в железной, надеюсь, ладони. Не до женщин, слабак. Облажался на Юге, реабилитируйся хотя бы здесь. Работа и только работа! Никаких бабс, никаких женщин и даже никаких леди.

А затем в лицо дул мокрый ветер, мы с Зайчиком то и дело проскакивали через полосы холодного дождя вперемешку со снегом. Пес уносился далеко вперед, успевал рыскать справа и слева, донельзя счастливый, и что я вернулся, и что мы снова под открытым небом, где так много запахов, будто не на нюхался за свою долгую жизнь.

Под копытами чавкающими струями взлетает грязь, а темный лес сдвигается в сторонке за спину медленно и неохотно. Равнина из-за одноликости ползет навстречу медленно, хотя мы глотаем милю за милей, а скорость чувствуется только по напору ветра да вдруг возникающему вдали одинокому утесу или дереву, а потом так же быстро исчезающим позади.

Я прикидывал, что там, в моем замке, не могут же рыцари всю зиму сидеть за столом... хотя, собственно, почему нет, сэр Растер точно может, а чем еще заняться, но есть еще и барон Альбрехт, полная противоположность Растеру...

Мысли о рыцарях воскресили позорное воспоминание, которое старательно затаптываю в глубины памяти. Дал слабину, да еще такую позорнейшую, что не решусь даже упомя-

нуть на исповеди. Есть настолько значимые грехи, что даже гордишься, есть всякая житейская мелочь, что и не грехи даже, а проступки, но бывают и моменты, которые могут повернуть всю жизнь так, что потом и за вечность не отмоешься.

Господь говорит: не согреши даже в мыслях! А я не просто согрешил, я этого проклятого ублюдка в мыслях не просто убил, я его чуть ли не спокойно, хоть и с отвращением, зарезал и спустил всю кровь в ритуальный тазик. Прекрасно понимаю, сколько их дохнет при родах, даже в роддоме, сколько погибает в первый же год, выбежав по дурости под копыта скачущего коня или попав под быструю повозку, сколько мрет, обожравшись диких ягод, так что уже почти убедил себя...

Да что там «почти», именно убедил! И все-таки рука не поднялась придушить или прирезать. Что значит, я не так крут, как стараюсь выглядеть даже перед самим собой. И на роль отца большого государства, Сатана прав, пока еще не тяну. Император из меня никакой. Еще не изжил допотопные комплексы, вбитые в меня неизвестно когда и неизвестно кем.

Далекий замок возник на сером небе как неопрятная кротовая куча, я постарался выдавить несвойственные демократу душевные терзания практическими мыслями насчет замка получше. Гроссграфу надлежит пребывать в соответствующем, да и вообще пора вернуться к идее выстроить крепость в той важной стратегической точке, которую наметили вместе с бароном Альбрехтом.

Зайчик с разбега вбежал на земляной вал. Я потянулся за рогом, но на стене между зубцами появилась голова в железном шлеме, густой голос охнул:

— Никак сэр Ричард?

— Точно, — ответил я с облегчением.

— А не мара? — спросил страж опасно. — Если сэс Ричард... перекрестись!

Я перекрестился, страж вскричал во весь голос ликующе:

— Сэр Ричард!.. Хозяин вернулся!.. Открыть ворота! Быстрее, сони!

На стене появились еще головы, подъемный мост начал медленно опускаться, со скрипом лег на деревянные брусья.

Зайчик красиво вступил на вообще-то тонковатые доски, надо бы заменить, потряхивая гривой.

Железная решетка ворот поднялась с жутким лязгом. Пес ринулся первым, пугая народ оскаленной пастью и горящими глазами.

Во дворе сухо и даже чисто, во всяком случае — посредине. Под стенами груды влажного мусора. Стражники молодцы, выглядят бодрыми, оружие в руках, а не в казарме или караулке, толстые морды расплываются в счастливых улыбках.

— Хозяин!.. — сказал один с облегчением в голосе. — Наконец-то!.. А то мы уже волновались, что и на лето останетесь у прекрасной леди Беатриссы!

— Какое лето, — ответил я сварливо, — весна только началась!.. Такая грязь, даже не верю, что высохнет хотя бы к осени.

— Высохнет, — заверил очень серьезно и основательно начальник стражи ворот. — Месяца не пройдет.. Весеннее солнышко — жаркое...

Я улыбался, чувствуя великое облегчение. Наконец-то среди своих, в этом мире верность и честь не пустые звуки, а предательство так и вовсе самое черное преступление, самый тяжкий и непрощаемый грех. Здесь даже к смертельному врагу можно повернуться спиной, никакая выгода не перевесит позор и бесчестье.

Пес, попрыгав во дворе и обнюхав самые важные места, унесся скачками в донжон.

Я едва успел передать арбогастра конюхам, как из головного здания вышел и направился ко мне, раздвигая толпу, как бык овец, блещущий металлом Растер. За зиму он стал еще квадратнее, от фигуры несет не только силой, но и агрессией, накопил за время сидения за столом. Единственный, кто доспехи снимает только на ночь, но все равно ухитрился набрать дурного мяса, грубо вырезанное квадратное лицо округлилось, стало мягче.

— Сэр Ричард! — взревел он мощно и протянул руки: — Мы уж заждались!

Я дал себя обнять, он давил меня, как медведь козу, но вдруг дрожь пробежала по его телу, он поспешно отодвинул меня на вытянутые руки.

— Сэр Ричард!.. Что с вами случилось?

Я встревоженно оглядел себя.

— А что со мной?

Он почти прошептал:

— Вы такой... весь... обгорелый...

Из донжона выбегали рыцари и тоже, расслышав Растера, начинали смотреть на меня с ужасом. Кто-то крестился, кто-то бормотал молитвы, а я сказал с неудовольствием:

— Вот такая у вас вера в сюзерена? Да если бы я и в самом деле прошел через ад, разве это зазорно? Или сомневаетесь, что я прошел с крестом за пазухой и обагренным кровью мечом в недрогнувшей длани?

Расталкивая безщитовых, приблизился барон Альбрехт, отсалютовал и поинтересовался с тревогой в голосе:

— Сэр Ричард, а вы в самом деле... вышли из ада? В смысле, побывали там?

Рыцари заговорили между собой, кто-то начал пятиться, я слышал, как спешно послали за священником.

Я отмахнулся.

— Дорогой барон, мы все иной раз трижды в день проходим через ад, ибо нет его нигде, кроме как в наших душах! А тот, что с чертями и кипящими котлами, — это для простолюдинов. Они мук совести не знают, потому для них разработаны именно телесные муки.

Он кивнул, но смолчал, что я уклонился от прямого ответа насчет своего плотного загара. Зато сэр Растер сразу успокоился, заявил важно:

— Да, все верно, тот ад для простолюдинов! У меня ад каждое утро, если с перепоя под рукой нет кувшина вина, чтобы полечиться.

— Простолюдин живет в каждом из нас, — подтвердил я. — Нужно выдавливать его по капле!

Они пробормотали «аминь» и дружно перекрестились. Я жестом пригласил всех обратно в донжон, барон Альбрехт пошел рядом, я велел рассказывать новости, барон посмотрел с удивлением.

— Сидели за столом, — ответил он с иронией. — Иногда вставали. Но далеко не отходили.

— Значит, все сыты, — подытожил я. — Хорошо! Я уж думал, все здесь разнесете...

Он покачал головой.

— Как можно! Да и хозяйку вы оставили вместо себя такую, что разнести не даст...

Я насторожился:

— Хозяйку?

— Ну да, — ответил он и сам посмотрел на меня в недоумении, потом хлопнул себя по лбу: — Ах да, вы же сразу уехали к леди Беатриссе!

— Рассказывайте, — потребовал я.

Он развел руками:

— А что рассказывать? Вы же спасли знатную леди... которую могучие колдуны превратили в простую крестьянку! После вашего отъезда ее все окружили такой заботой и таким вниманием, что она постепенно начала забывать свои кошмары. Ее очень любит челядь, а рыцари просто боготворят. И подчиняются ей охотнее, чем если бы пришлось подчиняться мне или Растеру. За зиму она уже почти пришла в себя... И замком руководит вполне как, я бы сказал, опытная хозяйка, у которой замок был и побольше.

Я помолчал, кивнул. Фриду слуги слушались и там, еще у Галантлара, а потом и при моей власти. Маленькая, тоненькая, вид зачастую пугливый, но у этой малышки стальная воля и бешеная энергия.

— Хорошо, — сказал я, — собирайте рыцарей, меня распирает жажда деятельности. У меня уже проработанный и продуманный план, что и как делать!

— В большом зале накрыты столы, — предупредил барон. — Часть рыцарей при известии о нашем возвращении не сумели поднять задницы, хотя... старались.

Я поморщился:

— Ладно, пусть отсыпаются. Соберемся в малом. Зима nochилась, надо думать, что делать дальше.

Он коротко усмехнулся:

— Все понимают, что теперь жизнь закипит!

За спиной звучно расхохотался, словно взревел могучий бык, сэр Растер:

— Еще бы! Сэр Ричард появился. Это, как комета на небе с длинным хвостом, — к войне.

Барон Альбрехт поправил:

— Не обязательно.

— Но он же появился? — спросил Растер обидчиво.

— Кометы не только войну предвещают, — объяснил Альбрехт. — А также чуму, засуху, саранчу, а также мор...

Я сказал саркастически:

— Ну, спасибо, барон!

Он развел руками:

— Что делать, народ придумывает всякое. Я же знаю одно, ваш приход — к переменам.

Растер снова захохотал, повторил с удовольствием:

— К переменам! Наконец-то зима кончилась. Это сэр Ричард принес весну на своем хвосте, как грач.

— Только откуда он ее принес, — пробормотал барон, но, встретившись со мной взглядом, пробормотал примирительно: — Да шучу я, сэр Ричард. Не только вы можете уесть народ.

Я взбежал по лестнице, глядя под ноги, наверху запнулся: по коридору навстречу мчится, как молодой козленок, тоненькая и хрупкая девушка с огромной копной ярко-красных волос.

Я даже не заметил, в каком платье, туфельках, только хрупкость и пышные волосы, что не развеваются при беге, а лишь трепещут, как пурпурное пламя при легком ветерке.

Она начала замедлять бег, но я чуть присел и распахнул объятия. Фрида бросилась мне на шею, прижалась всем телом, уже не испуганный злыми силами ребенок, а молодая и созревшая женщина.

— Сэр Ричард!.. Наконец-то!

Я покружил ее на руках, не хочется выпускать из объятий, она прильнула с таким жаром и нежностью, но заставил себя зажать в кулаке инстинкты и бережно поставил ее на пол.

Она смеялась и плакала от счастья, глядя на меня ликующе, огромные глаза сияют, как утренние звезды, умытые росой, пухлый детский рот приоткрылся в восторге.

— Пойдем, — сказал я, — что мы в коридоре... Расскажешь, как тут и что за это время.

До моих покоев всего несколько шагов, но за это время я заметил, как разительно изменилась Фрида. Я оставил ее уже выздоравливающую, но все еще насмерть перепуганную крестьянскую девчонку. Ну, пусть не крестьянскую, она давно уже при замковой кухне, но все равно зашуганная челядница, а сейчас рядом со мной быстро перебирает ножками, стараясь не отстать, юная леди, держится свободно и раскованно, но чувствуется в ней и достоинство прироченной, да, прироченной.

Открывая дверь, я изумленно думал, как правы те, кто говорит, что короля играет не сам король, а свита. Она твердила, что простая девушка, но все в замке знают, что я спас из лап дракона знатную леди, злыми колдунами превращенную в крестьянку, относились к ней с почтением, целовали руки, которые она старалась в испуге вырвать, а то вдруг укусят, преклоняли колени, и постепенно ее горбатенькая спинка выпрямилась, она перестала улыбаться робко и заискивающе, и вот уже передо мной настоящая леди.

Я ахнул в изумлении: в покоях не просто все сияет, я вообще-то на чистоту и порядок обращаю внимания мало, не потому, что свинья, иначе все мужчины свиньи, просто есть другие приоритеты, а здесь Фрида как будто читала все мои желания.

— Здорово, — произнес я. — А откуда эта мебель?..

Она посмотрела на меня с некоторым испугом.

— У нас в замке нашлись хорошие столяры. А что им зимой делать? Я их загрузила работой... А что, плохо?

Я привлек ее к себе и отечески поцеловал в макушку, принимая пышную копну волос, что тут же поднялись снова, превращая голову в огненный одуванчик.

— Замечательно. Садись, рассказывай.

Слуги торопливо вносили еду, я велел убрать все, кроме сладкого, а кофе сотворил сам. Фрида взяла чашку без боязни, только хитренько улыбнулась нашему общему секрету, что вообще-то не секрет и для рыцарей, руки ее уже без следа работы палачей, кожа чистая и нежная, какой и должна быть у высокородной леди.

Она рассказывала, кофе отхлебывает мелкими глотками, а я слушал краем уха, новости пустяковые, больше любуюсь ее чистым живым лицом, блестящими глазами, уверенными жестами.

Не знаю, как бы пошло, если бы не легенда, что я спас знатную леди. Нужно было что-то срочно соврать, я и брякнул первое подвернувшееся на язык. Рыцари с их чистыми душами и пламенными сердцами окружили Фриду такой нежной заботой и почтением, что...

— Словом, — прервал я, — ты уже хозяйка этого замка?

Она замотала головой.

— Что вы, сэр Ричард, как можно! Это вы хозяин.

«Сэр Ричард», отметил я, а не «ваша милость». Она не только приняла навязанную ей роль, но и вжилась в нее. Прекрасно...

— Хозяйка ты, — возразил я. — Вообще-то, если честно, из меня хозяин очень плохой. Если честно, то еще хуже. А ты и там была старшей над челядью. Неважно, кто там считался главным, слушались тебя...

Она посмотрела на меня настороженно.

— Меня и тут челядь слушается. Но это не значит, что я хозяйка.

Я улыбнулся поверх чашки.

— Тебя слушаются и рыцари. Представляю, с каким рвением служат! И как бросаются выполнять каждое твое желание...

Ее щеки внезапно покрыл жаркий румянец, она сказала жалобно:

— А вот это и нехорошо! Мне так неловко, так неловко. Такие знатные господа, а у меня на побегушках.

— Ты, — сказал я твердо, — знатная леди. Вот так и держись. У тебя все получилось. Сейчас ты по всем манерам — высокороденная. Хорошо, что женщины такие пластичные... В смысле, не все тупые коровы, которым хоть кол на голове теши. А что не помнишь, кто ты, — так и должно быть. Сперва возвращаются манеры, потом — память. Ты умница, ты просто замечательная, Фрида!

Она засияла, лицо озарилось внутренним светом.

— Ох, сэр Ричард, вы такие слова говорите...

— Ты замечательная, — повторил я. — Ладно, меня распирает жажда деятельности. Я получил по морде довольно крепко, Фрида. Сейчас горю желанием... да каким желанием, это уже страсть, реабилитироваться! Потом поговорим. А сейчас мне надо двигаться, а то меня разорвет, как капля никотина хомяка.

— Ох, — сказала она жалобно мне вслед, — не сломите голову сторяча!

— Буду осторожен, — пообещал я автоматически, как всегда отвечаем женщинам.

В коридорах сыро, под сводами гуляет холодный ветер. Ежась от непривычной свежести, я быстро вошел в зал, стражи едва успели распахнуть передо мной двери. Подтянутый от холода и собранный в тугую кулак, я прошагал к креслу с высокой спинкой.

Рыцари при моем появлении с лязгом и звоном поднялись, некоторые по примеру Растера уже в доспехах, кое-кто просто надел панцирь, подчеркивая, что все-таки боевые рыцари, и хоть сейчас в пирах, но всегда готовы сменить мягкое кресло на жесткое рыцарское седло.

— Прошу садиться, — сказал я, на миг мелькнула трусливенькая мысль, я ли это, совсем недавно боялся вякать в присутствии этих вот блестящих металлом людей, а сейчас челюсть вперед и глаза навывкате, — как сказал сэр Растер, появление кометы и меня предвещает перемены! Но разве для того мы, мужчины, рождены, чтобы просиживать за столом всю жизнь? Зима закончилась, наступает сезон подвигов!

Рыцари довольно улыбались, стучали кулаками по столам. Только сэр Растер в недоумении оглядывался: ни в одну из дверей не вбегают слуги с грудами жареного мяса на подносах, не вкатывают бочонки с вином, на столе ни кувшинов с вином, ни кубков, а стол вообще только один...

— Пить не будем, — предупредил я строго, — разве что потом. Опосля. Сейчас весна, надо решительно готовиться к окончательной победе армландизма пока что в отдельно взятой Армландии.

Сэр Растер спросил в еще большем недоумении:

— Это... как?

Рыцари посмотрели на него, потом на меня. На их лицах я прочел тот же вопрос. Я задержался с ответом, барон Альбрехт мгновенно пришел на выручку:

— Мы что, — сказал он с тонкой улыбочкой, — зря всю зиму составляли списки сторонников и противников гроссграфства сэра Ричарда?.. Думаю, после взятия Орлиного замка ряды противников поределели. Но все-таки...

Он остановился и поглядел на меня в ожидании. Я хмуро кивнул.

— Мы не можем затягивать баталии на годы и десятилетия. Армландия должна стать единой в первые месяцы лета! Лучше вообще в первый. А дальше с ходу начнем строить новое счастливое общество. Чтоб и подъем экономический, и поток инвестиций, и утечка... вернее, притечка мозгов, и расцвет культуры и гастарбайтеризма, а также прочей грамотности.

Сэр Растер крякнул.

— Это как, — спросил он в недоумении, — походы только сначала? А потом что? Пировать с осени?

— Походы и захваты, — объяснил я, — первый этап просвещенного и демократичного государя. Страны и народы нужно приводить к счастью иногда и силой, такова жизнь. Потом надо думать, что делать с захваченным!..

Барон Альбрехт пояснил, на ходу подхватывая мою умную мысль:

— Народ должен видеть, что при новом властителе жить лучше.

Сэр Растер переспросил с недоумением:

— Народ?

— Ну да, — ответил барон, быстро взглянув на меня за разрешением, — торговцы, строители... А вы на кого подумали?

Растер буркнул:

— Я уж подумал, что вы про крестьян. Такое померещится... Я не очень понимаю, что сэр Ричард будет делать для расцвета, но сильная армия везде нужна. Так что я займусь подготовкой молодого поколения.

— В военно-патриотическом духе, — согласился я. — Это важный элемент демократического общества местной специфики. Нам не нужны чужие модели, у нас свой путь! Мы бу-

дем крепить оборону и не позволим войскам короля Гиллеберда и прочим всяким придвигать свои... аванпосты к нашим границам! Если понадобится, нанесем и упреждающие удары, ибо агрессоров надо выявлять и давать им отпор еще на их территории!

Сэр Растер просветлел, огляделся орлом, программа строительства светлого демократического общества начала нравиться.

— А не выпить ли по этому поводу? — осведомился он деловито, сконфузился, напоровшись на мой твердый взгляд. — Или мы уже в походе?

— За светлое будущее всего человечества, — подтвердил я. — Так что прямо сегодня проведите строгую ревизию всего, что понадобится в летней кампании. Чтоб кони заново перекованы, упряжь отремонтирована, люди здоровы и без соплей. Выступим налегке, тяжелая конница двинется позже, а повозки пойдут, когда земля хотя бы покроется коркой!

Сэр Растер горестно вздохнул.

— Без тяжелой брони я чувствую себя голым. Но налегке так налегке...

— Можете повести следом тяжелую конницу, — предложил я.

Он покрутил головой.

— А самое интересное увидите без меня? Нет уж...

Остальные рыцари слушали внимательно и почтительно. За время моего отсутствия вес набрал сэр Растер, это понятно, заметно укрепил свое влияние барон Альбрехт, разве что Макс из-за молодости теперь в стороне: зимой не до походов, где мог бы блеснуть, а за столом он не совсем орел.

— Сегодня же подготовить призывы, — распорядился я, — завтра с утра разослать гонцов! Все владетельные лорды должны быть оповещены о начале новой эры счастья. В смысле, я вступаю в свои права, как гроссграф. Кто это признает, должен присоединиться лично со своим войском либо выставить вместо себя достойного военачальника. Достоинство буду определять лично. Нейтралов трогать не будем... пока, но и доли при разделе добычи не получают, это уж точно.

— А как объяснить сам поход? Против кого?

— Против активных противников интеграции в демократическое общество, — объяснил я. — Против сепаратистов! По всей Армландии должны быть единые законы, единые пошлины, единые суды и понятное всем право. А те лорды, которые отстаивают свободу на ведение войны против соседей или на собственные таможи на границах своих владений, могут потерять эти права вместе с головами.

— Круто, — пробормотал Альбрехт. — Нет-нет, я не возражаю! Более того, считаю верным, однако...

— Что?

— Однако так можно восстановить против себя и сторонников, — заметил он осторожно.

Я оглядел молчащих рыцарей. Безщитовые, понятно, подерживают меня безоговорочно, им терять нечего, но гонцов отправим именно к владетельным, а этим предстоит отказаться от ряда прав и привилегий.

— Обойдется, — заверил я, но чувствовал во внутренностях предательский холодок. — Должны же преимущества перевесить мелкие потери?

— Ничего себе мелкие, — пробормотал Альбрехт, но громко сказал: — Да, сэр Ричард, я сам прослежу, чтобы послания были составлены в надлежащем виде. Уважительно и вместе с тем твердо.

Я кивнул, оглядел рыцарей.

— Какие есть вопросы? Давайте сейчас! В походе надо утверждать наши идеи, а не считать ангелов на острие иглы!

Растер спросил удивленно:

— А сколько их там?

— Вот-вот, — сказал я строго, — с этого и начинаются всякие там. В смысле, умствования и брожения. Этого ни в коем случае нельзя допускать... на этапе становления государственности. Потом да, можно. Контролируемые сверху! Сейчас — низзя.

Глава 3

По дороге заглянул к Миртусу, в самом деле сознание хочет взять реванш за сокрушительное поражение на Юге, и меня просто дергает от желания двигаться. Куда-то ехать, мчаться

ся, что-то ломать и крушить, разносить к чертям собачьим... ах да, я же начинаю строить!

— Ты сообщил своим собратьям? — спросил я настойчиво. — В смысле, таким же исследователям этого мира. Напиши, если кто не решается сразу все бросить и переселиться под мою милостивую длань... это рука у меня такая, понял?... пусть совершит ознакомительную поездку, расходы я оплачу.

— Что им обещать? — спросил он недоверчиво.

— Повтори, что не буду требовать философского камня, — ответил я. — Что для меня вообще не надо искать способы превращать свинец или олово в золото. И вообще чудесами не занимаемся! Будем осваивать основы фундаментальных наук.

Он кивнул, но во взгляде оставалась прежняя настороженность всеми гонимого чудака за его чудачества.

— Я все сделаю, господин.

Я кивнул и вышел из подвала. Барон Альбрехт, сэр Растер и Макс уже ждали меня в моих покоях. Макс чинно сидит у двери, барон развалился в кресле за столом, сэр Растер бродит вдоль стен и критически осматривает картины, громко выражая недовольство, что мало батальных сцен, а слишком много деревьев, замков и толстых баб, как будто это и так не остро-чертело.

Макс вскочил при моем появлении, барон встал и сообщил с непроницаемым лицом:

— Ваш указ о сборе войска разослан. Какие еще пожелания?

— Подождем ответа, — сказал я. — Кто знает, кто откликнется... Да и откликнутся ли вообще.

Он усмехнулся:

— Я достаточно прозрачно намекнул, что делить пирог будут только между теми, кто участвовал в борьбе за единство Армландии.

Я сказал в бодром нетерпении:

— Тогда начнем с главного...

— Да, — откликнулся сэр Растер ликуяще, — мудрое решение! Наливайте, сэр Ричард, уже глотка пересохла.

Макс посмотрел с укором, а барон произнес с некоторым непониманием:

— Сэр Растер, вы только что там внизу вылакали целый кувшин вина!

— А подъем по лестнице? — парировал Растер. — Я почти вспорхнул! Все испарилось.

Я расстелил на столе карту, Макс первым бросился прижимать края, а я повел ладонью над центральной частью, все внимательно следят за моими пальцами.

— Пока что, — произнес я государственным голосом, — Армландия — государство. Можно еще — страна. На державу не тянет, хотя, если очень хочется, то можно. А вот отечеством называть пока рано. У нас мирный период истории. Это когда придет необходимая пора напасть на кого-нибудь, тогда назовем его отечеством. Даже Отечеством! И призовем народ на защиту... даже если это будет далеко от священных границ Богом избранной Армландии.

Альбрехт пробормотал, морща лоб и двигая бровями:

— Отечество — это когда готовимся убивать множество людей... страна — когда пасем овец, государство — когда торгуемся с другими королями, держава... гм... когда требуем уступить нам какие-то пограничные земли?

— Bravo, — сказал я. — Барон Альбрехт, вы меня все больше поражаете. Как цепкой деловой хваткой, так и точными формулировками.

Он хмуро улыбнулся.

— Нет, сэр Ричард, это ваши формулировки. Особенно меня поразило ваше определение Отечества... Это то же самое государство, но когда нужно послать массы людей на смерть, оно уже Отечество!

Растер пробасил гордо:

— Мы же рыцари!

Я ответил со скорбным вздохом:

— Я ведь этот, как его... политик, мать вашу... Все средства хороши для величия державы. Даже такие грязные, как демократия и политкорректность, если это позволяет быстрее развиваться, укрепляться и вбивать другие страны в землю по ноздри... лучше всего экономическими методами.

— Это как? — спросил барон с непониманием.

— А чтоб еще и благодарили за помощь, — объяснил я. —

Чем выше уровень общества, тем тоньше методы ограбления соседей.

Он сказал восхищенно:

— Неужто можно так, что каждый сам приносит и спасибо говорит?

— Именно так, — подтвердил я.

— Господи правый, — охнул он, — вот бы дожить до такого времени!

— Все в наших руках, — заверил я.

Макс молчал и только следил за мной настороженно-восхищенно. Улавливает даже больше, чем барон, но понимает пока что намного меньше. Зато у Растера никаких вопросов, уже следит за моим пальцем и видит победно скачущую тяжелую кавалерию, слышит скрип телег обоза, ноздри подрагивают, улавливая аромат горящего дерева и запах поджаренного на костре мяса.

Через неделю начали возвращаться первые гонцы. Лорды земель, расположенных по соседству, отвечали осторожно, мол, они рядом, так что когда подойдут войска из дальних частей Армландии, уже будут готовы выступить.

Другие отвечали тоже уклончиво, зато сразу откликнулись Будакер, Митчелл, Ангелхейм, барон Варанг, эти обещали прислать всех, кого сумеют призвать, сами тоже явятся во главе, еще несколько лордов сообщили, что пришлют отряды во главе с опытными военачальниками.

С десятков лордов сообщили, что целиком и полностью поддерживают мои притязания на верховную власть в Армландии, надоела эта кровавая междоусобица, но каждый меч им нужен для охраны своих границ, но если мои войска будут проходить рядом, можем рассчитывать на полную поддержку.

Сэр Растер ругался, барон обеспокоенно крутил головой. Еще через неделю прибыл гонец от барона Варанга, этот заверил, что сразу же послал призыв к своим вассалам и, как только они придут, выступит в указанное место сбора.

— Место сбора, — сказал я озадаченно, — что я за дурак, а еще стратег! Полагал, что соберемся здесь, а уже потом... Ва-

ранг прав, нужно стягиваться в такое место, чтобы всем было удобно.

— Вблизи земель тех, — подсказал Растер, — кто противится вашей власти!

— Это разумно, — одобрил барон Альбрехт.

Макс сказал с надеждой:

— Хорошо бы, чтобы их это устрасило.

— И что? — спросил Растер с удивлением. — Ты не хочешь сражений и воинских подвигов?

Макс покраснел, посмотрел на него и на меня умоляюще.

— Нет-нет, я не то хотел сказать! Сражаться нужно за пределами Армландии! Чтобы все узнали о новом государстве!

Растер пожал плечами:

— А какая разница? Люди везде одинаковы. И добыча такая же.

— Вы сторонник равноправия, — одобрил я, — это замечательно!.. Мы к этому придем, когда своих будем грабить так же, как и чужих. Это называется рыночными отношениями и возможно в полной мере только при демократии. Начнем строительство этого счастливого общества с экспорта демократических ценностей в слабо развитые регионы Армландии.

— Это хорошо, — сказал Растер довольно, так ничего и не поняв. — А какие у нас слаборазвитые?

Барон Альбрехт ответил за меня:

— А все, где не стоят наши войска.

Однажды, когда я парил в облаках и рассматривал сверху города и замки, услышал знакомый чувственный смех, обернулся, Санегерия в легком прозрачном платье смотрит маняще, руки не протягивает, но все ее тело чувственно колыхается, а платье исчезает, как сгустки тумана.

— Давно тебя не видела, — проговорила она таким женственным голосом, что у меня сладко заныло все внутри. — Исчез...

— А я тебя, — ответил я хриплым голосом. Я ухватил ее в объятия, мы моментально оказались на земле, под нами толстые шкуры, Санегерия слегка уперлась мне в грудь, в ее крупных темных глазах я увидел удивление. — Что не так?

— Все так, — ответила она счастливо. — У тебя в замке такая женщина... А ты здесь, со мной...

Утром я в полудреме вспомнил и Санегерийю, и Фриду разом. Как служанку, я мог таскать ее в постель, но не как знатную леди, этого распутства не поняли бы рыцари. Даже не распутства. А такого падения, такой низости поведения как со стороны их сюзерена, так и со стороны знатной леди, которая должна быть... леди.

Покои Фриды расположены на втором этаже, мои — на третьем. По коридорам прогуливается ночная стража, таков порядок, а установился он испокон веков не зря: иногда нечисть ухитряется проникать и через все стены и запоры.

В первый день мы расстались вечером на пиру чинно и торжественно, а через полчаса я в личине исчезника пробрался в покои Фриды.

Она ахнула, но так обрадовалась, так возликовала, что я ощутил себя проклятым обманщиком. Правда, это не помешало нам, еще как не помешало, только под утро я ускользнул в свои покои.

Но когда навалилось дел больше, чем я мог одной левой, я занимался ими до поздней ночи, потом проваливался в глубокий сон, было не до ночных утех. Да и, честно говоря, к Фриде испытываю, как ни странно для моего возраста, скорее отеческую нежность. Ну как подросток может испытывать к подобранному в канаве жалобному щенку, выпавшему из гнезда птенчику или подаренному хомячку.

К тому же, мне кажется, мои ночные визиты к Фриде начинают нарушать ее облик благородной леди. Она снова превращается в служанку, которая счастлива забраться в мою постель, сдержанные манеры улетучиваются, скоро заметят и рыцари...

На другой день я наелся жареного мяса со жгучими пряностями, и, конечно, Санегерийя возникла почти сразу, как провалился в сон.

— Снова ты мой, — проворковала она томно, — как хорошо...

— Замечательно, — ответил я, изо всех сил сдерживая свое животное «я». — Саня, ты хорошо знаешь мир демонов?..

Она произнесла жарко:

— Зачем тебе другие?... Здесь я...

— Ты лучше всех, — заверил я. — Вообще ты — единственная. Скажи, здесь свои демоны?... А за океаном — другие?

Она ответила томно, ее руки уже прижали меня к своей горячей и мягкой плоти:

— Никто из нас не знает, что за Большой Водой... Все считают, что Большая Вода — конец мира...

— Нет, — ответил я, — там... ох, что ты делаешь... что делаю я... Ох, Саня...

Дни тянутся холодные, ночами даже подмораживает, но с утра яркое солнце, скворцы уже прилетели и щебечут звонко и неумолчно. Земля быстро подсыхает, лысые верхушки холмов из серых превратились в зеленые, но в долинах пока что грязь.

Первым с большим отрядом прибыл маркиз Ангелхейм, как всегда невозмутимый, нарядный, изысканный, томный, словно уже и не рыцарь, а нечто перетекающее в следующую формацию, когда подвиги перестанут маячить во главе угла, а интересы сместятся к, мать его, флирту.

Он обнял меня, словно это он гроссграф, а я простой безщитовой, покровительственно похлопал по спине.

— По параллельной дороге идет барон Варанг, — сообщил он. — Он предлагал соединить войска, но мне очень уж хотелось поскорее повидаться с вами, сэр Ричард. И услышать, как это вы ухитрились захватить неприступный Орлиный замок...

Я отмахнулся:

— Да ерунда это все.

Он расхохотался:

— А что тогда не ерунда?

Я переспросил:

— Ваша владения, если не ошибаюсь, почти примыкают к Орочьему лесу?

Он кивнул, лицо сразу посерьезнело.

— Да. Мы с бароном еще и потому дружим, что приходится объединять силы для борьбы с этими исчадиями ада. Как

только наступает весна, они выходят из леса и разоряют окрестные деревни.

Я сказал довольноно:

— Как видите, ваш сюзерен заботится о своих вассалах. Я за зиму и эту проблему решил.

Он насторожился, брови поползли вверх:

— Как?

— Пока не скажу, — ответил я таинственно. — Но теперь дорога в королевство Шателлен свободна. Можете как лично торговать с Дартмундом, так и подключаться к общей торговле Армландии с Шателленом. У нас с королем Роджером Найтингейлом заключен обоюдовыгодный... гм... торговый договор. Мне даже уступили пару очень хороших рудников в их королевстве!

Он изумленно помотал головой.

— Не представляю... Я знал, что вы хитрая бестия, но чтоб выторговать такое?

— То ли еще будет, — ответил я таинственно. — А сейчас, маркиз, позвольте представить вам сэра Растера. Он явно хочет вам что-то сказать...

Я велел сразу же сообщить, как только подойдут отряды барона Варанга, и когда примчался запыхавшийся посыльный, сам вышел из донжона и ждал на ступеньках. Из-под решетки во двор въезжали на укрытых яркими цветными попонами такие же разноцветные и по-весеннему праздничные всадники, любопытствующая челядь высыпала отовсюду посмотреть на гостей.

Первыми появились на заляпанных грязью по брюхо конях сэр Варанг и встречавший его далеко за пределами замка Макс. Сапоги у обоих не просто в грязи, их почти не видно под толстым слоем раскисшей земли, одежда в темных пятнах, словно слезали с коней и на себе вытаскивали их из колдобин.

Сэр Варанг соскочил достаточно лихо, но поскользнулся и упал бы, не ухватись за седло. Макс слез спокойнее, стараясь держаться солидно, как и подобает военачальнику, сразу же

начал оттирать грязь с подошв. Выглядел он бодрым, немедленно доложил:

— Сэр Ричард, еще недельку такого солнышка — и все дороги станут проходимыми!

— Для конницы, — уточнил Варанг.

— Да-да, — согласился Макс. — Телеги пока, увы, подождут малость.

Варанг шагнул ко мне, шурясь от яркого солнца, что провало тучи и брызнуло ему прямо в лицо. Я чувствовал прилив нежности, глядя на спокойного и мудрого воителя, это же Варанг так настойчиво продвигал мое гроссграфство и первым говорил о необходимости поставить Армландию под власть одного человека.

Сейчас он в добротных доспехах, что укрывают каждый миллиметр его тела. Настоящие, не парадные, такие копьём не пробьешь, не всяким двуручником или топором расколешь, словом, барон отнесся к предстоящему делу очень серьезно и свой отряд в бой поведет лично.

Я бросил взгляд на баннеры за его спиной, рыцари все-таки пришли: то ли приняли мое приглашение еще тогда, когда я выбил меч из рук их сюзерена, то ли сам Варанг сумел их уговорить присоединиться к рискованной, но многообещающей кампании.

Сам он тогда принес мне вассальную присягу на основании условий хитро проигранного поединка. Он при всех громкогласно обязался приходить ко мне по первому зову, защищать мое имя и мои интересы, но уточнил сразу, что его клятва верности не распространяется на верных ему рыцарей.

Сейчас его рыцари почтительно приветствуют меня, давая понять, что я для них не просто удачливый рыцарь, а сюзерен их сюзерена. Я видел, как в них всматриваются как барон Альбрехт, так и сэр Растер, но прибывшие смотрят на меня серьезно уже как на гроссграфа, так что и с этим в порядке.

Варанг дружески похлопал коня по укрытой ярко-оранжевой попоной шее, огромного боевого, тяжелого, как катапульта с запасом камней, а мне раздвинул руки для объятия.

— Сэр Варанг, — сказал я торжественно, — барон Аргентейля, Альтха, Денрига и Фоггса!.. Как я рад вас видеть!

— А как рад я, — ответил Варанг, он пытливо всматривался в мое лицо. — Где-то это вы так нахватались жаркого солнца?

Я с досадой отмахнулся:

— Где еще, как не в аду?

Он не удивился, только чуть дрогнули брови.

— В самом деле? И как там?

— Жарко, — сообщил я. — Знакомые морды видел. А так ничего особенного. Знал бы, не стал бы и спускаться... Но уж зашел, раз по дороге оказалось.

Не знаю, поверил или понял шутку, лицо остается таким же доброжелательным и спокойным, сказал негромко:

— После того как вы захватили Орлиный замок, уже ни у кого не осталось сомнений, что распространите свои полномочия гроцсграфа на всю Армлиндию.

— А чего же тогда не все признали мою власть?

Он пожал плечами:

— Причины разные. Кто-то надеется, что о нем забудут, кто-то рассчитывает, что у вас здесь своих дел хватит, а он отсидится в своем замке, а кому-то обязательно надо, чтобы к стенам подступили войска.

— Тугодумы?

— Нет, гордость не позволяет признать вас сюзереном, если есть возможность не признавать.

Сэр Растер, барон Альбрехт, Макс и другие знатные рыцари подходили поочередно, представлялись, быстро находили общий язык, такое нетрудно, когда есть общая цель, затем все дружной и уже сплоченной командой отправились закреплять отношения за пиршественный стол, где оставили полубесчувственного маркиза Ангелхейма.

Митчелл прибыл со своим отрядом вслед за Варангом. У него отряд совсем крохотный, всего пятеро рыцарей, десять кнехтов и пятнадцать лучников. Рыцари и простолюдины одеты бедновато, но оружие и доспехи в порядке.

Я кивнул Альбрехту и шепнул, что Митчеллу, который пришел ко мне еще раньше в очень трудный момент, надо при дележке пирога отрезать хороший кусок.

Барон кивнул.

— Конечно-конечно, сэр Ричард. Я сам об этом хотел вас

просить. Все-таки это он уговорил меня присоединиться к нему. А следовательно, и к вам.

Растер удивился:

— Вас надо было уговаривать? А вот я, как только увидел сэра Ричарда, сразу пошел за ним!

— Да, — подтвердил я, — сразу! Я убежать не успевал.

Глава 4

Слуга поставил на стол поднос с блюдами, второй осторожно опустил кувшин с вином и золотой кубок. Я жестом отослал их, наливать сам умею, прислушался, за дверью слышался удаляющийся топот.

На всякий случай я прикрыл еще и окно, сказал негромко:

— Эодороантазанкр, появись!

Тишина, за окном перебраниваются конюх с плотниками, кричат петухи, доносятся мерные удары молота по железу. Я выждал чуть, сказал громче:

— Эодороантазанкр, твой хозяин призывает тебя!

В комнате тихо и пусто, я сказал еще громче, стараясь, чтобы голос звучал как можно более властно:

— Эодороантазанкт, я, сэр Ричард Длинные Руки, Великий Маг, велю тебе предстать перед мои ясны очи!

За окном слышно даже, как скрипит тяжело нагруженная телега и всхрапывают волю, но в комнате тишина. Неделя после величайшей из битв за свободу королевства Гессен точно прошла, демон Эодороантазанкр за это время уже возродился в боли и муках, ждет моего зова с нетерпением, но...

Черт, мелькнула досадливая мысль, еще подумает, что я его кинул. Пообещал свободу, но не дал, скотина. Все люди лживые, так считают демоны. Лживые и коварные. Правда, он уже увидел, что других я отпустил... С другой стороны, те поменьше, я их отпустил, чтобы заманить ребят покрепче, как вот он...

Да что я дурью маюсь, сказал я себе раздраженно. Неужели мне важно, что обо мне думает безмозглый демон?.. Не должно быть важно. Просто не должно. Это аномалия и перехлест, когда нам важно даже то, что о нас думает наша собака.

Похоже, здесь мне не там, и все то, что удавалось на Юге, здесь просто не срабатывает. Во всяком случае, демонам вход сюда перекрыт намертво. У каждой воюющей стороны были свои системы, не совпадающие ни в чем важном одна с другой. А жаль, я бы с помощью демонов быстро завел бы и опричнину, и все другие прелести укрепления центральной власти с местным оттенком и армландийскими особенностями.

После обеда прибыли двое лордов из дальних земель, а когда посыльные доложили, что показались знамена передового отряда сэра Вильфрида Альбисхауэна, я распорядился:

— Больше никого не ждем! Сэр Вильфрид, если не ошибаюсь, на другом конце Армландии?

— Точно, — подтвердил Растер. — Но вояка он знатный.

— Если сэр Вильфрид, — сказал я, — сумел перебросить свой отряд из такой дали, то остальные могли еще раньше.

Альбрехт проговорил с сомнением:

— Не мало ли у нас войск...

— Мы разве воюем с Гиллибердом? — огрызнулся я. — Или с другим королевством?

Он покачал головой.

— Когда к стенам замка подходит войско достаточно многочисленное, лорд чаще всего тут же начинает выторговывать условия сдачи. Мы ведь не ради сражений собираем войско?

Я прошипел:

— Тихо!.. Не надо разочаровывать героев. Все рвутся в бой, застоялись за зиму. Подвиги им подавай!

— Будут подвиги, — заверил он, — если не соберем войско, что одним видом отобьет охоту воевать.

— Все равно выступаем через три дня, — распорядился я. — У меня слишком много планов, чтобы я тратил все лето на одно лишь усмирение самостийных лордов.

На другой день я собрал прибывших лордов в большом зале.

— Все мы, — заговорил я, — собрались, чтобы наконец-то покончить с раздробленностью Армландии, убрать границы и строить новую, счастливую жизнь. Но будет несправедливо, если на благо Армландии поработают одни, а благами будут пользоваться все.

Барон Альбрехт легонько кивнул, уже понял, что скажу

следом. Умный, гад, словно и не рыцарь, которому непристойно даже предполагать у человека задние мысли.

— Потому, — закончил я, — все мы, проливающие кровь на благо Армландии... или хотя бы пот, имеем больше прав на ее земли и вообще на власть. Я имею в виду, что сразу после победы будет некоторое перераспределение как земель, так и властных полномочий. В пользу тех, повторяю, кто не сидел дома, а участвовал в нашем доблестном походе!

Рыцари подбодрились, а в зале словно ангел пролетел. Лица просветлели, глаза заблестели, спины выпрямились, и все будто помолодели и посвежели. Большая часть все-таки безземельные, а есть и вовсе безлошадные, эти влезли в долги, чтобы купить доспехи и коня. Для них участие в моем походе — игра ва-банк.

Барон Альбрехт сидит с невозмутимым лицом, Макс смотрит восторженно, он всегда смотрит восторженно, сэра Растер оглядывается по сторонам победно, мол, вы же видите, наш сюзерен никого не обидит, все получают от щедрот.

Барон Варанг переспросил с сомнением:

— Хорошо ли это будет? Никогда земли лордов не урезались...

— Барон, — сказал я громко, — «никогда» — это чересчур большой срок. Напомню как знаток старинных рыцарских законов, что земли король раздает на правах лена, только лена!.. И только тому рыцарю, который ее заслужил подвигами или беспорочной службой. Но потом как-то уже привыкли, что земля дальше передается наследникам героя, а те, в свою очередь, приносят королю клятву верности. Не так ли?

Варанг кивнул:

— Абсолютно верно.

— Просто за века, — напомнил я с той долей справедливового возмущения, которой от меня ждут, а главное, которая подействует, — наследники, всякий раз получая землю как бы из рук отца, привыкли считать, что она и принадлежит отцу, а не королю! Дескать, это уже семейное владение, король тут никаким боком... Но я прошу вас поднять старинные законы и посмотреть: никто и никогда не отменял право короля или любого сюзерена не только жаловать землями, но и отбирать их!

Сэр Растер сказал громко и с чувством:

— Верно, я сам читал этот закон, но, как и все, не обращал внимания. Так что все мы получим больше земель к нашим владениям именно по закону!

— По закону, — подтвердил Альбрехт без особой охоты.

— По старинному освященному праву, — сказал я громко. — Не посрамим!

И хотя девиз ни к селу ни к городу, но звучит красиво и героически, в зале тоже вскрикивали с воодушевлением: «Не посрамим!», ибо срама рыцари боятся больше всего на свете.

Ну вот и хорошо, мелькнула мысль, когда воспламененные перспективами лорды покидали зал. Я поймал на крючок и последних колеблющихся. Рыцарство рыцарством, забота о благе Армландии тоже хорошо, но обещанная морковка — проверенное временем и всеми экономическими системами средство.

После заключительного пира военачальники занимались самым важным: определяли, кто за кем следует в походе, чтобы ничьей чести не было урона, когда впереди маячат знамена менее знатного лорда. И кто не смеет вступать в битву раньше не только своего сюзерена, но более именитых и знатных воителей, это прямое оскорбление, что смывается только кровью обидчика, из-за чего в разгар сражения вскипевшие рыцари нередко нападают на обидчиков из своего же лагеря, и даже вмешательство короля не может остановить жестокую сечу.

В день выступления прибыли еще два лорда с ударными отрядами конных рыцарей, пешими кнехтами и лучниками. Последних я сам осмотрел ревниво, увы, луки простые, хоть из хорошего тиса, но не ровня тем, которые жду от Гунтера.

Почти при каждом крупном лорде священники, большинство из которых не столько проповедники, сколько практики с боевым опытом. Нечисть и магия не терпят их присутствия, чувствуют и стараются убраться подальше. У кого не хватит чутья спрятаться, тех священники уничтожат с превеликим энтузиазмом.

Забираясь на Зайчика, я оглянулся на окна башни. В одном пламенеют пышно взбитые огненные волосы. Растер перехватил мой взгляд, сказал значительно:

— Хозяйка замка — вот что такое замок. А замок без хозяйки подобен лесу.

— Хорошо, — пробормотал я, — тогда все в порядке.

— В полном, — заверил он. — Замок в надежных руках, сэр Ричард!

Первыми из-под арки ворот выехали броско одетые знаменосцы, их целый отряд, красные, оранжевые и желтые знамена вперемешку с баннерами бодро трепещут по ветру. Сзади с небольшим отрывом замкнутой группой двигаются наиболее влиятельные лорды. Не успел народ со стен прокричать им славу, как начали выезжать рыцари, простые и банерные. Выглянувшее из-за края земли солнце заиграло на их блестящих доспехах так ярко, словно из ворот выволакивают огромную зажженную люстру.

Я не оглядывался, не гроссграфье дело следить за порядком перемещения войск, знаю только, что за рыцарями выедут легкие конники. Сейчас позади, а как только минуем владения барона Эстергазэ, что уже давно не его владения, поскачут вперед и в стороны. Это выдвинутые далеко вперед глаза и уши большого неповоротливого войска.

На стенах кое-где еще с ночи пылают факелы, глубокая тень лежит в долинах и распадках. Солнце только поднимается, а мы уже вброд перешли реку, разведчики заранее выведали, где после половодья намело песка, а то нечистый каждой весной мель перетаскивает в другое место, чтобы праведные христиане сдуру тонули на неожиданно появившейся глубине.

Лошади выбирались на тот берег, шумно отряхивались, кое-где строй нарушился, но сотники покрикивают на десятников, те орут на вверенных им героев, и снова тяжелый гул копыт, всхрапыванье тысячи конских ноздрей, позвякивание металла...

Тяжелая масса войск движется длинной извилистой змеей. Раньше мне такое построение всегда казалось нелепым, слишком легко его разрезать на части ударами сбоку, только теперь вижу мудрую целесообразность.

Я на верном Зайчике и с ликующим Псом держался во главе передового отряда. Вперед унеслись только разведчики на

легких конях, некоторые даже не подковывают своих любимцев, чтобы не снижать скорость. Мы двигались уверенно и неторопливо, за спиной земля гудит и стонет под копытами бронированных коней с тяжеловооруженными всадниками.

Барон Альбрехт ругнулся, я проследил за его взглядом. На холме черный обгорелый остов ветряной мельницы. Толстые бревна слегка обуглились, но выдержали, зато крылья сгорели, вместо крыши провал, как в кратере вулкана.

Растер нахмурился, с его хозяйственностью это кажется безумным расточительством. Что может быть чудовищнее сожженной мельницы, здесь же мололи зерно в муку, из которой пекут хлеб, а эти сволочи вот так нехорошо. Ну добро бы людей поубивали, не жалко, новые нарожаются, это само собой восполняется, а вот дело рук труда человеческого само не растет, как деревья или бурьян.

— Мы это прекратим, — сказал я веско. — Пусть назовут самодуром и тираном, но междоусобных войн в Армландии отныне не будет. А кто попытается разжечь пожар войны — того мягко осудим с отсековением головы и конфискацией земель.

Сэр Растер шумно вздохнул.

— Жестко...

— Думаете, не поддержат?

Он сказал с непривычной для него осторожностью:

— Не должны. Это посягательство на вольности.

— Понимаю, — сказал я с тоской. — Сам такой. Но если наглядно показать преимущества мирной жизни?

Он посмотрел на меня в недоумении:

— А какие в мирной жизни преимущества?

Я подумал, засмеялся в неловкости.

— В самом деле... Преимущества видны только тем, кто привозил зерно на эту мельницу, а теперь перетирает его в ручной, а то и вовсе толчет в ступке. Мы же птицы высокого полета! У нас на гербах орлы, львы и прочие вепри. Что хоть и не птицы, но еще те голуби мира...

Он поежился.

— У вас, сэр Ричард, на гербе вообще что-то непонятное и страшное, но я уж молчу. Я понял, понял! Когда разорены

земли, то лорду не на что даже боевого коня купить, а не то чтобы собрать войско. Но если мы не собираемся воевать, то какая разница: цела эта мельница или сгорела?

— Мы не собираемся нападать, — подчеркнул я. — Это совсем другое дело! А вот сдачу нападающим давать обязаны. Даже заранее. Где бы те ни находились. И даже если они еще не подозревают, что собираются вскоре напасть на мирные земли Армландии. Мы должны уметь защищать демократию, истинные ценности и мирный труд. Для этого нужно хорошо видеть угрозы нашим истинным ценностям и уметь их пресекать быстро и окончательно. Так что об армии позаботимся, сэр Растер! И прохлаждаться ей в такое беспокойное для нашей мирной страны время не дадим.

Он просветлел лицом, Макс тоже вздохнул с облегчением, только барон Альбрехт взглянул с беспокойством.

— Сэр Ричард, одно словечко меня беспокоит...

— Какое?

— Окончательно.

Я отмахнулся:

— Не берите в голову. Обычный популизм. Окончательно не был решен ни один из вопросов, мучивших цивилизацию. Но все равно все обещают именно окончательное и бесповоротное решение! Красиво звучит, и сам в это время выглядишь таким решительным и уверенным, что за тобой порой идет даже оппозиция.

Он оглянулся, но за нами вдали блещут только доспехи рыцарей и украшения на конях. Пыли еще нет, ее наглотаются те, кто начинает войну в разгаре лета.

— Главное, — проговорил он, — чтобы и другие видели эту уверенность и решительность. За колеблющимся вождем не пойдут.

Мне показалось, что поглядывает испытующе. Уловил, что моя уверенность и решимость проводить крутые реформы таит с ростом моего могущества. Это как грузчик или дровосек, что за кружкой пива уверенно и громогласно рассуждает с такими же тупоголовыми, как бы он обустроил страну, какие бы ввел законы и как бы все стало хорошо и замечательно. По мере того как постепенно из шкуры дровосека переползает в

шкуру властелина судеб, то решимость испаряется, как утренний туман под лучами жаркого солнца.

И все потому, что с ужасом видишь, как все непросто. И личная супермощь, и волшебный меч, а у меня их уже с детства, никак не поможет.

А помешать сумеет.

Глава 5

Мы старались держаться на прогреваемой солнцем стороне, проскакивая по верхушкам пологих холмов, где земля уже сухая и горячая.

Я чувствовал, как нарастает возбуждение: в красных с черным одеждах несемся с грохотом копыт, за плечами реют плащи, как громадные крылья, кровь двигается быстрее, вскипает, жажда полета распирает грудь, я уже не прячу лицо от встречного ветра, в ушах грозная музыка натиска и победных свершений, а впереди необъятный мир для захвата, грабежа и моей беспредельной власти!..

И хотя умом понимаю... Ну, что-то да, понимаю, но что такое ум, как не мелкий слуга на побегушках всемогущего инстинкта? И что такое инстинкт, как не основное орудие в руках Самаэля?

День за днем мы ломились через владения лордов, считавших себя независимыми от всякой власти над ними. Кое-кто выражал недовольство моим самоуправством, мол, не испросив разрешения, происходит топтание их земли, но если не сопротивлялись, я просто заносил их в список тех, с которыми еще работать и работать.

Один из самых независимых и слишком гордых, чтобы даже посчитаться с той силой, что прет за мной следом, попробовал возражать и даже выставил заслон на дороге к переправе.

Оставив сэра Альбрехта решать проблему с транзитными затруднениями, я двинул Растера сразу к замку. Там растерялись и не успели организовать оборону, хотя мост вообще-то поднят, а решетка опущена.

Растер возликовал, не зря же еще снег не растаял, а он уже

гонял целые отряды к стенам моего замка, оттачивал каждое движение, чтобы ни сучка ни задоринки.

Все прошло, как на учениях: лестницы быстро приставили к стенам, по ним взбежали те, кто уже сто раз карабкался вот так, заслуживая похвалу Растера. Стражу на стенах моментально сняли, решетку подняли, а мост опустили.

Захватив замок, я сразу же лишил выпавшего из реальности лорда его земель и прочей собственности. Замок пока оставил в моем владении, объявив, что по окончании кампании перейдет в руки одного из выказавших рвение рыцарей на моей стороне.

Альбрехт выразил сомнение, не слишком ли круто, так с лордами не поступают, я понимал, что он прав, но сказал надменно:

— Пусть сразу все видят, на какую сторону забора падать!

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, это же рыцари, а не торговцы. Честь... дорожке выгоды.

Я ощутил упрек, сказал поспешно:

— Да, разумеется. Все учитываем, дорогой барон! По крайней мере, сами должны видеть, куда падать, если что.

— А предстоит?

— Не думаю, — ответил я решительно. — Я зол, барон, очень зол. И хочу взять реванш.

Он посмотрел очень внимательно, я чувствовал, как в нем бурлят вопросы, однако он деликатно смолчал. А может, вовсе не из деликатности, а из опасения, что вдруг да скажу правду.

— Дальше земли сэра Карлейля и сэра Томсона, — сообщил он. — Эти признали вас гроссграфом... во всяком случае, готовы признать. И мешать проходу через свои земли не станут, уже знают вашу концепцию насчет свободы передвижения по всей Армландии. А также насчет свободы торговли.

— Надо, — сказал я твердо, — чтобы знали все.

— Об этом позаботились маркиз Ангелхейм, — сказал Альбрехт, — и барон Варанг. Они самые ярые сторонники объединения Армландии, так что постарались все довести не только до своих друзей и вассалов, но передали и тем, кто противит-

ся. Со своими разъяснениями, почему выгоднее поступиться некоторыми привилегиями, зато обрести больше.

— Хорошо, — сказал я с облегчением. — Знаете, барон, не будем задерживаться. А то Растер уже распоряжается насчет большого пира в знак победы.

Он ухмыльнулся:

— Это же его первая большая победа!

— В смысле?

— Как военачальника, — пояснил он. — В бою он несокрушим, верно. А вот руководителем такой операции я его еще не видел.

— Растет, — ответил я. — В любом возрасте можно расти.

— Я пойду готовить войска, — сказал Альбрехт. — На расвете выступим, долго спать никому не дам.

Усталые за дневной переход, все спали, если не считать часовых, с этим я поставил дело строго, никаких отговорок, что врага нет и близко, это сейчас нет, а завтра прямо под носом окажутся целые толпы.

Я лежал у костра, закинув руки за голову, и смотрел в небо. Интересно, вышел ли уже корабль... да не корабль, эскадра капитана Ордоньеса в открытый океан или хотя бы в море... Вообще-то я велел собрать эскадру, но на самом деле лишь потому, что в таких деяниях из пункта отправки выходит обычно эскадра, а до цели если доходит единственный корабль, то и это считается успехом.

На Юге живут люди, очень грешные, с точки зрения северян. И если южанин переплывет океан, как считают здесь, он вскоре умрет прямо на берегу, сожженный святостью.

Северяне, в свою очередь, не могут уцелеть на Юге, так как та страна отдана под власть Дьявола, и всякий северянин там умирает от неведомых болезней.

Есть, правда, некий сумеречный край, где все еще Север, но на которой проклятый Юг наложил гнусную лапу и закрепил свою власть: узкая полоска по ту сторону Хребта, а дальше сразу необъятный океан...

Вряд ли больше об устройстве мира знают даже те, кому по рангу положено знать. Увы, после Великой Войны все прихо-

дится начинать сначала, в том числе и открывать такую занятую науку, как география.

Это я знаю, да только сказать некому, что Юг тоже не что-то монолитное, а разделен на ряд земель, из которых часть — королевства, часть — республики, а часть — вообще неизвестно какие образования и кто в них правит. Есть еще там внутреннее Море Ночи, где властвуют странные существа, у них несколько островов и самые быстроходные и смертоносные корабли, однако они никогда не выходят за пределы своего моря и не высаживаются на берег.

Есть наземные и воздушные аппараты, что двигаются сами от пункта А и до пункта Б. Есть работающие небольшие фабрики по производству пищи. Не очень много, но безостановочно. Есть нечто, дающее свет в города... точнее, те выросли в местах, где с наступлением ночи все озарялось дивным светом солнечного спектра, но есть и наиболее ловкие, что умом или удачей сумели подчинить себе могущественные артефакты и стать с их помощью всесильными властелинами. Словом, и там люди во всей их отвратительной красе, и когда туда доберемся, мы с ними сможем иметь дело.

Послышались шаги, я не поворачивал головы, такая крадущаяся походка только у барона Альбрехта.

— Не спится, сэр Ричард?

— Уже почти заснул, — ответил я несколько сердито, но барон не смутился, чувствует, что сна у меня ни в одном глазу. — А что вас тревожит, сэр Альбрехт?

Он сел рядом, багровый отблеск пал на худое лицо, оно показалось чужим и зловещим. Я подумал, что лицо человека отделяется изнутри душой, а снаружи жизнью, в каждом лице можно различить и то и другое, это особенно заметно, когда смотришь на барона.

— Спотыкаешься не о горы, — проворил он задумчиво, — а о камушки... Меня беспокоит, что вы совершенно не советуется со своими лордами.

Я пожал плечами:

— А что, эти совещания рожают великие мысли?

Он коротко усмехнулся.

— Совещания не родили ни одной великой мысли, — отве-

тил он замедленно, — но похоронили некоторое число идиотских. Не обижайтесь, сэр Ричард, местные лорды могут подсказать что-то дельное. Говорят, для репутации важен размах, а не итог, но это не ваш случай, верно?

— Верно, — согласился я нехотя. — Герои нужны в минуту опасности, в остальное время герои сами опасны. Я предпочел бы провести и закончить войну вообще без драки. Кто-то может подсказать, как это сделать?

Он развел руками:

— Увы...

Мы помолчали, в ночи раздался тоскливый волчий вой. Спустя минуту ответили с разных сторон, словно исполинская волчья стая решила окружить и сожрать все войско.

— Впереди у нас все цветет, — сказал я с кривой усмешкой, — за нами все горит. И надо думать, с нами тот, кто все за нас решит!.. В смысле, это я все и за всех решу.

Он покачал головой.

— Лорды никогда не отдадут вам столько власти.

— Да мне столько и не надо, — ответил я с неудовольствием. — Дурак я, что ли, все тащить на себе? Пусть и другие будут хоть в чем-то виноваты. Для того и нужна оппозиция!.. Так что я целиком за разграничение полномочий между центром и субъектами федерации. Мои полномочия — приказывать, их — выполнять. И настанет рай на земле... Ну, еще не рай, но можно будет начать его строить. А для этого мне потребуются, помимо каменщиков, инженеры...

— Это кто?

— Люди, способные взять теорию и приделать к ней колеса.

Он подумал, вздохнул:

— Это все прекрасно. Но осмелюсь напомнить, сперва нужно утвердить власть над Армландией.

Я сказал с досадой:

— Барон, что вы такой зануда? И помечтать не даете. Я так люблю мечтать! Такое, бывало, намечтаю... Ладно, через чьи земли сейчас идем?

— Виконт Ебергиль, — ответил он, — получил их несколько лет тому назад. Был какой-то дележ, война, он не участвовал, но перепал и ему участок. Наверное, из симпатии

сторон. Он всегда на стороне мирного разрешения конфликтов, большой знаток старинных обычаев, законов и правил.

— Консерватор, — определил я.

— Это кто? — поинтересовался барон.

— Человек, — ответил я, — слишком трусливый, чтобы сражаться, и слишком упитанный, чтобы бежать. Как я понял, он не возражает, что мы пересекли и малость потоптали его земли?

— Нисколько.

— Прекрасно, такие люди меня устраивают как никто больше.

Он коротко усмехнулся:

— Да, в вас говорит больше правитель, чем полководец.

— Правда? — спросил я с надеждой. — Господи, благослови!.. Я вам теперь такое направлю, наплачетесь...

Деревья все еще голые, но мощно пахнет весной, что значит сыро, мокро, холодно, а еще почему-то сильный запах тополей, у них как раз раскрываются почки, липкие и пахнущие клеем.

С разбега прошли еще два баронства, графство и три виконства, не считая земли нетитулованных, но владетельных рыцарей. Никто не возражал, все вообще-то за то, чтобы я занял трон гроссграфа, фальши в их словах я не уловил, хотя после Юга в каждом что-то подозреваю, на каждого посматриваю с подозрением.

Сэр Альбрехт все приглядывался к Бобику, тот неумоимо спует между лесом и сэром Растером, который в диком восторге, наконец сказал в сердцах:

— Ну не понимаю, хоть убей!

— Что, — поинтересовался Растер, — какой масти?

— Да мне его масть... Я еще понимаю, откуда гусей таскает: подкрался, пока сели и отдыхают, прыгнул, успел задавить одного, а то и пару. Но — рыбу... Это же сом!

— Ага, — согласился Растер довольно, — здоровенный какой...

— А сом не плавает поверху! — пояснил сэр Альбрехт раздраженно. — Сом — благородная рыба, лежит на дне и наблю-

дает за другими хвостатыми. Да еще такой громадный! Сом — донная рыба. Он там в песке роется, всякую мелочь выкапывает...

Макс предположил:

— Подстерег на мелководье.

— Ага, — сказал Растер с сарказмом, — именно подстерег. Всякий раз подстерегает. Как только Бобик бежит к воде, сом сразу же плывет на мелководье, чтобы Бобик его подстерег. Эх, сэр Альбрехт! Оно вам надо, докапываться, что и почему? Вы что, миртус какой? Нет, вы — благородный рыцарь!

Барон вздохнул, потер лицо обеими ладонями.

— Вы правы, — произнес он устало. — Это я что-то заработался. Благородные из-за стола всю зиму не вылезали, потому и сейчас такое... бодрые. А я прямо как простолудин... На ближайшем привале буду спать, как стадо коров.

Он прищипорил коня, Растер крикнул вдогонку благожелательно, как старому боевому соратнику:

— Как только остановимся в селе, постель согреть возьмите женщину эдак в три своих размера! Ни о каких умностях недели вспоминать не сможете.

Альбрехт отмахнулся, мне показалось, что хочет сказать «Боже сохрани», но он буркнул, не оборачиваясь:

— Я же поспать...

Копыта его коня простучали ровно, четко, а из-под подков не вылетело ни ошметка грязи. В этом весь барон: как бы ни был раздражен, устал или расстроен, но дверь всегда закрывает за собой бесшумно, а конь под ним идет красиво и ровно, словно везет принца.

Впереди, как предупредил Растер, простираются владения графа Уилбура Мерскуна по прозвищу Отважный. Это в самом деле отважный и щедрый рыцарь, удачлив в сражениях, всегда с богатой добычей, почти целиком отдает ее примкнувшим к нему рыцарям, а также вассалам, себе оставляя совсем уж безделушки. Его славят, им восхищаются, под его руку охотно собираются искатели приключений.

Я слушал и понимал, что буду совсем уж сволочью, если лишу этого владетельного царька привилегий нападать на соседей, захватывать их имущество, а их самих бросать в под-

валы, требуя выкупа. Неотъемлемое рыцарское право на вольности всегда защищалось особенно яро, а все строители государственной вертикали оплевывались оппозицией как современной, так и всей последующей.

— Эх, — сказал я сожалеюще, — опричину бы завести!.. Кромешников удалых... Как понимаю Ивана Васильевича, как понимаю...

Растер не понял, переспросил:

— Что делать будем?

— Мы идем по Армландии, — отрезал я, — а не по суверенным землям графа. Я — гроссграф, мне везде можно! По крайней мере, в Армландии. Ну разве что в спальни их жен нельзя.

— Значит, будет столкновение?

— Если граф восхочет, — подчеркнул я.

— Обязательно, — заверил Растер. — Обязательно восхочет! Он не зря получил такую кличку.

Я пробормотал:

— Он Отважный, но и мы не робкие зайчики.

Вступив в земли графа, я велел разбить лагерь для ночевки в хорошем открытом месте, якобы для того, чтобы к нам никто не подобрался незамеченным. Рыцари переглядывались, но никто не возразил. Ночью я велел скрытно оставить все шатры и шалаши, а самим на ночь расположиться в ближайшем лесу.

Всю ночь я терпеливо ждал, что противник подберется, используя то ли стадо коров, то ли овец, то ли будет нести впереди себя срубленные елочки, как войско Макдуфа, однако никто не нападал. Барон Альбрехт в конце концов отвел меня в сторонку и шепнул:

— Сэр Ричард, я вас понял.

— Хреновый из меня стратег, — признался я, — если понимают. Да еще сразу.

— Только я понял, — утешил он. — Только вы никому, пожалуйста, о своей задумке. Ее могут понять так... как следует.

— А что я задумал? — пробормотал я. — Да еще такое, чего надо стыдиться?

— Вы решили, что граф Уилбур нападет ночью на беззащитный лагерь и постарается перебить спящих? А мы тут и

ударим на него внезапно с тыла... Не знаю, сэр Ричард, среди каких подлых народов вы скитались, но неужели вы подумали, что граф Отважный способен на такую гнусность?

Я буркнул:

— При чем здесь гнусность? Обычная военная хитрость. Хитрость на хитрость. Кто перехитрит, тот и прав.

Он покачал головой:

— Сэр Ричард, что-нибудь придумайте иное, а то и наши рыцари оскорбятся. Это же пятно на все рыцарство!

— Да ладно, — вяло пробормотал я. — Оправдываться я умею. Вся жизнь на отмазках. Сваю на ритуал. На ритуалы, кстати, можно валить все. Ритуалы не требуют объяснений.

Глава 6

Утром раздались хриплые призывные звуки боевых рогов. Я ощутил, как сразу тревожно забилося сердце, шерсть начала подниматься по всему телу. Что-то в этих звуках есть будоражащее, зовущее на драку, на скандал, на грубое применение силы...

В шатер вбежал взволнованный Макс.

— Сэр Ричард! Войска графа Отважного занимают позиции на поле!

— Иду.

Солнце уже поднялось над землей, но еще не над лесом, только угадывается по сиянию над ним, а над вершинками сверкают искорки. С той стороны поля выезжают с развернутыми знаменами блестящие конные рыцари на тяжелых конях, покрытых доспехами, а сверху еще и красными, оранжевыми и желтыми попонами, из-за чего всегда напоминают мне цирковых носорогов.

На вскинутых кверху длинных, как мачты кораблей, копьях трепещут под утренним свежим ветерком ярко-красные и желтые полоски материи. Я залюбовался, в самом деле красиво, торжественно и празднично. Выехали не на какую-то тяжелую и неблагоприятную работу, а на поле битвы, где и честь, и слава, и можно захватить знатного пленника, что помимо опять же славы дает вполне честно заработанные деньги.

Снова заревел рог, теперь уже одиночный, вперед выехал на высоком коне крупный воин, за ним двое с копьями в руках, острия вверх, и один баннероносец с развернутым знаменем. Крупный воин, явно сам граф, с поднятым забралом, движения спокойные и полные достоинства, смотрит свысока с доброжелательным любопытством.

— Сэр Ричард? — осведомился он любезно.

Я отвесил учтивый поклон.

— Совершенно верно. Имею ли я высокую честь общаться с прославленным героем многих битв, рыцарем без страха и упрека, графом Уилбуром Мерскуном?

На его лице отразилось удовольствие, я говорил громко и отчетливо, чтобы слышали как его люди, так и мои, потому он ответил так же любезно:

— Я наслышан о ваших победах, сэр Ричард, тоже немало. Надеюсь, мы сумеем доставить вам удовольствие. Что может быть лучше для мужчины, чем скрестить копьа, а затем и мечи в жестокой схватке с сильным противником?

Я смолчал, что вообще-то знаю и получше развлечения, ответил так же торжественно и высокопарно:

— Да, благороднейший сэр! Вы абсолютно правы. Молодое поколение, к которому принадлежу и я, должно учиться на таких примерах, как надо жить.

Он осведомился с беспокойством:

— Дорогой сэр, мне кажется, что солнце будет светить вам в глаза. Это даст мне преимущества, которыми с моей стороны просто бесчестно пользоваться.

Я отмахнулся:

— Пустое, граф! Не обращайтесь внимания.

Он покачал головой.

— Но вы подумайте. Я могу поменяться с вами местами, я не позволю, чтобы хоть один человек в Армландии мог сказать, будто я поставил вас против солнца.

Я энергично запротестовал:

— Дорогой граф, вы не выбирали нарочито положение! Вы двигались с той стороны, мы — с этой. Так уж получилось. Заверяю вас, никто не упрекнет, всем же ясно.

Он подумал, сказал нерешительно:

— Ну, если вы так настаиваете... С другой стороны, эта утомительная перемена мест займет половину дня и утомит войско. А сейчас все свеженькие, отдохнувшие...

— Вы правы, — согласился я, — абсолютно правы! Так что не будем утомлять доблестных рыцарей такими простонародными заботами, как удобства и выгоды. Благородные люди выше таких житейских мелочей! Я рад, что встретил в вашем лице такого понимающего человека. В вас чувствуется настоящий лорд и умелый вождь благородного рыцарского сословия!

За его спиной над пышным плюмажем часто-часто хлопает по ветру знамя с вышитыми золотом львами, орлами и коронами, блестят узкие наконечники копий.

Он посмотрел на меня с удовольствием, словно уже перепродает на рынке, не желая лично возиться с выкупом.

— Итак, приступим?

— Да, сэр Уилбур, — ответил я легко и улыбнулся, так приятно, — сразу, как только!

Мы повернулись одновременно и так же красиво, с достоинством, как на сцене театра с полным залом, вернулись на свои места. Я бросил своим военачальникам:

— Все слышали?

— Да, — ответил Растер. — Все правильно. Мы не должны принимать его предложение поменяться местами. Это было бы бесчестно!

Барон Альбрехт сказал уклончиво:

— Да, это уронило бы наш престиж. Но небо в облаках, солнце не так уж помешает. Так что все правильно.

Я вздохнул:

— Что ж, если уж сражения не избежать... Начинаем, как понимаю, по правилам боя мы, как нападающая сторона? Хорошо. Тогда начнем. Только по несколько видоизмененным правилам... которые сегодня покажутся исключением, но правилом станут завтра.

Растер нахмурился:

— Это та недобрая задумка с лучниками?

— И копейщиками, — подтвердил я любезно. — Они останавливают рыцарскую конницу, затем наша нанесет удар. И — ни-

каких споров и возражений, господа! Гроссграф я или не гроссграф? Мы должны не просто одержать победу, этого мало. Мы должны сохранить своих воинов, чтобы сразу же двигаться дальше, дальше, дальше! Мы должны с ходу сбивать любые выставленные против нас отряды. Все понятно?

Я спрашивал таким грозным тоном, словно непонятливого тут же велю повесить, и все, ставши ужасно понятливыми, послушно разошлись к своим отрядам. Из задних рядов начали выходить копейщики с длинными утяжеленными копьями, но лучники опередили и, встав впереди войска, разом выпустили тучу стрел, а затем уже без команды начали стрелять навесным огнем, соревнуясь друг с другом в скорости.

Лучников я недаром велел набрать побольше и с тяжелыми луками, что выпускают в воздух стрелы, больше похожие на дротики. Когда первая туча рухнула на войско графа Отважного, сверкающее металлом войско заволновалось. В нем образовывались пустоты, раненые кони не слушаются удил, рыцари поспешно опускали забрала, но тяжелые стрелы со стальными закаленными наконечниками хоть и не пробивали панцири, но находили щели, зазоры. Раненые вскрикивали, сыпали проклятиями, торопливо обламывали древки, оставляя наконечники в теле, а стрелы все сыпались и сыпались.

Я предпочел бы истребить все войско вот так, на дистанции, но там при всем рыцарском тугодумьи сообразили, чем грозит промедление с атакой, запел рожок, затем хрипло проревел боевой рог, вперед выехал ударный рыцарский отряд, выстроились в две линии.

Барон Альбрехт зорко наблюдал за перестроениями, и едва кони сдвинулись с места, закричал:

— Копья!.. Быстрее, быстрее!

Копейщики моментально сделали по три шага вперед, присели, уперев копыя тупыми концами в землю, а остриями направили в сторону скачущей на них тяжелой конницы. Копья толстые, настоящие бревна, железные наконечники длиной в ладонь, а ошетинились так часто, что коза не проскочит...

Лучники, отступив, торопливо засыпали стрелами скачущий клин рыцарской конницы, что должен рассечь наше войско надвое. То один, то другой блестящий рыцарь ронял ко-

пье, кони шарахались, мешая другим, но остальные упорно восстанавливали строй.

Я стискивал челюсти, страшное и прекрасное зрелище, когда тесной группой скачет вот такой сплоченный отряд. Копья уже выставлены перед собой, рыцари склоняются к конским гривам, каждый напрягается в ожидании страшного лобового удара, сейчас будет звон металла, грохот, треск разлетевшихся в щепы копий...

Не останавливаясь и не сбавляя хода, отряд Отважного напоролся на выставленные в их сторону копья. Не было привычного встречного удара стальных тел, люди и кони всем весом повисали на остриях копий, пригибая их к земле, но я это учел, копейщики стоят в пять рядов, а к тому же павшие кони и рыцари образовали непреодолимый вал из еще живых и брыкающихся тел.

Лучники продолжали осыпать стрелами, раненые рыцари, побросав бесполезные копья, у противника они длиннее, ухватились за мечи и, скользя по телам своих павших товарищей, пытались рубить страшную преграду из железа и дерева. За их спиной нарастал грохот, несется основная конная масса.

Мои копейщики побледнели, пригибались, крепче сжимали упертые в землю копья. Первая атака захлебнулась, напоровшись на такую же преграду, я взмахнул рукой, за моей спиной пропела труба. Ряды копейщиков начали таять, рыцари не считались с потерями — что жизнь, если в ней мало места славы? — рубили копья и пробивались к холму, где реет мое знамя.

Они не видели, как справа из леса и слева из оврага выметнулась уже наша тяжелая конница. Одну ведет Будакер, другую — Растер, те и другие опускают копья, готовясь к удару.

Я опустил забрало и крикнул весело и страшно, так надо:

— Вперед!.. За честь!

— За честь! — взревели за моей спиной десятки могучих глоток. — Не посрамим!

— Да поможет нам Дева Мария! — вскричал я и, выдернув меч, поднял его острием над головой. — Да увидит Господь Бог, на чьей стороне правда!

Мы еще не успели набрать инерцию для удара, но конница

графа Отважного вообще стоит, пытаюсь прорваться через жуткий заслон из копий, и мы ударили с трех сторон, сплющили, как сырое железо тяжелыми стальными молотами.

Я слышал, как граф Отважный прокричал страшным голосом:

— Какой позор!.. Нас остановили простолюдины?.. Не отступать, лучше все умрем в схватке с рыцарями, чем запятнаем себя позором...

Им оставался выход только в одну сторону, но это значило отступить, и они сражались отчаянно, умирали в седлах, а сбитые с коней вскакивали и сражались пешими. Барон Альбрехт быстро бросил в бой пехоту, вооруженную тяжелыми топорами, что раскалывают стальные панцири, как скорлупу лесных орехов.

Я рубился холодно и расчетливо, стараясь никого не убивать и даже не калечить, тяжеловооруженного рыцаря достаточно оглушить и сбить с коня, а на земле быстро повяжут кнехты.

Тело разогрелось, в доспехах стало жарко, а уже совсем не утреннее солнце накаляет металл прямыми лучами. Я принимал сокрушительные удары топоров и мечей на щит, рука уже ноет до самого плеча, начала подниматься злость: мы об отечестве радеем, для вас же, гады, стараемся, а вы не хотите в светлое будущее, да еще и деретесь...

Пара сильных ударов тряхнула голову так, что лязгнули зубы, а в ушах тонко и противно зазвенели комары. Злость переросла в гнев, а тот быстро, слишком быстро уступил место ярости, я услышал собственный рык, в мышцы хлынула новая мощь, уже звериная, хотя это вот все и принято именовать чисто человеческими чувствами...

Рыцари графа Отважного разлетались в стороны разрушенными телами, а я вертелся в центре поляны, меч в руках сам по себе выделяет сверкающие круги, защищая меня со всех сторон, и хотя не сам, конечно, но я в убыстренном темпе стараюсь видеть сразу во все стороны, отбивать даже летящие в мою сторону дротики, ножи и стрелы, не говоря уже о набегающих людях со вскинутым для удара оружием.

Барон Альбрехт говорил как-то, что я страшен в такие ми-

нуты, когда с раздувающимися ноздрями, оскаленными зубами и бешенством в глазах. Хорошо бы кто поднес зеркало, показал, какой я демократ и миротворец. Умом понимаю, что впереди грядут куда более жестокие войны, эти сражения — детская забава, в следующие века вот отсюда прошли только уцелевшие с их звериным чутьем на опасность и стальными нервами. Так что веду род от тех, кто выжил в немыслимых здесь по жестокости войнах, потому бываю страшен, как ангелы ада, но в то же время понимаю, войны — не забава, надо кончать даже с такими вот красивыми, ограниченными благородными правилами и этикетом.

Сквозь рев в ушах донеслись вопли, я различил свое имя, красная пелена постепенно теряет цвет крови, я начал чувствовать тяжесть в руках, наконец услышал:

- Сэр Ричард!.. Сэр Ричард!..
- Сэр Ричард, остановитесь!
- Сэр Ричард, все кончено!..
- Скорее уходите с его дороги...

Я с ужасом сообразил, что уже не различаю, кто передо мной, торопливо остановился и опустил меч. Поле боя усеяно павшими, я сжал челюсти и мысленно взмолился, чтобы не от моей руки пали вот эти люди, но разум сказал холодно, что да, я малость осатанел, впал в священную ярость воина, что вообще-то похвала здесь, но считаю ли я такое похвалой в отношении себя?

Приблизились двое рыцарей, я позволил снять шлем, помятый так, что снова налезет, только побывав в руках оружейника, а тяжелый, как мраморная плита, меч кое-как вложил в ножны.

Подскакал на разгоряченном коне Макс, доспехи на нем порублены и помяты, на скуле свежая ссадина.

— Сэр Ричард! — прокричал он с великим почтением. — Все кончено! Враг разбит.

- Бежит? — уточнил я.
- Нет, остатки сдаются в плен!

На его лице я видел восторг и обожание. Как же, его лорд рубился в такой ярости, что уже не разбирал ни своих, ни чужих, о таких песни слагают, с таких пример берут!

— Да, — ответил я хриплым, еще подрагивающим в ярости голосом, — враг... Дурак он, а не враг.

— Сэр Уилбур?

— Все, — сказал я зло, — кто не с нами — дураки. А кто еще и против — дураки круглые. Таких нельзя оставлять наедине даже с огнем. А уж во главе земель...

Макс всполошился:

— Сэр Ричард! Но нельзя же отнимать у такого знатного лорда земли!

— Нельзя, — согласился я нехотя, — хоть и хочется. Но права урежем. А то и управителя пришлем. Сам сэр Уилбур где?

— Ищут, — ответил он.

— Он хоть сражался?

Макс выглядел шокированным.

— Сэр Ричард, как вы можете! Он всегда в первых рядах. Но в последних сражениях он, уступая требованиям своих рыцарей, сражался хоть и в первых рядах, но как простой рыцарь...

— Разумно, — согласился я. — Сразу двух зайцев! И выказывает себя демократом, и прячется от усиленного внимания противника.

Макс нерешительно кивнул, еще не поняв, похвалил я графа Уилбура или окунул мордой в грязь. Подошли барон Альбрехт и сэр Растер, последний сразу сказал важно:

— Вот-вот. Поле брани — не турнир, граф всегда получал столько ран, что почти никогда не принимал участие в победном пире.

— Понятно, — сказал я и, видя непонимающие лица, объяснил: — Существуют две стратегии ведения сражения. Западная — вождь идет впереди и первым начинает бой, а также восточная, когда вождь располагается далеко позади своих войск на высоком холме, откуда и руководит битвой.

Сэр Растер прогудел негодуяше:

— Но как такое можно?

— Да, — поддержал Макс своего старшего наставника, на лице молодого рыцаря читалось искреннее отвращение, — что другие рыцари подумают?

— У этих гадов иное на уме, — пояснил я, — им важнее вы-

играть битву! Вы представляете? Не участвовать в сражении, а выиграть!.. Уроды.

— Некрасиво, — сказал и Альбрехт. — Непристойно. Благородные рыцари так не поступают. Важнее всего участвовать и проявить чудеса отваги, храбрости и также мужества.

— Свиньи, — согласился я. — Ради победы идти на такое? Нет, европейцу это не понять. В восточной традиции вообще принято нападать без объявления войны, что вообще-то нам немыслимо. Я уж не говорю, что в единичных поединках вполне допустимо по их правилам бить в спину, бить ниже пояса, бить лежачего...

Макс вскрикнул негодуя:

— Сэр Ричард! Вы вообще немыслимые вещи рассказываете! Как человек может пасть так низко?

— Вы еще о Фрейде не слыхали, — заверил я зловеще. — И о восточных единоборствах... Вот уж падение ниже некуда! Ладно, вернемся к нашим баранам. Итак, граф Уилбур, хоть и европеец, но одной ногой в Азии, как Дмитрий Донской, что поступил тоже наполовину по-европейски, наполовину по-азиатски... Ищите его тело вон в том лесочке! Увидите груды свежесрубленных веток — проверьте, что под ними.

Они удалились, несколько озадаченные, а я повернулся к полю боя, где одни лежат, а другие ходят и переворачивают их, то ли ищут своих, то ли срезают кошельки, подумал и вдруг понял, что вообще-то на поле боя кнехтов с тяжелыми топорами пустил, если честно, еще и потому, что те рыцарей не любят, но в плен им рыцари не сдадутся, лучше уж умереть, чем допустить такой позор. И потому кнехты их не щадят, тем самым снимая с меня проблему изъятия земель и замков у моих противников.

Нечестно, конечно, но я ж политик, но опять же, могу об этом только ерничая, как бы вышучивая, дескать, на самом деле я благородный паладин, а никакой не политик... хотя наедине с собой, когда даже дефы не подслушают, могу сказать правду: там, откуда я пришел, все политики, все по колено в этом самом, даже не морщатся, это уже привычная жизнь. Помню-помню, такое себе уже говорил, но приходится повторять, чтобы самого себя в этом уверить и снять камень с души. Ну, пусть хотя бы чуточку приподнять.

Но сейчас вот на миг воспарил и ужаснулся. Как-то без всякой борьбы я принял решение о кнехтах. И принял именно потому, что рыцарей не пощадят. И хотя это чужие рыцари, но на самом деле какие это чужие?

Или, в самом деле, убийство одного человека — это убийство, убийство десятка — трагедия, а сотен и тысяч — всего лишь статистика?

Глава 7

По всему полю бродили священники, лекари и те из кнехтов, кто не гнушался мародерством. Переворачивали павших, кто отпускал грехи, кто лечил, кто снимал добротные доспехи или хорошие сапоги.

Меня шатало, когда я закончил обход места сражения, хотя расходовал силы скупой, только бы не дать умереть тяжелораненым, а на краю поля разложили раненных полегче.

Лязгая зубами, я выговорил с трудом:

— А вот вам завтра со мной дальше...

Один из рыцарей ответил достаточно бодро:

— И пойдем!.. Пусть только помогут на коня влезть.

— Сам влезешь, — заверил я.

— Как скажете, сэра Ричард, — ответил он послушно.

— Уже сказал, — ответил я и, коснувшись его плеча кончиками пальцем, перешел к следующему.

Еще несколько раненых после моего обхода ощутили себя настолько хорошо, что решили не оставаться в обозе, а вернуться на свои места в строю.

Примчался Макс, лицо сияет, в глазах восторг и обожание.

— Сэр Ричард!.. Вы просто ясновидящий!

— Угадал? — спросил я с понятным интересом.

Он вскрикнул ликующе:

— Графа Уилбура отыскиали там, где вы и указали! В лесочке, тело было прикрыто срубленными ветками!..

— Доспехи иссечены? — деловито осведомился я.

— Да, весь он был так сильно изранен...

Я потерял ладони. Хорошее начало, но скрыл довольное выражение лица, сказал торжественно:

— Благодарю за службу, Макс!.. Ты очень хороший командир. Благородного графа Уилбура погрузить на телегу. Я сам займусь им и сумею доказать, что побежденный просто обязан принять мои условия.

Макс сказал виновато:

— Увы, сэр Уилбур всего лишь открыл глаза, увидел нас и понял, что потерпел поражение. После чего пробормотал молитву и скорбно испустил дух.

Пошла пруха, мелькнула восторженная мысль, но вслух я сказал тоже скорбно:

— Жаль, это был доблестный воин и благородный рыцарь! И умер красиво. С достоинством. Такой бы не побежал из замка при виде Тохтамыша. Не сомневаюсь, что мы бы подружились и вошли бы в некие теплые отношения вассала и сюзерена. Отслужить по нему молебен, проследить, чтобы я присутствовал на похоронах со скорбным выражением лица и всего вида. Это склонит на мою сторону его вассалов. Пустить слух, что я его весьма чтил и собирался предложить ему руководство всей Западной Армландией.

Макс слушал с несколько растерянными глазами. В сердце кольнула мысль, не слишком ли бурными темпами я приучаю молодого парня к реальностям жизни. Уже потерял Сигизмунда, чистейшую душу, а Макс временами напоминает о благороднейшем рыцаре, что больше меня заслуживал звание па-ладина.

Я ободряюще улыбнулся, пусть Макс что-то трактует, как шутку, я вообще часто шучу, лидер должен быть постоянно и по-дурацки веселым, улыбаться и улыбаться, потому что олицетворяет.

— Да, — проговорил он с натугой, явно стараясь меня понять, — гордость не позволила сэру Уилбуру отступить. Мой отец говорит, что такие люди остаются рыцарями старой закалки до конца. Он мог бы успеть отвести войска, тем самым избежать разгрома...

— Мне этого очень бы хотелось, — заверил я абсолютно искренне. — Это же и мои люди!

— Наших пало совсем мало... Ничтожно мало! Одни простолюдины, ни одного рыцаря не потеряли.

— Люди сэра Уилбура тоже мои, — возразил я очень серьезно. — Вся Армландия уже моя. Даже если сама еще не подзревает.

Он смотрел на меня ошалело, я видел в его глазах почти суеверный страх, я снова прозреваю будущее.

— Что будем делать, сэр Ричард?

Я повел дланью в сторону поля битвы.

— Героев собрать и похоронить с воинским почестями.

Он спросил наивно:

— А которые среди них герои?

Я пояснил сурово:

— Мертвых солдат той армии, которая выиграла войну, называют героями, понял? А погибших солдат противника... гм...

Подошел Растер, прислушался и спросил деловито:

— Говнюками?

Я помотал головой.

— Нет, о мертвых вроде бы нехорошо без уважения... Словом, это были слепые орудия, одураченные вражеской пропагандой, которые не поняли нашей высокой правоты и не уверовали в нашу историческую миссию.

— Ага, — сказал прибалдевший сэр Растер, так ничего и не поняв, — тех хоронить не надо?

— Нет, конечно, — сказал я. — Во-первых, надо идти, а не набивать мозоли, копая ямы. Во-вторых, я частично зеленый и потому забочусь о животных. И воронам, и волкам, и лисам что-то кушать надо! Каждый вид ценен. Сколько их исчезло с лица земли из-за неразумной деятельности человека!

Они смотрели на меня шокированно, я подумал, что опять перегнул, нельзя вот так сразу их в светлое будущее, сказал примирительно:

— Да шучу я, шучу!.. Всех похоронить с отпеванием. В общей братской могиле. Как знак, что все — братья и дрались за зря. Особенно со Старшим Братом, который все видит и о всех думает. Это я о себе, понятно.

Посреди поля вырыли огромную яму, со всех концов поля сволокивали трупы, священники наперебой читали отходные молитвы. Я еще раз подумал, что мертвым вообще-то все рав-

но, что с ними сделают, все эти обряды нужны живым. И еще как нужны...

Сэр Будакер прислал гонца с извещением, что войска барона Варанга окружили замок графа Уоррена Баффета и начали планомерную осаду. Я поинтересовался, не нужно ли подкрепление, гонец понизил голос и, оглянувшись по сторонам, сообщил, что осада пройдет по традиционной схеме: две недели осады, за это время осажденные будут пытаться посылать во все стороны за подмогой, а когда та не придет, они с чувством выполненного долга сдадутся.

— Точно сдадутся? — спросил я с недоверием. — Я видел, какие там стены.

— Точно, — заверил гонец.

— Барон Варанг умный человек, — сказал я нерешительно, — не похоже, чтобы он по-крупному ошибался в делах, которые должен знать. Надеюсь, эта схема сработает...

— Барон велел передать только это, — ответил гонец. — Так что через две недели его отдохнувшее войско можно будет перебросить в другое место.

— Даже отдохнувшее, — повторил я, — нет, что-то в этих войнах есть от добротного спектакля! Все знают свои роли, хорошо... Но как играют, как играют! Ладно, передай от меня горячую благодарность. Нет, войско можно будет распустить. Справедливая и благороднейшая из войн за объединение страны заканчивается. Дальше наступит эра великих строев светлого будущего. Это можешь не передавать, просто лорд и гроссграф Армландии делится мыслями вслух с населением.

— Ага, понял.

— Но от себя можешь что-то сказать по этому поводу. Но ничего не перевирая!

Он умчался, я посмотрел на небо, самое время войску передохнуть, ночь тоже на отдых, а вот утром...

Утром мы подступили к замку графа Уилбура, известного окрестному миру под прозвищем Отважный. На мое требование открыть ворота ответили гордым отказом, хотя, как мне кажется, всех ошеломило известие о гибели властелина.

Сэр Растер и Макс организовали немедленный штурм, по-

ка защитники не опомнились. Люди с лестницами ринулись к замку. Подогреваемые моим обещанием отдать его на разграбление, кнехты бежали впереди рыцарей и первыми поднялись на стены.

Правда, стражников было так мало, что защищаться со всех сторон просто не могли: граф увел с собой почти весь гарнизон. Охрану ворот быстро перебили, решетка поднялась, а мост рухнул через ров.

Сразу же в замок ворвалась стальная лавина закованных в железо тел, заблестали обнаженные мечи, а воздух содрогнулся от громового рева: «Ричард!.. Ричард!» Я приосанился просто непроизвольно, Ричардов тут много, но кричат одному, и все понимают, чье имя кричат.

Я медленно пробивался через двор, отражая удары и поглядывая, чтобы не ударили в спину. Если надо, успею пару раз бросить молот, а там, как будет...

Ворота донжона разлетелись вдребезги, я поймал молот и повесил на крюк. Молодец граф, больше полагался на доблесть своих людей, чем на стены, крепкие запоры и дипломатию. Люблю иметь дело с людьми, кто принимает лозунги и вообще красивые слова всерьез.

— Вперед, — велел я красиво и возвышенно, — вперед!.. За свободу и гуманизм! Только учитывайте, что это уже замок не врага, а кого-то из вас. Это к тому, что не перебейте сдуру челядь, это могут быть ваши будущие люди...

Но рыцари, уже не слушая, ворвались в донжон, впереди крики и вопли, везде рассыпались шустрые кнехты, стараясь обогнать рыцарей, этим точно замок не достанется, так что нечего щадить, беречь и давать пощаду, пусть гады знают, что победитель имеет право на потеху с их женами...

Когда крики трупов убитых мертвецов умолкли, а продолжали вскрикивать только насилуемые и насилватели, хоть и с разными интонациями, я собрал горстку военачальников во дворе.

— Замок и земли графа Уилбура, — объявил я строго и непреклонно, — временно отходят под мою длинную и загребушую руку. Я мог бы отдать его прямо шас кому-то из вас, не жалко, но кампания еще не окончена. Возможно, кто-то вы-

кажет больше отваги и храбрости, так что решим чуть погодя, кто станет хозяином этих владений!

Сэр Растер сказал с воодушевлением:

- Столь щедрые речи слушать доводилось редко!
- Верно, — закричали рыцари, — слава сэру Ричарду!
- Слава гроССграфу!
- Слава гроССграфу Армландии!
- Слава и честь нашему сюзерену!

Я слушал с удовольствием и на какое-то время даже поверил, что это рыцари кричат, а потом трезво напомнил себе, что это не они кричат, а награда в виде захваченного замка и земель ликует и славит мое имя как щедрого и расточительно сюзерена. Для рыцарского мира очень важно, чтобы сюзерен был щедрым. Все барды прежде всего прославляют щедрость, а уж потом отвагу и мужество. Кстати, бабс в самую последнюю очередь, но почему-то их запоминают прежде всего.

Глава 8

Трое суток на разграбление замка, так заведено по незыблемому и священному праву войны. Так завещали нам благородные предки, а кто мы, чтобы перечить, но на самом деле нужно просто дать отдохнуть войску, а то слишком уж быстрым маршем продвигались, заставляя врасплох по старинке медлительных лордов.

Барон Альбрехт, уже зная мое нежелание вникать в мелочи, привел и представил одного из своих мелких вассалов, сэра Норберта Дарабоса. Я и раньше замечал этого рыцаря: всегда с чисто выбритым до синевы подбородком, воинственно приподнятыми кончиками усов, высокий, сухой и твердый, как дерево старого дуба, лицо почти без морщин, настолько продублено ветрами и морозами, только под глазами тяжелые мешки, да взгляд суров и недоверчив, как у много повидавших людей.

— Сэр Норберт, — сказал Альбрехт, — живет на стыке земель сэра Корнбелла и сэра Уинстона, что вечно воюют, похищают друг у друга скот, заодно прихватывая и все то, что плохо лежит у сэра Норберта. Но у него слишком мало сил,

чтобы дать им отпор, потому он научился с горсткой людей противостоять им обоим.

— Понятно, — сказал я, — сэр Норберт, я с подачи вашего сюзерена назначаю вас главой передового отряда. Мы поедем впереди.

— Как разведчики? — уточнил сэр Норберт.

Весь и без того подобранный, он стал еще строже, глаза ловят каждое мое движение.

Я подумал, отмахнулся.

— Как все вместе взятое. Если надо, вступим в бой. Будет возможность — сразу же начнем переговоры... Я поеду с вами.

Он всмотрелся в мое лицо.

— Тогда вы и будете командовать?

Я снисходительно улыбнулся:

— Я уже почти сибарит. Действуйте, будто меня и нет. Я буду выступать лишь неким гарантом в чрезвычайных обстоятельствах. Непредусмотренных. А остальное время буду мыслить, как мудрец какой-нибудь на высокой гималайской горе.

Он замедленно кивнул, не отрывая от меня испытующего взгляда. Кажется, составил обо мне весьма нелестное мнение, но лицо оставалось непроницаемым, только ответил коротко:

— Есть, сэр. Все будет исполнено, сэр.

Утром следующего дня я велел поднимать передовой отряд, а то пролежни будут, у разведчиков кони легкие, обозов нет, сам взобрался на Зайчика и прокричал весело:

— Кто сейчас же не взберется в седло, тот остается!

Началась суматоха, рыцари поспешно разбирали лошадей, только сэр Норберт уже на коне, придиричиво, но и уважительно поглядывает на сэра Растера: уже немолодой медведь, да и за столом посидеть еще как охоч, но в седле оказался одним из первых.

Я проследил за его взглядом, с укоризной покачал головой:

— Ох, сэр Растер...

— Что случилось? — спросил Растер с беспокойством.

— Ну, никак не хотите быть военачальником! — упрекнул я. — Это же какое счастье — других посылать в бой, а самому наблюдать!

— Все шутите, — сказал он с неудовольствием, — но не по-

нимаю таких шуточек. Самое большое счастье — лично сойтись с противником в жестокой схватке и показать ему свою силу и мощь, сбить его с коня, повергнуть на землю...

— ...изнасиловать, — подсказал я.

Он посмотрел с укоризной.

— Только обобрать, сэра Ричард! Отнять коня, доспехи и назначить выкуп. А насиловать жену или дочь, если созрела. Можно племянниц. Можно даже маму, если молодая и в теле... Нет, я поеду с вами, сэра Ричард!

— Я насиловать не буду, — предупредил я.

Он сказал с восторгом:

— И не надо! Я справлюсь с этим делом, сэра Ричард! Насиловать нужно обязательно, это священный и узаконенный обычай. Иначе как объяснить хозяйке захваченного замка, что у нее теперь другой статус? И прочим, кто в том замке?.. Тупые, не понимают, пока вот так наглядно не объяснишь. Сэр Норберт, да объясните ему, что есть старинные и благородные обычаи, от которых нельзя отказываться, а исполнять надобно с благородным рвением!

Мы шли быстро, где рысью, где галопом, и в конце дня земли графа Уилбура, уже бывшие, остались за спиной. Основное войско выступит через день, а мы с сотней легких всадников под началом сэра Норберта неслись по вершинам холмов, сверяясь по карте, где красными флажками отмечены владения лордов, не желающих признавать мою власть.

К обеду даже из сотни легкоконных вперед сумела вырваться группка из трех всадников: от меня, к моему удивлению, почти не отстает сэра Растер, он, как я снова убедился, лошатник не хуже, чем воин, для этой цели очень удачно выменял, как цыган, с виду невзрачного, но достаточно резвого, с настоящим рыцарским самолюбием, коня, который в состоянии и рыцаря нести в полном вооружении и показывать нехилые скоростные качества, не может видеть, как мы вырываемся вперед, хрипит, но прет следом, даже старается обогнать. Больше всего Растеру в нашей группе обрадовался Бобик: Растер единственный, кто готов принимать от Бобика пойманную тем дичь в любом количестве да еще и нахвалива-

ет так пылко, что мой Пес старается переловить всех зверей, птиц и рыб по пути следования.

Третьим идет барон Альбрехт, войско оставлено под руководством опытных воинов Будакера, Митчелла и, конечно же, Макса, которого я всерьез прочу в умелые военачальники, а сотня идет позади под руководством сэра Норберта.

Когда холмы кончились и мы пошли через заросшую лесом низину, сухой стук копыт сменился чавканьем. Гнилая вода выбрызгивается из толстого слоя прошлогодних листьев коричневыми гнилыми струями, распространяя смрад.

Березы отодвинулись, дорога скользнула в дубраву, Растер зарычал от злости, а причину я понял запоздало, когда следом за ним влетел на резво скачущем Зайчике в темный, словно в ночи, лес и едва успел нырнуть лицом в гриву от ринувшейся на меня рогатой ветви с трепещущим на кончике, словно баннерный флажок, листком.

Широкие ветви сплелись и полностью закрыли небо, хуже того — намокли и опустились чуть ли не до земли. Растер, как огромный медведь, распластался на конской спине, я тоже вжимался из всех сил, стремясь вообще стать двумерцем. Сучья, острые и твердые, как олени рога, то и дело чиркают по спине, пару раз долбанули по голове, срывая волосы.

Дважды мы вламывались в стада животных, похожих на свиней. Те разбежались с рычанием, а я предпочел бы, чтобы со свинячьим визгом или хрюканьем. Оглянувшись в какой-то момент, я увидел, что это не стадо, а стая, и несется за нами. Я чувствовал, что вот-вот особо низкая ветка сшибет меня, как пушинку. Это на вершине ветви тонкие, а здесь каждая толщиной с мое бедро. Даже не вздрогнет, когда на ней останется от меня мокрое пятно и сползающая на землю шкурка...

Деревья, наконец, поредели, я время от времени приподнимал голову, а прижимался к конской спине, лишь когда навстречу летит хищная ветвь.

Дикий мир, мелькнула злая мысль. Все еще дикий... или снова дикий, как одичали и заросли дремучим лесом некогда возделанные поля и роскошные города после краха Рима и отступления римских легионов.

И здесь тоже все сначала, все сначала...

Барон Альбрехт догнал нас с Растером, впереди начал открываться простор, слева болотце, справа погрузившиеся в землю под собственной тяжестью руины.

— Остались только барон фон Кракатаурвиц, — сказал Альбрехт, — да еще виконт Бубервиль. Вон там их владения. Оба полагают, что по своим старинным корням и родству с древними правителями Армландии... тогда она еще не была Армландией, имеют больше прав на трон, чем чужак...

Растер напомнил:

— Есть еще граф Трояндер. Не богат, не знатен, но горд, горд... И не желает подчиняться даже Богу.

— Я не Бог, — сообщил я, — мне подчиниться придется. Это все?

— Все, — заверил Альбрехт. — Больше не признающих вашу власть не осталось.

Глаза его блеснули, рад, что все идет даже лучше, чем он надеялся.

— В Армландии, — обронил Растер.

Барон повернулся к нему в седле.

— Что?

— Я говорю, — пояснил Растер тяжелою, — в Армландии не осталось. Но есть завистники в других землях...

Говорил он мечтательно, в глазах уже вспыхнули огни далеких пожаров. Альбрехт вздохнул:

— Я вас понимаю, дорогой сэр Растер. Но у нашего сюзерена несколько иные планы. Так что соседей не будем тревожить.

— Как долго? — поинтересовался Растер с подозрением.

Альбрехт бросил на меня беглый взгляд.

— Полагаю, — ответил он задумчиво, — до тех пор, пока экономическая составляющая мощи Армландии не позволит ей вести любую войну без всякого напряжения! А так, чтобы другим горе, а нам только забава и не больше того.

— А-а-а, — сказал Растер глубокомысленно, — тогда, сэр Ричард, располагайте мной. Я страсть как люблю повышать эту... как ее, экономическую составляющую.

Я не вслушивался в их полусерьезную болтовню, озира

окрестности. Хорошая земля, прекрасная для земледелия, а вот там можно даже расположить виноградники...

— Ну что ж, кто там самый дальний?

— Граф Трояндер, — сообщил Растер. — Но лучше бы начать именно с него...

— Почему?

— Он слабее. А потом ударим по барону Кракатаурвицу и виконту Бубервилю. Возможно, к тому времени оба устроятся и признают вашу власть.

— Разумно, — согласился я. — Я рад, что не рветесь непременно в кровавую сечу. Подвиги подвигами, но лучше врага победить еще до сражения.

Он с трудом улыбнулся, как если бы пыталась показаться дружелюбной глыба из основания замка.

— Да мне что-то восхотелось тоже, — проворил он в нерешительности, — посмотреть... как это будет... ну, после победы. Чтоб я, в смысле, обзавелся хозяйством. Я — и хозяйство! Сам обхохочусь, наверное. Это ж коровы, гуси, куры...

— Хорошо будет, — сообщил я. — Но все-таки графом кампанию закончим, а сперва решим с Кракатаурвицем и Бубервилем. Не стоит с нашей мощью еще и выгадывать. Думаю, покончим с этим сепаратизмом быстро. Парад суверенитетов себя уже показал во всей неприглядной красе феодальной демократии, наступает эра просвещенного авторитаризма!.. И, как всегда при неограниченной власти короля-самодура, будет расцвет культуры, науки, экономического подъема и просвещения.

Альбрехт выслушал, глаза непроницаемые, поинтересовался:

— Подождем, когда войско будет готово? Или как?

— Или как, — ответил я. — А войско догонит.

— Тогда приведу нашу сотню?

— Действуйте, барон, — разрешил я. — Вы лучше знаете, кто у нас на что способен. Сами вы способны на все.

Прозвучало это двусмысленно, а барон не из тех, кто не обращает внимания на оттенки, но, надеюсь, спишет на мой особый юмор.

Сотня нас вскоре догнала, устроили привал, выбрав место посуше. Еще по дороге Бобик задавил и натаскал мне, вызвав восторг у всех рыцарей, трех диких свиней, двух оленей и штук семь рыб. Я привычно переадресовал Растеру, он у нас в походе больше всего заботится о довольствии, теперь рыцари чистили и свежевали добычу, Растер нахваливал Пса, а я просто лежал у костра и, закинув руки за голову, смотрел в небо.

Во-первых, я — сюзерен, а это значит, что бессовестно этим пользуюсь, хотя рыцарские баллады пестрят восторженными рассказами, как короли и даже императоры наравне со слугами потрошат на охоте дичь, свежуют и пекут мясо на углях.

Во-вторых, хорошо просто вот так лежать и всматриваться в темнеющее небо. Багеры двигаются только над южным материком, да и то не над всеми частями, но, возможно, те воздушные корабли, что ходят на большой высоте и никогда не опускаются, плывут и над северным?

Если всмотреться, то можно отыскать звездочку, которая двигается. Правда, если вот так долго пялиться, то любая из звезд начинает ползти по небосводу.

Ладно, когда-нить доберусь. Это другим не приходит такое в голову, а там, может быть, не так и трудно добраться. А это такие возможности, от которых захватывает дух...

Хорошо бы еще разобраться с кольцами, что я снял... ладно, демон Плантагенет для меня снял с Верховного Мага. Одно кольцо знаю, им тот гад заморозил всех нас, в другом якобы хранится вся сила мага... понять бы, как это, остальные вообще не знаю, чем ведают. Или только украшения? Ну, на простого модника Верховный Маг вроде бы не был похож... Даже на непростого не очень.

Макиннон вроде бы сказал тогда что-то вроде: вон тот зеленый с рогами на спине надвинул вам на палец кольцо абсолютной власти над крепостью... Но только ли над крепостью?

Сон пришел медленно и незаметно, я еще долго чувствовал, что лежу у костра, но перед глазами уже плывут дивные сады эльфов, проступают мрачные подземелья гномов, а я мановением окольцованной руки милостиво опускаю на землю супербаггер...

Утром поднимались, ежась от утренней свежести, солнце

еще не прогрело ни воздух, ни землю. Кузнечики молчат, скованные ночным холодом, зато птицы орут в кустах, в траве, в кронах редких деревьев.

После короткого завтрака все так же двигаемся во главе сотни воинов на самых быстрых конях. Ведет ее сэр Норберт, управляет умело, ни одного конника еще не потерял, ни одна лошадь из его сотни еще не сбила ноги и не потеряла даже подкову.

Остальное войско тащится позади в своем тяжеловесном темпе. Растер пару раз успокаивающе напомнил, что оставили на Будакера, Митчелла и Макса: двое уже опытные воители, а молодому парню нельзя упускать случая учиться управляться с большими массами вооруженного люда, к ним иные требования, чем к мобильному отряду.

Мы ехали, наслаждаясь прекрасной дорогой, я ликовал, только барон Альбрехт хмурился. Я спросил участливо, не болит ли у него зуб, тот раздраженно отмахнулся.

— Сейчас у вас заболит вся челюсть, сэр Ричард.

— Почему?

Он молча указал вперед. Лицо его оставалось хмурым. Я пустил Зайчика в галоп, далеко впереди появился и вырос огромный каменный столб. Он высится прямо на дороге, а сама дорога там же и пропала, аки дым. Зато справа и слева от нее отделяются, как нитки от каната, две жалкие тропки, хотя, конечно, не тропки, вот пробитые колесами колеи, вот следы от копыт.

Впереди мирная спокойная долина расположилась в кольце пологих холмов, почему-то не зеленых, а покрытых осенней рыжей и красной травой. Наша дорога, не пикнув, умерла под пятой этого столба, а на жалкое подобие проселочных дорог, что трусливо огибает долину, смотреть противно.

За спиной послышался стук копыт. Я не оборачивался, в участливом голосе барона почудилась издевка:

— Еще не болит челюсть?

— А должна? — учтиво осведомился я.

— Вам виднее, — отпарировал он. — Вправо или влево изволите?

— Я вообще-то могу объехать и столб, — ответил я. — Мне не трудно. А вам?

Он сдвинул плечами.

— Мне тоже не трудно.

— Ага, — сказал я, — так-так. А войску нельзя?

Он снова сказал с тем же раздражающим спокойствием:

— И войско может.

— Так что же? — спросил я раздражительно. — Вы можете мне сказать или нет, почему нужно объезжать?

— Могу, — ответил он. — Если спросите. Не кипятитесь, сэр Ричард. Я понимаю так, что вы все никак не решаетесь спросить. То ли гордость не позволяет, то ли страшновато... Так вот, отвечаю. Любой может поехать прямо и приехать туда, куда ему нужно. Но только вот от этого столба и во-о-он до тех холмов, видите, добираться придется дней двадцать. Если вам время девать некуда, езжайте. Могу добавить только, хоть вы и не спрашиваете, что там вообще ничего интересного.

Я спросил настороженно:

— А что там?

— А ничего, — ответил он хладнокровно. — Такая же степь, такая же трава. Никаких опасностей, даже крупного зверя нет. Так, бабочки, кузнечики, муравьи, пчелы... На двадцатый день, если вы верхом и не медлите, то появитесь вон на тех холмах. Если же с обозом...

Он замолчал, выразительно поиграл бровями. Я спрашивать не стал, насчет обозов понятно, буркнул:

— Умеете же говорить приятное, барон. Мне только скукоженных королевств не хватало!

Он удивленно вскинул брови:

— Королевств?

Я отмахнулся.

— Здесь просто скукоженный участок, а я повидал и скукоженные королевства, барон. Хуже того, я вообще-то видел даже замороженные конфликты! Вы такое можете себе представить? То-то. А горячие точки? Вот так-то. Ладно, пообедем! Но когда-то я доберусь, доберусь... Не всегда же времени будет вот так в обреш?

Застучали копыта коней передового отряда. Судя по их лицам, уже знают, что за столб и что он значит.

Я махнул рукой.

— Умный в гору не пойдет, умный гору... ну, дальше все знают. Это вечное.

Глава 9

Ближе к обеду встретили двух всадников: хорошо вооруженный молодой рыцарь, очень молодой, еще пушок на щеках, доспехи с чужого плеча, конь тоже не дракон, а так, почти крестьянская лошадка. Следом уныло тащится на сером мерине упитанный краснорожий толстячок в куче одежек, похожий не то на кочан капусты с засохшими листьями, не то на исполинскую луковицу.

Герой и спутник героя, это привычно, без этого не обойтись. Благородный Дон Кихот и циничный Санча Панса, мудрый Холмс и простоватый Ватсон, майор Пронин и дурачок лейтенант Грачик: второй всегда подчеркивает безмерную крутость первого, будь это благородство, хитроумность, сила или что там в данном случае важное.

Да и немаловажная возможность разбавить сплошняк авторского текста хотя бы рассуждениями об интригах старшего брата короля, борьбе Света и Тьмы, когда Тьма, оказывается, тоже не Тьма, а свет, только черный, а Зло не зло, а своеобразное Добро, только не все тупые это понимают, а мы вот, продвинутые, понимаем, что все относительно, как говорит дедушка Фрейд...

Растер первым обменялся с рыцарем приветствием, на толстячка не обратив внимания. Мы подъехали позже, рыцарь с достоинством поклонился и в нашу сторону.

— Благородный дон Аеранис из Благоухающих Рош, — представился он.

— Далеко собрались? — полюбопытствовал я. — Впереди низина, а там еще грязь. Не скоро просохнет. Вам лучше по верхам.

Он ответил очень серьезно:

— Надо, сэр. Над миром нависла опасность.

— Даже над миром? — переспросил я. — Ах да, если мир — родная деревня...

Растер посмотрел на Аераниса снисходительно, уже знает, что мир — это Армландия. А за ее пределами не то мировой океан, не то пустыни, где дикие звери и драконы.

Барон Альбрехт поинтересовался:

— А какая опасность над миром?

Он ответил еще серьезнее:

— Древний Темный Бог, заточенный в хрустальное подземелье в самых глубинах земли, набирает силы и рвется на поверхность. Хранители Кристалла пошли друг на друга, а брат восстал на брата... Интриги и коварство... Только мне суждено спасти мир и остановить пробуждение Темного Властелина...

Мне смутно показалось, что где-то уже слышал эту ерунду, но вспомнить не мог, потому прервал торопливо:

— Удачи вам обоим! И еще раз удачи!

Барон оглянулся на героев-подвижников, но ничего не сказал, а буквально за следующим пригорком мы встретили еще одного красивого молодого человека с задумчивым лицом, на нем доспехи, значит, рыцарь, с ним на муле худой чародей, смешной и нелепый. Я всмотрелся в юное чистое лицо с широко расставленными глазами.

— Куда держите путь? — спросил я и добавил поспешно: — Если, конечно, это не что-то интимное. Тогда беру свой вопрос обратно.

Рыцарь по-крестьянски мотнул головой из стороны в сторону.

— Нет, сэр. Откуда у меня... интимное?

— Ну, — ответил я с осторожностью, — когда я вижу не совсем... гм... старика...

— Увы, сэр, — ответил он с печальной гордостью, — долг важнее.

— Это неоспоримо, — согласился я. — Вы настоящий рыцарь!

— Я еще не рыцарь, — возразил он, — но, когда спасу мир, меня посвятят в рыцари. Надеюсь.

Чародей важно кивнул.

— У благородного юноши особая миссия.

Парень вздохнул и объяснил гордо:

— Как сказано в пророчестве, только я способен остановить возрождение могучего Черного Мага, что готовится захватить власть во всем мире и вернуть человечество в пучину бед, страданий и всяческих мучений.

Чародей поддакнул:

— Да-да, он — избранный! Даже — Избранный. Только ему суждено... только ему предстоит... только он сможет... только от него зависит... только он сумеет.... только он освободит...

Мои воины смотрят кисло и скептически, что за хрень, если на самом деле все в руке Господа и его верного паладина сэра Ричарда, который к тому же и гроссграф, а это значит, настоящая мощь именно у него в деснице. Я спорить не стал, только кивнул, прерывая чародея, интеллигенты могут говорить часами:

— Да-да, конечно. Удачи вам!

Когда мы проехали дальше, барон Альбрехт спросил громко:

— Сэр Ричард, вы обычно желаете успеха, а этим, как и предыдущим, посоветовали удачи... Это что-то значит?

— Да, — ответил я, — значит. Вы очень наблюдательны, барон.

— Стараюсь, — ответил он скромно. — А можно спросить, что это значит?

— Можно, — ответил я и добавил любезно: — Спрашивайте, барон.

Он надулся.

— Что вы меня всегда ловите на слове... Так что это значит?

Я ответил легко:

— Догадайтесь, в чем разница между успехом и удачей. И увидите, кому что надо желать.

Я захохотал в духе жизнерадостного сэра Растера и послал коня вперед, а барон остался морщить лоб в попытках разрешить сложную загадку.

Перед обедом встретили еще воина, который отправился добывать Семь Кристаллов, затем — другого, этот шел за семью Камнями Моши, чтобы предотвратить выход Древнего

Зла, а не успели те скрыться из виду, как навстречу еще один, этот готовится спасти мир еще от чего-то, но для этого должен собрать разбросанные по свету страницы какой-то колдовской книги, хоть что-то новое...

Я слушал, слушал, подумал вяло, что есть же люди, едут спасать мир, в то время как мы занимаемся одной Армландией, что всего лишь как кленовый листок на спине арабского слона, наконец зевнул, сказал встревоженному Растеру:

— Дорогой сэр, займитесь лучше обедом. Негоже мне, вашему сюзерену...

Он торопливо подхватился, лицо виноватое.

— Простите, сэр... Просто подумал, что, если до конца света всего несколько дней...

Я спросил брюзгливо:

— Что, это повод ходить голодными? Сэр Растер, вы меня удивляете. Как будто не христианин вовсе.

Он торопливо перекрестился, пал на колени, наклонившись к сложенным шалашиком прутикам, куда я бросил огонек, принялся яростно дуть. Взвилось первое пламя, острые оранжевые язычки побежали по веточкам и березовой коре.

— Я христианин, — сказал наконец он, отдуваясь... — Еще какой...

— Так чего в какую-то хрень верите? — спросил я с интересом. — Ха, Семь Кристаллов надо собрать!.. Три ха-ха, семь Камней Мощи!... Сплошное ха-ха, можно сказать даже — хихи, а то и хе-хе — собирать камни, кольца, кристаллы и прочие вещицы!

Он заинтересовался осторожно:

— А что, их нельзя собрать?

Я отмахнулся:

— Почему? Может быть, мы сами их раньше соберем, если это по дороге. В квесте это бывает. Даже частенько! Наберешь всего и разного, а потом не знаешь, куда девать. В мешке уже не помещается. И продать жалко, вещи-то ценные, редкие, и самому вроде уже ни к чему... Но только не ради того, чтобы не выпустить Темного Бога.

Он смотрел с недоумением, я кивнул на костер, он спохватился и принялся подкладывать мелкие сучья, потом все

крупнее и крупнее. Костер разгорался, барон Альбрехт, тихонько посмеиваясь, начал свежевать оленя.

Я наблюдал, Растер поглядывал на меня с немым вопросом в глазах. Я протянул ладони к огню, наслаждаясь теплом.

— Темный Бог никогда не поднимется, — объяснил я. — Из могилы, саркофага, склепа, из черного надгробного камня. И не оживет его каменная статуя. Никогда.

— Почему? — переспросил он и, поглядев на меня, тихонько охнул: — Ой, что это я спрашиваю, это же очевидно. Вы и его уже... да? То-то вас всю зиму не было. Это Максус можете рассказывать, что у леди Беатриссы просидели, но я вижу, когда встречаю героя! Вы ж похудели и прям черный вернулись.

Барон Альбрехт вставил злорадно:

— Сэр Растер, вы же сами заметили, когда сэр Ричард вернулся после непонятной отлучки... от него очень даже дымкой пахивало. Смолой и серой малость отдавало.

Я отмахнулся:

— Вряд ли. Я так несея на Зайчике, что из меня все до костей выдуло. Вообще-то не помню никакого Темного Бога. Правда, может, как-то по дороге... Всех запоминать — от психоаналитика не вылезать. На жизнь нужно смотреть с улыбкой.

Плотно перекусив и накормив коней, помчались по землям ныне единой Армландии, что бы о ней ни говорили недовольные лорды. До вечера встретили одного за другим еще нескольких доблестных рыцарей, что шли собирать куски раздробленного Амулета Власти, Камня Силы, Кристалла Мощи, Посоха Вселенской Магии, Браслета Единства, Ожерелья Могущества, Камней Престола...

Затем встретили хитрого и проницательного вора, что двинулся в зачарованные земли добывать Волшебный Амулет. Конечно же, для себя, но, как я понимаю, по дороге постепенно перевоспитается, встретит настоящую любовь и вместе с ней посвятит всю жизнь служению Добру и спасению человечества.

За короткий отрезок дороги до захода солнца повстречали не меньше десятка таких воров, наемных убийц, игроков, шулеров и жуликов. Барон даже удивился, почему, мол, стадами

то рыцари, то ворье, а я смолчал, что скоро можем увидеть еще и женскую волну. Мол, знаю, но не скажу. Не хочу обижать дураков, они ж тоже люди, а Господь их почему-то любит, хотя, думаю, это пропагандистская утка: ну не может Господь любить дураков и юродивых, ну не может! Нечего из нашего Творца делать какого-то придурка, он не такой, он покровительствует только нам, умникам.

Ночь опускалась не по-весеннему темная, звезды начали появляться мелкие и тусклые, подрастут только к лету, когда в жаркие ночи будут светить ярко и так, что «хоть голки збирай». Сейчас только тусклые зарницы на далеком темном горизонте да едва заметная под копытами дорога среди бурно разрастающейся травы.

Зарницы даже не багровые, а почти темно-фиолетовые, едва различимые на темном бархате ночи. Высвечивают весь мой небольшой отряд, доспехи вспыхивают на короткие мгновения, я различаю даже суровые лица, стиснутые челюсти и в глазах постоянную готовность к схватке.

Место здесь сравнительно благополучное, если не считать оголодавших за зиму волков: начали забираться во дворы, резать собак и уносить овец. Но мужики уже спохватились, выскакивают по первому же лаю с дубьем, успевают отбиться от хищников и защитить скот.

Луна поднялась над далеким темным лесом с опозданием, снизу вся в острых зубьях, как пила, и только когда поднялась повыше, а темные вершины елей остались внизу, серебряный диск засверкал привычным призрачным огнем, залил землю светящимся туманом.

Растер перекрестился и пробормотал молитву, просто так, все-таки ночь, а ночь для упырей, а не человека. Ночью даже звери и птицы другие, и вообще мир совсем другой...

Холм весь залит серебристым светом, а дальше темнеет непроходимый лес, пользующийся такой дурной славой, блещит широкая вытоптанная дорога, над головой пронеслись летучие мыши. Барон Альбрехт тут же одел шлем, пряча волосы: есть поверье, что летучие мыши любят вцепляться в такую вот шерсть, а это к скорой смерти.

Я чувствовал на себе взгляд барона Альбрехта. Сердце сжа-

лось от тревоги: а вдруг из нашей затеи сделать из Армландии процветающую страну ничего не получится? Или пойдет не так? Засмеют. Это хуже, чем поражение...

— Привал, — сказал я наконец. — А то вы все больно гордые! Сами с седел падаете, так хоть коней бы пожалели...

Глава 10

Утром сэр Растер поспешно поднялся и пошел встречать скачущих в нашу сторону всадников на легких конях. Сэр Норберт впереди на тонконогом жеребце, красиво остановил на всем скаку, подняв коня на дыбы.

Я видел, как они переговорили, Норберт соскочил на землю и, передав поводья оруженосцу, пошел с Растером к нашему костру.

Растер выглядел встревоженным, а Норберт отсалютовал и сказал четко:

— Сэр Ричард, мы прошли всю землю виконта Бубервиля, но во владения барона Кракатаурвица зайти не сумели.

— Что так? — спросил я.

— Река, — объяснил Норберт. — Довольно бурная, берега крутые. Есть только один мост...

— И что? Зачарован?

— Нет, — ответил Норберт и потупился: — Но мы не прошли.

— Доски прохудились? — спросил я. — Или заклятие вылезает?

— У самого входа, — сообщил он неохотно, — разбил шатер сэр Тамплиер. Не слышали про это чудище? Странно, хоть вы и недавно в этих краях, но слава об этом рыцаре прокатилась дальше границ Армландии...

Сэр Растер скривился.

— Слухи, — поправил он. — Слухи, а не слава. Какая слава у человека, которого даже за столом ни разу не видели? Говорят, он даже вина не пьет!

— В самом деле, чудовишно, — согласился барон Альбрехт лицемерно. — Но все-таки, все-таки...

Я заметил:

— Да-да, вы рассказывали как-то про его прозвище, почему он его получил. А что с ним связано еще?

Норберт ответил со вздохом:

— Хотя бы то, что еще никому не удавалось выбить его из седла. И одолеть в бою.

— Настолько силен?

Норберт замялся с ответом, просто не может допустить мысли, что есть на свете кто-то сильнее его сюзерена, вместо него недовольно сказал сэр Растер:

— Да, силен. И еще свят.

Я насторожился:

— Как это?

Барон задержался с ответом, зато заговорил веско и мощно сэр Растер, даже перекрестился от воодушевления, чего я за ним замечал вообще-то редко:

— Он настоящий рыцарь! Настолько свято чтит все рыцарские заповеди, что на него абсолютно не действуют заговоры. Ну, там... на ослабление или умаление его мощи. А еще, сэр Ричард, сам он ну просто гора! Сколько знатных лордов старалось переманить его в свое войско...

— А в чем он сейчас?

Растер развел руками, на лице наконец проступило виноватое выражение, сообразил, что это все-таки наш вероятный противник. И что мне, похоже, придется с ним сразиться.

— Ни в чем, — ответил он с недоумением.

— Сам по себе?

— Ну да, он же рыцарь!

— Ах да, — сказал я с досадой, — чтит старинные законы... Поединщик? Спасает прекрасных дам?

— Что-то в этом роде, — сказал Растер с неуверенностью.

Я повернулся к Норберту:

— Чего от него ждать?

Норберт задумчиво потер кончиками пальцем подбородок, там звучно заскрипела короткая щетина. Взгляд суровых запавших глаз был все так же прям и строг, как обычно, но голос зазвучал с некой извиняющейся ноткой:

— Думаю, нас ожидают неприятности. Он сразу сказал, что сэр Ричард Длинные Руки преступил законы рыцарства! По-

тому он мечом и копьем, пешим или конным будет сражаться с вами, пока бьется его сердце.

Я попытался вспомнить, о каком законе речь, все-таки преступил далеко не один, но понял, что перебирать буду долго, я вообще-то по духу преступатель законов, писанных и неписанных, и потому, переходя улицу, послушно смотрю сперва направо, потом налево и, если не вижу милиционера — перехожу. Здесь же надо оглядываться на короля, но так как его нет вблизи, то перехожу в любом удобном мне месте, лишь бы не задавило.

На меня смотрели с ожиданием, я стиснул челюсти, морда каменная, сижу, как влитой в седло, хоть и у костра, но мысли мечутся лихорадочно, как перепуганные мыши в запертой комнате при виде голодного кота.

Вот и начинается то, чего я страшусь. Когда идет примитивная борьба за трон или еще более примитивное собирание «Кристаллов Власти», «Амулетов Мощи» и тому подобной хрени, то идешь себе с победной улыбкой и бьешь всех встречаемых по головам — не ошибешься! Это зверей, как младших братьев, никогда нельзя по голове, а людей — можно и нужно, я ж сам людь, знаю. Но когда встречаешь того, кто вообще с тобой на одной стороне баррикад, — начинаются сложности. А то ли еще будет, когда займусь не ломанием, а строительством! Собственно, я уже, можно сказать, занялся. Почти.

— Придется поехать, — сказал я, — посмотрим, что за таможенник у моста. И какие у него сборы.

— Сэр Ричард, — предупредил Растер, — он в бою необорим! В самом деле. Не для красного словца.

Я ответил с самодовольной усмешкой:

— Мне такое говорили уже не раз.

Он покачал головой, лицо оставалось озабоченным.

— Смотрите, сэр Ричард... Он не зря считается сильнейшим в Армландии.

— Считаться, — ответил я мудро, — еще не значит быть. У нас кто только не считался мудрейшим, сильнейшим, гениальнейшим... Приходил следующий, и оказывалось, был культ личности и зажим общественности.

Но, несмотря на браваду, без нее никак, я ж рыцарь, а не... все-таки одел доспехи Арианта, взял его меч и лук. Потому что хоть и рыцарь, но кое-что во мне и от другой, более практичной эпохи.

Конечно, до морали восточных единоборств еще не пал, но широк, широк во взглядах, назовем это так. А этот рыцарь, кем бы он ни был, все же узковат уже потому, что время такое. Узковатое. Как и мечтал Федор Михайлович.

Моя команда осталась в ожидании у костра, а я вскочил в седло, и мы с Зайчиком и Бобиком быстро перемахнули через холмы. Дальше зеленая долина, а на вершине одинокой и заросшей цветами возвышенности торчит нечто странное в виде плоской зеленой стены.

Я подъехал ближе, дивясь, потом рассмотрел, что уцелевшая каким-то чудом с древних времен стена оплетена зелеными виноградными лозами настолько плотно, что можно только догадываться, за что они цеплялись, когда взбирались на такую высоту.

Дальше в долине зеленеют дикие сады, уже цветущие, дивный запах, сколько же сот лет эти деревья медленно возвращались из культурных к дикости, иначе бы не выжили... а по ту сторону стены, укрывшись от ветра, пламенеет, как огромный цветок мака, шатер ярко-красного цвета. В сторонке пасется нерасседланный конь, в трех шагах от шатра дымится костер, благоразумно прикрывшись от ветра широкой стеной.

Справа от шатра приземистый и невероятно широкий дуб, к дубу прислонено копьё, а еще одно, запасное, прислонено с другой стороны. Чем ближе я подъезжал, тем больше испарялась моя всегдашняя уверенность. Что-то здесь не так, а я, похоже, на этот раз попал, попал.

Мой Зайчик громко ударил копытом, Пес obeжал вокруг шатра и уж вознамерился забраться вовнутрь, как полог шатра откинулся, наружу вышел обнаженный до пояса человек с длинными волосами и короткой бородкой. Я оцепенел, только сейчас сообразив, что именно здесь не так: вышедший почти на две головы выше меня самого, сложен, как греческий бог — одни сухие мышцы, длинные мускулистые руки, могучая грудь, на животе шесть кубиков, толстая шея поддержива-

ет красиво вылепленную голову, лицо суровое, с тяжелой нижней челюстью, глаза смотрят испытующе.

Бобик опустил зад на землю и рассматривал эту Илиаду с нескрываемым интересом. Тамплиер покосился на него спокойно и благожелательно, собак создал Господь, в то время как Сатана — кошек, затем соизволил обратить взор на меня, которого создал неизвестно кто и с какой странной целью.

— Кто... — прорычал он могучим голосом, всмотрелся внимательнее. — Могу ли я поинтересоваться вашим именем, сэръ? Если я осмелюсь предположить, не сам ли Ричард Длинные Руки изволил...

Я собрался с силами, вот так с высоты седла я с ним почти вровень, сказал предельно вежливо:

— Да. Если не ошибаюсь, передо мной сам сэръ Тамплиер? Он повел рукой вокруг.

— Об этом можно было догадаться по моему коню и копыю.

Я кивнул, в самом деле, идиот, надо было догадаться. Почему сразу не сообразил, что именно показалось «не так»: размеры! Таким копьём разве что ворота замка выбивать, а конь крупнее моего Зайчика, что просто невероятно... но это так.

— Я так и подумал, — ответил я. — Но на всякий случай решил проверить. Мне встречались земли, где даже простолюдины повыше ростом.

Он нахмурился:

— Где эти земли?

Я отмахнулся:

— На Севере. Предпочитаете сразу сдаться, сэръ, или же одоспешитесь для поединка?

Голос мой едва не задрожал, когда я представил себе эту гору еще и закованной в железо, но сам я, как положено, смотрю на него тупо и надменно, так надлежит храброму воину. Сэръ Тамплиер некоторое время тарашился на меня не менее тупо, стараясь понять, что же я такое сморозил.

— Я сейчас оденусь, — произнес он вежливо. — К сожалению, вы не прислали герольда, чтобы я приготовился к схватке. Даже оруженосца или слугу, что можно бы считать умышленным оскорблением, но я вижу, что вы явились в одиноч-

ку... значит ли это, что вообще предпочитаете странствовать без свиты?

— Все верно, сэра, — заверил я. — Так что никакого оскорбления. С герольдами — слишком долго, скучно и нудно. Как будто что-то серьезное! У меня подобных поединков было не счесть, я не таких великанов вбивал в землю по ноздри.

Он коротко поклонился.

— Одну минуту, сэра. Мои доспехи в шатре, вам не придется ждать долго.

Он уже поворачивался к шатру, когда я спросил живо:

— Сэр Тамплиер, позвольте узнать, а почему вы оказались на стороне моих противников? Ведь лично с вами мы не ссорились!

Он смерил меня с головы до ног вместе с конем хмурым взглядом.

— Сэр, как же иначе?... Вы — тиран. Вы захватываете замки свободных благородных лордов, принуждаете их признавать вашу деспотическую власть. Но, как сказано в Священном Писании, как только появляется тиран, в рыцарстве должен найтись благородный человек, который выступит против. Я просто обязан быть на той стороне!

На мгновение я лишился дара речи: никому не говорил, что принуждаю, что возьму в кулак, что с вольностями феодалов если не покончу, то ограничу, а этот как будто мысли читает. Это же какая умная сволочь работает на той стороне, все понимает, в политике разбирается, как депутат, а в людях — как дедушка Фрейд.

— Это все брехня, — отмахнулся я с пренебрежением, — зачем мне тиранство? Экономически нецелесообразно. Но что вы лично собираетесь достичь, если повергнете меня?

Он смотрел в упор, на лице непонимание.

— Как что? Повергну тирана — разве этого мало? Или рыцарь должен стремиться еще к чему-то, что выше славы, чести и доблести?

— Нет-нет, — сказал я поспешно, — но тогда...

Он покачал головой.

— Не оттягивайте свое повержение в грязь, сэра.

Молча шагнул в шатер, но, когда откидывал полог, я видел, как там мелькнула еще рука, помогая ему войти. Белая тонкая рука с нежной кожей, не знающая прямых лучей солнца.

Глава II

Я ждал, заодно прикидывал, какой стратегии держаться, но вообще-то здесь не до стратегии, хотя бы в тактике не опоздать. Похоже, здесь не я навязываю свои условия, а мне уже навязали. Это значит, наполовину уже проиграл.

Полог откинулся, мое тело застыло, скованное страхом. Пригибая голову, наружу выдвинулся настоящий Эверест в железе, а не человек, в доспехах сэр Тамплиер еще громаднее. Панцирь толщиной с наковальню, к тому же не сыродутное железо, сразу видно, а прекрасная сталь, отливающая голубизной, сочленения почти не видны, словно передо мной сплошной стальной слиток.

Он разогнулся, сквозь прорези шлема взглянули холодные синие глаза. Следом за ним вышла крохотная женщина в розовом платье до земли, тоненькая и хрупкая, но с дерзким выражением на хорошенькой мордочке, глаза блестят задорно и весело.

— С вашего позволения, — прошебетала она игриво, — я подожду снаружи.

Я покачал головой.

— Пристойно ли молодой женщине смотреть на битву? Это ожесточает! Насмотритесь, а потом сами выйдете на улицу и начнете убивать всех прохожих.

Она дерзко улыбнулась:

— Вы так страшитесь, что увижу ваш позор? Не стесняйтесь, сэр Тамплиер в любом случае вас заставит землю лицом рыть.

— Меня страшит потеря вашей нравственности, — возразил я. — Но если сэр Тамплиер вам разрешает...

Я посмотрел на него за поддержкой, все-таки мужчины должны быть заодно, однако тот лишь замедленно кивнул и прогудел:

— Да, благородная леди, можете смотреть оттуда. Это достаточно далеко, вы не услышите брани сэра Ричарда.

Предатель, подумал я зло, так потакать женщине — себя не уважать. При всем рыцарски подчеркнутом уважении к женщине эти существа должны знать свое место. Тогда только и целуем им ручки, а если сами на голову лезут, тут уж не до расшаркиваний.

— Она услышит вашу, — ответил я уязвленно. — И ваши жалобные ламентации.

— Посмотрим, — произнес он равнодушно.

Она нахально улыбалась, а он повернулся идти к коню. Я сказал решительно:

— Минутку, сэр! Мы не все уточнили.

Он посмотрел на меня с неудовольствием:

— Сэр, вы мне показались смелым и решительным человеком. И хотя вы враг и бесчувственный тиран, но я надеюсь, все же сразитесь, как подобает, не станете позорить себя окончательно позорным отказом и трусливым бегством. Тем более в глазах женщины.

— А где здесь женщина? — спросил я надменно. — В упор не вижу.

— Да вот она! — сказал и потыкал в ее сторону пальцем, больше похожим на древко лопаты.

— Это? — удивился я. — Ах, вы ее имеете в виду? Ну, я таких не замечаю. На мой взгляд, женщина должна уметь вести себя пристойно, иначе это не женщина, а черт-те что в бесстыдно-розовом платье... Но я хотел напомнить вам о другом, настоящие мужчины не отвлекаются на такую ерунду, как женщины. В смысле, перебил вас, пока не сказали то, из-за чего сами же и пожалеете, так как душа у вас наверняка нежная и чувствительная. Вы же всем рыцарским умениям обучены, не так ли? Я хотел сказать, сэр, что условия поединка выглядят как-то странно...

Он насупился, из прорези все так же блистало голодным голубым льдом всех покровов центральной Антарктиды.

— Простите, сэр?

— Поясняю, — сказал я, — вы, рассчитывая меня победить, освобождаете целую страну от тирана.

— Верно, — прогудел он.

— А что получу я в случае победы?

Он сказал нетерпеливо:

— Сэр, вы не победите!

— Но все же, — сказал я настойчиво, — хотя б формально мы должны обозначить, что получаете вы и что получаю я.

Он смотрел туповато, все-таки гиганты грешат медленной логикой, что-то у них осталось от динозавров, которые только через полчаса замечали, что хитрая мелкота отгрызла у них половину жирного хвоста.

Наконец он рыкнул с такой мощью, что мог бы оглушить себя там в тесном шлеме:

— И что хотите вы?

Я указал на женщину, она прислонилась к дубу и смотрела в нашу сторону с живейшим интересом.

— Вот она. Приз победителю.

Он запротестовал:

— Сэр, вы ее совсем не знаете!

— Но если она вам дорога, почему нет?..

Он зло засопел.

— Сэр, чем больше я вас узнаю, тем больше хочется вбить в землю по макушку. И сверху притоптать, чтобы не поганили этот прекрасный мир, который Господь создал людям на радость!

— Значит, трусите? — спросил я громко.

Он дернулся, я спрашивал больше в расчете на реакцию женщины, но она смолчала, зато сэр Тамплиер взвился, как табунный жеребец. Стальные плиты на нем задвигались, поскрипывая, как ползущие по коренным породам ледники.

— Я? — прорычал он оскорбленно. — Сэр, вы пожалеете о каждом непочтительном слове в мой адрес. И даже звуке. Вы готовы?

— Я готов, — ответил я, — но уточним, если я вас собою с коня, вы признаете себя побежденным, а ваша женщина достанется мне?

Он едва не сказал «да», я уже видел, как поднялась грудa металла на его объемистой груди, но женщина вскрикнула:

— Сэр Тамплиер, не соглашайтесь так легко!.. Сбить с коня — еще не победить!

Он подумал и повторил туповато:

— Сбить с коня — еще не победить, сэр Ричард. А вот если и пешего собьете на землю...

— Хорошо, — сказал я. — Кто бы из нас ни оказался поверженным на землю, тот признает себя побежденным. Я отказываюсь от власти гроссграфа, а вы — всего лишь от женщины. Так?

Он сказал оскорбленно:

— Вы отказываетесь всего лишь от власти графа, а я отказываюсь от такой женщины! Как видите, сэр, я приношу жертву гораздо больше. Но я иду на это! Так приступим?

— Приступим, — согласился я, — уточняя еще раз, а то у вас вроде бы вполне понятная для тех, кого часто бьют по голове, забывчивость: я отказываюсь от власти гроссграфа, а вы от этой женщины. Так? А также победитель забирает, как принято в рыцарском мире, коня и доспехи побежденного.

Он подумал, но я прижал его к стене, и он ответил хмуро:

— Ничего вам этого не достанется. Так что я согласен, согласен!

— Прекрасно, — сказал я обреченным голосом, — садитесь на свою корову, которую так ловко замаскировали попоной под коня. Если удержите копье, что-то оно для вас великовато, то вскоре узнаете, как это — кувыркаться по земле, хватая ее костями и пастью!

Он прорычал что-то в своей стальной башне. Я съездил к дереву и взял второе копье, тяжелое, как бревно, и длинное, как корабельная мачта. Когда я повернул коня в сторону лужайки, Тамплиер уже высился на своем гиганте с таким видом, будто ждет меня вечность и начинает превращаться в камень.

Герольда нет, который махнул бы флажком, потому Тамплиер вскричал страшным голосом: «Вперед!», его конь заржал так, что задрожала земля, красиво поднялся на задние копыта и пару раз ударил огромными ими по воздуху.

Я послал Зайчика навстречу, копье опустилось, земля тря-

сется от ударов тяжелых копыт наших коней. Я мстительно нацелился острием в шлем огромного рыцаря, я быстр, как никто в этом мире, этот трудный удар у меня должен получиться и в этот раз, в то время как большинство рыцарей бьет в мишень покрупнее: подставленный щит, тем самым при хорошем ударе выбивая противника из седла.

В сражении еще бьют копьем в туловище, что в турнирном поединке считается позором, и хотя у нас вроде бы не турнир, но, как я вижу, Тамплиер тоже рисковать не стал: острие его копья медленно сдвигается в левую сторону, намереваясь ударить в щит Арианта.

Держись, громила, подумал я мстительно. Сейчас тебе лететь вверх тормашками. И загребать обеими пригоршнями землю. И пожалеть о своем хвастовстве...

И все-таки страх покалывал в груди. Эта живая груда железа несется навстречу очень уж быстро и страшно. И хотя умом понимаю, что лобового столкновения не будет, закованное в сталь чудовище промчится мимо, но вся эта тяжесть, помноженная на скорость, находится на кончике его копья...

В последний миг перед ударом я предугадал по движению корпуса, что Тамплиер понял, куда нацелено мое копье, пытается отклониться, но я успел внести поправку и с наслаждением увидел, как кончик моего копья с ужасающей силой ударил в шлем.

В тот же миг в меня словно попал низко летящий метеорит, размером с тот, что выкосил половину Тунгусии. Я услышал треск позвоночника, боль стегнула с такой силой, что в глазах потемнело. Я чувствовал, что меня катит по земле, но когда перед глазами прояснилось, увидел небо и облака, понял, что почти лежу на конском крупе, откинувшись на спину, а Зайчик замедляет бег.

Когда он остановился на краю поляны, я воздел себя в седле вертикально и с удивлением огляделся. Щит выдержал чудовищный удар этого заостренного бревна, а умело поставленные сочленения доспехов не дали изогнуться слишком уж, оберегая спину.

На той стороне Тамплиер отбросил обломок копья и под-

нял руку к шлему. Забрало слегка помято, я не промахнулся, но как он выдержал удар такой силы?

— Сэр, — прокричал он, — спасибо за хороший удар! Давно не встречал достойного противника. К сожалению, здесь не турнир, где всегда в запасе копыя...

— Да, — крикнул я с облегчением, — пошлем за копыями? Или разыграем в кости?

Он ответил удивленно:

— Зачем? Разве у нас нет другого оружия?

— Гм, — сказал я, — вообще-то в турнирах сперва надо закончить на копыях... По шесть с обеих сторон, потом только...

Он прервал надменно:

— Сэр, это не турнир! Речь идет об освобождении Армландии от появившегося тирана!

— Ага, — ответил я озадаченно, — ну, если дело настолько серьезно... хорошо, сэр Тамплиер, что предпочитаете?

Он покачал головой.

— Поединок предложил я, так что выбирайте вы.

Я мысленно пробежался по своему арсеналу. Лучше бы, конечно, разыграть судьбу Армландии и той наглой леди в покер, я хоть и неважный игрок, но этот громила вряд ли лучше, но такой поединок вряд ли сочтут легитимным. Можно еще посоревноваться в стрельбе из лука, однако Тамплиер — настоящий рыцарь, луком брезгует, как оружием простонародья... Армрестлинг лучше не предлагать, у Тамплиера руки толще моих бедер. Щелчки в лоб тоже наверняка отвергнет, да и лоб у него, как у всех военных, медный, только палец расшибу.

— Что может быть лучше старого доброго молота? — сказал я с натужным оптимизмом. — Истинное рыцарское оружие!.. Никаких уверток, бьет прямо и честно... Если не слишком трусите, благородный сэр, то я сочту за честь вышибить вам зубы прямо на этой вытоптанной вашими задними ногами полянке, где леди сегодня вряд ли сможет собрать цветы.

Тамплиер медленно наклонил голову.

— Хорошо, — донесся густой гул из его шлема. — Мне нравится молот. Надеюсь, мой вам тоже понравится.

— Отлично, — сказал я бодро. — Начнем?

Он кивнул, потянулся за рукоятью своей кувалды, а я торопливо нащупал молот Угаларна. Едва Тамплиер пустил коня вскачь, я замахнулся молотом и швырнул, держа взглядом левое плечо Тамплиера, сейчас прикрытое щитом.

Тамплиер как раз вскинул свое оружие над головой, готовясь к удару, а мой молот пронесся со свистом и со страшным звоном и лязгом ударил в щит.

Я видел, как покачнулся в седле Тамплиер, чутье предупредило меня, что совершилось что-то небывалое, я торопливо вскинул щит на голову...

На меня обрушился горный хребет. В седло не вогнало только потому, что я свесился в сторону и потому ударился о землю с такой силой, что там осталась глубокая яма, а в привычно растопыренную ладонь вяло шлепнулась рукоять молота.

Грохот копыт удалился, странно, в обе стороны. Я поднял звенящую голову. Тамплиер по инерции пронесся на край поляны и там притормаживает коня, этому зверю при его весе требуется большой тормозной путь, а мой Зайчик уже остановился на другом краю, повернулся и смотрит с вопросом в умных карих глазах.

Я с трудом воздел себя на дрожащие ноги. Свершилось небывалое, Тамплиер отбил щитом мой молот, который прошибает даже крепостные стены.

— Господь хранит вас, сэр, — сказал я зло, — но я не вижу причины, чтобы щадить вас дальше.

Он расхохотался гулко и мощно.

— Ваш молот под защитой магии? — спросил он с интересом. — Я почувствовал. Но святая Дева хранит меня от всякой нечисти! Так что ваши подлые увертки чернокнижника, прячущегося под личиной благородного рыцаря, не помогут! И не спасут.

Во рту солоно, я сплюнул кровь, голос у меня стал похож на скрип несмазанных петель в деревенском доме:

— А вас не спасет набожность, святоша. Это я вам только поддавался...

— Что?

— Уши дрянью забило? — спросил я ехидно. — Забавляюсь

я, понятно?.. Мог бы щелчком вышибить из седла, да вот по-развлекаться восхотелось.

Он проревел с угрозой:

— Сейчас вам совсем будет весело, сэр Ричард! Обхохочетесь...

Конь взвился на дыбы, заржал грозно, я не пытался бежать к Зайчику, не успею, а Тамплиер пустил коня галопом в мою сторону. На этот раз в его руке не молот, а громадный сверкающий меч.

Сердце мое дрогнуло и сжалось в смертельном страхе. Лезвие сверкает, горит победным огнем, хотя солнце давно укрылось за облаком, светится изнутри, словно у Тамплиера двоюродный брат меча Арианта...

Я даже не пытался вытаскивать меч, обеими руками держал перед собой щит. Конь Тамплиера несется, как покрытая цветной попоной стальная скала, я уловил момент, когда меч Тамплиера взлетел над его головой, но едва пошел вниз, я метнулся вперед, прямо под копыта его коня, упал на колени, закрываясь щитом.

Стальные подковы с лязгом ударили в щит, но любой конь старается не наступить на человека, и эта глыба, перелетая через меня, грохнулась о землю с той мощью, что задрожала земля, и в ветках дуба взлетели, испуганно крича, ошалевшие птицы.

Глава 12

Я со стоном поднялся, все тело болит, будто полдня по нему лупили толстыми палками. Рядом озверело бьет копытами конь, стараясь воздеть себя на все четыре. Тамплиера отнесло, кувыряя через голову, на десяток шагов, но стальную оглоблю, которую называет мечом, из руки так и не выпустил.

Дрожащей рукой я вытащил из ножен клинок Арианта и, подобрав щит, пошел к нему. Если жив, успею прочесть ему лекцию о христианском смирении и рыцарской гордыне.

Тамплиер сел, тряхнул головой и бодро вскочил на ноги.

— Вот это трюк, — сказал он с изумлением, в голосе я не

услышал даже намека на поражение или хотя бы усталость. — Чувствуется, что вы побывали и в других краях.

Я спросил разочарованно:

— Почему?

Он объяснил любезно:

— Не могу же предположить, что вы сами такое придумали? Тираны всегда пользуются чужим.

— Знаниями пользоваться не зазорно, — возразил я. — Итак, предлагаю вам сдаться, сэр.

Он спросил изумленно:

— Почему это?

Я напомнил:

— Речь была о конной схватке. Вы уверяли, что я вас не соблю с коня.

Он не успел ответить, от дерева пронзительно заверещала леди:

— Не слушай его! У него лживый язык, полный хитростей и яда!.. Сбить с коня — еще не победить!

Он подумал и послушно повторил:

— Сбить с коня — еще не победить, сэр Ричард. Я вас, кстати, тоже сбил с коня. Первым. Мы договорились драться, пока кто-то не собьет другого на землю... Уже пешего!

Я развел руками, не выпуская меч.

— Ну, сэр Тамплиер, просто не понимаю вас. Что за странное желание уткнуться мордой лица, пусть и в шлеме, в землю еще раз? Да просто сдайтесь и постарайтесь получить удовольствие.

Он прорычал оскорбленно:

— Сейчас вы у меня получите удовольствие!

Он легко и быстро шагнул ко мне, я подставил щит, и мы вместе с ним затряслись под градом тяжелых ударов. Я чувствовал, что мои ступни время от времени погружаются в землю. Если бы не бдительная регенерация, что моментально сращивает порванные связки и заживает травмы в суставах, я свалился бы после первых же ударов.

Тамплиер наносил удары справа и слева, бил сверху и неожиданно закручивал лихие финты, просто несолидные для рыцаря его веса и комплекции.

Я чаще принимал на щит, но затем приловчился и, напоминая себе, что я всех здесь опережаю по реакции, начал сам наносить удары. Правда, для Тамплиера это, как с гуся вода, но хотя бы его самого заставляет защищаться, подставлять щит, уклоняться и тем самым не лупить по мне, как по наковальне.

Женщина, что сперва стояла у дуба, наблюдая с великим интересом, села и обхватила руками колени. Через полчаса, видя, что заметных изменений нет, заскучала — женщина! — легла и вроде бы задремала, несмотря на жуткий лязг металла, звон мечей и доспехов, наше тяжелое сопение и топот.

Тамплиер нанес немыслимо лихой удар, сбоку и как-то снизу. Я ощутил подбрасывающий удар в голову, но удержался, а свежий воздух приятно охладил раскаленную голову. Шлем со звоном покатился по земле.

Чувствуя, что вот-вот упаду, а этот железный зверь меня попросту добьет, я вскрикнул:

— Сэр, не пора ли перевести дух?

Тамплиер прорычал:

— Зачем? Сражайтесь, сэр!

— Это неблагородно, — возразил я пылко и с великим чувством достоинства, — и не по-рыцарски. У меня лопнул ремешок, а вы бессовестно этим воспользуетесь? И после этого еще будете называть себя рыцарем? Да над вами будут смеяться даже беспородные куры!

Он остановился, а рука с занесенным для смертельного удара мечом медленно начала опускаться. Из-под шлема раздался свирепый рык:

— Ремень?.. Надо было одевать на двойной простежке.

— Моя вина, — признался я. — Так отдохнем?

Он рыкнул раздраженно:

— Да, но только недолго. Заменяйте свой ремень!

Я отдышался, ноги не держат, женщина сонно отмахивается от Пса, он брякнулся возле нее на спину, скотина, ловит лапами ее руку, а Зайчик равнодушно грызет бревно. Кое-как я собрался с силами и, стараясь не морщиться от усталости, протаскился к Зайчику. Простодушный зверь услужливо под-

ставил бок с седельным мешком, не понимает, что сейчас надо тянуть время, чтобы я успел хотя бы отдышаться.

Копался я долго, но для вида, сам знаю, никаких запасных ремней у меня нет и не было. Я запасливый, но не настолько, так что наконец повернулся и сокрушенно развел руками:

— Увы, куда же он делся....

Тамплиер зарычал в ярости, бросил злобно:

— Погодите!

Он вернулся в шатер, спустя минуту вышел быстро и бодро, в руке широкий ремень. Я ухитрился поймать на лету, он швырнул в полной уверенности, что вот прям так и возьму сразу из воздуха, что я ухитрился с великим трудом проделать, руки все еще налиты горячим свинцом.

Потом я неумело заменял этот ремень, но не мог отодрать обрывки старого. Тамплиер, рыча от ярости, быстро и ловко отделил порванные клочья от металла, швырнул в сторону.

— Чувствуется, — сказал он с презрением, — что вам няньки нос утирали до зрелого возраста. Не уметь заменить ремни подшлемника, это же смешно!

— У меня бывали и другие причины поохотать, — возразил я. — И еще будут.

Он покачал головой.

— Не будет.

— Почему?

Он перекрестился.

— Хотя вы и нехристь, но я зарою вас здесь и поставлю деревянный крестик.

— И что напишете?

Он поморщился.

— Крестика больше чем достаточно. И то лишь потому, что я — благочестивый христианин... Все, ремень на месте, теперь не оторвется, обещаю. Если я что-то делаю, то делаю хорошо.

Мы вышли на середину поляны, Тамплиер не стал отходить на дальний край, чтобы потом сходиться медленно и грозно, просто развернулся, я едва успел вскинуть щит, удар

бросил меня на колени, но из этого положения я ткнул его в ногу, Тамплиер охнул и отступил.

— Не рыцарский удар, — сказал он обвиняюще.

— Рыцарский, — возразил я. — Читайте мемуары сэра Маршалла, лучшего бойца всех времен и народов, а ныне помощника короля Барбароссы!

Он не стал признаваться, что не читал, а что не читал, так это понятно, никаких мемуаров Маршалл не писал, я же намотал себе на ус, что мой противник то ли неграмотен, то ли стыдится признаваться в малой начитанности.

Мы дрались, обливаясь потом, а женщина, устав спать на боку, бесстыдно перевернулась на спину. Голова ее запрокинулась, и если бы не наш неумолчный лязг металла, мы бы услышали, как она храпит. А так слышно только храп Бобика да треск отгрызаемого Зайчиком дерева.

От особо мощного удара Тамплиера, который я по дури пропустил, остро кольнуло в правое плечо, и потом, когда я вскидывал меч, по всему плечу стегала горячая боль.

Я скосил глаза, охнул и отпрыгнул.

— Стоп-стоп!

Тамплиер задержал в воздухе меч, уже занесенный для тяжелого удара.

— Что случилось? Вы сдаетесь?

Я помотал головой.

— У меня пластина на плече погнулась, это не позволяет поднимать руку.

— Ну и что?

Я спросил с удивлением:

— Как что? А вы правда рыцарь?.. Вы в самом деле воспользуетесь подвернувшейся случайностью, чтобы так позорно для вас завершить битву? Ладно, женщина спит, но я беру в свидетели этот лес, эту траву, эту землю, этих ивовых журавлей в небе...

— Не надо, — прервал он поспешно. — Я подожду, когда вы поправите эту пластину. Не так уж она и прогнулась... Странно, я нигде еще не разрубил ваши доспехи.

Я сказал с сомнением:

— Ну, что-то в вас от истинно рыцаря все же есть, есть. Ладно, я сейчас исправлю погнутость, а потом продолжим.

Исправлял я долго и неумело. Тамплиер сопел все громче и негодующее, наконец я, видя, что тянуть дальше рискованно, предложил любезно:

— Доблестный сэр, не окажете ли любезность помочь мне? У вас пальцы не столь изящны, как у меня, в вас все-таки чувствуется простонародные корни, ну, там, кузнеца или конюха, вам эта проклятая железка поддастся быстрее.

Он прекратил сопеть и прожигать меня взглядом, буквально выхватил металлическую пластину.

— Это не проклятая, а благородная, — рыкнул он гневно. — К тому же спасала ваше хилое плечо не однажды! Мой меч вообще-то рубит такие доспехи, как нож капусту, так что скажите ей еще спасибо.

Под его пальцами железо прогибалось, будто он мял бумагу. Без нужды выровняв даже мельчайшие выемки, он протянул мне.

— Готово!

— Прекрасно, — сказал я бодро упавшим голосом, — наконец-то вернемся к схватке! А то все какая-то ерунда по вашей вине ее прерывает.

Он посмотрел на меня исподлобья, тугие желваки заиграли под кожей, но сдержался, только широкие ноздри пару раз встрепенились, словно пытались взлететь и поднять благородного сэра Тамплиера на небеса.

Я облачился в доспехи, встать на задние ноги ох как трудно, все тело болит и стонет, просит пощады. Помахав мечом, я сказал жизнерадостно:

— Вы там еще не заснули? Или все-таки надумали сдаться?

Он выругался так, что явно покраснел даже дуб, под которым дремлет дама, ринулся на меня со скоростью, будто все еще на коне. Да при его росте и массе мне и так все время кажется, что сражаюсь с конным всадником.

— Наконец-то, — сказал я, — а то все увиливаете...

Он снова выругался, уже с такой экспрессией и яростью, что, будь это осенью, с дерева осыпались бы все листья. Я вскинул щит, принял удар, пустив его по наклонной, прямой вгонит меня в землю, как гвоздь, сам начал наносить прямые и косые, которые не оставляют на доспехах Тамплиера даже царапины.

Его меч, к моему изумлению и страху, высекает искры всякий раз, доставая мои доспехи, меч или щит, я холодел при виде глубоких зарубок, еще чуть — и острый клинок достанет мою плоть. Правда, все это вскоре затягивается, доспехи и щит как новенькие, а что делается под ними, все тело — сплошной кровоподтек, пока только задницу и сберег...

Леди под деревом проснулась и начала было заинтересованно прислушиваться, когда Тамплиер вышел из себя, но тот спохватился и дальше дрался в мрачном молчании. Она некоторое время приподнималась на локте, вдруг да мы переговариваемся вполголоса, а женщинам нужно все знать, но, ничего не услышав, опустила голову и вновь уснула, уткнувшись в Бобика.

Я прохрипел:

— А вы женщине не интересны, сэр Тамплиер!

Он прорычал в недоумении:

— Это вы к чему?

— Спит, — сказал я обвиняюще. — Ей все равно, кто победит и кто овладеет ею. Женщины — есть женщины. Достаются сильнейшему, а им самим все равно, кто этот сильнейший.

Он оборвал резко:

— Вам она не достанется!

— Ага, — сказал я с удовлетворением, отскочил, избегая сильного удара в голову, и закончил: — Признаете, что сильнейший — я! Может быть, сразу сладитесь?

Он зарычал и пошел, как бык, напролом, нанося сильнейшие удары из всех положений. Я поспешил воспользоваться размашистыми движениями, мой меч высекал искры и теперь царапал его доспехи тоже, но слишком уж прочные, под стать моим, да и сам он не дает возможности нанести роковой удар... Даже представить себе не могу, каким ударом можно свалить такого быка.

Взгляд мой упал на небо, я отпрыгнул и, торопливо перекрестившись, сказал в благочестии:

— Господь благословил день для работы, а ночь определил для отдыха.

Тамплиер задержал в замахе меч, повернул голову в сторону заката.

— И что? — спросил он в недоумении.

Я перекрестился еще раз и повторил елейно:

— Господь определил день для ратных трудов, а ночь для размышлений о путях праведных! Это значит, поединок, увы, к моему глубокому, даже глубочайшему сожалению, придется прервать до восхода солнца, увы-увы.

Он посмотрел на меня в недоумении.

— С чего это, — рыкнул, как рассвирепевший медведь, — мы станем прерывать поединок? Еще светло!.. Я прикончу вас до восхода луны, так и при ней вполне... Сейчас, кстати, полнолуние!.. Все прекрасно видно.

Я ахнул и посмотрел на него в ужасе:

— Сэр, вы... сатанист?

Он прорычал зло:

— Что за глупость?

— Но при луне... только сатанисты! Они поклоняются луне, в ее честь совершают обряды... Вы какие-то обряды совершаете? Мне можно признаться, дама спит, а один из нас тайну унесет в могилу, так что не стесняйтесь!

Он сказал гневно:

— Да никаких ритуалов... Я — христианин! И мечом свою веру христианскую...

Я злорадно указал на кончик красного солнца, что блеснул рубиновым лучом за краем земли и погас, освещая только облака в небе и сам небосвод.

— Но солнце зашло!

Он ответил упрямо:

— Ну и что?

Я сказал с нажимом:

— Вы что, не знали? Осмелюсь предположить, что вы не только плохой христианин, но и не все обычаи рыцарские знаете... Видать, не из столицы? Видно, видно... Ну это ничего, и в медвежьих углах иногда рождались сравнительно приличные люди. Так вот, благородные рыцари... особо те, что уж особо благородныя... на ночь прерывали поединок, разводили костер, жарили дичь, подкрепляли свои силы и силы благородного противника горячим жареным мясом... а утром про-

должали поединок! Это истинно рыцарское поведение, его воспевают трубадуры!

Он прорычал:

— Не слыхал я таких песен...

Но в громовом голосе я уловил неуверенность. Похоже, в точку: совсем не из столицы эта гора, такие рождаются в каком-нибудь Муроме или Бобруйске и потом из кожи вон лезут, доказывая уязвленно, что и в глубинке есть рыцарская культура.

— Ничего, — утешил я, — как-нибудь протопчут задними ногами и туда дороги. Не всегда там у вас зима и медведи ходят по улицам.

Он взревел:

— У нас есть знатное рыцарство!.. Хорошо, сэр, располагайтесь на отдых, чтоб вы этим отдыхом... Я подстрелю что-нибудь на ужин, раз уж нужна именно дичь, хотя у меня в шатре всякой еды немало...

— Нужна дичь, — прервал я сочувствующе, — таковы рыцарские обычаи!.. Вы, как хозяин этого места, угощаете. А я оценю вашу щедрость и рыцарское поведение.

Это я вовремя ввернул, а то он, судя по его лицу, полагал, что и я охотно ринусь гоняться за утками или оленями. Я с облегчением проводил его взглядом, эта гора довольно легко запрыгнула на другую гору, четвероногую, а я, удерживаясь от желания опуститься на истоптанное копытами наших коней поле и полежать, пока перестанет трястись каждая жилка, собрал себя воедино и потащил к костру.

Глава 13

Бобик напрыгнул на меня пару раз, но я огрызнулся, и он обиженно отстал, только смотрел с укором. Девица встретила меня затуманенным от полусна взглядом и дерзкой улыбкой.

— Похоже, вам досталось, — сказала она милым музыкальным голосом и таким ликующе жизнерадостным, что у меня пальцы зачесались от желания схватить ее за милое, не тронутое загаром горлышко и придушить слегка, а потом уже и не слегка. — Сэр Тамплиер великий воин, не так ли?

— Да, — согласился я, — футов восемь, да? С дюймами?.. С вашего разрешения я присяду для галантной беседы и комплиментов.

Она улыбнулась нахально.

— А у вас еще остались капли жизни на комплименты? Мне показалось, сэр Тамплиер ее почти всю из вас вышиб.

— Показалось, — заверил я, — это я поддавался, чтобы вам сделать приятное. Вам крайне лестно воображать, что едете с самым сильным рыцарем. А для дамы что не сделаешь...

Она кисло поморщилась.

— Неудачно вы начинаете комплименты.

— То ли еще будет, — заверил я. — Я вам еще не сообщил о вашей внешности! И ни с чем ее не сравнивал. А уж характер так и вообще...

Она оживилась:

— Ну так начинайте! Мне барды многое наговорили, учтите. Посмотрим, что умеете вы. Я слышала насчет медвежьего угла, сэр. Должна заметить, что оскорблена за сэра Тамплиера. Он не из медвежьего! У них там в основном туры водятся великанские и огры лесные.

— Верю, — поспешно согласился я. — Как посмотрю на сэра Тамплиера, так и верю, что там огры лесные... Мама его, видать, часто гуляла в лесу, цветочки собирала в поэтическом одиночестве и благородной задумчивости?

Она посмотрела с подозрением.

— Вы на что-то намекаете?

Я выставил перед собой руки.

— Что вы, что вы! Ни на что!.. Просто, когда человек занят или глубоко задумается, он может многое не заметить. Помню, мой батюшка спрашивал служанку, от кого забеременела в этот раз, так она знает, что ответила? Думаете, говорит, я всякий раз оглядываюсь, когда лестницу мою?..

Она фыркнула и оглядела меня надменно.

— Это вы о чем?

— Галантную беседу поддерживаю, — сказал я нагло. — Чтоб вам было интересно. Подбираю темы, которые вас заинтересуют... Эй, Бобик, хватит дрыхнуть!

Бобик нехотя проснулся и сразу полез целоваться. Я неко-

торое время отпихивался, а он умело пробивался сквозь мою защиту, принимая игру, наконец я сказал строго:

— Давай в лес, лежебока! Мы все еще в походе, понял?

Бобик вскочил, помахал хвостом. Глаза заблестели, он успел лизнуть меня в нос прежде, чем я заслонился руками, и в два гигантских прыжка оказался на той стороне изрытого и вытоптанного поля.

Я проводил его взглядом, теперь на месте нашей схватки три года даже трава не будет расти, а уж цветы вообще не появятся до следующей эпохи.

Бобик исчез в лесу, леди посмотрела ему вслед, перевела взгляд на меня:

— Избавляетесь от свидетеля? А сами попытаетесь меня изнасиловать?

Я помотал головой.

— Ни за что! И вам не дамся.

Она спросила с живейшим сочувствием:

— Что, сэр Тамплиер отбил вам... всякий интерес?

— Вы не в моем вкусе, — сообщил я.

— А что во мне не так? — поинтересовалась она. Все же, как ни уверена в себе, но постаралась и бровки приподнять, и глаза сделать крупнее, и губы сложила бантиком, даже выпрямилась сидя, чтобы спина прямее, а грудь заметнее.

— Сиськи маленькие, — сказал я безжалостно, — жопа холодная... Нет, у меня нормальные вкусы сильного здорового мужчины. И умного, кстати. У умных другие вкусы.

Она запнулась на миг, даже губку прикусила, но тут же рассмеялась победно и безжалостно:

— И ничего у меня не холодная! Но вам, сэр, этого никогда не проверить.

Я вздохнул с великим облегчением.

— Спасибо, успокоили. А то уж я опасался, что воспользуетесь отсутствием сэра Тамплиера и лишите меня невинности. С вашего позволения я вот тут лягу. Постарайтесь на меня не набрасываться, хорошо? Сдержите свои порочные страсти, ладно?

Раздался топот, в нашу сторону несется нечто крупное и рогатое, но как-то странно, боком. Леди насторожилась, бы-

стро взглянула на меня, я не среагировал, а Бобик положил оленя возле нас и снова ринулся в лес.

Я в самом деле почти не обращал внимания на женщину, тут не до них, когда жизнь на волоске, а шкуру уже могу представить на барабане. Хотя нет, барабанов я что-то не видел, значит, крестовые походы еще не начались, эти штуки из Сарацинии завезли уже после них вместе со странной привычкой мыться.

Так в чем же мощь этого Тамплиера? Другого я бы уже побил, я тоже не сахарный пряник. Может быть, в его длинных волосах? Фарамонд, создавший новую нацию франков, а на ее основе — величайшую державу, дал и первую династию полупоупендарных королей, так называемых «длинноволосых»: все они были обязаны носить длинные волосы, а чтобы отобрать у такого престол — достаточно было срезать ему волосы, так что «длинноволосые» оберегали свои волосы пуще жизни.

Когда был пленен авиньонский папа римский Бенедикт Тринадцатый, он дал обет не сбривать бороду и даже не подстригать, пока не добьется освобождения и победы. Вожаки гезов поклялись не подстригать бород, пока жестоко не отомстят за вероломно убитых соратников.

Фидель Кастро и его сподвижники поклялись отпустить бороды и не сбривать до тех пор, пока не свергнут проклятого диктатора Батисту и не захватят власть на своей родной Кубе. Их так и называли «бородачами». Они ушли в горы, сражались, собрали сторонников, а потом все-таки одержали победу. Весь мир следил, как бородачи свергли власть диктатора, распределили роли в правительстве, а затем сбривали бороды, но один из руководства по имени Че Геварра заявил, что надо зажигать пожар и мировой революции, потому он не останется жить-поживать на достигнутом, а пойдет во всей небритости во имя великого революционного обета поднимать народ по Латинской Америке.

Сам Фидель тоже не сбрил бороду, для него война не окончена, и потому остался героем и дальше, в то время как его соратники, сбравшие бороды, купались в славе, наслаждаясь выполненным трудным обетом.

Самсону достаточно было лишиться длинных волос, тут же

стал беспомощным. Ага, не здесь ли секрет? Если уговорить эту красивую дуру, а красивые — они все такие, то можно бы в соавторстве и одолеть этого монстра...

Зайчик примчался из кровавого заката, огромный кабан лег рядом с оленем, а Бобик торопливо ушмыгнул в лес, пока я не остановил.

Леди сказала саркастически:

— Всем работу нашли?

Я ухмыльнулся:

— Гроссграф я или не гроссграф?

— Не гроссграф, — отрезала она безапелляционно. — И никогда им не будете.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Да хотя бы потому, что сэр Тамплиер закопает вас тут же, где и разлеглись! Еще и молитву над могилкой прочтет. Он благочестивый.

— А вы такая милосердная, — сказал я, — просто умираете от жалости.

— С какой стати?

— Но ведь христианская душа откинет копыта!

Из леса выметнулся Бобик, мокрый, бросил перед нами огромного сома и спешно унесся обратно, пока я не сказал, что уже хватит. Леди проводила его удивленно-задумчивым взглядом, в глазках появилось иное выражение. Я понял, что с Тамплиером над моим трупом начнется очень даже нехилый торг.

Земля задрожала, затряслась, донесся приближающийся гул. Из темноты, как порождение ночи, вынырнул всадник на чудовищном коне. Яркая попона кричаще напомнила, что конь даже не вспотел, хотя пена с морды падает клочьями, а сэр Тамплиер спрыгнул все так же легко, повернулся и снял с конского крупы молодого оленя.

Взгляд его упал на гору оленей, кабанов, гусей и разных рыб. Я видел, как рыцарь оцепенел и застыл, как вкопанный столб.

Я сказал поспешно:

— Не обращайтесь внимание, сэр, на забавы моей милой со-

бачки. Она любит снабжать провиантом наше войско! Но я предпочту мясо оленя, убитого вашей недрогнувшей рукой. Какие там маленькие братья, ерунда какая...

Он начал молча и хмуро разделявать, уже догадываясь, что гостю не предлагают работу на кухне. Я наслаждался отдыхом, леди тоже не ударила пальцем о палец, а сэр Тамплиер натаскал сухих сучьев, заодно и штук пять засохших деревьев, приняв их за сучья, развел костер. Насадил куски мяса на прутья, хотя я заметил у шатра и чугунный котелок, но, понятно, настоящие мужчины жрут только зажаренное на углях.

Все это в молчании, я уж подумал, что он заподозрил попользования к его даме с моей стороны, потом я понял, что такие дикие мысли даже не придут в голову настоящего рыцаря, а сэр Тамплиер именно настоящий, соблюдающий все каноны и законы, а также верит в их соблюдение другими.

Из темноты, окружающей нашу озаренную светом костра поляну, донесся долгий тоскливый вой.

— Что за зверь? — спросил я вежливо. — Вроде не волк.

Леди посмотрела с недоумением, сэр Тамплиер буркнул:

— Вульферы.

— Это местные волки? — спросил я.

Он посмотрел на меня сумрачно. Я впервые увидел, как это каменное лицо чуть изменилось, то ли подобие намека на улыбку, то ли еще на что.

— Не совсем, хотя похоже.

— На волков?

— Да. На волков.

— А еще на кого? — спросил я и добавил, поясняяще: — Чтобы уразуметь их истинный облик.

Он помедлил с ответом, подвигал прутом угольки, прежде чем ответить:

— Это почти волки, только чуть крупнее. И еще бегают быстрее, соображают лучше. Умеют менять тактику. Хуже то, что ночью их просто не увидеть. Они настолько черные, что даже когда светит луна...

Я передернул плечами.

— А костер?

— Костер, — согласился он.

Я заподозрил нечто недосказанное, сказал, поглядывая на женщину:

— Но ваш костер не освещает всю поляну.

Он кивнул.

— Соображаете. А с виду вы, сэр, не из тех, кто шевелит мозгами. Эти волки, как говорят, зачарованные. В смысле, не родились такими, а кто-то наложил на них заклятие. Но если рыцарь чист сердцем, то заклятия на него не действуют.

Мне почудилась горделивая нотка, да и девица посмотрела на меня победно, я спросил:

— Это значит, что вы их все равно видите?

Он снова кивнул.

— Даже отсюда.

Я посмотрел в темноту за освещенным кругом, не видать ни хрена, так что я не совсем уж и свят, перешел на тепловое зрение, но жар от костра внес такие помехи, что почти не видел и самого Тамплиера. Наконец, перебрав все возможности, вычленил кое-как в темноте смазанные багровые силуэты.

— Восемь зверюк, — сказал я. — И вон с той стороны — две.

Леди охнула, прикусила губу, а сэр Тамплиер посмотрел с недоверием.

— Вы в самом деле их зрите?

— Зрю, — подтвердил я. — Как вот вас. Но если вы волчара еще тот, то они помельче. Особенно вон те два, видите?

Он нехотя кивнул, лицо посуровело, а глаза зажглись подозрительностью.

— Я не могу предположить святость в вас, сэр, ибо вы продали душу дьяволу. Значит, вы одной породы с этими зачарованными зверьми. Так что, уж извините, в наш поединок придется вести... изменения.

— Какие? — спросил я любознательно.

— Бой будет не до победы, — сообщил он буднично, — а до смерти. Я не могу оставить разгуливать по земле исчадие ада.

Я развел руками. Сейчас, поев горячего жареного мяса, я снова чувствовал себя сильным и отдохнувшим, в то время как этот здоровяк все же умаялся, бегая за оленем. Да и здесь хлопочет по хозяйству, а я наслаждаюсь заслуженным, скажем так, отдыхом.

— Как вам угодно, сэр!.. Утром скрестим мечи.

А то и за болтеры возьмусь, добавил я про себя раздраженно. Должно получиться. Эти примитивные молотки не должны различать, кому служат, во что вбивают стальные заклепки. Ишь, до смерти... Фанатик. Нашел нечисть! Нечисть — когда с ног до головы нечисть. И чтоб внутри тоже все черным-черно, а во мне, сам чувствую, белопушистости еще больше, чем зелены. Как и вообще-то в любом человеке, но выглядим говном только потому, что говном выглядеть куда безопаснее: среди говна как-то нормально быть говном, это наша защитная реакция, мимикрируем. Если раньше прикидывались хорошими людьми, то теперь прикидываемся полнейшим говном, так больше уважают в свободном демократическом обществе. И меньше трогают, что куда важнее.

Тамплиер наконец сбросил доспехи, идиот, как он может не снимать их даже на охоту, неужели не чувствует их непомерной тяжести, я бы в таких даже двигаться не смог...

Я поглядывал, как он молится на ночь, сам сделал вид, что молюсь. Верующий создает Господа Бога по своему подобию. Если он уродлив, то и Бог его нравственный урод. А Бог Тамплиера, судя по бормотанию моего противника, — могучий и мудрый рыцарь, что после великих подвигов по созданию вселенной и обузданию великих катаклизмов ушел на покой, оставив добывать драконов и нести справедливость в массы своим верным вассалам-рыцарям.

Закончив молитву, он поднялся с колен и взглянул на меня недобро, в глазах поблескивают багровые искры костра, словно он уже смотрит на костер, где жгут меня, проклятого еретика.

— Что-то я не заметил усердия в вечерней молитве с вашей стороны, сэр.

Я ответил кисло:

— Вам не все равно? Если я, по-вашему, продал душу Дьяволу?

— Но не до такой же степени, — сказал он сурово. — Даже продавшие душу стараются не гневить Господа!

— Можно быть святым и без Бога, — заметил я, — однако я христианин, хоть и не выставляю это напоказ. Святость — то-

же соблазн, сэр Тамплиер! Остерегайтесь впасть в эту гордыню. Лучше бы вы стали чревоугодником...

Он фыркнул, отвернулся, не желая меня слушать, и ушел в шатер. Я собирался лечь у костра, когда он выглянул и осведомился учтиво:

— Или желаете в шатре?

— А вы не будете стягивать одеяло? — спросил я так же учтиво.

Он нахмурился:

— Я имею в виду, что уступлю место вам! А сам лягу у костра.

— А-а-а, — сказал я, — это другое дело! Леди, надеюсь, тоже будет спать в шатре?

Он смерил меня убийственным взглядом.

— Нет, — произнес после паузы, — я передумал. Вы будете спать все-таки у костра. Кстати, можете насыщаться всю ночь, утром обязательно закончим этот непристойно затянувшийся поединок.

Глава 14

Иногда меня посещает совсем уж крамольная мысль, что ближе всего к Богу тот человек, который его отрицает. Во всяком случае, набожность уж точно не приближает к Богу, а скорее ставит между человеком и Богом некий незримый забор.

Из шатра донесся ровный храп, я не стал угадывать, кто это из них храпит, возле меня Бобик посапывает совсем тихо, как ребенок, взмолился мысленно: «Господи, ну дай мне силы!.. Он прав, но и я прав... Во мне больше говна, но я больше стремлюсь к чистоте и свету, так что победа важнее!.. И если победю, то во славу церкви что-нить да сделаю!.. Еще одну церковь поставлю... да что там церковь, их и так как говна — обязуюсь целый монастырь выстроить... честное рыцарское!.. Я прямо сегодня после победы пудовые свечи поставлю и закажу молебн... ну, какой-нибудь, чтоб колокола звонили!.. Тертуллиан, ты хоть и святой теперь, но как был свиньей, так ею и остался. Появляешься, когда сам хочешь, а когда вот так позарез нужен мне, то сразу в кусты?.. Или в райские кущи?

Мелькнула мысль, что Тертуллиан всего лишь один из отцов церкви, создатель ее основ, а я ему приписываю даже способность читать в душах людских, что пока что отдаем одному лишь Богу, сказал едва слышно:

— Тертуллиан!.. Раньше ты хоть как-то, но помогал!.. Конечно, с моей стороны нагло просить о помощи, ничего не предлагая взамен, у тебя и своих дел хватает... ну, наверное, хотя не могу даже представить, чем там заниматься в кушах бестелесным... словом, я вообще не обращался к тебе за помощью, ты сам являлся!.. А теперь, когда мне помощь нужна как никогда... чем ты, бессовестный, там таким занят в своих райских кушах?

Раздался приближающийся грохот, словно с вершин горного хребта несется каменная лавина, сметая на своем пути села и города. Засверкали жуткие молнии, меня ослепил всежигающий свет, я закрылся руками и пугливо посмотрел на шатер.

Из-за горизонта блеснул луч, я отшатнулся, но он мгновенно отыскал меня и выжег сетчатку глаза. Ослепленный, я тер кулаками слезящиеся глаза, передо мной прямо из земли с грохотом и содроганием грунта вырвался поток багрового огня.

Я широко распахнул глаза, никогда не видел Тертуллиана таким, а он быстро принял обычный плазменный вид сгустка чистейшего белого света, загрохотал устрашающе:

— Ты... что ты творишь?

— Во славу Божью, — ответил я твердо и выпятил подбородок, попробуй оспорь, хрен сумеешь, формула безотказная, под нее подверстать можно все. — И во славу церкви тоже, кстати. Ты к ней еще имеешь отношение?

Он прогрохотал:

— Да как ты смеешь?

— Тихо, — попросил я, — Тамплиера с дамой разбудишь. Как бы они ни утрудились, могут проснуться.

Он сказал все тем же гневным грохочущим голосом:

— Он чист и свят! И в мыслях не держит того, на что ты намекаешь своим грязным языком!.. Не проснутся, не волнуйся. Они оба спят чистым праведным сном и в ночных грезах бро-

дят по этим самым райским кущам, о которых ты так неуважительно... Что ты хочешь?

— Извини, — сказал я покаянно, — это я так спросил, на всякий случай. Вдруг, думаю, эволюционируешь и дальше. Ну как от римского патриция-язычника после раздумий и тягостных сомнений, не получая поддержки от великого и могучего, перешел в христианство! А сейчас нарыл что-то еще, ты же думающий человек... хотя сейчас вроде бы и не совсем... Я имею в виду, не совсем человек, а не то, что ищущий, размышляющий, мыслящий... Мыслить, думаю, будешь, даже если окажешься в червяке или камне...

На миг меня опоясала сплошная стена огня, я очутился будто внутри пламенной трубы, это Тертуллиан в задумчивости или в ярости, святых понять трудно, прошелся вокруг меня на привычной ему скорости.

— Что ты хочешь? — прогреготал он снова. — Чтобы я помог тебе в этом поединке?

— Ну...

Он отрезал:

— Этому не бывать!

— Почему? — спросил я отчаянно. — Разве я не прав?

Огненная фигура приняла форму человека, я даже рассмотрел гневно перекошенный рот, оттуда выплескиваются языки пламени, и пылающие глаза.

— А разве он не прав? — ответил он вопросом на вопрос. — И нам его правота ближе и понятнее!

— И что? — спросил я. — Ну не верю, что всегда была борьба только с черненькими, а беленькие с беленькими никогда не дрались!.. Да не за баб или власть, я такое не сказал, не намекай, а за... торжество идей!.. Светлых над серыми, а светлейших над светлыми!.. Даже хорошее не сдается без боя лучшему... что, скажешь, не так?

Он прорычал:

— А кто сказал, что лучше — ты? Тамплиер не в пример чище!

Я возопил:

— А кто спорит?.. Речь о другом!

— О чем?

— А то не знаешь!.. Я всю Армландию хочу сделать святой страной... ну, в пределах разумности, а он держит в святости только себя и это место у трухлявого моста!

— Совсем не трухлявого...

— Но всего лишь моста!

— Не только, — возразил Тертуллиан. — У него замок и три деревни.

— Это больше Армландии?

Он смолчал; сопел и кряхтел зло и раздраженно. Наконец прорычал:

— Я не уверен, что ты не ввергнешь Армландию в еще больший грех. Что-то от тебя серой пахнет. И глаза какие-то красные...

— И спина поцарапанная, — добавил я. — Тертуллиан, я тебя не узнаю! Засомневался? Боишься рискнуть?.. Раньше ты не страшился бросить все свое языческое богатство и пойти за христианами. А сейчас предпочитаешь римскую синицу христианскому журавлю! Вот так революционеры становятся чиновниками?

Он фыркнул:

— Это ты христианский журавль? Видал я таких журавлей. Где пролетают, трава пять лет не растет.

— Тертуллиан, — сказал я настойчиво, — я пригласил из Зорра отца Дитриха, ты это знаешь?.. Как думаешь, зачем?.. Я отдал замок с богатыми землями отцу Улфилле, а это такой лютый фанатик!.. Как думаешь, зачем? Я уже начал ковать кадры церковной власти!.. Ты, как один из отцов церкви, должен оценить и дать мне пряник. Я уже начал одуховнивать Армландию, а что делает мой противник? Он мешает!.. Пусть из самых лучших побуждений, но тормозит прогресс, что уже началось... почти, во имя церкви и прогресса!

Он прорычал зло и гневно, напомнив самого Тамплиера:

— Все равно этому рыцарю вредить не стану, он святой человек.

— А я — паладин! — напомнил я ревниво. — Мой рыцарско-монашеский сан выше!

— Нет у тебя никакого сана, — напомнил он. — Паладин — это не сан! Ладно, я же говорю, возьму грех на душу...

— Поможешь? — спросил я с надеждой.

— Нет, — отрезал он. — Но и помогать Тамплиеру не стану.

— Какой же это грех? — вскрикнул я. — Да и первый у тебя грех, что ли?.. Как и у меня?.. Главное, чтобы жила страна родная, все остальное тлен. Конечно, жила в святости и благочестии. Ну вот как я.

Он отмахнулся.

— Лучше уж молчи про свою святость. Хотя, конечно, за тебя говорит то, что ничем не воспользовался из сатанинских штук, что набрал на Юге.

— Да я еще не знаю, — признался я, — работают ли здесь. У меня есть подземный вихрь, так я ему сколько раз велел предстать, когда еще попал в кольцо Барьера... Видать, не может через океан. Или вообще у Севера и Юга разные системы вооружения? Даже транспорта, как догадываюсь. Боюсь, что здесь не сработает то, что там просто блистало...

— Боишься?

Я вздохнул.

— Вообще-то должен быть рад. Хотя, если честно, вовсе не рад. Дурак был бы я набитый, если бы такому радовался. Даже праведнику не мешает хороший острый меч и добротные доспехи. Да ты и сам прекрасно знаешь! Кто мне помог добыть меч, щит и доспехи святого рыцаря сэра Арианта?

— И лук, — напомнил он сварливо. — Но тебе они не помогут.

— Почему?

— У твоего противника, — ответил он серьезно, — доспехи благородного лорда Игнателія. Он всю долгую жизнь боролся с язычеством, нес темным народам свет христианской веры на острие меча, а в конце жизни принял мученическую смерть от своих же отступников, но не отказался под нечеловеческими пытками от веры Христа. За такое он был принят в сонм святых, а его личные вещи обрели чудесные свойства.

— Ага, — сказал я горько, — сам еще тот мордovorot, а теперь на нем и доспехи, как у меня! Ну, спасибо, Тертуллиан, утешил!.. Помог.

Он ответил сухо:

— Я пообещал не помогать ему одержать верх над тобой.

— И за то спасибо, — сказал я язвительно. — Хоть буду биться один на один, а не против двоих!

Утром я постарался выглядеть отдохнувшим и свежим, как огурчик. Тамплиер, к моему удивлению, вышел не из шатра, а из-за него: в руках два свежевystруганных копыя, наконецники блестят, заново насаженные на древки.

— Начнем после завтрака с копий, — сообщил он. — Нужно соблюдать рыцарские традиции.

— Непременно, — ответил я светлым чистым голосом. — Ночью мне явился светлый ангел и предрек победу! Мне приятно будет одержать ее оружием, которым гордится приспешник Зла.

Тамплиер нахмурился:

— Ангел? Знаем таких ангелов... К вам могут только вороны прилетать, сэр Ричард. Черные, гнусные, с вот такими носами... Да еще летучие мыши.

— Ага, — ответил я лучезарно, — ангелы, значит, прилетают к вам?

— Ко мне, — подтвердил он и уточнил: — Прилетают.

Я потер ладони в радостном предвкушении.

— Как хорошо... Гордыня — смертный грех. Спасибо тебе, Господи, что указал червоточину в сердце этого некогда благородного человека! Я убью его, а потом помолюсь за его проданную... или отданную безвозмездно дьяволу душу...

Из шатра вышла, позевывая, леди. Бобик подбежал к ней и подставил голову. Она бесстрашно почесала ему за ушами, что мне понравилось. Люблю женщин, что не боятся больших собак.

Тамплиер оглянулся в их сторону.

— Еще я заберу по праву победителя, — сказал он, — вашего коня и собаку. Это помимо доспехов и оружия, естественно.

— Конечно-конечно, — заверил я. — Я тоже, как мы договорились, кроме вашей женщины забираю вашего коня, доспехи и ваш меч. Ерунда, конечно, но порядок есть порядок. Кто мы, чтобы спорить с рыцарским этикетом?

Он нахмурился:

— Вы все еще полагаете, что можете меня одолеть?

— А вы уверены, что никогда и ни за что? — спросил я. — Ого, какая непомерная гордыня, сэр! Да, верно мне подсказал сам Господь, что этого человека обуяла дьявольская гордыня.

Гореть вам в огне, сэр. По заслугам, кстати. Но я пролью по вас христианскую слезу всепрощения! И закопаю со смирением, без всяких криков восторга и плясок на могильном горбике.

Он покачал головой.

— Никто не скажет, что мною движет гордыня.

— Ого, — сказал я снова еще радостнее, — это уже сомнение! Другой смертный грех.

Он остановился, смотрел на меня обеспокоенно.

— Что за грех? Я такого не помню.

Я вскрикнул патетически, обратив лицо к небу:

— Эй, там сверху, плюйте на него! Он в своем тягчайшем самомнении забыл о христианском смирении и скромности, преисполнился гордыни, что внушена ему дьяволом... а как же иначе?... Не-е-ет, я, как рыцарь церкви, не могу такое стерпеть и прямо шас, пренебрегая сытным завтраком, вызываю вас, сэр Тамплиер, как сделавшего уступку дьяволу, на смертный бой.

На его лице проступило замешательство. Уже с беспокойством посмотрел на меня.

— Вы уверены, что отказываетесь от завтрака?

— Это неважно, — ответил я радостным светлым голосом, — Господь укрепит мои силы, а светлые ангелы поддержат!.. Сэр Тамплиер, вы когда-то верно служили Господу, но поддались наущениям дьявола, возгордились своей святостью и непорочностью, потому настал ваш час быть повергнутым.

Он взревел в негодовании:

— Я?... Да я и в мыслях никогда даже!..

— А женщина? — спросил я коварно.

— Что женщина? — прорычал он гневно. — Я спас ее из рук гнусного Бгенлоэ-Ингельфингена и везу к родителям. Я и не подумал о плотской близости с нею!

— И тем самым нанесли ей тяжелую сердечную рану, — сказал я лицемерно. — Сэр Тамплиер, вы бахвалитесь своей непорочностью, а бахвальство — еще один смертный грех, хоть и не внесен в перечень. Ваша душа уже черна, как девятый круг ада, трепещите перед гневом Господним! Он долго терпит, но больно бьет. Шас вы получите, шас получите... Это

не я вас собью на землю, а сам Господь Бог моей праведной десницей!

Я говорил вдохновенно, глаза мои сияют, я даже старался встать так, чтобы на глазных яблоках играли отблески костра, расправлял плечи и показывал всем видом, что вот прямо щас в меня вливается небесная благодать, нисходит с небес вдохновение и незримая поддержка ангелов, а также самого Господа Бога.

Тамплиер смотрел пристально, я видел, как дрогнуло его лицо, в глазах проступила неуверенность.

— Что ж, — ответил он нерешительно, — если вы так настаиваете...

— Конечно! — воскликнул я. — Разве не видите, что Господь дал мне силы?.. Да я сейчас готов сразиться с легионом бесов, не только с вами, их вожаком!

Он возразил автоматически:

— Я не их вожак...

— Вы это еще не заметили, — сообщил я с жаром, — но вы уже на стороне Сатаны!.. Господи, благодарю тебя, что в час этого испытания дал мне увидеть черную... нет, пока только начавшую чернеть душу этого человека и наставить его на путь истинный своей недрогнувшей рукой!.. Аминь.

Он с беспокойством смотрел, как я перекрестился и легко вскочил на Зайчика, затем сам взобрался на своего чудовищного коня и взял в руку копьё.

Мы разбежались на вытопанные копытами наших коней края поля, одновременно пришпорили их и понеслись навстречу друг другу, выставив копыя. Давай, Зайчик, взмолился я, и ты, Господи, помоги, сам знаешь, что от меня пользы больше, и ты, копьё, выдержи удар, и вообще я должен, обязан...

Мы сшиблись на середине поля, как два стальных метеорита. Раздался страшный грохот. С неба посыпались оглушенные птицы, из-под земли выбрасывались мертвые кроты, а я сам, потерявший сознание и полумертвый, держу в руке копьё, чувствуя, что это не копьё, а жалкий обломок древка...

Зайчик почему-то остановился. Я с жутко грохочущей головой с трудом оглянулся. Конь Тамплиера с пустым седлом, а сам Тамплиер лежит на спине, раскинув руки среди разлетевшихся в щепы обломков наших копий.

Глава 15

Я повернул Зайчика, еще не веря своему счастью. Тамплиер зашевелился, сел, тряхнул головой и с трудом поднялся на ноги. На мой взгляд, он пострадал меньше меня, только лицо остается все таким же озабоченным, а в глазах тревога. Я с замиранием сердца понял, что своим обвинением в неверности святым заповедям я потряс его сильнее, чем молодецким ударом копья, а в бой он вступил, думая совсем о другом.

— Поздравляю вас, сэр Тамплиер, — сказал я поспешно, голос мой хрипел и срывался, как у старой больной вороны, — вы спасли душу!

Он прогрохотал с непониманием:

— В чем?

— Вы не призвали демонов на помощь, — объяснил я. — Это значит, вы еще не предали идеалы рыцарской веры сознательно! А мелкие проступки и грешные мысли всегда можно искупить благочестивыми делами.

Он посмотрел на меня враждебно.

— Я не предавал...

Я отмахнулся:

— Сейчас это не важно, мелкие проступки не в счет. Я вижу, что в целом вы на стороне святого дела!.. И Господь Бог это видит тоже, хотя ему и труднее: нас много, а он один. Впрочем, сейчас, когда наш поединок закончен... вы ведь не станете оспаривать результат?.. Мы можем продолжить разговор уже у костра.

По его честному лицу я видел, что оспорить результат ему ох как хочется, но святость — это прежде всего ограничения, он сжал челюсти и ответил контролируемым голосом:

— Если, конечно, не услышу ничего предосудительного.

Я спрыгнул с коня и, если бы не держался за седло, упал бы на подломившихся ногах, однако выдавил слабую улыбку и заверил с достоинством:

— Сэр, вы сами убедитесь! Я понимаю, там дама... Кстати, по условиям, от выполнения которых вы, как честный человек, отказаться же не можете, эта женщина переходит ко мне, вы не забыли?

Он прорычал тяжелым голосом:

— Господь наказал меня за гордыню!.. Что в сравнении с этим потеря женщины, доспехов и даже коня?

— Вот и хорошо, — сказал с облегчением. — Вообще-то я не бабник, ради женщины даже не оглянусь... Нет, оглянусь, конечно, если в самом деле красивая, но на край света не пойду. Так что смогу отдать вам женщину взад... при одном маленьком условии.

Он спросил почти равнодушно:

— Каком?

Мы подошли к костру, женщина бросала на меня испуганные взгляды, но я не обращал на нее внимания, и она сразу обнаглела, не чувствуя крепкую мужскую руку, начала пофыркивать все громче, смотрела свысока и всячески демонстрировала свое высокое положение, что выражалось в полном отсутствии всяких манер.

Ветер дует свежий, но высокая зеленая стена из виноградных лоз защищает надежно, пламя костра почти не колеблется. Тамплиер медленно опустился по ту сторону огня. Я видел по его лицу, что все еще потрясен обвинениями в недостаточной святости, даже поражение в поединке отступило на второй план, а я, стараясь не упускать инициативу из своих рук, заговорил напористо и деловито:

— Вы отправляетесь в замок Стальной Клык и принимаете его под свою власть. Если продержитесь год и один день, я возвращаю вам вашу женщину. Коня и доспехи отдам, естественно, прям шас.

Он прорычал в недоумении:

— В замок? Почему?

— Там непростая ситуация, — объяснил я. — Участились нападения варваров, степных людей, бароны Байру Руаяль и Доминик Волтон сцепились в схватке за те земли... Тот замок очень важен как крепость. К тому же земли, которые он охраняет, на границе!

Он буркнул:

— С чем?

— С Турнедо.

— А-а-а, с Гиллебердом...

Я кивнул.

— Вот-вот, вы уже слыхивали о его репутации? Если удержите замок и земли, получите женщину. Не удержите — вас раскатают там по двору, как лягушку. А я скажу, что вы вообще-то слабый рыцарь. Больше хвостун и трепло перед бабами.

Он прорычал злее:

— Я и не удержу?.. Но я не понимаю, почему я должен принимать такое странное условие!

— Объясняю на пальцах, — ответил я любезно. — Я дурак, самодур и тиран, а вы в белом и весь из себя идеал справедливого рыцаря. Народ стонет под моим гнетом, а вы, приняв замок, сразу же устанавливаете самую лучшую форму правления, самую справедливую и достойную, вы же... ну вы же себя знаете! И весь народ в замке и прилегающих окрестностях будет славить вас и проклинать меня. Разве это не сладкая морковка?

Он задумался, смотрел на меня набычившись. Если мускулы его работают быстро, то мозг явно уступает в скорости. Наконец прорычал уже тише:

— Но вам что это дает?

— Вы беспокоитесь обо мне? — удивился я.

— Да идите вы в задницу, — ответил он разозленно. — Скорее в аду снегопад костры загасит, чем стану о вас беспокоиться! Я хочу понять, где тут подвох.

— А вы не дурак, — сказал я уважительно, подумав, что дурак редкостный, вот прямо щас расскажу, в чем подвох, жди, я рыцарь, но не настолько. — Вы сразу раскусили меня... В общем, мне важнее сохранить ту крепость под моим контролем, чем мнение обо мне тамошних людишек. Я хоть и христианин, а перед Богом мы все равны, но то перед Богом, а так вообще мелкие людишки вообще-то говно редкостное, потому их мнение обо мне интересует мало.

Он подумал, тяжелый и медлительный. Я слышал, с каким скрипом проворачиваются жернова его мозгов, наконец прогудел тише:

— Год?

— Да, — ответил я быстро, — год и один день. Не знаю, правда, при чем тут день, но все так говорят. Наверное, кра-

сивше. Или торжественнее! Достаточный срок, чтобы всем показать, какой я никчемный правитель! А вы не только себя прославите, для вас это не так важно, вы же благородный, но продемонстрируете, как правильно устроить жизнь в том баронстве. И вообще, как надо жить. Кстати, есть еще одно важное обстоятельство, крайне важное для вас лично.

Он буркнул:

— Какое?

— Вы быстро вернете свою пошатнувшуюся святость, — сказал я быстро. — И укрепите ее праведной жизнью, поступками и примером! Как вы понимаете, в роли хозяина земель быстрее набираете баллы, чем в сингле. На вас ответственности будет больше, а за год вообще можно стать святым!

Он долго думал, наконец прогудел, как пароход в тумане:

— Нет. Я не могу принять ваше предложение.

Сердце мое оборвалось.

— Почему?

— Я посвятил себя борьбе со Злом, — провозгласил он торжественно и тяжеломерно. — Я не могу отступать от своих рыцарских идеалов.

Я воскликнул торопливо:

— Погодите, погодите, доблестный сэръ! Здесь некоторое досадное недопонимание. Уточняя: вы, приняв власть над замком, вольны вершить суд и расправу сами, по своему усмотрению! Мы можете изгнать и повесить чернокнижников, сжечь всех ведьм, можете сами выступать ежедневно со Словом Божьим, вольны выстроить церковь и ежедневно там клеймить Сатану и его войско!.. Уверю вас, там вы принесете гораздо больше пользы, чем вот здесь, на мосту.

Он слушал хмуро, на лице рунами и резами начертано неприятие всего, что говорю. Наконец прорычал:

— А где ваша выгода?

Я вздохнул облегченнее, начинается диалог, сказал с хитрой улыбкой подлеца, надеюсь, получилось:

— Вы мудрый человек, сразу все поняли, ха-ха!.. Приятно встретить умного человека! Это такая редкость.

Он буркнул, не лоясь, как он считал, наивный, на комплимент:

— Так в чем же?

— Сэр Тамплиер, — сказал я, — вы даже не представляете, насколько каждый тиран озабочен, чтобы его страна была богатой, толстой и счастливой!

Он зыркнул на меня исподлобья.

— Врете, — сказал он мрачно.

— Почему? — удивился я.

— Потому что вы — тиран, — ответил он хладнокровно. — Тираны все врут. Порода такая.

Я покачал головой.

— Только по необходимости. Как и все люди. Кстати, у тиранов такой необходимости меньше. Вы понимаете, почему.

— Все равно врете, — сказал он.

— Нет, — сказал я убеждающе. — Во-первых, когда страна богата, все заслуги могу приписать себе лично. Во-вторых, бедный народ и ограбить не удастся...

— Ага, — сказал он удовлетворенно. — Значит, все-таки, чтобы ограбить?

— Ну да, — подтвердил я. — А как иначе? Но тут такой наступает момент... Зачем грабить, когда и так все свое? Для тирана вся страна — его двор. Зачем грабить самого себя?

Он замолчал в затруднении, а я продолжил торопливо, пока он не наткнулся на какой-то железобетонный довод:

— На те земли, как я уже говорил... вроде говорил?... претендует король Гиллеберд. Земли барона Гяуссера... ныне бывшие, в смысле, барона теперь того больше нет, а замок и земли я отдаю вам, если еще не поняли. Так вот те земли узким клином вклинились, простите за тавтологию, это совсем не ругательство, а такое куртуазное извинение, в земли королевства Турнедо! Король Гиллеберд считает те земли почти своими, но не заботится о них и не развивает их, так как они все-таки не его официально.

Тамплиер рыкнул:

— А почему он так считает?

Я вздохнул.

— Защитить некому, Армландия в постоянных драках, а общей армии нет. Сам же барон Гяуссер не смог бы отстоять свою землю даже от соседей, баронов, как я уже сказал, Байру

Руаяля и Доминика Волтона, очень воинственных, кстати. Вы от них еще наплачетесь!..

Он поморщился, но промолчал. Я продолжил с жаром:

— Сейчас для меня король Гиллеберд хуже, чем вы, благородный сэр Тамплиер. У него армия, у него резервы, экономическая мощь и устойчивая репутация в международных кругах. Словом, везде у него концы. Я хоть и сволочь, но хочу держать Армлиндию единой. Как вы правильно сказали, рано или поздно я то ли зарвусь, то ли меня кто-то скинет с гросс-графства, это неважно, но лучше, если скинут и все захватят свои, чем все заграбастает чужак Гиллеберд.

Он подумал еще, на челе проступила складка, означающая глубокое раздумье.

— А какая разница?

— В смысле?

— Чьей будет считаться та земля, — пояснил он терпеливо.

Я сказал с подъемом:

— В том-то и дело! Я мечтаю, как бы сделать край богатым и счастливым и на этом обрести славу, а Гиллеберд мечтает стяжать воинскую славу, как у Карла! И вообще мечтает потягаться с самим Карлом. Представляете, сколько прольется благородной крови, сколько выгорит городов и сел, сколько расплодится воронья на трупах благородных рыцарей и обесчещенных солдатами лядей!

Он снова думал долго и мучительно трудно. Я невольно вспомнил, как у ста самых именитых турнирных бойцов спросили: не вредно ли частое участие в таких боях для мышления? Десять ответили, что очень вредно, а девяносто, увы, не поняли вопроса. Потому церкви так и не удалось получить поддержку королей о полном и безоговорочном запрете турниров.

Сэр Тамплиер наконец сказал густым рыцарским голосом:

— Хорошо, я принимаю это странное условие. Год берусь служить вам, если это не будет противоречить рыцарским принципам и не уронит моего благородного имени... но через год я свободен от всех клятв и обещаний!

Это прозвучало угрожающе, я ответил почти мирно:

— Учту.

— Год? — повторил он вопросительно.

— Года хватит, — согласился я. — Вернее, год и один день. Хотя, если поторговаться, этот день можно и скостить... Думаю, его для того и цепляют, чтобы потом уступить, но рыцари не торгуются, потому этот добавочный день и волочится следом, как напоминание о старом добром времени. Словом, за год столько может произойти... И меня могут вбить, как вы мечтаете, в землю без вашего участия... мало ли бродячих героев?.. Сам таким был в далекой молодости, это где-то месяц-два назад... как давно это было! Так что обретете свободу даже раньше.

Он снова подумал и переспросил:

— И коня?

— И коня, — согласился я.

— И оружие?

— Лорд замка должен был на лучшем коне, — ответил я, — и с лучшим оружием. Так что все это ваше, сэр Тамплиер. Вы появитесь в полном блеске грозного хозяина! И милостивого, как захотите. И, конечно же, самого справедливого из всех существующих и даже намысленных!

Я видел по его лицу, как усердно трудится дьявол: вот появилось сомнение, вот проступает желание выступить перед новым народом, а они слушают со склоненными головами и мнут в руках шапки, а он говорит, конечно, о величии Господа, о Его благодати, Его милости, а уже потом скажет несколько слов о себе, их новом хозяине, суровом, но справедливом...

Вдруг он насторожился, рука его пошарила возле себя по земле в поисках меча. Из-за холмов показались конные рыцари. Закатное солнце кровавым блеском заливает блещущие доспехи, повисает брызгами крови на уздечках и конское сбруе.

Вперед вырвались на легконогих конях разведчики, следом выдвинулся отряд тяжеловооруженных рыцарей. Во главе я узнал массивную фигуру сэра Растера.

— Это мои, — сказал я успокаивающе. — Не дождались...

Он осведомился:

— А что, им велено было ждать вашего возвращения?

— Да, — ответил я, — но не сержусь. Они за меня беспокоились.

— Но нарушили воинский приказ, — обронил он неодобрительно. — Таких надо наказывать.

— Надо, — согласился я. — Но мы уже почти демократы. Принимаем во внимание чувства любви и преданности к своему сюзерену. Сейчас у меня такой рейтинг, что и на демократических выборах занял бы такое же высокое... да...

Нас рассмотрели, войско остановилось, там начали готовиться к привалу. Группа тяжелых рыцарей направилась в нашу сторону. Тамплиер оглянулся, я кивнул, он замедленно взобрался на своего носорожистого коня. Я подозвал Зайчика, запрыгнул в седло и соизволил обратить внимание на женщину, она растерянно смотрела то на одного, то на другого.

Я протянул ей руку.

— Леди, вы сядете за моей спиной.

Она фыркнула и топнула ногой.

— Вот еще! Ни за что! Я поеду с сэром Тамплиером!

— Теперь вы моя добыча, — сказал я со злорадством. — Так что и не хрюкайте. Садитесь!

Она демонстративно отвернулась и обратила свой взор на Тамплиера. Тот прогудел гулко, словно на голову одет Царь-колокол:

— Он выиграл приз, леди Филиппа.

— Ну и что?

— Теперь ваша судьба в его руках.

Я продолжал держать требовательно протянутую руку. Леди Филиппа с неохотой ухватилась за нее, но достаточно цепко, я легко вздернул ее на конский круп, где она сразу ухватилась за мой пояс.

— Какой конь у вас неудобный!

— И сам я не красавец, — сообщил я. — С вашей точки зрения, понятно.

— А с вашей?

— С моей, — произнес я небрежно, — я само совершенство.

Рыцари остановились на почтительном расстоянии. Сэр Тамплиер, огромный, как гора на горе, держится в седле совершенно неподвижно, копьё, правда, отсутствует, зато огромный меч и щит на месте, но красавица теперь за моей спи-

ной, но почему-то мне кажется, что от этой потери Тамплиер совсем не страдает.

Рыцари подъехали, сохраняя воинский строй и без всякой необходимости демонстрируя готовность к немедленной и яростной схватке.

Я издали вскинул руку.

— Все в порядке!

Приблизившись еще, сэр Растер воскликнул с великим облегчением:

— Сэр Ричард! Мы места себе не находили, когда вы покинули нас так надолго... Мы уж собирались...

Я прервал, пока он не наговорил чего лишнего:

— Дорогие друзья, позвольте представить вам сэра Тамплиера. Он любезно согласился отправиться в крепость Стальной Клык, это бывшие владения Гяуссера, если кто помнит этого лорда, и взять ее под свою руку. Он обещает в течение года и одного дня ревностно защищать ее от разбойников, варваров, степных людей и всяких поползновений со стороны соседей!.. Есть ли более благородные обеты?

Рыцари остолбенело смотрели на сэра Тамплиера. Тот молча и надменно взирал на них, как на муравьев, с высоты огромного коня и своего нехилого роста. На женщину за моей спиной все взглянули по разу и тут же не то чтобы уж забыли совсем, но оставили разглядывание до более благополучных времен.

Макс нашелся первым:

— Я провожу сэра Тамплиера через наш лагерь.

— А сэр Ричард напишет бумагу, — напомнил барон Альбрехт неприятным голосом.

Я спохватился:

— Да-да, вы абсолютно правы! А еще говорят, на хрена оппозиция... Быстрее письменные принадлежности! Я не хочу заставлять доблестного сэра Тамплиера ждать.

Мне почудилось, что эта блистающая гора из высокопрочной стали надменно улыбнулась, моя нервозность объяснима, но оба с конем не двигались, как каменные, пока я писал. Барон Альбрехт выхватил из моей руки предписание, быстро пробежал глазами, скотина, проверяет грамматику, помахал в

воздухе, чтобы быстрее высохли чернила, свернул в трубочку и с учтивым поклоном передал Тамплиеру.

— Сэр Тамплиер, — сказал я официальным голосом, — вам вверяется в полное и безраздельное управление замок и земли вот здесь... это на границе с королевством Турнедо. Не буду скрывать от вас, на эти владения положили глаз соседи с той стороны... Я вам это уже говорил, но пусть все увидят, что я вас предупредил! Чтоб вы не сказали: ах-ах, я не знала! Я имею в виду поползновения короля Гиллеберда, хотя те земли всегда входили в состав Армландии. С тыла у вас надежный лорд Будакер. Он тоже недавно получил свои земли во владение, он человек основательный, уже немолодой, глупостей не наделает. В случае чего обращайтесь к нему за помощью.

Тамплиер прорычал, как злой медведь:

— Это он пусть ко мне обращается!

— Пусть, — согласился я. — Может быть, и обратится. Первым. А потом уже вы. Разве рыцари не должны помогать друг другу, как завещано в Священном Писании?

— Должны, — согласился он неохотно, даже не поинтересовавшись, где же такое в Священном Писании, — но я со своими делами справляюсь сам!

— Но вы же не откажетесь прийти на помощь другому рыцарю?

— Не откажу, — ответил он неохотно.

Он молча спрятал грамоту на владение замком и землями за пазуху, повернул коня и так же молча пустил шагом в сторону дороги.

Его провожали застывшими взглядами, больно много невероятного, только сэр Растер проворчал:

— Не больно он любезен. Но... это же сам Тамплиер! Ему простительно.

Глава 16

Рыцари повернулись ко мне, но я понял, что теперь смотрят не на меня, а за мою спину. Я уже не интересен. Примелькался, а вот Тамплиер... леди Филиппа...

Я соскочил на землю, в ногах все еще слабость, протянул руку теперь уже моей собственности в розовом платье.

— Прошу вас.

Она оперлась о мое плечо и соскользнула с коня, быстрая и грациозная, как белка. Я держался настороженно, хоть ее и передали с рук на руки, как купленную козу на базаре, но все-таки леди... С другой стороны — все по-честному, по рыцарскому соглашению, а она живет в насквозь рыцарском мире и принимает его законы. Тем более что непростая коза, а высокородная леди Филиппа, дочь барона Кракатаурвица, знатока и строгого ревнителя рыцарских правил, законов и обычаев.

— Сэр Норберт, — сказал я, — проводите мою пленницу в шатер сэра Тамплиера, который он крайне любезно оставил мне. Вместе с этой дамой.

Норберт вскинул брови, леди Филиппа на мои слова никак не отреагировала, и он наконец поклонился ей, сказал нерешительно:

— Прошу вас, леди... Я проведу вас...

Барон Альбрехт смотрел им вслед, а когда Норберт откинул перед нею полог, пробормотал:

— А зачем она вам, сэр Ричард?

— Станный вопрос, — буркнул я.

Он покачал головой.

— Да ладно... Мы все понимаем, что для утех куда удобнее служанки. А эта, судя по лицу и вообще... по всему, особа своенравная и капризная. Таких пленников, как и пленниц, стараются либо не брать, либо поскорее сбывают с рук.

— Взяв подороже, — вставил Макс.

Растер посмотрел на него с кислой улыбкой.

— Разумеется, наш юный друг знает больше нас в таких вопросах. Кто в чем преуспевает, понятно. Одни в ратном деле...

Макс густо покраснел и сказал, оправдываясь:

— Сэр, но я только повторил ваши слова! Я, как верный ваш младший соратник, живу вашими словами и поступками!

Рыцари захохотали, Макс обиженно набундючился, а я заговорил, разряжая ситуацию:

— Что делать, надо же было какую-то рестрибуцию или хотя бы репарацию наложить на сэра Тамплиера?

— Коня бы взяли, — сказал он с недоумением. — Такой конь, а? За такого коня я бы десять таких лядей!

— И я бы, — согласился я. — Даже одиннадцать дал. А то и двенадцать! Но коня пришлось оставить. Как и все доспехи. И меч. Ему и во всем железе придется совсем не сладко в той крепости. Как вы помните, ее можно сдуть, как соломенные домики трех поросят.

Он покачал головой.

— А вам еще неслаже с этой леди.

Я покачал головой, понизил голос:

— Насчет нее у меня другие планы.

— Перепродать? — спросил сэр Растер заинтересованно.

— В самом деле, вернуть родителям, — объяснил я. — Я же отнял ее у некого Тамплиера, что держал ее в своем шатре неизвестно для каких целей!

Сэр Растер посмотрел с укором.

— Сэр Ричард, неужели вы такое скажете?

Я ощутил неловкость, отмахнулся:

— Я как раз смолчу. Но факт, что отнял у Тамплиера и доставил родителям, скажет в мою пользу лучше всяких речей. Политик должен повышать свою репутацию всеми доступными средствами! А Господь простит, я все творю во славу Его имени. И во славу пока еще справедливой, победоносной и совсем не политкорректной церкви.

— Аминь, — сказал сэр Растер.

— Аминь, — согласился и барон Альбрехт. — Особенно если учесть, что ее родители, семейство барона Кракатаурвица, тоже из клана, который издавна ревниво оберегал свою самостоятельность. Не будь у них в соседях воинственные и гордые бароны, их клан вполне мог бы расширить влияние и на центральную Армландию. Вы понимаете, что это значит?

— Претендовал бы на корону?

— А чем черт не шутит? Остановить их было бы трудно.

— Гм, — сказал я, — тогда я должен сам отвезти ее родителям! Сильных людей предпочитаю иметь на своей стороне.

В шатер я вошел без всякого галантного смирения. Учивость учтивостью, но мы учтивы только тогда, когда нам это ничего не стоит. Если же из-за моей учтивости мне попробуют сесть на голову, а эта леди из таких, то надо сразу объяснить ей в понятных терминах ее место.

Леди Филиппа полулежит на коврах, взгляд рассеянный, изящные пальцы играют цепочкой на тонком поясе.

— И что теперь? — поинтересовалась она, выдержав мой по-бараньему прямой рыцарский взгляд.

— Теперь, — повторил я, — теперь вы расстались с возлюбленным Тамплиером... или вы ему жена?.. и отправитесь дальше, дальше...

Она удивилась:

— Никакая я не жена ему! И не возлюбленная.

— Гм, — сказал я с недоверием, пусть думает, что мне надо объяснять на пальцах, — а кто?

Она ответила живо:

— Вы не понимаете, сэр Ричард! Меня похитил граф Гогенлоэ-Ингельфинген со своими людьми, но сэр Тамплиер по просьбе моего отца немедленно пустился в погоню, настиг в одном красивом ущелье. Надо ли говорить, что граф и его люди остались там воронам на расклевание?

— На расклевывание, — поправил я.

— Да ладно, хоть на расклевательство! Но на обратном пути мы повстречали вас, сэр.

— Ричард, — сказал я.

— Сэр Ричард, — послушно повторила она.

— Просто Ричард, — поправил я и добавил злорадно: — Нам придется целый год быть вместе, дорогая. Только через двенадцать месяцев я верну вас сэру Тамплиеру. А он отвезет вас к вашим родителям. Будете знать, как гулять по ночам далеко от замка.

Она возмутилась:

— Я не гуляла!.. Меня выкрали прямо из замка! Почти...

— «Почти», это как?

— Из сада, что при замке! И вообще, что вы имеете в виду насчет целого года вместе?

— Вы в какой-то мере заложница, — объяснил я. — Сэр

Тамплиер лучше будет управляться с замком, зная, что вы в недостижимости и в моей власти. И что получит вас только через год, да и то, если выполнит все условия. Так что вы успеете изучить все мои сексуальные прихоти за это время. Правда, они все примитивные, но все-таки, все-таки...

Она ахнула, смотрела на меня округлившимися от возмущения и ужаса глазами.

— Что?

— Я же тиран, — напомнил я. — И самодур. И неограниченный деспот. Ну, пока что районных масштабов, но ведь и вы, эта... не всекоролевская значимость?

— Я — леди Филиппа, — ответила она и гордо выпрямилась, выпячивая небольшую, но красивой формы грудь. — Мне трубадуры посвящают песни! И баллады. Один даже поэму пишет!

Я кивнул понимающе.

— Значит, хорошо кормите. Посмотрел бы я на того, кто живет при вашем дворе, а песни посвящает леди из соседнего замка! Уверен, у вас виселица не пустует, не пустует...

Она задохнулась от возмущения, а я поклонился галантно-покровительственно, ухитрившись в одном жесте показать, что хоть я и само совершенство в манерах, но в то же время и ее господин. Так что если начнет качать права, то не поколеблюсь проявить самодурство во всем феодально-пещерном размахе.

— Вы... вы... грубы! Невыносимо грубы!

— А все-таки жаль, — сказал я сожалеюще, — что вы не его жена. Я человек примитивный, мне чужую жену почему-то слаще, чем свободную женщину... Все-таки и во мне, человеке закона, есть что-то гадкое, подталкивающее ломать заборы или хотя бы писать на них гадости. Все-таки я свинья, свинья. Правда, красивая и с манерами.

Она сказала почти со слезами в голосе:

— Никакая вы не красивая свинья! А просто свинья! Грубый кабан!

— Но ведь в мужчине должна быть некоторая небрежность? — спросил я намекая. — Словом, мы поладим. Нравится вам это или нет.

Я поклонился со зловеще-устрашающим видом, усмехнулся, как положено усмехаться всесильному насильнику, и вышел.

С бароном Альбрехтом и Растером мы обошли отдыхающее войско, Макс встретил и отпортовал бодро, что больных и отставших нет, обоз с походной кузницей подходит, сегодня же нагонит нас, он под охраной, но пока починки доспехов и перековки коней не требуется.

— Прекрасно, — сказал я, — благодарю за службу, сэр Макс!

Он зарделся от удовольствия, Растер сказал довольно:

— Моя выучка!

Барон загадочно улыбался. Все мы знаем, что Макс уже знает и умеет больше Растера, но глубоко чтит ветерана за его житейское знание, богатый воинский опыт и сочные рассказы о странствиях.

Когда вернулись к шатру, леди Филиппа ждала нас, сидя на обрубке дерева. Судя по ее виду, созрела для решения, к которому я ее подталкивал чуть ли не пинками.

Растер посмотрел на нее с неодобрением, но крепко взял раскрывшего было рот Макса под локоть и повел дальше, а барон, напротив, остался и рассматривал мою добычу с нескрываемым интересом.

Леди Филиппа сказала живо и с таким живейшим вдохновением, словно эта изумительная идея только что пришла в ее кудрявую голову:

— Сэр Ричард! Вы просто обязаны немедленно отправить меня к моим родителям! У вас достаточно людей, чтобы выделить небольшой отряд для охраны.

Я поморщился:

— С какой стати? У меня свои дела. К тому же у меня обязательства перед сэром Тамплиером.

— Продержать меня в шатре год? — осведомилась она ядовито. — А потом вернуть ему?

— Год и один день, — уточнил я и посмотрел на нее раздевающим взглядом. — Думаю, за это время мы... гм... придемся.

Она процедила ненавидяще:

— Я вас убью в первую же ночь!..

Барон Альбрехт кашлянул в сторонке, вид подозрительно мирный, сказал консенсусным голосом:

— Сэр Ричард, есть вариант.

— Какой? — спросил я сварливо.

— Пусть леди доставит сам сэр Тамплиер.

Я покачал головой.

— Его уже и след простыл. Ему нужно спешить в замок Стальной Клык. Эх, что за название... Вот увидит этот сарай Тамплиер, прослезится. Как только король Гиллеберд узнает, что прежнего хозяина мы... словом, сместили, он захочет предпринять какие-то шаги. Тот замок и земли, как вы помните, всегда были под его контролем, хоть это и наши земли.

Он сказал учтиво:

— Но после вашего... гм... торгового договора с Его Величеством королем Гиллебердом разве предполагаются... всякие недоразумения?

Я покачал головой:

— Нет. С королем нет.

— Так что же?

— Могут возникать недоразумения с соседними лордами. В том числе и с теми, кто хозяйничал на землях Гяуссера. Как вы помните, Гиллеберд редко когда вмешивается напрямую. Рыцарь из него хреновый, зато политик...

Барон подумал, кивнул.

— Понятно, сэр Ричард. Но это не отменяет варианта, чтобы сэр Тамплиер сам отвез леди Филиппу ее отцу. Но потом... когда истечет срок этого обета.

Я подумал, сказал нерешительно:

— Через год?... Гм...

— А что год? — удивился барон. — Пролетит быстро. Леди Филиппа поживет у него, а потом сэр Тамплиер, свободный от всех обетов, сам и отвезет...

Леди насторожилась, веселость сползла с ее щек. В глазах проступило непонятное выражение.

— Нет-нет, — произнесла она уже не так заносчиво. — Только не с ним снова.

Я удивился:

— В чем дело, леди? То вы говорили, что лучше этого рыцаря нет на свете, то теперь отказываетесь провести с ним год в замке... Это же так романтично! Вдвоем, когда метель замела все дороги, вдвоем у камина...

Она задрожала, отчаянно помотала головой.

— Нет! Нет и нет! Ни за что!.. Он... слишком хорош. А я не выношу святость в таком... объеме.

Мы с бароном переглянулись, тот медленно опустил веки, понимая, что и мы бы не вынесли, так что я поступил мудро, сразу убрав Тамплиера подальше, чтобы не портил наше войско. А то еще евангелия возьмут в руки вместо мечей и топоров.

Барон вздохнул:

— Понимаю, женщинам нужна некая порочность. Потому вам так и не хочется уходить от нас... особенно от сэра Ричарда. Но, возможно, сэр Ричард уважит вашу просьбу? Если это, конечно, просьба?

Она сжала челюсти, глаза метали молнии, девушка из тех, кого с детства приучали не просить, а требовать, но, наверное, мама все-таки рассказала, что, когда шкура львицы не помогает, надо одевать лисью, я с удовольствием смотрел, как губы красотки сложились в примирительную улыбку.

Ее грудь красиво приподнялась при вздохе, а голос прозвучал уже не требовательно, а почти умоляюще:

— Сэр Ричард... Мои родители — могущественные лорды. У отца две тысячи рыцарей, а еще есть у дяди и мужа сестры, все мы поддерживаем друг друга. Если вы доставите меня отцу, он будет вам крайне признателен! Мама будет счастлива. Все-таки я у них единственная дочь...

Я подумал, а чтоб было видно, что колеблюсь и никак не могу прийти к окончательному решению, сопел, двигал кожей на лбу, вздыхал, в затруднении оглядывался по сторонам, наконец, в раздражении махнул рукой.

— Ладно, уговорили! Даже не знаю, чего это я такой сегодня добрый.

— Вы отправите меня к отцу? — воскликнула она. — Отец щедро наградит вас!

Я сказал надменно:

— Как гроссграф я сам могу наградить кого угодно и куда угодно! Нет, вас я не отправлю к отцу...

Она охнула, прижала кулачки ко рту. Я подумал и тяжело-весно закончил:

— ...но отвежу сам. У меня это получится быстрее. А войско пока отдохнет и потихоньку двинется по нашим следам. За это время барон Альбрехт выяснит, не остались ли где еще очаги гнусного мятежа против вполне законной власти.

Барон наклонил голову, пряча довольную улыбку.

— Да, сэр гроссграф. К вашему возвращению мы будем иметь всю информацию по Армландии.

— И перейдем к следующему этапу, — сказал я. — Вы не забыли, что объединение по Бисмарку Армландии — не самоцель?

Он кивнул:

— Да, сэр Ричард. С нетерпением жду, что будет дальше.

Зайчик подбежал на свист, леди Филиппа удивленно вскинула брови, я вспрыгнул в седло, она спросила изумленно-обиженно:

— А я?

Я протянул ей руку.

— Как галантец, — объяснил любезно, — предоставляю даме право ехать хоть сзади, хоть спереди.

— Ехать?

— Сидеть, — поправил я себя. — Или вы рассчитываете на роскошную повозку, запряженную двенадцатью лошадьми?

Она сказала возмущенно:

— Но хотя бы отдельную лошадь!

— Вы с Тамплиером как ехали? — спросил я ехидно.

Ее плечи зябко передернулись.

— Я надеялась, хоть вы... не этот... ну, тамплиер!

— Все мы иногда еще те тамплиеры, — заверил я, — но в данном случае это простое удобство.

— Удобство? Какое же это удобство?

— Увидите, как доберемся быстро.

Она с сомнением смерила взглядом моего арбогастра.

— В поединке он показал себя... Но в состоянии ли нести двоих? И долго?

— Увидите.

Она нехотя протянула руку. Пальцы ее показались мне холоднее, чем она сама. Я подхватил ее легкое тело, усадив перед собой. Так интимнее, потому если дама не оговаривает особо, куда ее посадить, большинство мужчин предпочитает держать их вот так. В объятии, можно сказать, так как руки вроде бы заняты поводом, а на самом деле все время почти шупаешь то, что почти в кольце рук.

Примчался Бобик с огромной шукой в пасти. От изумления раскрыл пасть, шука выпала и начала прыгать по земле, пугая коней.

— Ладно, — сказал я досадливо, — уговорил. Пойдешь с нами. Только не шалить, вести себя тихо!

Бобик от избытка счастья попытался запрыгнуть на Зайчика, то ли целоваться с нами, то ли сесть на свободное место на крупе и ехать, как человек.

Зайчик моментально ударил копытом, Бобик увернулся, стальная подкова блеснула на солнце и с лязгом впечаталась в зеленую стену. Во все стороны брызнули струи зеленого сока, со змеиным шипением взметнулись искры, а люди присели от громового удара.

С той стороны стены вылетела, раздирая паутину виноградных лоз, массивная гранитная глыба. Стена задрожала, послышался треск. Барон Альбрехт вскинул голову, глаза его округлились.

— Разбегайтесь! — закричал он.

Зайчик торопливо отбежал, повинувшись моим каблукам. Стена шаталась, камни двигаются, шевелятся, стараются удержаться в гнездах, но Зайчик выбил очень уж крупный блок, треск и пощелкивание все громче, наконец стена медленно начала оседать, виноградные лозы сделали последнюю попытку удержать в прежнем виде, они заинтересованы больше всего, однако глыбы всей массой раздули стену, превращая в шар, лозы затрещали и начали лопаться.

Позеленевшие от мха глыбы осели каменным холмом, лишь некоторые откатились в стороны.

Альбрехт удерживал испуганного коня, перекрестился.

— Все во славу Господа... Уничтожен еще один очаг язычества.

— Боремся, — подтвердил я. — Видите, у меня даже конь христианский!

Он бросил на Зайчика взгляд, полный сомнения. Зайчик весело ржанул и пошел рысью, потом галопом, а когда наше войско исчезло из виду, грохот копыт перешел в сухую дрожь, а та слилась в тихий шелест.

Леди Филиппа, укрываясь от ветра, все больше прижималась ко мне. Зайчик несется красиво и гордо, не вытягиваясь в струну, встречное давление ему нипочем, зато роскошная грива укрывает маленькую женщину, как навесом. Я видел, как она удивленно поглядывает по сторонам.

Ноздри Зайчика раздуваются, самому нравится скачка, а в моих ушах уже гремит музыка дикой охоты, когда слетает и тот налет цивилизованности, что еще сохранился, и вот я уже хищный и алчущий крови зверь, могучий и всепобеждающий и побеждающий...

Ветер свистит в ушах, леди Филиппа вжалась в меня, думаю, уже не только в попытках подчинить своему обаянию, но и в самом деле укрывается от ветра. Наверняка пожалела, что не села сзади. Вообще-то я никогда не думал, что у меня спина широкая. Но здесь оказалось, что акселерация превратила меня в настолько рослого здоровяка, что мама не горюй, никак не привыкну, что сильнеешие воины поглядывают с опаской.

— Он в самом деле быстр, — проговорила она мне в грудь. — Никогда не думала, что можно так.... Он как птица. Думаю, вы не захотите с ним расстаться?

— Ни за какие деньги, — ответил я ей в макушку. — А если не за деньги, гм... тоже. Просто не представляю, что мне могли бы за него предложить стоящее. А вы представляете?

Она благоразумно промолчала.

Зайчик шел на большой скорости, но, конечно, я благоразумно не показывал, на что он способен. Если даже свои знают только, что у меня быстрый конь, но не знают, насколько быстрый, то ни одна женщина не узнает тем более.

Бобик на бегу пытался заняться охотой, я сказал «фу», и до чего же умный Пес: все понял и бежал сбоку, тихий и послушный.

Часа через полтора, когда половину расстояния до ее замка мы прошли, я присмотрел хорошее место на опушке небольшой роши, там раскидистые дубы простерли ветви так широко, что в тени укроется целое войско, на земле полно сухих сучьев, а широкая полоска зеленой травы сказала яснее ясного, что растет по краям крохотного ручейка.

Леди Филиппа соскользнула с седла мне в руки, как легкая добыча, но я принял деликатно и подчеркнуто почтительно. Я ушлый малый, милая, знаю, как добыча легко превращается в охотника, а охотник становится добычей.

Она даже прижалась ко мне на миг, но я вот такой тупой, намек не понял и не воспользовался, а нынешние леди, к счастью, еще не расфеминизировались до стадии, когда сами хватают нас за гениталии и прямым текстом говорят, глядя в глаза, что от нас ждут.

Я собрал сучья, разжег костер, не показывая, почему он вспыхнул у меня так быстро, выложил на полотенце сыр, холодное мясо, хлеб и сласти.

— Еще до заката вы обнимете своих родителей, — пообещал я.

— Так быстро?

Мне показалось, что произнесла она без достаточного ликования.

— Уверяю вас.

Она в задумчивости посмотрела на Зайчика.

— Неужели он способен мчаться еще быстрее?... Дивный у вас конь.

— А я? — спросил я обидчиво. — Как-то вы не замечаете самое очевидное!

Она посмотрела на меня критически, потом кивнула.

— Ах да, вы же победили самого Тамплиера...

— Ну да! И вообще я просто чудо. И красавец, не находите?

Она снова окинула меня оценивающим взглядом, повторила в глубокой задумчивости:

— Странно, вы все же победили Тамплиера...

овдовевших жен! Таким образом герои лишаются бессмертия даже в детях, зато потомство труса определяет развитие цивилизации.

Она отвернулась, я пристыженно умолк. Такая отвратительная правда коробит даже меня, потому мне как политику предстоит и здесь сделать нечто, чтобы трусы не получали преимуществ над честными людьми. А для этого, увы, придется воевать как можно меньше, другого пути пока не вижу, а еще перед трусами и жуликами возвести прочные барьеры, через которые честные люди будут проходить, даже не замечая...

Мы заканчивали обед, когда Бобик вдруг вскочил и унесся очень уж целенаправленно, а Зайчик насторожил уши. Вскоре донесся конский топот, в нашу сторону мчались, придерживая испуганных Бобиком коней, рыцари в походных доспехах.

Я поднялся, рассматривая их внимательно. Мой меч рядом, достаточно протянуть руку, все остальное тоже при мне, а главное — Зайчик готов подставить спину, так что уйду от любой погони.

Всадники на крупных рыцарских конях, покрытых красными, зелеными, оранжевыми попонами, у многих коней пышные султаны между ушей, как и у всадников на шлемах. Панцири блещут, на треугольных щитах разъяренные львы, тигры, вепри, медведи, только у одного мелькнул молодой дуб с вырванными корнями, я уж подумал, что знаю его имя, хотел удивить эрудицией, но дубоватый рыцарь затерялся в задних рядах.

Они не опускали копья для схватки, зато окружили так, чтобы я не смог при неблагоприятном развитии событий ударить. За моей спиной раздался довольный возглас моей пленницы:

— О, здесь и сэра Пениберд!.. И сам доблестный сэра Рабермэйл! Ну вот и все, сэра Ричард!.. Вы свободны. Это люди моего отца, дальше я поеду с ними.

Рыцари согласно зашумели, один проворно покинул седло и, подбежав к нам, преклонил колено. Леди Филиппа попыталась проскользнуть к нему, но я придержал ее рукой.

— Нет.

Она вскрикнула негодуя:

— Что это значит?

Рыцари смотрели заинтересованно, но еще без вражды. Я покачал головой и повторил:

— Нет. Я обещал сэру Тамплиеру доставить вас к родителям. Мой долг рыцаря так и поступить.

Рыцарям, похоже, не понравилось, в то же время понимают мою правоту. Нельзя женщину передавать в руки незнакомцам, надежнее ее лично доставить в замок отца.

Она сказала возмущенно:

— Я приказываю!

Я покачал головой.

— Я не ваш человек, высокородная леди. Мне вы не можете приказывать.

— Рыцарь должен подчиняться даме!

— В куртуазных делах, — напомнил я. — А здесь дикое поле, где правят совсем другие законы.

— Здесь мои люди!

Я развел руками:

— Извините, но мне кажется, ваши рыцари понимают мою позицию.

Она сказала резко:

— Здесь приказываю я!

Рыцари молча отводили взгляды.

— Во всем, — согласился я, — что не касается ратных дел. Зато в таких важных, как вышивать, вязать или закалывать волосы. И всякие там гребни носить — это самое важное, я не спорю и не пытаюсь вмешиваться. Даже подсказывать не рискну.

Коленопреклоненный лорд опустил взгляд, пряча усмешку. Другие рыцари поглядывали индифферентно, но один, отличающийся огромным ростом и массивной фигурой, весь медведистый и с гербом медведя на щите, прорычал с вызовом:

— Сэр, на вашем месте неблагоразумно спорить.

— Мне? — спросил я надменно и с наигранным изумлением.

— Вам, — ответил он с нажимом.

— Я эту леди отобрал у сэра Тамплиера, — сообщил я, — победив в поединке.

Наступило молчание, все смотрели с великим почтением, даже медведистый притих, но леди Филиппа прокричала возмущенно:

— Он победил Тамплиера нечестно!.. И он сам в этом признался.

Рыцари начали переглядываться, а медведистый взревел злорадно:

— Я так и знал!

Я спросил холодно:

— Что вы знали, сэр?

— Что обманом заполучили нашу леди!.. Сэр Тамплиер не тот рыцарь, который вам отдал бы!

— Что, — уточнил я, — леди?

Он, как ни странно, в ловушку не попал, а проревел еще злее:

— Победу!

Я сказал еще холоднее:

— Сэр, это звучит как обвинение.

Он рыкнул:

— Это оно и есть!

— Тогда это еще и оскорбление, — добавил я.

Он выпрямился во весь рост и грянул во весь голос:

— Принимайте его, как поняли!

Напряжение сгустилось, рыцари начали подавать коней в стороны, только медведистый остался на месте. Я вздохнул:

— Леди Филиппа, у вас очень неучтивые рыцари. Уж извините...

Медведистый взял в руки копье, но увидел, что я и не подумал шагнуть к своему жеребцу, прорычал довольно, что так еще лучше, спешился и снял с седла огромный двуручный меч.

— Я барон фон Данцберг, — сказал он так громко, что это имя должно меня испугать.

— Так и напишу на вашей могиле, — сообщил я любезно.

Леди Филиппа напрасно тянула за повод и дергала Зайчика. Он и не догадался сдвинуться хотя бы из вежливости, а рыцари зачарованно ждали поединка. Я сделал несколько чистых

и неглубоких вздохов, очищая мозг и нагнетая адреналин. Прошло то время, когда я дрался здесь так, как дерутся другие, осторожничал и подражал чужой манере боя, по глупости полагая, что раз эти люди дерутся с детства, то умеют это делать лучше меня.

Барон с диким ревом бросился в атаку, явно пытаясь сбить с ног тяжестью своего закованного в наковальни доспехов тела. Я в последний момент быстро шагнул в сторону, зато моя правая рука еще раньше начала движение с таким ускорением, что едва не рвутся мышцы. Раздался жуткий лязг, барон пронесся мимо, как носорог, но голову его закинуло назад с такой силой, что края шлема заскрежетали о панцирь спины.

Он рухнул, я подошел к Зайчику и поднялся в седло, хмуро посмотрев на побледневшую леди Филиппу. Она, как зачарованная, покорно приняла мою руку, и я легко поднял ее к себе на коня. На этот раз она предпочла занять место на конском крупе.

— Этого кабана, — бросил я холодно, — можете забрать, можете оставить. Думаю, запомнит тяжелую руку сэра Ричарда. Да и не только он...

Рыцари спешили, к поверженному подходили осторожно, еще не веря и ожидая, что барон вскочит и с ревом потребует, чтобы я сражался. Когда перевернули на спину, даже я поморщился. Забрало вбито вовнутрь мощным ударом с такой силой, что кровь брызнула даже из расщепа на макушке, куда вставляют перья.

— Он... — проговорил один рыцарь потрясенно, — убит?

— Не думаю, — утешил я, — жить будет. А вот питаться всю жизнь манной кашкой не так уж плохо. Вполне здоровая пища. Хоть и полнит.

Они смотрели ошалело, один удар — и с сильнейшим рыцарем отряда покончено. Для них ужас ситуации в том, что боя фактически не было. Я просто нанес удар, один удар, в то время как рыцари дерутся долго, мечи звенят, высекают искры, доспехи раскалываются, как толстые скорлупы орехов, бойцы сопят, кричат, вздыхают, стонут, выкрикивают проклятия и оскорбления.

Но я видел разные бои и в разных стилях, уже понимаю,

как у этих людей выигрывать именно быстро. А мое преимущество в рефлексках позволяет это сделать.

— Отправляемся дальше, — велел я, — но если хотите оказать помощь барону, я могу по вашей просьбе задержаться чуть.

Большинство просто не сообразили, что я сказал, только тот же молодой рыцарь сказал быстро:

— Да-да, сэр Ричард, мы просим вас задержаться чуть, пока мы снимем доспехи с сэра Данберга и окажем ему помощь...

Покореженный шлем скрипел, скрежетал, уже не шлем, а смятое железное ведро. Трое могучих рыцарей отгибали углы, у двоих нашлись инструменты, едва не распиливали. Я сам скривился, у барона Данберга вместо лица сплошное кровавое месиво, зубы вбиты в глотку, разве что зубы мудрости уцелели, хотя, думаю, этих зубов у рыцарей все еще нет. Зубы мудрости — это уже эпоха промышленной революции...

Мы поехали впереди, меня уже в самом деле не заботило, что и как там с бароном, зато это урок всем остальным. Наглядные уроки воспринимаются лучше, чем сто тысяч мудрых заповедей.

Я старался держать лицо ровным и спокойным, но меня чуть ли не трясло от осознания, что со мной что-то происходит. Я же разбил ему лицо с таким удовольствием... с таким наслаждением! Хотя мог бы просто сшибить с ног, вырубить, все равно была бы победа. Но что-то во мне меняется, я чувствую радость от схватки. Это, как его, упоение в бою.

Это что же, я интеллигент с кулаками? А бывают такие? Ладно, если не было, то я — первый.

На Зайчике я мог бы домчаться, как и собирался, с леди Филиппой достаточно быстро, но с отрядом рыцарей так не получится, зато можно установить контакты, это же мои люди, я ими правлю, хоть они еще не подозревают. Самым смышленным выглядит виконт Клаудардель, молодой и жизнерадостный, хотя иногда кажется, что жизнерадостность напускная. Он словно прочел Карнеги, что человек с улыбкой нравится всем, вот и сияет...

Рыцари Кент, Аларлис и Рене выглядят авторитетными, знатоки традиций, с этими я тоже язык найду. Остальные пока не ясно, чем дышат, но, похоже, пойдут за лидерами, как и положено рыцарям, верно и преданно.

Солнце медленно опустилось за темный край земли, очень красиво смотрятся темные силуэты скачущих всадников на фоне зловеще-красного заката, будто несемся в пылающий ад, а небо над нами уже темное, земля еще темнее.

Взошла огромная луна и повисла над краем темной земли, и снова темные силуэты скачущих рыцарей внезапно появляются на бледном круге луны и так же быстро исчезают.

Наконец конт Инурлинг с досадой велел присматривать место для ночного привала. На меня поглядывал враждебно, я прекрасно понимал начальника отряда. Если бы не везли со всеми предосторожностями покалеченного мною барона Данберга, еще до восхода луны могли бы въехать в городские ворота и сейчас сидели бы в шумном и веселом кабаке.

Для ночлега присмотрели три дуба, что выдвинулись из леса на сотню шагов, словно дозорные, могучие и широко раскинувшие ветви.

В лесу так вольно не удастся, тесно, все тянутся вверх, зато здесь похожи на исполинские грибы, как из-за толщины стволов, так и кроны идут широко в стороны, захватывая хоть солнца, хоть звездного неба как можно больше. Один дуб так вообще чудовище, больше похож на вросшую в землю скалу с трещинами и дуплами, а на толстых ветках можно выстроить целый город.

Вокруг множество толстых сухих веток, не надо ходить в лес, сразу запылал костер. Оруженосцы разбили небольшой походный шатер, с другой стороны деревьев отыскался небольшой родник с чистой водой.

Сэр Инурлинг задумчиво трогал пальцами ствол самого толстого дуба, там содрана кора до белого мяса дерева. Я прикинул, какая должна быть шкура у зверя, который почесался, вздрогнул.

— Может, сама отвалилась?

Он оглянулся, покачал головой.

— Нет, дерево не настолько старое. Либо ацетоки сгрызли, либо рексдаун чесал бок. Весной их часто донимают клещи.

— Что для нас лучше? — спросил я.

— Рексдаун, — ответил он. — Все-таки не плотоядное. Но перед ним лучше не маячить, больно раздражителен. Хотя при его силе должен быть более величавым. Сказано, животное...

Лицо презрительное, вот лев, к примеру, не животное, потому он величавый и держится с достоинством, а всякие быки и коровы — животные, нет в них гордости.

— Ладно, — сказал я, — о часовых, надеюсь, позаботитесь?

— Да, конечно, — ответил он с любезным равнодушием.

Оба чувствуем неловкость, я стараюсь держаться грессграфом и в то же время как бы не грессграф, чтобы не вызывать на конфронтацию этих гордых рыцарей. Не думаю, чтобы они вот так взяли и признали мою власть. Власть должна подкрепляться чем-то более весомым, чем могучий удар в зубы одному из их соратников.

Сам Инурлинг со своей стороны старается избегать всяких намеков на свое отношение к моим претензиям на верховную власть в Армландии. Возможно, в самом деле еще не решил, а может быть, просто не хочет говорить прямо в лицо, куда мне засунуть все мои претензии на грессграфство.

Рядом с головным дубом три плоских валуна, белых, словно черепа давно вымерших чудовищ. Сэр Инурлинг по-хозяйски уселся на самый крупный и оглядел отряд оценивающе. Похоже, не собирается передавать мне бразды управления.

— Ночь пройдет быстро, — сообщил он мне потрясающую новость, — а на рассвете выступим. Отоспимся уже дома.

— Да, — согласился я. — Если ночью снятся кошмары — надо спать днем.

Он посмотрел на меня косо.

— Нам не снятся кошмары. Спокойной ночи, сэр Ричард!

— И вам того же, — пожелал я.

Когда все уснули, за исключением часового, тоже сонного, я вошел в личину исчезника и тихохонько приблизился к шатру. Голоса доносятся тихие, словно таятся даже от своих, я обострил слух и перешел на тепловое зрение. Сквозь тонкую

ткань видно четыре фигуры, в одной сразу узнал леди Филиппу, ее да не узнать, рядом с нею конт Инурлинг, напротив Аларлис и Рене.

— Мы не поедem в замок Данубвиль, — говорила леди Филиппа убеждающе. — Прямо от реки свернем и двинемся к замку Кронцверк!

— Зачем? — спросил конт Инурлинг. — Ваши родители в Данубвилле.

— Мои родители, — огрызнулась леди Филиппа, — могут поддаться этому чудовищу! Он бывает, бывает... очень убедительным.

Сэр Аларлис проговорил сдавленно:

— Но что в Кронцверке?

— Там сенешалем сэр Йокаст, — сказала леди Филиппа. — Он верен лично мне. Мы заманим этого гроссграфа в замок, а там схватим и бросим в подвал. И Армландия будет свободна!

Рене проговорил с сомнением:

— Я слышал, что часть лордов готова его признать гроссграфом.

Инурлинг сказал зло:

— Часть уже признала. Трусy!

— Трусy, — согласился Аларлис, — тем более нам нужно лишить его силы. Леди Филиппа права, он сам лезет в ловушку. Пусть он получит то, что заслуживает.

Инурлинг громыхнул:

— Я согласен.

Рене проворил медленно:

— Я не согласен, но я сделаю все, как скажет мой сюзерен.

Инурлинг проворчал одобительно:

— Ты молод, но ты ведешь себя как истинный рыцарь! Верность сюзерену — превыше всего. Мы схватим этого, посмевшегося называть себя таким титулом, заставим отречься...

— Но если он не гроссграф, как заставим отречься от того, чего нет?

Аларлис ответил за начальника отряда:

— Заставим отречься от этой бредовой идеи! У него есть владения в Сворве и Коце, пусть ими и довольствуется. И то ему очень повезло. Очень.

— Мы такие, — буркнул Инурлинг, — что и отобрать можем.

— Как Сворве, — хихикнул Аларлис, — так и Коце.

Мои кулаки стискивались, будто уже сжимаю горло. Я медленно отошел от шатра, а потом так же осторожно вернулся к мирно посапывающему Бобику.

Я сел с ним рядом, уже выйдя из личины, обдумывая ситуацию. Бобик поднял голову и заворчал. В глазах загорелись красные огоньки.

— Тихо-тихо, — прошептал я.

Из темноты вынырнули широкие приземистые фигуры. Пахло опасностью, я успел подумать, что же делают часовые, и тут нападавшие взревели, в их руках заблистали отполированные до блеска огромные дубины.

— Тролли! — раздался крик. — На лагерь напали...

Вопль сменился хрипом, я выхватил меч, яркий свет костров мешает видеть напавших отчетливо, но двух набежавших на меня я зарубил достаточно быстро. Справа и слева звенела сталь, раздавались крики.

Рыцари хватались за оружие и сразу же, как разъяренные муравьи, набрасывались на противника. Я только защищался, пятился к шатру, но тот уже и без меня защищают с десятков рыцарей.

В костры бросили весь заготовленный на ночь хворост, пламя взвилось выше самого дуба. Тролли с недовольным ревом начали отступать, наконец развернулись и пропали в темноте.

Конт Инурлинг резким голосом выкрикивал приказы, рыцари стали в широкое кольцо и начали расширять его, добывая раненых троллей и подбирая своих.

Я крикнул Инурлингу:

— Я догоню и посмотрю, кто их послал!

Он не успел рта раскрыть, как резко простучали копыта Зайчика, мы исчезли в темноте. Я слышал хруст кустов, топот и злобное разочарованное хрюканье убегающих. Некоторое время справа и слева мелькали серые силуэты деревьев, затем мы вырвались на простор.

Вернулся я на рассвете, усталый и замученный. Еле сполз со спины Зайчика, а Бобик так и вовсе доковылял до костра и разлегся там, спугнув присевших отдохнуть оруженосцев.

Конт Инуринг встретил меня презрительным взглядом, демонстративно внимательно оглядел коня, бросил взгляд на меч.

— Что-то припозднились, сэр, — заметил он холодно.

— Далеко разбежались, — ответил я тем же тоном. — Хоть и кривоногие.

— И что, — спросил он ядовито, — многих зарубили?

— Наверняка больше, чем вы, — ответил я любезно. — Вы, кстати, в каких кустах прятались?

Он грозно засверкал очами, начал раздуваться, как петух перед схваткой.

— Что вам дает право такое говорить...

— Я сам беру такое право, — ответил я нагло. — Как гроссграф Армландии. Или вы не согласны с моим титулом?

Он задержал дыхание, лицо побагровело, но сдержался, явно вспомнил судьбу своего лучшего воина, которому отныне век питаться манной кашкой и протертыми овощами. Я ждал, он наконец медленно выдохнул застоявшийся воздух и проворил медленно со сдерживаемой яростью:

— Я приму решение лордов Армландии. Но пока такого решения не было.

— Будет, — заверил я.

Он смерил меня лютым взглядом, но не заявил, что никогда и ни за что, лишь пожал плечами.

— Тогда и приму.

— Вот и поладим, — ответил я почти дружелюбно, но в груди стало холодно. Конт не стал задиаться, смирил гнев, такие особенно опасны. Пусть в спину не ударит, все-таки рыцарь, но в момент моей слабости легко и с чувством собственной правоты перейдет в лагерь противника.

Уже не обращая внимания на враждебные взгляды, я сотворил чашку кофе, быстро и жадно осушил ее содержимое. Ко мне осторожно приблизился виконт Клаудардель.

— Сэр Ричард, мы вообще-то уже позавтракали. Но мы можем задержаться, чтобы успели и вы...

Я отмахнулся:

— Не стоит из-за такой малости. Вы ведь считаете меня малостью? Ну вот, тогда выступаем немедленно.

Я вскочил в седло, леди Филиппа приблизилась и посмотрела с откровенным недоброжелательством.

— Вы все еще настаиваете, чтобы я ехала с вами?

Я удивился:

— А разве что-то изменилось?

Рыцари молчали и переглядывались. Наконец она принужденно засмеялась и сказала крайне любезно:

— Ах, сэр Ричард! Если бы вы были моим мужем, я бы вам вместо вина подала чашу с ядом!

Рыцари заинтересованно прислушивались. Я поклонился и ответил не менее любезно:

— Ах, леди Филиппа! Если вы я был вашим мужем, я бы... тут же выпил тот яд! С великой охотой.

Она победоносно улыбнулась, принимая как комплимент, привыкла, зараза, что ей говорят только любезности, но ви-конт вдруг хихикнул, он самый быстроумный, и она посмотрела на него с подозрением, перевела взгляд на других, у тех на лицах тоже начали проступать улыбки.

Я не стал смотреть, как изменится ее лицо, предпочитаю красивых женщин, вздернул ее за руку на круп Зайчика и повернул коня вслед за контом Инурлингом.

Все торопились и нервничали, но высокие башни замка показались задолго до обеда. Рыцари помалкивали, только трубач помчался вперед и там сигнализировал, чтобы опустили мост и открыли ворота.

Мы приблизились как раз в момент, когда железная решетка ворот с грохотом и нервным подергиванием поползла вверх, тяжелая и массивная. Всадники въезжали, гордо подбочениваясь, народ выкрикивал что-то радостное.

Леди Филиппа сияла, милостиво кивала наиболее знатным, лицо ее становилось все лучезарнее. Ее рыцари тоже лыбятся, гордые и красивые, доспехи блещут, кони играют, меня окружили самые сильные и крепкие рыцари и в ожидании поглядывают то на меня, то на леди Филиппу.

Леди Филиппа наконец покинула круп Зайчика, ее встретили обещанные сенешаль и его помощники. На меня смотрели уже с неприкрытой враждебностью, словно я не привез их хозяйку, а намереваюсь забрать в свой гарем.

Леди Филиппа поднялась на помост посреди двора, рядом с нею появились рыцари в доспехах, и оттуда она заговорила громким и победным голосом:

— Сэр Ричард! Вы показали себя могучим бойцом, победив известного бойца Тамплиера, но этого недостаточно, чтобы стать гроссграфом!

Рыцари зашумели, я ответил миролюбиво:

— Но у меня, наверное, есть и то, что позволяет стать гроссграфом.

— Нет, — ответила она почти весело.

— Откуда вы знаете?

— Для столь высокого места, — сказала она, — недостаточно умело размахивать мечом. Вы арестованы, сэр Ричард!

— Вот как?

— Да! — выкрикнула она. — Сэр Авейн, примите от него меч.

Могучий рыцарь справа от меня протянул руку в мою сторону. Я покачал головой.

— У меня оружие именное. Никто мой меч даже не вытащит из ножен. Он повинуется только моей руке.

Он буркнул:

— Это мы посмотрим!

Я медленно снял с пояса меч. Он потребовал:

— И молот!

Я усмехнулся, отцепил молот и уронил на землю.

— Берите, кто сможет.

Народ собирался все больше, одни глазели на возню вокруг молота, там после тщетных попыток отдельных рыцарей теперь пытаются поднять по двое силачей, хотя могли бы сообразить, что эту тяжесть никто из них не метнет и даже не замахнется, другие таращили глаза на меня, к которому уже подошли двое кузнецов с цепями в руках.

Всех удивило, что я безропотно позволил надеть на себя тяжелые железные цепи. Бобик беззаботно прыгал вокруг меня, все сперва шарахались в ужасе, но рыцари наперебой по-

вторяли мои слова, что этот пес опасен только, если разозлить, а так мухи не обидит.

По взмаху руки торжествующей леди Филиппы меня взвели на эшафот, где рядом с виселицей тяжелая колода для рубки мяса. Я подозрительно оглядел ее, свежая. То ли здесь еще никому не рубили головы, то ли просто на этой колоде не рубили.

Виконт Клаудардель сказал торопливо:

— Сэр Ричард, никто вас вешать не будет!

— Хорошая новость, — пробормотал я.

— Вам отрубят голову с соблюдением всех правил, — сказал он гордо. — Как знатному рыцарю!

— Хоть знатым признали, — сказал я. — Вроде бы должен ликовать, но что-то не хочется. Знаете, я подумал...

Он сказал жадно:

— Что? Отрекаетесь от гроссграфства?

— Нет, — ответил я с тяжким вздохом, — но я согласен приходить в постель к леди Филиппе, как она требует. Хотя еще утром мне казалось, что лучше уж виселица...

Он охнул, глаза округлились, я понял по его взгляду, что сегодня же вся правда о настоящих мотивах моей казни станет известна всему двору, а потом и всей Армландии.

— И что, — спросил он, — так ей и передать?

Я вздохнул, покачал головой.

— Но не виселица же? А на плахе, да еще при таком стечении народа... гм... постараюсь, чтобы все было красиво. И чтобы меня запомнили хорошо.

Судя по тому, как леди держится уверенно, она здесь полнейшая хозяйка. И все привыкли, что распоряжается только она. Даже рыцари, на что уж привыкли считать этот мир созданным только для мужчин, и то смотрят ей в рот.

Она поднялась на помост, теперь ее отделяют от меня только четверо рыцарей в доспехах и с мечами наголо, бросила на меня торжествующий взгляд и заговорила громко:

— Сэр Ричард, вы обвиняетесь в попытке установить единоличную власть в Армландии и в желании мерзко попать священные права лордов! Суд приговорил вас к повешению, но я милостиво заменила его отсечением головы.

— Милостивый суд, — согласился я. — Это же надо... когда только и успели. Но можно мне слово?

— Нет, — отрезала она.

— Пусть скажет, — возразил виконт Клаудардель.

— Да, пусть говорит, — воскликнул беспечно и конт Инурлинг. — Нас уговорить не просто.

Он расхохотался, но леди Филиппа сказала резко:

— Нет! У него слишком сладкий язык, полный яда.

Я произнес громко:

— Хорошо-хорошо! Но у любого осужденного, даже у презренного вора, есть последнее слово. Неужели вы при таком стечении народа допустите столь вопиющее нарушение? И о вас будут говорить как не о защитнице старых законов, а о пирательнице?

Она нахмурилась, сказала еще резче:

— К вам такое не относится.

— Почему? — спросил я. — Тем более что скажу очень интересную вещь, всех здорово позабавит. В самом деле будет интересно, обещаю.

Рыцари зашумели, начали уговаривать ее, а я, не дожидаясь, когда она ответит, вдруг да велит вешать или рубить голову немедленно, заговорил быстро и громко:

— Дело в том, благороднейшая и бесподобнейшая леди Филиппа, что я вас раскусил в первый же день. А когда вы ночью собрали своих верных рыцарей в свой шатер, я уже был там.

— Что? — вскрикнула она нервно. — В шатре? Это невозможно!

— Возможно, — заверил я, — но мне и не понадобилось. Стены шатра не каменные, заметили? Я стоял снаружи и все слушал, такой вот я любознательный. И как вон тот сэр предлагал отобрать у меня даже Сворве и Коце, и как вот тот умник рекомендовал просто казнить без всякого суда. Я слышал варианты моего будущего в темнице, где должен тихо сгнить, и наслушался о способах, как известить меня тихо и мирно в заточении...

Я перечислял долго, сейчас это важно, чтобы все смотрели на меня неотрывно и слушали, и я размахивал скованными Руками, повышал голос, делал шаги к краю помоста, а снизу

тут же предостерегающе ошетинивались остриями пик, взоры всех прикованы ко мне так, что не оторвать, вдруг да брошусь, вдруг да что-то пропустят...

Наконец, кода мой словесный поток начал иссякать, леди Филиппа опомнилась и вскрикнула зло:

— Врешь! Иначе не пришел бы сам в западню!

Рыцари шумели, виконт Клаудардель сказал громко и с тревогой в голосе:

— Леди Филиппа, давайте послушаем. Что-то доблестный сэр Ричард слишком уверен. У меня такое ощущение, что он в самом деле слышал... Слишком много совпадений.

Я поклонился.

— Спасибо, виконт, вам это зачтется... может быть. Дело в том, леди Филиппа, что ваше послание к лорду Камиллу, что вы заготовили, у меня в сумке, можете проверить. А к нему отправился совсем другой отряд. Сейчас лорд Камилл лишен земельных владений, изгнан и находится... гм... думаю, на пути сюда.

— Что?

— Именно так, — ответил я с удовольствием. — А барон Норберт, которому достались его владения и который заменил гарнизон замка своими людьми, полагаю, уже перекрыл дорогу добавочным войскам конта Инурлинга и сэра Аларлиса. Он же на всякий случай разрушил и единственный мост через реку, так что тем придется двигаться к Скотъему Броду, а там с нашей стороны на берегу уже ждет неплохой отряд арбалетчиков. Так что никто не сумеет выбраться на берег, а река унесет все трупы.

— Ты врешь! — закричала она. — Лорд Камилл уже идет сюда!

— Сюда идет барон Норберт, — сообщил я. — С сегодняшнего дня он уже барон. Это я к тому, что всегда вознаграждаю тех, кто верно служит мне... даже не мне, а идее объединения Армландии. Я же вам много раз советовал мне верить, а вы...

Рыцари серьезнели, переглядывались, очень уж уверенно говорю. Народ во дворе застыл, все взгляды прикованы ко мне. Леди Филиппа вдруг завизжала, теряя достоинство и выдержку высокородной леди:

— Ты врешь! Ты все врешь!.. Иначе бы не полез в мой замок, откуда тебе живым не выйти!

— Ваш? — удивился я. — Какое заблуждение... Думаю, это уже мой замок. Взгляните наверх.

Она вскинула голову, я видел, как смертельная бледность залила ее красивое лицо. Рыцари поднимали головы и застывали, как металлические статуи. С башен, стен, ворот поднялись из-за зубцов десятки арбалетчиков. Введенные арбалеты в руках готовы послать сотни убийственных стальных болтов вниз, что пробивают железные латы, как гнилое дерево.

Заскрипела решетка ворот, полезла вверх. Во внутренний двор въехали статные рыцари на крупных конях, покрытых кольчугами и латами под яркими цветными попонами. Копья все держат остриями вверх, едут победители, которые и помыслить не могут о сопротивлении.

Во главе сэр Растер, он отсалютовал мне обнаженным мечом, крикнул с восторгом:

— Ваша светлость, вы прекрасно отвлекли их своей речью. Даже все часовые на стенах смотрели только в ожидании, как вас будут вешать. Или рубить голову, уж не знаю, до какой глупости здесь додумались! За такое небрежение обязанностями я бы их всех выпорол!

— На этот раз простим, — сказал я милостиво, — теперь это наши люди. Но поработать с ними придется.

— Я поработаю, — пообещал он мстительно и оглядел застывшую толпу злобно и ликующе.

Рыцари под нацеленными арбалетами даже не пытались хвататься за мечи, только переводили растерянные взгляды с меня на свою повелительницу и обратно.

Растер спросил деловито:

— Какие будут приказания, сэр?

— Сегодня у нас трудный день, — сказал я со вздохом, — и завтра... но когда-то отдохнем! А пока поставьте вон там, рядом с виселицей, амвон. Плаху уберите, амвон поставьте.

Он смотрел с непониманием.

— Да, сэр, но...

— Будем приводить, — объяснил я терпеливо, — к присяге зачем-то собравшихся здесь рыцарей... Очень удобно, что все собрались так кстати. Не забудь поблагодарить.

— Может быть, — предложил он непонимающе, — присягу лучше в часовне?

— Далековато, — пояснил я. — Лучше рядом с виселицей. В свите леди Филиппы немало туповатых, я насмотрелся. Она предпочитает таких, а им нужно что-то зримое в качестве альтернативы. Мы ведь демократы, верно? У свободного человека всегда должен быть выбор.

Он посмотрел на меня задумчиво.

— Знаете, сэр Ричард, не зря барон Альбрехт всюду говорит, что из вас получится очень неплохой правитель.

— Он так говорит? — изумился я.

— Он в этом убежден!

— Тогда я в самом деле гроссграф, — сказал я.

— Гроссграф, — подтвердил он очень серьезно. — Теперь никто не оспорит!

Кузнец сбил с меня цепи еще быстрее и старательнее, чем надевал. Я не слушал, что он там бормочет про приказы, он человек маленький, все выполняет, как скажут, ни за что не отвечает, у него своего мнения нет, для него все — господа, он всегда всех слушается, с ним проблем не бывает, подозревал жестом Макса.

— А где основное войско?

— Вошло в земли графа Трояндера.

— Последний?

— Да, — заверил он преданно. — И вся Армландия ваша, сэр!

— Отлично, — сказал я с облегчением. Пнул цепи. — Ради этого стоило даже вот так рискнуть... Зато все ускорили.

Вдруг тень набежала на его лицо, он понизил голос и спросил с беспокойством:

— А что с этой... леди Филиппой?

Я отмахнулся:

— В те же цепи, что были на мне.

Он пробормотал в неловкости:

— Больно тяжелые...

— И что?

— Женщина все-таки...

Я фыркнул:

— Она человек, а не всего лишь женщина. И в вашей жалости, сэр Макс, не нуждается. Жалость вообще унижает человека! Потому эти цепи ей будут в самый раз. Она захотела равноправия, вот и будет ей равноправие. Эти феминистки докаркаются! Да только взад дороги не будет... Цивилизация движается подобно крокодилу: только вперед и все жрет по дороге.

Он посмотрел обалдело, но козырнул, только спросил:

— В цепи... а потом?

— Решим, — отмахнулся я. — Пусть пока сама посидит в темнице. Попугаем, потом выпустим. Пусть видит, что мячи забивают и в другие ворота.

— Э-э...

— Кто идет за шерстью, — растолковал я, — тот может вернуться стриженным. Когда поймет и утихнет, то... выдадим замуж. Авось будет хорошей женой. Тебе отдадим, например.

Он подпрыгнул, отскочил, на лице отразился откровенный испуг.

— Ни за что!

— Да, — удивился я. — А мне показалось, она тебе понравилась...

Напомнив Растеру, чтобы свои люди бдили на всех ключевых местах, могут быть попытки вернуть все взад, такое надо подавлять в зародыше и малой кровью, я прошелся по замку, нет ли каких ловушек, а также чего-то особо ценного, что в условиях военного времени вполне законно вывезти.

Завтра уже будет неловко, а сейчас еще можно, сейчас момент захвата и справедливого грабежа. Самая большая охрана у винных подвалов, узнаю Растера, охраняет самое важное, а как же, но, с другой стороны, в самом деле нельзя дать напиться на радостях, вассальные рыцари этого семейства обозлены и еще могут попытаться воспользоваться случаем перехватить власть хотя бы в отдельно взятом замке.

Растер увидел меня во время обхода, взялся сопровождать, а Бобику сообщил заговорщицки, что на кухне сейчас заканчивают жарить вот такенного буйвола!

Бобик обрадованно умчался, я сказал укоризненно:

— Это людей обманывать можно, они сами такие, а вот собака — грех!

— Там в самом деле жарят, — объяснил Растер. — Я велел. Столы должны ломиться, все-таки победный пир, а не просто... еда.

В самом дальнем подвале пахнет серой и кислотами. Я спустился по выщербленным ступенькам, еще одна ветхая дверь, пинком распахнул.

На миг открылся во всем великолепии большой захлащенный подвал, свет падает с потолка яркий и почти солнечный. В глубине подвала в мою сторону испуганно повернулся старик в остроконечной шляпе и в пестром халате.

Улыбаясь, я сделал шаг вперед. Колдун взмахнул рукой, в комнате хлопнуло, пахнуло холодом. Между нами, перегородив подвал, возникла металлическая решетка. Ячейки крупные, руку просуну, но голову — вряд ли.

Лицо колдуна подергивается от напряжения, желваки играют, а пальцы скрючены, как у хищной птицы. Видно, что готов к схватке, но я чувствую его страх и отчаяние.

— Думаешь, — спросил я с интересом, — нечестивая магия остановит рыцарей церкви?

— Магия всех остановит, — возразил он надменно, — кто ты? И чего хочешь?

— Это другой разговор, — одобрил я. — Могу даже не ломать твою решетку, если тебе так спокойнее вести цивилизованные переговоры.

Сэр Растер поморщился:

— Цивилизованные? С этим чернокнижником?

— Переговоры всегда цивилизованные, — уточнил я, — а вот сражения — не всегда. Кроме того, пока человек жив — всегда есть надежда на исправление. Чернокнижник — все-таки книжник! А книжника легче переубедить и перевербовать перейти в тот лагерь, где книг больше.

Он спросил удивленно:

— А что, у нас книг больше? И вообще... они у нас есть?

— Есть, — заверил я и улыбнулся колдуну: — Видишь, насколько у меня велико хозяйство. Даже доверенные люди не знают, что у нас и где.

Решетка, несмотря на толщину железных прутьев, медленно колыхается, как полотно под движением ленивого ветерка. Прутья не скрипят, не удлиняются и не сокращаются, все выглядит так, словно они из ртути, но я спинным мозгом чувствовал звездную крепость этой вещи.

Колдун смотрел исподлобья, я видел, как отчаянье борется с иногда вспыхивающими искорками надежды, но те сразу гаснут, как только колдун бросает взгляд на мое уверенное лицо.

— Кто ты? — повторил он с вызовом. — И почему вторгся сюда, куда волей госпожи Филиппы позволено вступать только мне... Учти, моя мощь безмерна!

— Потому ты и не бежал? — поинтересовался я. — Сейчас и вообще из замка?

Он кивнул, выпрямился, мощный и надменный, но я чувствовал его страх и растущую безнадежность.

— Да, — ответил он. — Замок может рухнуть, но это помещение уцелеет!

— Вряд ли, — заметил я. — Разве что земля, на которой замок... Да и то, гм... Но это так, реплика в сторону. Давай по делу. Я паладин, позволь представиться... Сэр Растер, не надо, я без церемоний, так что сам представляюсь. Это перед королями рискуем умалить свое достоинство, чего и страшимся, а с простолюдинами можно говорить свободно и открыто, мы всегда выше.

Растер посмотрел широко открытыми глазами, что с его запавшими медвежьими глазками на массивной гранитной глыбе лица непросто, а я продолжал отеческим голосом:

— Я — гроссграф, а это налагает. В том числе и сотрудничество со всеми слоями населения. Даже с неприятными мне лично, но ученые и книжники к ним не относятся. Книжников я уважаю! Сам как-то одну книжку читал. С картинками. Словом, вот мое предложение: присягу принимать не заставляю, но обязуешься служить не только чистой науке... и личной выгоде, но еще и обществу. За это я буду выделять гранды. И всячески поощрять.

Он поинтересовался надменно:

— Что значит поощрять?

— Это значит много, — ответил я уверенно, на ходу разви-

вая мысль, — начиная от простой защиты культурного слоя интеллигенции... до снабжения некоторыми необходимыми материалами. Никакой ученый, работая в одиночку, не в состоянии собрать все нужные для колдовства, в смысле, для экспериментов, компоненты, а также ингредиенты! Потому ищитесь так, что смотреть неловко... А вот масса народа — может, даже не отрываясь от своих насущных дел. Потому колдунам не надо будет так уж трястись за свои коллекции... насколько я понимаю, это и есть истинная причина, почему ты не смылся? Или не знаешь еще, что замок захвачен моими победоносными войсками, и мы сейчас глубокомысленно решаем, кого вешать, на какие деревья и за какое место?

Он выпятил подбородок и сказал зло:

— Я остался потому... что смогу защититься!

— Ты уже защитился, — заверил я. — Все в порядке. Надеюсь, мы договорились?

Он промолчал, подбирая достойный ответ. Я обнажил меч Арианта, лезвие с жадностью впилося в созданное магией. По сверкающей стали клинка пробежали радужные разводы, я прорубил дыру, достаточную, чтобы пройти. Колдун не успел опомниться, как мы со злорадно улыбающимся Растером вошли в его кабинет.

Лицо колдуна стало мертвенно-бледным. Я вложил меч в ножны и сказал легко:

— Сэр Растер, не дергайтесь. Наша с вами святость и заслуги перед церковью так велики, что даже сто тысяч работающих у нас магов не поколеблют нашей верности Господу. В то же время могут способствовать укреплению обороноспособности великой Армландии! А также повышению авторитета в международных кругах.

Растер приосанился было, как же, у него, оказывается, заслуги еще и перед церковью, но все же спросил с понятным сомнением:

— А это не повредит нашей репутации?

Я воскликнул удивленно:

— Нашей? Да мы с вами как два светлых ангела!..

Он приосанился еще больше, но на лице оставалось сомнение.

— Это да, но что подумают...

— Чернокнижники, — сказал я, — такой же народ, как и плотники, каменщики, кожевники. Все работают на благо сюзерена и земель. К ним так и надо относиться. И вообще, они пока что все просто книжники, а запрет на чтение определенных книг начнется не скоро, в эпоху мракобесия, которую для смеху будут называть эпохой культуры.

Колдун не двигался, ни жив ни мертв, только следил за травленно, как по его лаборатории ходят два громадных человека в доспехах, но почему-то ничего не рушат.

Я оглянулся, указал ему на решетку с зияющей дырой. Колдун вздрогнул, лицо исказилось, но послушно повел дланью. По железным прутьям побежал рой искр, резко и сильно запахло озоном, решетка исчезла.

Растер хищно присматривался, к чему бы придраться и что бы разгромить, а я небрежно помахал рукой.

— Думаю, с интеллигенцией договорились. Сэр Растер, пойдемте. Нужно прикинуть, кому отойдут эти земли. Если слишком велики, разделим.

— Я даже знаю, — сказал Растер обрадованно, — как лучше раскроить эти владения. Чтоб одним грудинку, другим лопатки, третьим шейку...

— Охотно послушаю.

Мы вышли, я в дверях обернулся и послал магу одобряющую улыбку. Он содрогнулся и торопливо поклонился.

— Пришлю своего заместителя по научной части, — сказал я властно. — Зовут его Маркус, он посвятит в детали. Все, продолжай работу! О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья век...

Часть 3

Глава 1

Конечно же, я, как и абсолютное большинство населения, не читал Священное Писание. И даже не видел, как оно выглядит. Но делает ли это меня плохим человеком? Думаю, не делает даже плохим христианином, хотя такое не рискну сказать даже умному и проницательному отцу Дитриху. Священное Писание, как мне кажется, и так есть в каждом из нас, это всего лишь простейшая арифметика нравственных правил.

Они впитываются в человека сами по себе по мере того, как живешь, встречаешь перемены, относишься к другим людям. У одних звучат громче, у других едва слышны, но даже закоренелые злодеи чувствуют, когда поступают неправильно, и часто перед смертью каются, просят прощения.

Я, рыцарь и паладин Ричард Длинные Руки, никогда не читал Священное Писание и вряд ли прочту. На бумаге, в дереве или на камне. Потому что постоянно читаю в делах и свершениях достойных людей. Вижу в чистых глазах Макса, слышу в голосах людей, вижу в засеянных полях и вырастающих городах. Вижу в самой цивилизации, что, как феникс, снова и снова возрождается из пепла.

Уверен, что и погибала только потому, что нарушала эти правила. Уже не отдельные люди, те нарушают часто, а как цивилизация нарушила, за что и поплатилась. И если мы удержим в рамках нравственности Священного Писания или целесообразности, называя как хочешь, пусть не себя, свиней поганных, нас удержать трудно, а цивилизацию, то сумеем избежать новой катастрофы, что останется в памяти выживших как Очередная Великая Война Магов.

Если на этот раз не испепелит планету так, что и шахтеры не выживут.

Холодок пробежал по моей шкуре, я поежился. Дорога из Зорра дальняя, но должны бы уже приехать отец Дитрих, а также те, на кого бы я сумел опереться. Мне мало просто преданных мне рыцарей, они слишком уж от мира сего, чистого, благородного и зашоренного, нужны такие, как барон Альбрехт, но хорошо бы без его доли цинизма и меркантильности.

Я вздрогнул, открыл сонные глаза. Справа от меня в трех шагах багровые угли костра, спина мерзнет от ночного холода. Если бы я не сказал гордо вчера вечером, что буду спать у костра вместе с остальными, то, может быть, не лезли бы в голову тревожные мысли о нравственности и судьбах цивилизации, а снились бы голые бабы, ну люблю эти сны, люблю, хоть и просыпаюсь иногда с мокротой в штанах.

Солнце уже поднимается из-за горизонта, громадное, словно Юпитер, наблюдаемый с Каллисто, желтое, покрытое окалиной шлака размытых облаков. Еще не режет глаз, и вот так, когда полусонный наблюдаешь за его восходом, лежа у потухшего костра, вижу на его фоне, как на подсвеченной декорации, стебли травинки, на одной — застывшее от ночного холода тельце кузнечика.

С первым упавшим на него лучом он начал медленно шевелиться, разогревая тело, все быстрее и быстрее, надо успеть раньше других захватить лучшие корма и самому не попасть более сильным на корм.

— Я тоже кузнечик, — пробормотал я, — еще тот кузнечик... Всем кузнечикам кузнечик...

Рядом на валуне сгорбился, подстелив под задницу конскую попону, свернутую вчетверо, один из рядовых воинов, в руках длинная толстая палка с обугленным дымящимся концом.

— Проснулись, ваша светлость? — пробормотал он сонно. — Да, утро больно свежее... Как бы не вернулись заморозки. Говорят, такое бывает даже в мае.

Он напрягся, когда в моих ладонях появилась чашка с дымящейся жидкостью. Я пил жадно, мозг очищался от тягостных испарений сна, слух начал улавливать шевеление громад-

ного войска, вздохи, сонное бормотание, позвякивание железа.

— Ну что? — спросил я сипло. — Какие новости?

— Да вроде бы ничего, — ответил он с недоумением. — Ночь все-таки... Ночью только призраки ходят. Да еще потерянные души.

— А это кто? — спросил я с тоской.

— Души воинов, умерших без причастия, а еще души некрещеных младенцев, потом часто попадают на неприятели души...

— Со всеми разберемся, — прервал я. — Вот приедет отец Дитрих... А не приедет, то вызову отца Ульфиллу. Тот вообще выжжет здесь все на десять футов в землю. Не пощадит ни правых, ни виноватых, но никакие потерянные души после него уже не останутся.

Он спросил испуганно:

— Как же, ни правых, ни виноватых? Все мы в чем-то да виноваты! Господь велит быть милосердным.

— То Господь, — ответил я. — А мы, люди, толкуем его слова, как нам выгоднее. Одни слишком милосердны, другие — наоборот. А в целом... да, все путем.

Из шатра вышел барон Альбрехт, сухой, подтянутый, собранный, словно проснулся уже пару часов тому. Посмотрел на меня неодобрительно.

— Не спали, сэръ Ричард?

— Спал, — заверил я. — Мне много не требуется. Какие новости?

Он не удивился вопросу, хотя какие вроде бы новости у человека, спавшего в шатре.

— Поздравляю с гроссграфством, — сказал он бесстрастно. — Теперь это уже бесспорно.

— Ого, — сказал я. — Впервые вы меня... так? Какие-то новые сведения?

— Нет, — ответил он и присел со мной рядом. — По сути из нежелающих признавать вашу власть остался только граф Фондлер. Думаю, если к нему подступиться с таким вот войском, он тут же велит открыть ворота.

— И все?

— Еще леди Изабель, — сказал он. — Муж уехал куда-то и пропал, она правит в его отсутствие. Но у нее замок не так уж и велик, укреплен плохо, захватить будет легко.

— Действуйте, — одобрил я.

— Тогда я поднимаю войско? — спросил он. — И закончим эту моментальную кампанию, которую вы почему-то называете затянувшейся.

— Потому что я мысленно ее уже давно закончил, — огрызнулся я. — И занимаюсь тем, чего никто не делал! А захватывать замки и земли... что тут особенного? Всю историю этим только и занимались. Но... нафига?

И снова мы мчались во главе грозного отряда, набирая скорость, и снова странная музыка начала звучать в грохоте копыт. Умом я понимал, что это не та музыка, не моя, но она гремит все громче, подчиняет себе, и я уже поглядывал по сторонам налитыми кровью глазами в поисках противника, с которым бы скрестить меч, которого одолею, повергну под копыта своего коня, над телом которого прокричу страшным голосом боевой клич...

Справа и слева несутся, пригнувшись к конским гривам, Растер и Макс. На их лицах то же упоение горячей скачкой, восторг и страстная жажда, чтобы вот так с ходу вломиться в ряды врага, рубить, сечь и повергать.

Мелькнула мысль, что, если по дороге навстречу так же скажут воины какого-нить удельного барона, мы сперва сразимся, а потом немногие уцелевшие, протрезвев от потери крови, будем пытаться понять, из-за чего все-таки сцепились.

Слева проплывают развалины замка. Уцелела только башня, бойницы смотрят узкими темными щелями. На камне оконных проемов ржавые потеки истлевшего железа решеток, от донжона груда битого кирпича, а еще уцелел выступ каменного мостика на высоте второго этажа.

Почудилась быстро мелькнувшая тень, в нашу тройку вклинился барон Альбрехт, он уловил мой взгляд и отмахнулся.

— Разбойники...

— И что? — спросил я. — Так и позволяют им сидеть на виду? Я думал, разбойники таятся.

Он сказал хмуро:

— А кому за ними гоняться? С той стороны сэр Уитли, с той — сэр Пендранель. Эта пустошь кому-то да принадлежит, но пока оба тягаются за то, чей род древнее, разбойники могут грабить села их крестьян в открытую.

Я покачал головой.

— Намекаете, что теперь это мои проблемы? Нет уж, я гросс-граф, а не шербургский зонтик... то бишь шервудский шериф. Лев мух не ловит. Установим контроль над Армландией, разбойников будем вылавливать и вешать, пока не возьмется за работу.

Он посмотрел с недоверием.

— А тех разбойников, что бросят грабить и станут, к примеру, кузнецами, вешать не будете?

— Нет, конечно, — ответил я. — Кузнецы всем нужны.

— Но ведь грабили же!

Я вздохнул:

— Заблуждения молодости, максимализм юности. Объявим амнистию в мою честь. Или в честь вон того дерева, важна суть. Я же говорю, кузнецы нужны! А разбойники — нет. Разве непонятно?

Он ответил с кривой усмешкой:

— Кто попадется первым, тому просто не повезло?

— Не повезет и тем, — подчеркнул я, — кто не сделает выводов, когда повесит первых. Милосердие пополам со справедливостью, барон! И рационализмом.

Еще в лесу мы слышали далекий грозный шум. Мне он показался похожим на удары прибоя о крутой берег, но впереди заблестал просвет между деревьями, лес обрывается, и я догадался, что это катапульты бросают камни в стены крепости.

Деревья расступились и снова сомкнулись за нашими спинами. Впереди синева неба, а на ней величественно и грозно выделяется настолько огромная крепость, что удивление вытеснило даже страх перед ее мощью.

Крепость показалась выстроенной из мокрого песка, такие возводят на пляже во время отлива. Я не сразу понял, почему выглядит не просто древним, а чудовищно древним. Это первый замок, сложенный не из огромных серых гранитных

глыб, как я здесь уже привык, а из множества мелких желто-серых кирпичей, что всего лишь обожженная глина, потому с такого расстояния и кажется вылепленным из песка.

Стены из кирпича не такие прочные, как из гранитных глыб, однако толщина просто пугает, эпическое нечто...

В лагере нас заметили, несколько человек прыгнули в седла и понеслись навстречу.

Впереди барон Варанг, он весело отсалютовал.

— Как я уже слышал, еще одна земля признала вашу власть, сэр Ричард?

— Еще как признала, — ответил я. — Только не одна, а сразу две. Теперь обе под управлением верного нам человека. А что здесь?

— Замок окружен, — сообщил он, — мышь не выскользнет. Конечно, штурмом взять просто невозможно, но долгую осаду там не вынесут. Жрать все привыкли вне зависимости — война или нет.

— Мы тоже, — пробормотал я. — Они могут продержаться до зимы. А где нам в снегах держать войско?

Вдвоем в сопровождении почтительно приотставших рыцарей мы вскачь объехали крепость.

Она просто немыслимо громадна, но выстроена странно-вато: с нависающими над стенами башенками и выступами, преимущества теряются созданием мертвой зоны, где нападающие могут накапливаться, их можно достать, разве что стреляя с боковых башен.

Отсюда кирпичи выглядят как песчинки, сам замок тоже как будто из пересохшего песка, в стенах каверны, ямки, следы от обвалившихся каменных наростов, считающихся украшениями.

Судя по размерам, там, за воротами, длинный каменный коридор, в конце снова опущенная решетка. Если поднимут и ее, то надо проскакать по изогнутому коридору под прицелом лучников со стен справа и слева.

Но и это не конец: дальше еще ворота, а то и не одни. Такая многоступенчатая защита позволяет защищаться даже крохотному гарнизону от огромного войска. И во внутренний двор прорвется разве что горстка, но там со всех сторон заперто, а стены высоки...

Вернувшись к войску Варанга, я уже по-новому оценил расположение войск. Все держатся на почтительном отдалении не только от стен, но и от замка, а вдруг внезапная вылазка, но перекрыты в самом деле все направления, а дороги даже перегорожены телегами. Это чтоб какой-то отряд особо важных особ не вырвался из кольца и не убежал.

Шатры барона Варанга и графа Ришара де Бюзя пламенеют посреди основной массы войск. Для меня загодя поставили на краю леса, но так, чтобы из крепости не увидели и не рискнули на ночную вылазку.

С нашей стороны стены замка, как и принято, вздымаются из земли строго вертикально. Достаточно толстые, чтобы не пробить тяжелым камнем из катапульты, но, что важно для нас, вертикальные...

Барон Варанг не понял, что же здесь хорошего, я таинственно улыбался, велел собрать умельцев, столяров и плотников. Сперва чертил на земле, объясняя устройство осадной башни в общих словах, а когда наконец поняли или хотя бы поверили, судя по их воспламенившимся лицам, я велел принести большой лист пергамента.

У барона Альбрехта, конечно же, нашлись среди войска инженеры, что тут же начали проектировать под моим руководством и строить осадную башню. В лесу отыскивали деревья достаточной высоты, срубили и обтесали, так что получились балки в сотню фунтов. В обозе предусмотрительного Альбрехта нашлись железные брусья, так что посреди лагеря под надежной охраной соорудили квадратный остов, а на него уж начали наращивать бревна. Сперва башня выглядела как жуткий скелет огра, но вскоре обросла плотью из толстых жердей.

Через три дня на телегах доставили шесть гигантских колес: четыре на башню, два в запас. За это время башню с трех сторон покрыли шкурами с длинным мехом: защита от горящих стрел. Когда приколотили колеса, приподнимая башню поочередно рычагами, она стала еще выше.

Воины ликующе орали, все с нетерпением ждали, когда же башня начнет двигаться.

Обычно осадную башню подкатывают к стене, а с нее на стену перебегают рыцари, где завязывается бой. И все это вре-

мя, пока ее волокут, вернее — пихают, ее и обстреливают горящими стрелами, и швыряют камни, а когда остается уже совсем близко — выливают горящее масло, что если и не подожжет башню, то, проникая в щели, может заживо сварить засевших на всех трех этажах башни воинов.

Я просмотрел этот вариант, изъянов не нашел, но уточнил:

— Я буду наверху с самого начала.

Барон Варанг удивился:

— Зачем? Верховный лорд должен руководить всей осадой...

— Это же сэр Ричард, — обронил барон Альбрехт с кислой усмешкой.

— Сэр Ричард нам нужен живым, — возразил Варанг.

— Сэр Ричард будет полезнее там, — сказал барон Альбрехт. Он внимательно посмотрел на меня. — Если я угадал, что он задумал.

Я кивнул.

— Думаю, барон, вы поняли. Надеюсь, наша трудная подготовка не пройдет зря.

Башню двигали к замку медленно и натужно, она скрипела и пошатывалась. Я уже пожалел, что посадил под навес наверху два десятка отборных рыцарей в тяжелых доспехах, однако на стене лишь глупо тарасили глаза и показывали пальцами.

Ура, мелькнула мысль, здесь еще не знают этой вершины технической мысли и не предприняли контрмеры: ни стрел с горячей паклей, ни тяжелых булыжников, так что не придется то и дело поливать водой, зря заготовили целые чаны.

Предвидя, что засевшие в замке сразу не поймут опасности, я даже не стал так уж тщательно обшивать башню сверху донизу шкурами для защиты от горящих стрел и кипящего масла. Во всяком случае, ветер гуляет в щелях, десант не задохнется, пока этот средневековый бронетранспортер, вершина технической мысли, медленно и зловеще двигается к цели.

Когда башня приблизилась на расстояние выстрела из лука, я открыл быструю стрельбу. Тетива Арианта часто и звонко шелкала по толстой кожаной рукавице, оставляя на ней

рубцы, стрелы сметали со стены защитников, словно свинцовый дождь.

Башня подползла к стене с такой скоростью, что самые ленивые черепахи выглядели бы рядом скакунами. Зато быстро опустили широкий деревянный мостик, рыцари перебежали на стену и понеслись вправо и влево, вступая в яростные схватки, а ступени осадной башни гремят под сапогами бегущих наверх, внизу уже целая толпа жаждущих взбежать на это чудо и потом хвастаться, как именно по-новому ворвались в замок.

Я убрал лук и с мечом в руке перебежал на стену вслед за первой волной. В сопровождении яростно ревущего Растера и целеустремленного Макса, за ним еще трое, я поспешил по каменным ступеням во двор.

Засверкали мечи, здесь яростное сопротивление, мы с Максом и еще тремя рыцарями выдерживали натиск, медленно отступая к воротам, а тем временем Растер и его люди перебили там стражу и опустили мост, одновременно подняв решетку ворот.

Нас едва не смели ворвавшиеся рыцари Варанга и графа де Бюэя, я опустил меч и, часто дыша, быстро оглядывал картину боя. Во дворе яростная схватка, крепостная стена почти вся в наших руках, но огромный донжон выглядит не только несокрушимым, но и невозмутимым.

Из узких бойниц летят камни, горшки с цветами, а на плоской крыше между зубцами высокий человек в черной одежде мага оперся руками о камень и внимательно следит за схваткой во дворе.

Растер прорычал люто:

— Спокоен... Не к добру.

— Мне такое тоже не нравится, — буркнул я.

— Согнать бы...

— Сейчас спугнем, — пообещал я.

— Хорошенько пугните, сэра Ричард, а то он нас щас...

Я вложил меч в ножны и взял в руки лук. Маг заметил нас, на лице отразилось удивление. Он вскинул руки и заговорил, слова звучали без угрозы, я не понимал слов, потому как можно быстрее натянул тетиву и сразу же выстрелил.

Стрела ударила мага в грудь. Он прервал заклинание, опу-

тил голову. Я видел удивление в его глазах. Крючковые пальцы ухватили за стрелу, Растер охнул, когда окровавленное древо начало выходить из тела.

— Пугайте, — прошептал он, — пугайте еще...

Я поспешно выстрелил снова. Маг как раз выдернул залитый кровью длинный прут, лицо перекошено от боли, зло отшвырнул. Вторая стрела ударила в горло и пронзила его насквозь. Он вскрикнул и, ухватив оперенный наконечник окровавленными пальцами, потащил, хотя проще бы отломить и выдернуть с другой стороны. Я наложил третью, выстрелил и тут же ухватил четвертую.

Растер рычал и ругался, понимая скрытую суть поединка: магу нужна минута покоя для сплетения мощного заклятия, а я стараюсь не дать и секунды. Во дворе шум и крики, часть наших воинов пробилась к воротам донжона и пытается рубить их мечами и топорами, сверху на их головы сыплются камни, тяжелые вещи, льется кипяток.

Девятая стрела ударила в голову. Пальца мага уже привычно ухватили за оперенный кончик, но тянул медленно, и еще стрела ударила в глаз.

— Так его, — рычал рядом Растер в злом восторге. — Эх, почему я не лучник! Какое же это неблагородное дело? Самое что ни есть нужное и хорошее...

Маг вытянул стрелы даже из головы, все лицо залито кровью, но еще стрела ударила в раскрытый рот, он впервые пошатнулся. Ноги сделали шаг вперед, стараясь удержать тело, споткнулся о парапет и тяжело перевалился на эту сторону.

Он еще пытался в падении превратиться в птицу, отрастил крылья и даже успел ими взмахнуть, но ударился о камни, а набежавший сэр Растер с мстительным наслаждением кромсал чудовищное тело, полуптичью голову превратил в кровавое месиво из костей и мозгов.

— Не люблю... — прохрипел он, — не люблю умников...

— Я тоже, — согласился я. — Умных уважаю, а умников не переносу...

Ворота донжона распахнулись резко и неожиданно, словно и не было никаких запоров. Рыцари, не останавливаясь и не думая о ловушках, ринулись вовнутрь донжона, блестя обнаженными мечами.

Глава 2

Странно, в самом донжоне никто не оказал сопротивления. Немногочисленный гарнизон моментально сложил оружие, будто все сразу узнали о смерти могучего мага, на котором, видимо, и держалась большая часть обороны.

Граф Фондлер с малой группкой верных рыцарей сражался на лестнице. Возможно, все дрались бы до конца, честь дороже жизни, но умело брошенной в голову палицей его оглушили, а рыцари, полагая, что сюзерен убит, опустили мечи.

Огромный, лохматый, весь в бороде, только глазки сверкают злобно, да дыры широких, как у гориллы, ноздрей темнеют, как две норки мелких роющих, он прошагал через зал и остановился, где его удержала стража из моих кнехтов.

— Граф Фондлер, — сказал я холодным официальным голосом, — вы оказали сопротивление войскам верховного правителя Армландии, гроссграфа сэра Ричарда Длинные Руки. Не знаю, какими соображениями вы руководствовались, но этим мерзким поступком совершили тягчайшее преступление. Однако я намерен вести дела мирно и плавно, соревнуясь за титул Тишайшего, потому никаких казней и пожизненных изгнаний!..

Бледный, без оружия, хоть и в доспехах, еще не оправившийся от падения его неприступной крепости, он смотрел на меня исподлобья с бессильной ненавистью, как затравленный волк, только что не рычал, с обеих сторон стража, а я восседаю в его кресле и смотрю сверху вниз с тем самым выражением, как он смотрел на других совсем недавно: хочу милую, хочу казнь.

Среди присутствующих выделяются нарядами барон Варанг и граф де Бюэй, часть войск только что уже отпустили по домам, а сами остались с кучкой наиболее близких рыцарей, уступив уговорам сэра Растера, который и скалу может уговорить сходить с ним в винный погреб.

— И что вы намерены делать теперь? — спросил граф, голос звучит все еще надменно, трудно принять ошеломляющую истину насчет смены власти.

— По справедливости вас бы повесить, — сказал я, — как

за государственную измену и мятеж, но я исполнен милосердия, так почему-то завещано нам самим Господом, а я такой верный слуга церкви, такой верный! Потому никаких казней. И даже изгнаний. Просто этот замок отныне будет находиться в других руках, но вы будете получать определенный доход с бывших ваших земель.

Граф вскричал в диком изумлении:

— Что? Что вы сказали?

— Я учел просто, — объяснил я, — что у вас жена и пятеро детей. Нельзя их оставить без пропитания, а также без надлежащего воспитания, какое надлежит иметь будущим рыцарям и будущим леди. Потому вам выделяют место для жилья... но если не захотите, можете переселиться в любое удобное вам место. Деньги будут пересылать регулярно. Войско на них, конечно, не соберете, и не мечтайте, но образование... в смысле, обучение вашим детям сможете дать пристойное.

Граф де Бюэй, наблюдая с интересом, проронил:

— Можно даже послать за пределы Армландии.

— Вот-вот, — подхватил я. — Благородный граф де Бюэй, герой битвы при Олбени, Гастиркса, Черной Речки, Пролива и всех войн королевства, подсказал весьма ценную мысль, столь характерную для этого выдающегося деятеля! Можно послать к королю Барбароссе. Там у него лорд-канцлером сам знаменитый Маршалл, герой турниров и знаток...

Граф де Бюэй сказал польщенно:

— Благодарю за лестные слова, сэр Ричард! Ваши речи, как всегда, полны мудрости. Я лично знаком с сэром Маршаллом... хотя это и было в пору моей юности, но он уже тогда слыл знатоком рыцарских обычаев. Так что совет послать к нему в обучение сыновей... бесподобен!

Когда судьба бывшего хозяина замка и земель была решена, я прошелся по замку, присматриваясь и прикидывая, где и что экспроприировать, иначе любая война потеряет две трети прелести.

Сэр Растер деловито инспектирует винные подвалы, под его руководством грузчики уже выволакивают бочки и выносят кувшины, некоторые смутно напоминают формой греческие амфоры. Слышится брань: не ту бочку выкатили, это

пойло пусть сами пьют, а победителям должно доставаться лучшее, иначе зачем и воевать...

Я первым делом побывал в лаборатории мага, ничего не понял, но велел собрать все, а книги так вообще до единой, и отправить в обоз. Миртус разберется.

Вообще-то я, похоже, накапливаю столько мощи, что становлюсь чем-то вроде Сарумана. Или того, главного злодея. И эта мощь постоянно соблазняет меня на всякие злодейства. Конечно, никакие не злодейства, если исходят от меня, злодействами считаются и являются, если подобное делает кто-то другой.

Помощники мага, по слухам, разбежались, пользуясь неразберихой после захвата замка. Вряд ли кто-то унес нечто ценное, ни один маг не оставляет свои записи без мощных защитных заклятий, только один, как мне угодливо сообщили, то ли не успел, то ли не захотел.

Я уже был в седле, когда мне указали его каморку рядом с каменным строением кузницы.

Заслышав конский топот, вышел, пригибаясь под низкой притолокой, крепкий мужчина с широкими плечами и внешностью молотобойца.

Я спросил удивленно:

— Ты здесь и живешь?.. В постоянном грохоте? Как зовут?

Он поклонился без всякого раболепия, развел руками.

— Ваша светлость, ночевать я хожу на кухню. Просто у меня здесь инструмент... потому я чаще всего здесь. А зовут меня просто — Дракан.

— Инструмент, — протянул я задумчиво. — Энтузиаст, значит...

Пока я разглядывал его, он засмотрелся на Зайчика. Я проследил за его взглядом и сам в который раз залюбовался статью вороного жеребца: могучая грудь, тугие мышцы, крутая шея и длинная роскошная грива. Мускулистые ноги с широкими, как тарелки, копытами, мохнатые внизу, как у хищного зверя: не скакун, а тяжеловоз, таким он выглядит, только я знаю его подлинные скоростные качества.

— Прекрасный конь, — произнес Дракан с удовольствием. — Теперь таких нет.

— Ну как это нет, — возразил я. — Я как-то видел на ярмарке...

Он покачал головой.

— Нет, благородный сэр. Уж простите, но вы разбираетесь лучше в рыцарских схватках, а я — в конях.

Я переспросил:

— В конях? Я думал, ты маг. Ну, пусть только помощник, но все же искатель путей к магии, а не спец по коневодству.

— И к магии тоже, — ответил он мирно. — Я вообще ищу ответы на всякие вопросы...

— Какие?

Он ухмыльнулся:

— Почему вода мокрая? Почему солнце восходит и заходит? Почему все падает на землю, а ничего не падает в небо?

Я всмотрелся в него внимательнее, его улыбка под моим взглядом стала бледнее. Не успел он сказать, что пошутил, а так он, как все: пивка да по бабам, я сказал властно:

— Отправляйся в замок барона Эстергазэ... тьфу, привяжется же! Прислал Ричард Длинные Руки, так и скажешь на воротах. Отыщешь Миртуса. Это мой заместитель... по научно-технической части. Он найдет тебе работу.

Он сказал робко:

— Господин, да у меня есть работа...

— Кузнеца?

— Иногда помогаю и кузнецу. Он же дает мне угля...

— Миртус найдет такую, — сказал я, — что сам ухватишься. Иди! Это повеление Его Светлости гроссграфа. А гроссграфу повинуются все лорды Армландии.

Он испуганно поклонился и попятился. Я тронул поводья, Зайчик пошел дальше. Я подумал, что уже сегодня к вечеру этот помощник мага будет стоять перед Миртусом и спрашивать испуганно, зачем великий лорд прислал к нему, господину Миртусу.

— Это последний? — спросил я у барона Альбрехта.

Он подумал, воздел глаза к небу, пошевелил губами.

— Практически да.

— А в реале?

Он отмахнулся с аристократической небрежностью.

— Осталась разве что соседка этого неудачливого графа. Но я уже говорил, у нее ни замка крепкого, ни земель очень уж обширных. Хозяйство скорее мелкое, чем среднее. Думаю, им можно пренебречь.

Растер сказал обиженно:

— Как это? И в Армландии останется очажок неповиновения нашему сюзерену? Непорядок!

— Непорядок, — согласился и барон Варанг.

Граф де Бюэй посоветовал благожелательно:

— Ей надо предложить просто признать вашу власть. Думаю, теперь она это сделает. Не совсем же дура, как все женщины! Замком как-то управляет...

— Хорошо управляет, — вставил барон Альбрехт.

— Знаю, — ответил граф де Бюэй. — Потому и думаю, что спорить и упрямиться не станет. Ну не воевать же с женщиной?

Я подумал, покачал головой.

— Пусть войско отдыхает, потом церемония награждения отличившихся, музыка, пляски, народное ликование, всех отправим по домам строить новую счастливую жизнь. А я пока что съезжу к этой независимой хозяйке сам...

Растер сказал категорическим тоном:

— Ни в коем случае! Гроссграф отныне никуда не должен появляться без отряда доверенных рыцарей. К тому же нам ваша голова теперь дорога, сэр Ричард. Вы ее потеряете, не жалко, но и мы свои потеряем. А вместе с ними и пожалованные земли, что особенно как-то не по себе... Так что я поеду с вами.

— Вы нужны здесь, — сказал я. — Ладно, еду не сейчас. Еще решу, как и что...

Женщины в этом мире, мелькнула мысль, просто женщины. То есть если ты леди, то сиди у окошка и жди, когда некто прискачет на белом коне и попросит твоей руки. Не у тебя, конечно, кто тебя спросит, что за дурь, но у твоих родителей. И тебя отдадут именно такому, который вполне соответствует твоим тайным мечтаниям.

А все эти спутницы жизни, которые рядом с героем идут через горящий и взрывающийся мир, рубят наравне с ним, стреляют, бьют, ломают шеи, прыгают с крыш и с легкостью

побивают мужчин втрое крупнее себя, — это все на потребу дуракам, которые истории не знают и не хотят ее знать.

Подумав, я поинтересовался:

— Понятно, хозяйка в том замке леди... как ее, говорите?

— Леди Изабель, — подсказал Варанг.

— Так, леди Изабель. А кто муж?

— Лорд... — сказал бодро всезнающий сэр Растер и запнулся. Потер лоб. — А в самом деле, как звали ее мужа?

— Значит, такой муж, — сказал я. — Куда он делся?

— Отправился в поход, — ответил Растер с двусмысленной улыбкой, — и не вернулся.

— Давно?

— Да уже никто и не вспомнит...

— Понятно, — сказал я. — Думаю, если у нее крепкая рука, то ее такое устраивает.

Он ухмыльнулся:

— Да уж. Ее земли не бедствуют. И вообще старается с соседями ладить. Бывает, конечно, что иногда те пробуют ее на крепость, но всякий раз им дорого обходится.

— В смысле?

— Если на ее земли вторгнуться, — объяснил он, — то она поднимает на борьбу даже крестьян, что вообще-то некрасиво и не по-рыцарски... но — женщина! Ей можно. А потом еще и преследует отступающих, требует выплатить штраф.

— И как?

Он ухмыльнулся шире.

— Обычно платят. Иначе начинает разорять их земли, а это дороже.

— Молодец, — согласился я. — Не по-рыцарски, зато практично. Все же, полагаю, лучше нанести ей визит в частном порядке. В смысле, без войска.

Глаза его стали тревожными.

— Сэр Ричард, я бы предостерег от такого безрассудства.

— Почему?

Он понизил голос, огляделся по сторонам:

— Поговаривают, чернокнижница. Точно не доказано, но слухи, слухи... Или возьмите с собой пару священников.

— Это могут быть сплетни, — ответил я в задумчивости. —

Надо же как-то объяснять поражения от женщины? Да и церковь здесь не дремлет. Какую-то крестьянку-ведьму могут упустить, но хозяйка замка на виду... Впрочем, скоро все узнаем.

В любой стране король тут же выдаст овдовевшую леди, владеющую землями, за кого-нибудь из отличившихся рыцарей. А там уж ее судьба зависит от мужа: захочет — оставит женой, если окажется достаточно услужливой и покладистой, восхочет — отправит в монастырь, а себе возьмет другую.

Если же землями правит женщина, то это особый случай, исключительный, возможный только либо как в случае, когда я захватил замок и земли Одноглазого, а его жену оставил править взамен убитого мужа. Собственно, по закону тетравленда это я теперь ее муж, а земли те — мои, так что никто не посмеет на них позариться. Или как леди Клаудия, что, во-первых, волшебница, во-вторых — всеобщая раздробленность в крае и не такому бесчинству, как женщина у власти, позволяет твориться.

При сильной же королевской власти во главе земель должен стоять верный королю рыцарь, который по первому же зову придет с сильным войском и встанет под королевское знамя. Я не король, но в Армландии высшая власть принадлежит гроссграфу, так что это мне решать ее дальнейшую судьбу.

Думаю, она это понимает, потому должна отчаянно сопротивляться укреплению моей власти. А если она еще и чародейка... гм...

— Сэр Растер, — сказал я, — оставайтесь за старшего. Сэр Макс вам поможет, он в вас влюблен, да и на лету хватает вашу мудрость.

— Что вы задумали?

— Поеду на переговоры, — сказал я.

— С этой чародейкой?

— Это еще не доказано, — возразил я, — а любые сомнения толкуются... ну, мы знаем, как они толкуются.

— Слухи не бывают на пустом месте, — сказал он упрямо. — Нет уж, лучше пусть барон Альбрехт останется, а я с вами. Меня не проведешь, я баб насквозь вижу! А вот я для них потемка.

— Нет, — сказал я категорически. — Нет, сэр Растер! Там

ничего не произойдет важного, а здесь сейчас все сердце и вся жизнь нашего гроссграфства. Потому вы нужны здесь как никогда!.. Макс! Макс, иди сюда, дело есть...

Макс уперся и настоял, чтобы нас сопровождал десяток рыцарей. Хотя положено для выезда гроссграфа больше, но пусть хоть так. Теперь они ехали, весело переговариваясь, в двух десятках шагов позади, мы с Максом впереди, он путано объяснял, почему все-таки отказался жениться на дочери барона Кракатаурвица, а я с удовольствием всматривался в приближающийся замок леди Изабель.

Ничего чародейского: небольшой, опрятный, нарядный даже. Окна — настоящие окна, а не по-кошачьи прищуренные бойницы. На крышах весело трепещут флаги и поворачиваются флюгеры в виде петушков и лошадок.

Макс протрубил в рог, с ворот хрипло осведомились, кто и чаво. Макс ответил грозно, что изволил почтить визитом сам гроссграф Армландии великий сэр Ричард Длинные Руки, и кто замешкается с приветствием, будет считаться государственным изменником и проживет ровно столько, сколько его будут тащить к ближайшему дереву.

На его лице появилась торжествующая улыбка: мост не опустился, а упал, словно изнутри просто перерубили канаты, а решетка подпрыгнула и спряталась в щели, дрожа там и мелко позвякивая.

Мы проехали во двор, наши рыцари сразу начали рассредоточиваться, поглядывая на места, откуда напасть удобнее всего. Мы слезли с коней, из донжона поспешно выскочил очень старый, но подвижный старик, вскинул руки.

— Неужто сам гроссграф? Счастье-то какое!

— Ага, — ответил я настороженно, — будет вам счастье, будет. Веди к хозяйке.

Он спросил опасливо:

— Может быть, сперва помыться, утехи какие-нибудь, а потом уже и серьезная встреча?..

— Ты кто? — спросил я высокомерно.

— Сенешель Лемуэль, ваше сиятельство, к вашим услугам!

— Тогда сенешельствуй, — сказал я грозно, — а не утехами занимайся. А то я насенешелю тут, мало не покажется.

— Как скажете, ваше сиятельство!

— То-то, — ответил я удовлетворенно. — Некогда фигней заниматься. Веди!.. Макс, останься здесь, следи за обстановкой. Если что, сам знаешь... Да, как всегда, чтоб камня на камне не осталось. Люблю землю ровнять.

Устрашенный сенешель торопливо засеменял короткими старческими шажками через небольшой уютный зал. Я шагал, выпрямив спину и держа лицо волевым и надменным.

У государственных деятелей лица должны быть иными, чем у грузчиков, я успел насмотреться на их морды, кого бы сейчас не повесил, даже не знаю, но пример брать есть с кого, и я вошел вслед за престарелым сенешелем в небольшие уютные апартаменты, четко ставя ноги и прожигая взглядом стены.

Глава 3

В глубине комнаты за большим столом боком ко мне сидит женщина в платье цвета солнца очень простого покроя. Высокая, определил я, и хотя нам чаще всего привлекательны женщины среднего роста, а то и вовсе дюймовочки, однако чтобы быть по-настоящему красивой и аристократичной, высокий рост обязателен и для женщины. Пусть даже с помощью каблучков.

От нее пахло богатством, роскошью и властью. С прямой спиной, надменная и даже высокомерная, она смотрела перед собой, хотя, думаю, сразу заметила меня, однако только спустя минуту повернулась всем корпусом и посмотрела на меня в упор. Дыхание мое на мгновение прервалось: ее королевскость чувствуется в каждом жесте, даже в форме бровей, изгибе губ, властном взгляде.

Сенешаль сказал торопливо:

— Леди Изабель, у нас гости. Гроссграф Ричард... э-э... прибыл. Изволил прибыть.

Я смотрел на нее в упор, не наклоня головы в приветствии. Она поняла, медленно поднялась и сделала шаг навстречу.

— Как это любезно с вашей стороны...

Голос ее прозвучал свежо, я ощутил глоток чистого прохладного воздуха в душный знойный день. Медленно и значительно я наклонил голову.

— Приветствую, леди Изабель. Меня зовут Ричард Длинные Руки. Впрочем, если вы в самом деле чародейка, вы это поняли еще в момент, когда мы подъезжали к замку.

Она поморщилась:

— Полагаете, для этого надо быть чародейкой? На вас крупными буквами написано, кто вы.

— А вы и читать умеете, — сказал я одобрительно, — нет, ну точно чародейка!.. И вообще я уже чувствую ваши чары.

Она поинтересовалась:

— Это как?

— Ну... вы же сами понимаете... Ваши флюиды, ваша чувственность, изгибы ваших плеч и прочие округлости... А этот ваш загадочно манящий взгляд...

Она поморщилась сильнее.

— Перестаньте. Я понимаю, когда говорят искренне, а когда прикидываются. Для этого, кстати, вовсе не требуется быть чародейкой. Это я так, к слову. Что вы хотите, сэр?

Я развел руками.

— Может быть, нам решать эти вопросы в другой обстановке? Вы же знаете, что может хотеть мужчина от женщины...

Она не клюнула на ложную тропку, взгляд ее оставался прям и строг.

— Что может хотеть мужчина от женщины? Ну, это понятно. Подчинения, естественно. А в данном случае вы собираетесь распорядиться по собственному усмотрению моим замком и моими землями.

Даже не ссылается, мелькнула мысль, что это земли ее мужа. Молодец, крепкий орешек.

— Можем поискать компромисс, — сказал я миролюбиво. — Так как насчет угощения? Уж молчу про женские ласки, но мяса и вина не пожалеете для гостя?

— А вы гость?

— Гость, — заверил я, — гость.

Она перевела взгляд на застывшего и даже забывшего дышать сенешеля.

— Лемюэль, передай мои распоряжения насчет мяса и вина. Что-нибудь еще, сэр Ричард?

— Можно что-нибудь еще, — согласился я.

Мне показалось, что едва заметная улыбка тронула ее губы.

— Не забудь, чтобы прислали и сласти.

Сенешель попятился и скрылся за дверью. Я сказал с благожелательной улыбкой дипломата:

— Знаете, что мужчины любят сладкое...

— Я немало знаю об этих простых существах, — ответила она ровным голосом.

— Что и позволяет вам с блеском вести дела?

— А разве мои дела идут плохо?

— Я этого не говорил, — ответил я.

— Но скажете?

Я усмехнулся, голос ее выдает некоторое напряжение, все время готова к отпору, а любые мои слова воспринимает, как угрозу. И все, что можно истолковать против меня, толкует именно так, что и понятно.

— Давайте оставим это на послеобедье, — предложил я. — Многое будет зависеть от обеда. Если мне подадут недожаренное мясо и кислое вино, разве я могу признать, что дела у вас идут хорошо?

Она поморщилась, не принимая мой тон, но ничего не сказала, а служанки вошли неслышными тенями и быстро заставили стол блюдами, налили мне в кубок вина, Изабель отправила их обратно легким движением руки.

Я ел и нахваливал вполне искренне, мясо и гречневая каша бесподобны, а голод — лучшая приправа.

Леди Изабель наблюдала, как мне показалась, с удовольствием, как я очищаю тарелки, а я насыщался за все время не только последней осады, но и вообще за всю кампанию по объединению Армландии.

— Прекрасно!

— Вам в самом деле понравилось? — спросила она с нарочитым недоверием.

Я бесстыдно улыбнулся.

— Вы же видели, как я жрал! А я отношусь к народу, который точно знает, чем еда отличается от закуски. У вас все просто волшебное! Изысканно, нет слов.

Ее губы изогнулись то ли в подобии улыбки, то ли в гримасе.

— Вы так часто употребляете эти слова, — заметила она холодно. — Волшебное, чародейски...

— Правда? — изумился я.

— Правда-правда, — заверила она. — Мне кажется, вы чересчур прямолинейны. А раз так, то не проще ли прямо с порога обвинить меня в чародействе?

Я изумился:

— Обвинить?

— Разве не так?

— Где я обвинял? — поинтересовался я. — Нет, вы скажите!

— Только что сказали, что волшебное.

Я развел руками, держа в одной кусок торта, в другой — чашку с травяным чаем.

— А обвинение где? Была лишь констатация факта. А это могло быть и похвалой.

Она не отрывала от меня взгляда.

— А что было на самом деле?

— А это зависит, — ответил я нагло.

— От чего?

— Ну, на пользу мне и моему огороду... в смысле, Армландии, или во вред? Я, леди Изабель, в данном случае не паладин, а владетельный государь. Не король, конечно, но правитель. А раз так, должен думать о благе. Если честно, мне во благо, что этой частью земель правит мудрая женщина, что не любит, как и я, воевать.

Она фыркнула.

— Вы не любите воевать? Не смешите.

— А что, люблю? — поинтересовался я. — Откуда это взяли?

— Да по вам видно!

Я ухмыльнулся:

— Вот видите, леди Изабель, и вы попались. Я должен выглядеть таким, чтобы не задирались. Если бы хотел подраться, прикинулся бы овечкой. Чтоб на меня напали, а я тогда на за-

конном основании всех бы по стенам. А так всяк смотрит и кланяется еще издали. Или обходит стороной, это уж зависит от крепости нервов.

Она смотрела оценивающе, напряжение не покинуло ее лица и даже тела, но немедленной схватки уже не ждет, может разговаривать, на этом поле чувствует себя сильнее большинства мужчин, что попадались ей на пути. Я же смаковал воздушный торт, чаю запросил еще, снова назвал его просто волшебным, на что леди Изабель сверкнула глазами, но промолчала.

— Так что все пока хорошо, — сказал я довольно. — Торт бесподобен, а эта гречка с ваших полей? Или покупаете?

Она покачала головой.

— Своя. Мы почти ничего не покупаем.

— А вот это зря, — пожурил я. — Все невозможно как харвестить, так и крафтить в своем хозяйстве. Нужно разделение труда... Ничего, скоро поправим.

Она спросила ледяным голосом:

— Что вы имеете в виду?

— Ах, леди Изабель, — ответил я легко, — у меня такие планы... Если бы куры не передохли, я бы их в страусов вырастил! Словом, мы это обсудим, обсудим. Может быть, в более интимной обстановке? Все-таки я очень неконфликтный человек, а ваше управление хозяйством я в целом даже очень одобряю.

Она посмотрела исподлобья.

— В постели, что ли? Мне такое даже в голову не приходило.

— Потому что рассматривали меня, как противника, — сказал я понимающе. — А какой я противник красивой женщине?

Она продолжала рассматривать меня с напряжением во взгляде. Я понимал ее колебание, любого другого за такое предложение уже спустила бы с лестницы, но слухи о моей ужасной репутации явно дошли в эти края. Женщины вообще осторожнее, и что можно получить без драки, особенно через постель, подумаешь, такая ерунда, то вообще колеблются недолго. Просто она так привыкла быть полновластной хозяйкой и не считаться ни с чьими желаниями, что и сейчас все ее

нутро противится даже мысли пойти на такую уловку, что даже не уловка, а больше похоже на уступку.

Слабая улыбка медленно проступила на ее губах.

— Впрочем, — произнесла она, — а почему бы и нет... Хорошо, сэр Ричард. Вас отведут в мои покои.

— Да я и сам найду, — ответил я. — Вы мне только покажите. Я же без свиты нагрязнел, что значит — сам привык решать свои проблемы. Даже такие.

— Даже такие, — повторила она с улыбкой. — Да уж, эту вы никому не передоверите. Хорошо, я отведу вас сама.

В постели мы все исполнили хорошо, даже с блеском, но у меня осталось впечатление, что даже в самые жаркие моменты оба находились чуточку в стороне, наблюдали внимательно и корректировали, что и как делать сейчас, что потом, какие слова произнести, а когда задышать чаще и сильнее сдвинуть в объятиях горячее и вспотевшее тело.

— Ну, — сказала она, — и что теперь? Что-то изменилось?

— Думаю, да, — ответил я. — После общей постели устанавливается некая добавочная связь, вам не кажется?.. Отношения становятся доверительнее. Это уже на уровне инстинктов. Мы, мужчины, полагаем, что покорили женщину, затащив в постель, а вы, женщины, думаете то же самое о нас. Потому вы поверите мне больше сейчас, когда скажу, что ничего менять не собираюсь. Вы остаетесь хозяйкой этих земель, как были. А эта вот общая постель послужит вам дополнительной защитой от настойчивых советов моих лордов.

Она переспросила:

— Каких именно?

— Понятно, каких. Отнять и поделить! Вы — противница самой идеи гроссграфства, так что автоматически попадаете в число тех, кто после победы должен быть наказан. Но в адрес женщины, что принимает меня в своей постели, таких голов будет меньше. И они будут тише.

Она морщилась, унижительно получить такую защиту, однако этот развалившийся в ее постели человек в самом деле установил свою власть практически над всей Армландией, разумнее ограничить свои полномочия, чем потерять все.

— А что, — поинтересовалась она все еще холодно, — насчет обвинений в чародействе?

— Я таких не выдвигал!

— Выдвигают другие, — напомнила она.

— А что, — спросил я с интересом, — есть доказательства?

Она подумала, вопрос неожиданный, даже подвигала кожей на лбу, проговорила в нерешительности:

— Явных нет... Но большинству достаточно и косвенных. А то и вовсе догадок.

— Нам нужны явные, — сказал я. — Да и те будем стараться толковать в пользу обвиняемого. Рекомендую построить церковь в своих владениях...

— Церковь? — переспросила она в удивлении. — Да они в каждом крупном селе!

— Отлично, — сказал я с облегчением. — Значит, вопрос в чародействе почти отпадает.

Она пристально посмотрела мне в глаза.

— Сэр Ричард, а как вы лично толкуете чародейство?

— Толкую?

— Точнее, — сказала она с расстановкой, — как относитесь к чародейству лично вы?

Я усмехнулся:

— Вам официальное отношение или...

— Лучше «или».

— Как политик, — сказал я, — и правитель я приветствую все, что возвышает и укрепляет. А также обогащает, усиливает, строит, харвестит, крафтит, добывает и создает. Если чародейство помогает укреплять быт и обороноспособность, то я приветствую такое чародейство, снимая с него негативный ярлык и навешивая гативный. И вообще это уже не чародейство, а вроде полезного крафта. Ну, как столярное дело. Или добыча руды.

В ее глазах росло удивление. Она приподнялась на локте, всматриваясь в мое лицо, надеюсь, достаточно тупое и довольное. Обычно у женщин в этой позе груди не совсем красиво свешиваются набок, но у этой как у юной девушки торчат, не поддаваясь гравитации, а измусоленные моими губами кончики все такие же вздутые и красные.

— Вы всерьез?

— Я вообще серьезный человек, — заверил я.

— Гм...

— Правда-правда. Просто не будем афишировать некоторые особенности вашего управления. Отнесем к удачному менеджменту, точному расчету и планированию. Даже церковь способна закрывать глаза на некоторые вещи, если они не афишируются и другим не навязываются. У всех есть свои слабости. Человек может быть хоть магом, хоть геем, лишь бы не устраивал шествия и демонстрации, а занимался своими извращениями в своей квартире за плотно закрытыми дверьми. Лучше — с плотно зашторенными окнами. А то знаете, даже от Бога можно укрыться, но не от соседей.

Она всматривалась со всем большим удивлением, спросила внезапно:

— Сэр Ричард... вам сколько лет?

— Гм... сколько и зим, думаю.

Она покачала головой.

— Вы хорошо скрываетесь, но иногда замечаю, что вы гораздо старше, чем выглядите.

— А я хорошо выгляжу?

— Прекрасно, — ответила она. — Хорошо, если опасаетесь признаться, скажу я первой, хотите? Мне четыреста лет.

Она напряглась и в ожидании смотрела в мое лицо. Я переспросил с туповатым недоверием:

— Ровно четыреста?

Она внимательно посмотрела в мое лицо.

— Мне кажется, вас удивляет совсем не то, что должно.

— Ну да, — сказал я, — круглые цифры всегда врут. Неужели ровно четыреста?

Она усмехнулась:

— Если уж нужна точность, то четыреста три года.

— Аа-а-а, — протянул я разочарованно, — тогда другое дело...

— В чем?

— Могли бы отпраздновать круглую дату, — сказал я. — А так... ну ничего. Пропустили, жаль.

Она с все большим удивлением всматривалась в мое лицо.

— Похоже, вас вовсе не волнует мой возраст? Здесь может быть только одно объяснение... Либо вы гораздо старше сами, либо у вас столь велика самодисциплина...

— С дисциплиной у меня хреновато, — признался я. — А чему я должен поразиться? Что вам четыреста с хвостиком? Так я еще и за то глубоко уважаю, что следите за собой и заботитесь о внешности. Каждая женщина должна заботиться... Ну там кремы, увлажнители, эпиляторы, ботокс, рестилайн, педикюр, подтяжка и всякая прочая ваша хрень...

Она покачала головой, в глазах удивление все росло и росло.

— Нет, сэр Ричард, вы в самом деле не прикидываетесь, я это вижу, но это... так странно!

— Хе-хе, я вообще замечательный.

— Но как, — спросила она шепотом, — как вы можете... мне же четыреста лет! Вы сейчас должны вскочить, бледный и трясущийся, глаза навывкате, на губах слюни, еще надо шептать молитву и творить крестное знамение на себя и на все, что вокруг...

— Да я-то могу, — ответил я бодро, — но как вы, леди Изабель, можете?.. Может быть, это вы прикидываетесь? Вы ведь всегда такая, в старую каргу не превращаетесь? Ну вот. Так что меня это устраивает. А что фигуру держите в такой форме — вообще класс! Слушайте, а сиськи можно покрупнее?

Она переспросила с недоумением:

— Еще?

— Ну да.

— Куда уж больше?

— Ничего, — заверил я, — больше можно всегда. А если вдруг надоедят, хотя это идиотом надо быть, можно сделать совсем маленькими?

Она ответила медленно:

— Да, конечно... Но вы... Вас это не пугает?

— Пугает? — изумился я. — Леди Изабель! Я с вас удивляюсь! Да это прям праздник какой-то!.. И жопа горячая, это же надо...

— А что мне четыреста лет?

Я хмыкнул:

— Женщине столько, на сколько выглядит. Вам с виду лет

двадцать. А то и все восемнадцать. А когда вот так глаза таращите, то и вовсе шестнадцать. Словом, дурочка что надо. Таких мужчины друг у друга из рук рвут.

Я привлек ее к себе, она сперва упиралась мне в грудь маленькими теплыми ладошками, но вскоре ощутила, что не притворяюсь, мужчинам в таких вопросах притворяться труднее, медленно и тихо вздохнула, лицо расслабилось, сама прильнула, как слабая лоза цепляется за крепкий дуб.

А я еще тот дуб, подумал я горделиво.

Глава 4

Макс вскочил из-за накрытого стола, едва я вошел в зал. Дружно поднялись и рыцари, с грохотом отодвигая стулья. В глазах Макса тревога сменилась ликующей радостью. Так щенок лучится счастьем, когда возвращается отлучившийся хоть на минуту хозяин.

— Все в порядке, — заверил я торопливо еще издали. — Если закончили с пиром, можем ехать обратно.

— Закончили, — ответил Макс.

Старший из слуг проронил мрачно:

— Никто из благородных рыцарей ни к чему не притронулся даже.

Я обвел всех удивленным взором, повернулся к Максy:

— Правду говорят?

Он кивнул без всякого смущения.

— Мы не можем пировать, сэР Ричард, когда томимся неизвестностью. Об этой женщине ходят всякие слухи. Не все из них хорошие. И вообще здесь уютно... слишком.

— Потому что женщина, — объяснил я.

Я сел за стол, кивнул слугам, передо мной тут же появились разнообразные кушанья. Я знаком велел всем сесть, повеселевшие слуги убрали уже остывшие блюда прямо из-под рук рыцарей, у которых вдруг появился зверский аппетит, взамен из кухни торопливо несли горячее, обжигающее пальцы мясо.

Макс посматривал часто и со смущением во взоре. Рыцари переглядывались, острили потихоньку. Всем уже понятно по

моему виду, где я был и чем кончились переговоры, словно от меня несет женскими духами за полмили.

Макс спросил, сильно покраснев:

— Сэр Ричард, давно хотел спросить вас...

— Спрашивай, — ободрил я.

— Вот вы паладин...

Он умолк и посмотрел на меня, словно дальше должен говорить я, однако я только кивнул.

— Ну да, паладин. И что? Ты усомнился?

Он испуганно перекрестился.

— Упаси Господи!

— Так что же?

Он продолжил вздрагивающим голосом:

— Сэр Ричард, но тогда не правы святые отцы, которые говорят о безбрачии и непорочности паладинов? Но священники не могут быть не правы...

— Почему?

— Они ж не сами такое придумали! Так сказано в Священном Писании!

Я уловил заинтересованные взгляды рыцарей, у некоторых челюсти стали двигаться совсем медленно, чтобы не заглушить чавканьем мой ответ.

— Макс, сперва я тоже так думал. Нет, не о Писании, там в самом деле написано так... наверное, а о верном толковании. Дьявол, как известно, в деталях. И, честно скажу, понимая Святое Писание буквально, сперва подавлял в себе любую похоть. Даже любые мысли о бабах топтал, бодал и затапывал. И никого не тащил в постель. Был образцовым рыцарем, за что и удостоился высшего рыцарского ранга — паладина. А будучи паладином, гнал от себя всякую мысль о бабах, сосуде греха, как сказано в Священном Писании...

Рыцари ели и прислушивались краем уха, только Макс смотрел с мукой в ясных глазах.

— А теперь?

Я сказал мягко:

— Макс, я не стал грешником. Во всяком случае, не стал им большим, чем был. Просто поднялся еще на одну ступень и понял вдруг, что у простых людей душа и тело едины. Ну,

как если красную и синюю глину перемешать, то уже не отделить потом одну от другой. Простые люди еще не настоящие христиане! Все еще не настоящие. Потому когда грешат телом, у них грешит и душа. Для них и написаны заповеди!

Он потряс головой, в глазах смятение все росло.

— Для них? А для нас?

— Для них, — сказал я терпеливо, — только для них! Потому что их, простых людей, надо еще долго вытаскивать из животного состояния. Но тот, кто уже вылез... это я так гордо о себе, те осознали вслед за мною, красавцем, что плотские утехи, если не злоупотреблять, вовсе не затрагивают и не пачкают душу. Кесарю кесарево, как сказано в Писании. Потому остаюсь паладином, когда встаю из-за накрытого стола, где в удовольствии вкушал роскошные яства, или когда вылезаю из женской постели. А что я паладин, а не прикидываюсь им, проверить очень просто...

Он сказал торопливо очень виноватым голосом:

— Знаю-знаю, вы вчера одним прикосновением залечили рану кузнецу. Просто все это так...

Он замялся, смотрел честными и строгими глазами праведника, который не волен уходить из грешной жизни в мир аскезы, здесь надо сделать так много, однако хочет оставаться как можно более безгрешным.

— Необычно? — подсказал я. — Непривычно?

— Да, сэр Ричард. И вразрез с тем, что я слышал от святых отцов.

— Они говорят правду, — успокоил я. — Но эта правда — для большинства. Человек, увы, животное злобное и похотливое. Однако, если сможешь жить в мире похоти и чревоугодия, но заниматься делом и не впадать ни в то ни в другое... ты останешься чист. Главное, что душа твоя никакой похотью не занимается. А Господь все видит, Макс! Кто-то в самом деле проходит через грязь и не пачкается, а кого-то на ночь запри в чистейшей комнате — утром обнаружишь по горло в грязи!

Рыцари снова стали поглощать пищу медленнее, по скорости работы челюстей могу определить, когда врубаются с ходу, а когда задумываются и стараются понять и проверить на соответствие со своими нравственными правилами.

Макс вскрикнул шокированно:

— Сэр Ричард, как можно?

— Вся грязь человек носит в себе, — объяснил я, — мир без человека вообще не знает грязи.

Он пробормотал в смятении:

— Но как пройти через грязь и не испачкаться? Так разве бывает?

— Можно вообще раствориться, — сказал я зловещим голосом. — Ага, страшно? Это смотря кто ты есть в этом мире. В смысле, алмаз или кусок сахара.

Он перекрестился и прошептал торопливо:

— Да будет и дальше над вами милость Господа, сэр Ричард!

Я тоже перекрестился и ответил смиренно:

— Аминь. Ты ешь, ешь! А то все уже перешли на сладкое, а ты холодную рыбу никак не осилишь.

Возвращались с развернутыми знаменами и с бодрой походной песней. И хотя орали не о воинских подвигах, а о бабах, но в песнях главное, как поют, с каким настроением. А так понятно, лучшие песни про коней и женщин, а о подвигах рассказывать лучше в длинных и красочных балладах.

Я едва успел принять рапорт Растера, что и как за время моего отсутствия, как в зал вбежал оруженосец Макса:

— Ваша светлость, к вам гости!

Я поинтересовался рассеянно:

— Лично ко мне? Или вообще? Если вообще, пусть примет барон Альбрехт. Или сэр Растер.

Он переступил с ноги на ногу, лицо смущенное, развел руками:

— Они не к вам лично, но... по вашему делу.

— У нас общее дело, — ответил я. — Пусть кто-нибудь примет.

Он остался на месте, ответил дрожащим голосом:

— Осмелюсь возразить, но мой хозяин настаивает, чтобы приняли именно вы.

Я сказал недовольно:

— А что с ними такое особенное? Почему Макс так непривычно настойчив? На него не похоже.

Он развел руками:

— Вообще-то ехали не к вам...

— Так в чем дело?

Он договорил:

— Они ехали к барону Эстергазэ. По очень важному делу.

Я насторожился, сказал угрюмо:

— К Эстергазэ?.. Хорошо, веди их сюда. Посмотрим, что у них общего с такой сволочью.

Альбер и Растер переглянулись, Альбрехт предложил настороженно:

— Я распоряжусь насчет дополнительной стражи!

Я отмахнулся:

— Да кто что-то задумает недоброе в нашем же замке? Тем более Макс сообщает, что прибыли рыцари.

— А вдруг не рыцари? — спросил Растер. Поймал мой взгляд, пояснил: — Доспехи можно напялить на каждого.

Альбрехт встал с ним рядом, чем-то очень вдруг похожий, добавил значительным голосом:

— Сэр Ричард, не пренебрегайте! Потеряете осторожность — погибнете. Добро бы только вы, не жалко, но и мы все с вами... понесем ущерб. Некоторый.

— Спасибо за поддержку, — сказал я. — И вообще за ласковые слова.

Он ехидно ухмыльнулся:

— Не нравится, когда перенимаю вашу манеру? Но главное, как вы сами говорите, чтобы подействовало.

— Подействовало, — согласился я. — Давайте охрану. Я вспомнил, каких орлов иногда встречал... Причем и на той стороне.

— На той? — спросил Растер жадно. — Значит, все-таки побывали в аду? И кого из наших видели?

Рыцари вошли плотной группой, я сразу ощутил боевую спайку прошедших вместе через огонь и воду, когда без слов понимают, кому с какой стороны держать оборону, и когда готовы драться, пусть даже у противника впятеро больше людей.

Одежда потрепана, латы со следами жестоких ударов, я

различил вмятины от топоров и молотов, не говоря уже о длинных царапинах, оставленных мечами.

Остановились, один сделал два шага вперед и тоже остановился. Злое настороженное лицо с плотно сжатыми губами, мощные надбровные кости, узкий нос, поблескивающие в глубоких впадинах близко посаженные глаза. Мне он сразу не понравился, чем-то напомнил герцога Мордвента, который едва не зарубил меня в первый же день.

— Сэр Ричард? — спросил он с великим сомнением. — Я граф Дармштадт из герцогства Брабантского. До нас дошел слух, что вы в плену у барона Эстергазе.

Я охнул:

— Далеко же вы забрались!

— Это вы далеко, — возразил он. — Сэр Ричард, мы посланы герцогом Годфригом Валленштейном.

Я не сводил с него изумленного взгляда.

— Из самого Брабанта?

— Да.

— Как же вы добрались?

— Как только очистился Перевал, — ответил он с хмурой гордостью, — мы прошли... С нами две трети требуемой суммы, сэр Ричард.

— Суммы?.. Простите, о чем вы?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Барон Эстергазе захватил вас в плен и запросил за вас большой выкуп. Вы этого не знали? Как же так...

Я пробормотал ошарашенно:

— Да, припоминаю, он как-то обронил, что послал требование о моем выкупе. Но я думал, что брешет... Да все так быстро случилось, что ни о каком выкупе речи быть уже не могло.

Он с непониманием смотрел, как я хлопнул рукой по лбу и прикусил язык. Все верно, это для меня последние месяцы были полны приключений на Юге, а здесь все заснуло под снегом. Эстергазе захватил меня в плен поздно осенью, его посланцы едва успели преодолеть Перевал до того, как дороги скрыло снегом, зиму герцог собирал нужную сумму, а едва весной открылась дорога через Перевал, тут же послал этих людей.

Граф Дармштадт коротко наклонил голову.

— Сэр Ричард, мы торопились, как могли... Знали бы вы, сколько коней мы загнали, торопясь успеть поскорее! Герцог предупредил, что вы не из тех, кто потерпит жизнь в неволе.

Потрясенный, я всматривался в их лица и видел, как смотрят барон Альбрехт, Растер, Макс, Будакер, Митчелл. Лица посланцев измождены, одежда почти превратилась в тряпки, ни один сумасшедший не предположил бы, что эти люди везут огромную сумму денег.

— Вы его неверно поняли, — ответил я с чувством вины, эти люди ехали зря. — Я в самом деле не из тех... как теперь видите.

Вперед выступил худощавый рыцарь, короткие седые усы и такая же бородка обрамляют его рот, щеки запали, а скулы выпирают, как кости отошавшего мула.

— Сэр Ричард, — произнес он с поклоном, — я — сэр Зольмс, владетельный лорд небольшого феода на севере герцогства, которое благодаря вашей победе над противниками герцога Валленштейна перестало быть от них зависимым. Пользуясь случаем, приношу вам горячую благодарность от себя и моих вассалов, а также заверяю, что торопились со всех ног, загнали в дороге десяток лошадей. Но едва спустились с Перевала, узнали ошеломляющую весть! Вы уже не в плену...

— Я в еще большем плену, — ответил я любезно, — сэр Зольмс! В плену вашей преданности долгу и слову своего сюзерена. Я в плену у герцога, который собирал непомерную сумму... Пришлось влезть в долги, как я понимаю?

Дармштадт нехотя кивнул, а Зольмс сказал горячо:

— Сэр Ричард, а как иначе?

— Да, конечно, — ответил я с неловкостью и сильнейшим чувством вины, до этого момента никогда не чувствовал, что кому-то на свете нужен, кроме самого себя. Даже о родителях ни разу не вспомнил, как не вспоминал и раньше. — Хотя у самого проблемы. Король Кейдан наверняка не оставляет попыток сокрушить герцога?

Зольмс развел руками.

— Да, с весны он начал новую кампанию. Говорят, собира-

ется объявить герцога мятежником и выставить против него королевскую армию.

Я воскликнул:

— И герцог, находясь в таком тяжелом состоянии, собрал огромную сумму, чтобы меня выкупить?

Граф Дармштадт ответил за Зольмса:

— Да, сэр Ричард. Чтобы добрать недостающую сумму, пришлось кое-что продать из весьма ценных вещей. Но герцог не мог поступить иначе.

— Почему?

Он посмотрел с удивлением.

— Но, сэр... Вы же наследник!

— Ах да, — пробормотал я. — Просто помню, с герцогом в безопасности другой сын. Помоложе.

— И что?

— Наследник, — сказал я еще тише и, наконец, ощутил неловкость. На меня смотрели с укором. Я виновато развел руками. — Я хотел сказать, что в таких сложных условиях герцог должен был предоставить меня своей судьбе... хотя бы временно. Хотя да, понимаю, врожденное благородство герцога руководит всеми его решениями и поступками.

Граф Дармштадт с достоинством выпрямился.

— Вы правы, сэр Ричард. Герцог руководствуется прежде всего рыцарскими устоями. На том стоит рыцарство.

Сэр Зольмс уточнил:

— Мы привезли две трети запрошенного выкупа. Недостающую часть герцог сейчас срочно собирает. Он намерен привезти ее лично.

— Как благородно, — пробормотал я. — В смысле, как трогательно.

— На том стоит рыцарство, — повторил граф Дармштадт.

На том и погибнет, подумал я с жалостью, но вслух сказал:

— Герцог — рыцарь старой закалки. Я тоже, собственно, старой, но с примесью новой. Потому мерзавца, посмеявшегося обидеть женщину и захватить меня в плен, самого вернул в ад. А его замок, земли, деньги и вещи отдал хозяину получше. Себе, понятно. Так что я прошу вас отвезти выкуп обратно. А еще от себя добавлю золота и украшений, которые мне сами попа-

ли в руки. Что делать, если деньги и вещи ко мне так и лезут, так и лезут, хотя я человек совсем не вещичный, а напротив — тонкой душевной организации?.. Так что пока отдыхайте, набирайтесь сил. Я позабочусь, чтобы вам дали лучших коней и проводили до Перевала.

Лицо графа Дармштадта просветлело, а остальные рыцари подбодрились и смотрели на меня совсем другими глазами. Верные сюзерену, с которым связывают и свое благополучие, они уже смирились с потерей большой суммы, что нанесет ущерб герцогству, а тут такой подарок!

Все разом поклонились с радостным блеском в глазах, разве что Зольмс смотрел на меня чистыми преданными глазами, по молодости ни секунды не сомневаясь, что присланное золото я не оставлю себе, а тут же верну. Именно вот так: с добавлением даров от себя.

— Мы отбудем завтра же, — сообщил граф Дармштадт. — В крайнем случае, послезавтра.

Сэр Растер проревел оскорбленно:

— Как это? А погулять? А посидеть за столом? Вы нас обижаете!

Граф Дармштадт ответил с неловкостью:

— Все понимаю, доблестный сэр...

— Растер, — сказал Растер. — Сэр Растер!

— ...сэр Растер. Но вы войдите в положение герцога, он хоть и крепок, как гранитная скала, но переживает за сына.

— Только не выказывает, — вставил сэр Зольмс.

Растер сказал решительно:

— Тогда прямо сейчас за стол! Никаких возражений! Сэр Ричард, я с вашего позволения уволю благородных гостей.

Я ответил с улыбкой обличения:

— Да-да, сэр Растер, они ваши. Только дайте им хотя бы помыться и переодеться.

Глава 5

Я проводил их долгим взглядом. Герцогу в голову не могло прийти оставить меня самому выкручиваться из своих авантюр. Бросил на помощь все, что сумел, тем самым и меня по-

ставил в положение, когда не могу не ответить. Хотя, конечно, мог бы, я же привык, чтобы все мне, а я в ответ ничего, но здесь как-то незаметно перепривык.

Ну, не совсем уж записался в иисусики, но надо собрать что-то из драгоценностей для ответного дара. Наверняка это сможет стать сюжетом для баллады. При дворе герцога всегда ошиваются барды и трубадуры, сюжет как раз для них.

Барон Альбрехт взялся собрать ответные дары, я заподозрил его в скупости и напомнил, что золота и драгоценных камней у меня навалом, на что барон ответил с достоинством и даже некоторой обидой, что мое рыцарское достоинство он никак не принизит малым ответным даром.

Я еще сомневался, но в зал вбежал стражник и прокричал, что перед воротами замка стоят какие-то попы и требуют впустить.

Сердце мое екнуло, я сказал торопливо:

— Беги обратно, вели принять ласково!.. Надеюсь, это те, кого жду.

— Бегу, ваша светлость, бегу...

Когда я торопливо вышел во двор, из-под арки выехали на солнечный свет на трех мулах люди в серых плащах с капюшонами, укрывающими лица.

Я остановился в нерешительности, но сердце снова екнуло, предчувствуя радость, я поспешил к переднему всаднику, узнав сухошавую фигуру отца Дитриха.

Мои рыцари смотрели в изумлении, как я птицей слетел с крыльца. Отец Дитрих не успел слезть, я подхватил его в объятия, потом, опомнившись, смиренно поцеловал руку, а он благословил меня. Изможденное в долгой дороге лицо сияло, а глаза лучились умом и добротой.

— Я рад, — произнес он, осеняя меня крестным знаменем, — что наше путешествие не напрасно. Ты жив, ты цел и... как мы узнали в дороге, укрепил свою власть над большой провинцией.

— К вящей славе Господа, — ответил я смиренно, только потом вспомнив, что это всегда говорили иезуиты.

— К Его славе, — согласился отец Дитрих и перекрестился.

Из окон выглядывала челядь, рыцари во дворе заинтересо-

ванно окружили нас плотным кольцом. Спутники отца Дитриха слезли с мулов, сбросили капюшоны, бледные юноши с горящими глазами и строгими лицами, в каждом нетерпение переделать мир, чтобы Царство Божье и мир во всем мире наступили прямо сегодня к вечеру. В крайнем случае, завтра.

— Мои помощники, — сообщил отец Дитрих. — Брат Авель и брат Тулий. Очень ревностные в вере, грамотные и жаждущие отдать все силы служению Господу.

— Тоже из Зорра? — спросил я.

— Оттуда, — ответил отец Дитрих просто.

По двору прокатилась волна шелеста и почти суеверного шепота. О Зорре знают, что это некая овечья слава легендарная крепость на Севере, где бьются силы Света и Тьмы, там уже не люди, а праведники с одной стороны, и самые лютые злодеи и колдуны — с другой.

— Приветствую, братья, — обратился я уважительно к молодым монахам, — вы из Зорра, а это говорит многое. Взгляните на лица тех, кто вас встречает! Отец Дитрих наверняка рассказал вам в дороге, что я отчасти ваш собрат, паладин и... тоже побывал в Зорре. Так что не стесняйтесь, не считайте меня так уж господином.

Оба перекрестились, один произнес звучным юношеским голосом:

— Мы не признаем другого господина, кроме Господа.

Отец Дитрих чуть усмехнулся, а я сказал уязвленно:

— Признаюсь, уели!.. Эй, там, на крыльце! Отведите братьев в свободную комнату, принесите поесть, одежду выбейте от пыли. Отдохнут, поговорим о работе.

Тот, которого отец Дитрих назвал Авелем, возразил:

— Мы готовы приступить к работе сейчас.

— Но я сам должен решить, — ответил я с улыбкой, — какую работу вам предложить. Я не ждал вас... сегодня. Отец Дитрих, прошу в мои покои. Нам есть о чем поговорить.

Один из старших слуг подхватил под руки молодых монахов или священников, еще не знаю, кто они по профе, потащил к черному входу. Один оглянулся, ожегши меня огненным взглядом, у меня по спине прокатился трепет. Такого священного огня веры давно не видел ни в глазах, ни на ли-

цах. Будут у меня с ними еще стычки и трудности, эти по молодости не воспримут тактические уступки, компромиссы. Они из того времени, когда гордое слово «бескомпромиссный» еще даже не стало похвалой, это само собой разумеется, а я из того, когда бескомпромиссность пережила гордый расцвет и ушла в тень, уступив осторожному и расчетливому компромиссу, который здесь расценивается не иначе как трусость и уступка противнику.

Отец Дитрих шел со мной медленно, преодолевая усталость, я видел, что дорога далась ему очень нелегко. Но сам едва сдерживался от ликования, чтобы не скакать рядом с ним веселым козликом.

В покоех я зычно велел подать еду, отец Дитрих сразу же отказался от жирного и мясного, но рыбу одобрил. Кофе я создавать не стал, церковь не одобряет чудес, даже если те от святости, но велел принести травяные настои, что укрепляют силы.

— Как ты, сын мой, — спросил отец Дитрих, я чувствовал сильнейшую тревогу в сдержанном голосе, — держишься ли?

— С трудом, — признался я.

— В чем твое искушение? — спросил он настойчиво. — С чем борешься сейчас? Ведь самые великие битвы человек ведет не в миру, а в душе своей...

— Уже знаю, — ответил я горько. — Прибыли вы, отец Дитрих, очень вовремя. Самое большое искушение у меня как раз сейчас. Сатана подсунил очень сладкие конфетки... отказаться нет сил. Хотя брешу, от некоторых все-таки сумел, сумел, горжусь собой, таким замечательным, хоть и понимаю, что это тоже грех.

Он вздохнул, но смолчал, я сам опередил и успел сказать раньше насчет греха гордыни.

— В чем твое искушение, сын мой?

— В силе, — ответил я.

Он вскинул брови:

— Ты считаешь себя сильнее других?

— Да, отец Дитрих, — ответил я. — И мне все время хочется применять эту силу. Но как раз теперь ее применять нельзя. Нет, я бы применял в охотку, у меня нет чистолюйской жа-

лости или политкорректности, но сила хороша для ломания, но не для... даже не знаю, как и сказать. Вон монаху сила только вредит, верно?

Он подумал, кивнул.

— Вообще-то, если заглядывать далеко, да.

— Вот и у меня такое же, — сказал я горько. — Я же это, как его, строитель! И только соберусь строить, как мне дают в руки совсем уж невозможный суперпупермеч, доспехи и возможности, теперь бы весь мир завоевывать... И снова я ломаю, ломаю...

Он перекрестил меня и сказал торопливо:

— Откажись, сын мой. Это ловушка.

— Знаю, — ответил я горько. — Но отказаться не могу. Жадный я!.. А для нас, жадных, придумана формула, что сила сама по себе не хорошая и не плохая, а все зависит от того, в чьих руках... Вот каждый и хватается за эту отговорку. Мол, я же сама святая непорочность, мне и атомную бомбу доверить можно! Ну, бомба — эта такая нечестивая магия.

— Отговорку насчет силы придумал дьявол, — обронил он. — Сила и сама по себе... дурно. Плохо.

— Догадываюсь, — сказал я со вздохом. — Но уж больно хороша!.. Словом, отец Дитрих, берите идеологическую работу в свои руки. Вы как железный комиссар при белых командирах, что идейно весьма шатки... Побыстрее входите в курс дела, намечайте план работ, обсудим. Надо сохранить Армландию. Вы понимаете, что я имею в виду под сохранением.

Он кивнул.

— Для того и приехал, сын мой, что еще в Зорре уловил в твоих словах, нарочито гротескных, скрытую тревогу и душевную боль. Боль и смятение. С твоего позволения мы чуть переведем дух и сегодня же возьмемся за работу. Пусть Армландия станет рубежом, на котором остановится победное шествие сил Сатаны.

Граф Дармштадт и остальные счастливые до безумия рыцари герцога Валленштейна отбыли, увозя с собой вдвое больше золота, чем привезли. Я попросил их держаться, не подда-

ваться Кейдану, у меня есть кое-какие мысли, как остановить этого самодура.

Все обещали, хотя мне показалось, что насчет моего обещания помочь сдержать Кейдана отнеслись с долей скептицизма. Но мы обнялись на прощанье уже как друзья, я все-таки наследник герцога Брабантского Валленштейна, в потенциале их сюзерен.

— Нет вернее способа ободрить врага, — сказал я, — как показать, что его боишься. Пусть Кейдан видит, что вы уверены в несокрушимости герцогства!.. И еще... как-нибудь исхитритесь передать, что, если очень уж будет наседать на герцогство, сэр Ричард явится снова.

Граф Дармштадт с достоинством поклонился.

— До нас доходили слухи, что вы сумели как-то защитить своих сестер от притязаний короля на их судьбу...

— Вы не поверили? — поинтересовался я.

Он ответил осторожно:

— С королем спорить трудно. Однако король тогда покинул ваш замок достаточно быстро. Поговаривали, что в спешке... Так что мы постараемся передать ему ваше предостережение.

Остальные рыцари смотрели во все глаза, я чувствовал, как ловят каждое слово и каждую интонацию, стараясь угадывать недосказанное, ибо у монархов свои тайны и даже секреты.

Они отбыли, а на следующий день перед замком звонко пропел рожок, я рассмотрел со стены приближающийся отряд конных рыцарей и около сотни легких всадников.

Ворота по моему приказу теперь держат открытыми, никто не рискнет напасть на гроссграфа в его логове, и новоприбывшие въехали во двор, не останавливаясь для придирчивого досмотра.

Все в добротных доспехах, воины статные и крупные, один так и вовсе чудовищных размеров, а впереди рыцарь в железе с головы до ног, шлем с плюмажем, поверх железа наброшен плащ, что укрывает коня до самого хвоста. На плаще огромный красный крест, я подумал, что такое зрелище понравится отцу Дитриху, если он смотрит сейчас из окна. Щит у рыцаря длинный, треугольный, я уставился на герб, стараясь вспом-

нить, где уже видел, еще тогда я подумал, что лучше под удар подставить голову, чем такой щит, произведение мирового искусства...

Рыцарь остановил коня, огромного брабанта, рыцари послушно придержали коней. Рыцарь наконец поднял забрало, я увидел смеющееся широкомордое и широкоскулое лицо Зигфрида из рода Нибелунгов, младшего сына владетельного сеньора Кунинга.

Он слез с коня, преклонил передо мной колено.

— Сэр Ричард!

— Счастлив видеть тебя, Зигфрид, — сказал я в самом деле ликуяще и ощутил, как мой рот сам по себе расплывается до ушей. — Господи, как давно я всех вас не видел!

Рыцари слезали на землю, подходили, я обнял Тюрингема, Ульмана, Вернигору, виконта Теодериха — молодого и отважного рыцаря, который самым первым явился под мое знамя еще в то время, когда я только-только оттяпал первый замок у Галантлара. Некоторых из приехавших с Зигфридом я смутно узнавал, остальные незнакомые, но искателей приключений чувствую за милую. Альбрехт и Макс поглядывали на новичков оценивающе, а Растер еле дождался, когда я подзову и поручу ему гостей.

— Как хорошо, — выдохнул я. — Сэр Растер!.. На этот раз я вовсе не против большого пира, еще как не против!.. И обязательно приму участие. Да-да, гостей поручаю вашему вниманию. Это мои старые друзья...

Вообще-то я ожидал только Зигфрида, Тюрингема да еще с десяток рыцарей, но они все ехали и ехали: искатели приключений, безземельные, младшие дети родовитых, но обедневших семей, авантюристы, прослышавшие, что молодой и амбициозный вождь уверенно приращивает свои земли, раздавая уделы верным ему людям.

Миртус, наконец-то рискнув поверить мне, по своим каналам сообщил магам, что в моем лице обретут настоящего покровителя, который не требует немедленно превращать свинец в золото, и те начали медленно и осторожно стягиваться в мой лагерь.

Все прибывшие рыцари поздравляли меня с победой, но трепет пробегает по жилам, я чувствовал себя на краю пропасти, дна которой не видно. До этого момента я знал, что делаю, и, главное, все остальные знали.

Но теперь вот в Армландии не осталось земель, которые не признают власть гроссграфа. Отныне я здесь верховный, а это значит, что пора переходить к тому, из-за чего все это затеял. И вот здесь понимание даже близких сторонников закончится. Что-то придется делать вопреки, что-то вообще тайком.

Даже такие чистые души, как Макс, полагают, что я должен просто соблюдать все рыцарские заповеди, распространять их на всю Армландию, поддерживать закон и порядок, смирять чернь, возвышать доблесть и самопожертвование, быть щедрым и милостивым к друзьям и суровым к врагам. Этого вполне достаточно для справедливого правителя, а что свыше — то от лукавого.

В честь победы объявили отдых на пару дней, после чего можно будет распустить и то небольшое войско, что еще оставалось у нас. Собственно, даже не войско, а личные отряды владетельных лордов, эти не по нужде, а в охотку сопровождают своих сюзеренов, греясь в лучах их славы.

Примчался оруженосец графа Ришара де Бюэя, его господин просит принять его для неотложного разговора.

— Проси, — сказал я поспешно, — я сочту за честь пообщаться с великим полководцем, чьими победами безмерно восхищался и продолжаю... э-э... восторгаться.

Он ушел довольный, наверняка передаст, зря ли я так вот дипломачу, Талейрана переталейраню, а спустя четверть часа появились как сам граф, так и маркиз Ангелхейм, барон Варанг, и трое их заслуженных военачальников, немолодых, молчаливых и скупых на движения.

Граф Ришар де Бюэй приветствовал меня коротким поклоном, глаза испытующие, изменился ли я после завоевания Армландии, теперь в моих руках даже больше власти, чем собирались мне дать, но я держался крайне почтительно, говорил комплименты, восторгался его победами при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Проливе и прочими известными сражениями, замеченными менестрелями, крайне дружелюб-

но встретил его лучшего друга маркиза Ангелхейма, напомнив дважды, что именно с их предложения гроссграфства началось мое восхождение, и граф де Бюэй, герой и полководец, но все же человек своего времени, то есть честный и бесхитростный, если и ждет от кого хитростей, то лишь от подлого племени, сразу же успокоился и поглядывал на меня с покровительственным превосходством, как на одного из своих способных учеников, которого сумел довести до такого высокого поста.

Красивый, мужественный, статный, он в самом деле хорош и как рыцарь, и как предводитель войск, но удержать его при себе не удастся. Будет иногда вспоминать, да и друзья напомнят, что трон гроссграфа предлагали ему самому, так что два медведя в одной берлоге не уживутся. А вот маркиз Ангелхейм мог бы остаться при мне, его цепкий и живой ум ржавеет в пьянстве и однообразных рыцарских забавах... Над этим еще поработаю.

— Мои доверенные люди, — сказал граф и повел дланью в сторону гордо застывших рыцарей, — да вы их всех знаете. Прошли вашу кампанию от начала и до конца.

— Нашу кампанию, — поправил я мягко. — Нашу! Не только я, все замечали ваш несомненный и высоко оцененный вклад и вашу великую заслугу в объединении Армландии.

Он довольно улыбнулся.

— Спасибо, но я лишь малость помог, а все сделали вы сами. Теперь, сэр Ричард, надлежит красиво завершить победную кампанию! Вбить, как говорится, золотой гвоздь.

— Что вы имеете в виду? — спросил я настороженно. Спыхватившись, хлопнул в ладоши. — Эй, подать на стол!.. Как говорит сэр Растер, начинать надо с главного. Если я правильно догадываюсь, сэр Ришар, то стоит пригласить на этот разговор и моих рыцарей...

Он кивнул.

— Я как раз хотел просить вас сделать это.

— Прекрасно!

За окном темнело, слуги появились неслышно и зажгли свечи на столе. Пламя свечи освещало лицо графа снизу, делая рыцаря чужим и незнакомым, но более выразительным.

Мелкие морщинки, безжалостно высвечиваемые солнцем, исчезли, лицо стало крупным и значительным, складки на лбу выказывают работу мысли, а две глубокие морщины на щеках придают вид суровый и мужественный.

— Сэр Ричард, — сказал он негромко, — вам удалось установить власть над Армландией быстрее, чем мы даже мечтали. Теперь нужно как можно быстрее заставить лордов признать вас гроссграфом и на Священном Писании поклясться вам в верности.

Барон Ангелхейм добавил торопливо:

— Медлить не стоит. Пока еще не вмешался король Гиллеберд или другие соседи. Даже королю Барбароссе выгоднее наши постоянные войны, чем такое замирение, хотя Армландия формально часть королевства Фоссано.

Я развел руками:

— Разве я против? Давайте, вы лучше знаете церемонию. Я уже думаю, чем заниматься после, а вы готовьте эту... инаугурацию.

Слуги, уже предупрежденные, гуськом заходили в зал, накрывали стол и тихонько исчезали. Появились Растер, Альбрехт, Макс, Зигфрид, рассаживались, прислушивались, вникая в разговор.

Граф де Бюэй оглядел всех, его приветствовали с великим почтением, сурово и кратко, но с некоторым беспокойством напомнил, что надо ковать железо, пока горячо. Мы сломили сопротивление последних противников крепкой власти гроссграфа, пора провести церемонию присяги местных лордов Ричарду Длинные Руки, как легитимному правителю.

— Пора, — громыхнул сэр Растер, он за время весенней кампании посвежел, подтянулся, помолодел даже, сбросив пару десятков килограммов дурного мяса, а взамен нагуляв тугие мышцы. — Назначайте, сэр Ричард!

— Чего? — пробормотал я. — Саму церемонию?

— Время и место, — пояснил Растер. — А как проводить церемонию, посмотрят в старых книгах.

Барон Альбрехт сказал в задумчивости:

— Надо бы здесь, но этот замок принадлежит графу Фондлеру... Будет урон чести гроссграфа. Как будто беспризорный

какой-то! А если в прежнем, то сэр Эстергазэ больно уж неприглядный замок выстроил. Коровник, а не замок! Для просто лорда вполне, но для гроссграфа... гм... непрезентабелен. Да и далековато, а нужен в месте несколько ином, и такой, чтобы свидетельствовал о мощи гроссграфа.

— Моя мощь еще впереди, — возразил я, — и все в этом убедятся! Но что выберете, то выберете.

— Да выбрать не просто, — сказал Растер. — Хорошо бы в замке сэра Птеноцепля. У него вполне респектабельно и благородно. Есть большой зал, банкетный, зал для пира...

— В чужом замке? — переспросил Альбрехт. — Я ж говорю, не совсем удобно. Даже не в удобстве дело... Сэр Ричард может выглядеть нищим и безродным, когда без свиты скачет куда-то по делам, но гроссграф должен внушать!

Граф де Бюэй помалкивал, слушая спор, как опытный полководец, что сперва дает выговориться юным рыцарям, а в конце концов говорит веское и окончательное слово.

Растер ухмыльнулся:

— Но сэр Птеноцепль очень уж был против объединения Армландии. Может быть, изгнать его, как изменника, а замок...

Барон Альбрехт запротестовал с неудовольствием:

— Ну и шуточки у вас, дорогой сэр Растер! Есть пределы, за которые не может ступить даже король! Нет, лучше всего Орлиный замок. Хоть и далековато, однако же...

Съели за дискуссией все холодные и горячие закуски, потом горячие блюда, выпили все вино и закончили сладким, но с выбором места так и не определились. Макс и Зигфрид вообще не проронили ни слова: первый из скромности, второй считает себя не вправе высказываться, если уж не успел ни разу взмахнуть мечом во славу объединения Армландии.

Маркиз Ангелхейм опустил на стол опустевшую чашу, на меня поглядывал с хитрой улыбкой. Я поинтересовался настороженно:

— Что у вас, маркиз?

Он приятно улыбнулся.

— Думаю, придется выбирать именно вам.

— Почему?

Он развел руками:

— Как видите, зашли в тупик. Все варианты чем-то хороши, а чем-то... нет. Даже очень нет.

— Даже очень нет, — повторил барон Альбрехт. — Нелепо, но верно. Сэр Ричард, мне кажется, у вас есть и свои предложения?

Я огрызнулся:

— С чего вы взяли?

— Да у вас на все находятся предложения.

Я покачал головой.

— Нет уж... хотя...

Внезапная мысль вспыхнула так резко, что перебила, как микробов, все остальные. У меня же горсть механозародышей, у меня контакт с дефами, но я, как дурак, иду проторенными путями, как все здесь идут, но я же не все, это морда у меня, как у всех, а взгляды ширше!

Они смотрели с ожиданием на лицах, я пробормотал:

— Вообще-то кое-какие идеи есть...

Ангелхейм просиял, сказал довольноно:

— Я всегда верил в вас, сэр Ричард!

Но барон Альбрехт взглянул на него коротко и с сожалением буркнул:

— Вы еще не знаете некоторых идей сэра Ричарда. А то бы предпочли, чтобы у него их не было. Нет-нет, я вовсе не против, сэр Ричард! Пока что мы еще не в аду с вашими идеями.

Я молчал, идея слишком шальная, раскрывать рот пока рано. Мы с бароном давно уже наметили самое важное место в Армландии, где сходятся все дороги. Там бы замок, но кто из ближайших лордов позволит его построить даже гроссграфу: это же полный и абсолютный контроль над всеми торговыми путями! К тому же сам Альбрехт заметил вовремя и намекающее, что не все позволено особам и повыше меня.

Глава 6

Для неспешной сибаритской жизни дефов время течет неспешно, это у меня сколько всего, а сегодня мой связной деф высунулся на стыке стены и потолка с таким видом, словно мы виделись утром.

— Я вижу тебя, человек.

— И я тебя, существо, — ответил я. — Знаешь, вот подумал, что хоть вы отказали мне в помощи с тоннелем, но я стараюсь понять ваши этические нормы, что вытекают из прекрасного и вполне понятного желания спать, спать и спать. Потому всегда рад вам идти навстречу везде, где могу. Хорошо бы, чтобы и вы тоже... Раз уж выпал такой редкий шанс сотрудничества... Э-э, не зевай, не зевай! Рано. Я только начал речь о сотрудничестве, а такие речи ни понятными, ни короткими не бывают.

Он зевнул шире.

— Что ты хочешь?

— Есть еще один шанс вам показать себя, — сказал я бодро. — Вы же орлы! В смысле, древняя и могучая цивилизация. Ну, если не цивилизация, то мудрый и знающий народ, который все понимает и потому ничего не делает.

Он сказал с удовольствием:

— Да, мы такие.

— Я это сразу понял, — сообщил я. — Такой древний народ, а все еще не построил цивилизацию! Это мудро и дальновидно. Не приходится поднимать ее из руин. А вот мы... Словом, мне просто необходимо построить замок. Ну, ты знаешь, мы всегда строим, а потом захватываем, ломаем, сносим, а взамен строим другие.

— Это ваши, — сказал он с удовольствием, — национальные, даже видовые особенности?

— Да, — ответил я сокрушенно, — ты все понял сразу. Видно, что мудрый. А как мудрый понимаешь, почему мне необходимо забабхать замок в кратчайшие сроки в строго заданном месте. А без вас, мудрых и все понимающих, что я могу? Ничего. А вот с вами, ого-го.

Он слушал, зевал во весь рот, все равно, несмотря на все похвалы, долго не мог понять, что я задумал, потом не мог врубиться, зачем мне это надо. Я долго и терпеливо объяснял, уже понимая их метаболизм, и когда наконец понял, по крайней мере, мне так показалось, сразу же исчез и не показывался пару суток.

Я уже было решил, что попытка воспользоваться дружбой

типа: я на тебе поезжу, а потом ты меня покатаешь — не проскочила, как и в случае с тоннелем, однако по истечении двух дней из стены под самым потолком, откуда они обычно наблюдают за людьми, высунулась светящаяся мордочка.

Убедившись, что я один, деф спустился вниз и, наполовину выступив из стены, словно барельеф из плотного тумана, пропищал на грани слышимости:

— Я переговорил с собой. Большой я ответил малому я, что мы сделаем.

— Спасибо!

— Мне самому это интересно, — пискнул он, я уловил в его едва слышном голосе нотки возбуждения. — Большой я считает это возможным.

— Спасибо, — ответил я еще раз. — Сумеете... сумеешь сделать так, как я начертал?

— Очень трудно, — ответил он, — но большой я сделает.

— А что трудно? — спросил я. — Выплавливать камень?

— Нет, трудно понимать, что ты нарисовал.

Лебедя создает вода. Лебедь без воды — просто гусь. Так и любой могучий воин, если не владелец замка — просто здоровяк с мечом, которому каждое родовитое чмо с торжеством указывает место.

У меня замки есть, даже в Армландии: по договоренности с леди Беатриссой мне принадлежит замок Коце. А также могу оставить себе любой замок, который могу захватить, объявив владельца врагом отечества и уличив в сношениях с Гиллебердом или тайной работе на третью державу. Но эти замки, увы, типовухи, норма для этого времени, а я все-таки уже знаю, какими они станут, и... хотел бы ускорить этот процесс. Хотя бы для себя, замечательного.

Потому самые трудные переговоры у меня не с соседями-лордами, даже не с государями, чьи земли граничат с Армландией. Тайком, не посвящая в свои тайны даже проницательного Альбрехта, уговариваю дефов на более плотное сотрудничество. Однако, желая от них получить то, что не могут мне обеспечить даже императоры, я даже придумать не могу, что

мог бы дать им взамен. Да и сами дефы, существуя в абсолютном благоприятном мире, ни в чем не нуждаются.

Засыпая, я задумался о природе дефов, усталый мозг, погружаясь в сон, начал рисовать причудливые картины, всплыла информация, выловленная когда-то в Интернете, что уже скоро медицина не только обеспечит невероятно долгую жизнь и молодость, но и позволит менять тела: наращивать мускулатуру, делать плечи шире, манипулировать с ростом, даже с полом и переделкой внешности... А это значит, что на улицах наших городов появятся эльфы, гномы, тролли, орки — тинейджеры такую возможность не упустят, готы вон уже расписывают себя по всему телу татуировками и вставляют пирсинги даже в ноздри, губы и веки, а как только появятся новые возможности...

Но если разразится катастрофа, если медицинские центры сметет война, всяк так и остается в той одежде, какая на нем. И в том... теле. Уцелевшие в глубоких пещерах ролевики-гномы так и останутся гномами, эльфы — эльфами, а когда тролли вылезут из своих подземных болот, увидят сожженный мир, где спасение есть только на дне их болот...

Спал тревожно, то и дело просыпался, прислушиваясь к странным звукам со двора. Почему-то вспомнил элементаря, который чуть не задушил меня во владениях герцога Готфрида. Его магия, в отличие от магии людей, на меня все-таки действовала, хоть и не в полную силу. Это значит, что с происхождением элементарей не так просто...

Хотя, может, даже проще, чем я думаю. Высокие технологии дают большие возможности, увы, даже очень недалеким людям.

Сегодня долгая вечерняя заря светила красным на полнеба, подпалив, как во время набега, облака. Оставив за спиной замок сэра Фондлера, отряды двигаются по равнине, вздымая облака багровой под лучами заката пыли, лошади вздергивают морды, уловив в сторонке сырой запах болота. Сэр Растер, который знает и эти места лучше местных, уверял, что вон возле того леса прекраснейшее место для привала. И дичи много, Бобик скучать не будет.

Барон Альбрехт первым сообразил, куда мы направляемся, но поглядывал вопросительно. Если молчу, то есть причины, но однажды и он не вытерпел, выбрал момент и спросил напрямик:

— Сэр Ричард, вы хотите выйти на перекресток всех дорог?

— Угадали, барон, — согласился я. — Какой вы догадистый... Что-то тревожит?

— Задумка нравится, — признался он, — мы уже говорили, что если там поставить крепость, то это контроль всех путей как в Армландию, так и на Юг, что куда важнее. Но, боюсь, даже верные вам вассалы будут недовольны строительством.

— И что?

— А то, — сообщил он холодно, — что без их помощи вам не справиться. В тех местах просто нет камня, так что гранит, мрамор или песчаник придется везти из графства Кортнелль или баронства Улумберт. Даже глины нет, чтобы лепить и обжигать кирпичи!.. Глина есть за сорок миль в землях сэра Уинстока, но не в вашей власти заставить даже этого незначительного хозяина поставлять вам хоть что-либо.

— А если купить?

Он покачал головой.

— Не все продается, сэр Ричард. И не все покупается. Сэр Уинсток знает, что с этой крепостью, запирающей все дороги, их вольности вы точно запрете в подвал, на дверь повесите замок, а ключ будет у вас в кармане.

Он смотрел серьезно и сердито. Я поглядел испытующе, на моей ли стороне еще барон, ответил осторожно:

— Попробую обойтись без них.

Он фыркнул:

— Как?

— Придумаю.

Он покачал головой.

— Если вступить в сделку с дьяволом, то даже я вам не помощник. К тому же у вас в войске едут попы, а среди них — великий инквизитор! Да рыцари по одному его слову вас потащат на костер!

Я вздохнул:

— Знаю, барон. Одни люди всю жизнь проводят в неге и

покое, другие — всю жизнь ходят по тонкому льду, хотя надо бы всего понемногу. Так вот я слишком долго... это, в неге. Так разнежился, что уже и не знаю. Теперь вот по тонкому льду и... конца дороги не вижу.

Он кисло улыбнулся:

— Если понимаете, то не все еще у вас потеряно.

Через неделю, двигаясь с утра и до вечера, мы с Зайчиком первыми взлетели на холм. Карта не соврала, обрывистые горы, ущелья и бурные реки, изрезавшие Армландию, в этом месте сблизились, оставив нетронутой зеленую долину, вытянутую в две-три мили. По ней и тянутся дороги из северных королевств, отсюда ответвляются в сторону Турнедо Гиллеберда и Шателлена Найтингела, но для меня важнее, что перекрывается и единственная дорога, что ведет через Перевал.

Я осторожно пустил Зайчика к дальнему обрыву. И хотя в седле, однако ноги слабели, словно там дальше не такая же земля, не такая же трава и кусты... Край придвинулся, внизу открылась зияющая рана, такой я ее принял сразу. Багровая опухоль, словно из раскаленных углей, выплескивающиеся гейзеры раскаленной магмы, красные волны, что жутко и странно расходятся кругами по твердой земле, словно по тихому пруду.

За спиной простучали копыта, барон Альбрехт осадил коня почти рядом. Конь пугался и пятился, барон вытянул шею, заглядывая за край, лицо покрыла смертельная бледность.

— Да, — сказал он хрипло, — с той стороны никто не рискнет обойти.

Я совладал с голосом, ответил как можно более сдержанно:

— Вы правы, барон. Только с этой точки зрения и надо оценивать... обстановку.

— Но вы этого и ждали?

Бобик всматривался в багровый ад очень внимательно, шерсть вздыбилась, из горла рвалось злобное рычание. Я смотрел на барона, оформляя мысль, как вдруг Бобик сорвался с места и в три таких стремительных прыжка, что я увидел только смазанное движение, метнулся вниз.

Барон охнул, я раскрыл рот, чтобы заорать, велел вернуть-

ся, однако темная точка уменьшилась и растворилась в багровом аду. Альбрехт вскрикнул потрясенно, я стоял со стиснутыми кулаками и остановившимся дыханием, он быстро посмотрел на меня и сказал тяжело:

— Сэр Ричард... это зрелище и меня завораживает. Так и тянет...

— Что это с ним? — пробормотал я, горло пересохло, будто я уже стою там, внизу, у стены огня, и вдыхаю раскаленный воздух. — Никогда раньше...

Он бросил в мою сторону короткий взгляд.

— Но это же тот Пес?

Я буркнул:

— Какой?

— Ну, — ответил он, на мгновение замывшись и тщательно подбирая слова, — я просто не хочу называть это прозвище... вслух.

Я ответил хмуро:

— Я его зову просто Бобиком.

— Да, я заметил, он откликается.

Барон так же всматривался в бурлящую магму, в каждом его осторожном слове я чувствовал недоговоренность, о некоторых щекотливых темах предпочитаем умалчивать, но все понимаем, о чем речь. Если Бобик откликается на эту кличку, то это вовсе не значит, что он в самом деле Бобик.

Грудь сдавило, словно из нее выкачали весь воздух. Как же я привык к этому существу, и до чего же это чувство потери такое острое и гнетущее...

Из багрового ада вынырнуло темное, я охнул, а Бобик уже неся тяжелыми прыжками вверх. Земля осыпалась под его лапами, он соскальзывал, прыгал из стороны в сторону, поднимаясь елочкой, наконец перевалился через край и упал мне под ноги.

Шерсть сгорела вся, шкура в рваных ранах с запекшейся кровью. Он тяжело и хрипло дышал, из пасти вывалилось нечто вроде обугленной кости.

Барон спросил со счастливым недоумением:

— Это он что... и там рыбу ловил?

Я мигом оказался на земле, от Бобика несет жаром, как от

раскаленного слитка металла. Я возложил обе ладони на голову верного Пса. На пальцах зашипело подгораемое мясо, я вскрикнул от острой боли, одновременно все тело пронзил жгучий холод. Острая боль впиалась в мозг, я сжал челюсти и терпел, уже не просто по-паладиньи переливая здоровье, а залечивая жуткие раны.

Сухой язык Бобика лизнул мне щеку, похожий на терку, я не отрывал рук, и язык с каждым мгновением становился влажнее и мягче. Я открыл глаза, вместо окружающего мира пока вижу только черные дыры и слабо светящиеся спирали галактик, донесся истончившийся, как у комара, голос барона:

— Ему досталось... Впрочем, и вам тоже, сэр Ричард.

Я прошептал:

— Бедный пес... Что он такое увидел?

— Старые счета? — предположил барон. — Вряд ли он туда сунулся рыбу ловить. Даже огненную.

Я перевел взгляд на то, что он принес. Все еще горячая обугленная кость выглядит странно, ни на что не похоже. Может, и не кость, хотя вон характерная округлость сустава, но больше похоже на сплав камня с тугоплавким металлом.

— Пойдемте отсюда, — предложил барон.

— Да-да, — согласился я торопливо. — Бобик, за мной!

Я тяжело взобрался в седло, руки все еще дрожат, хотя мясо заросло, даже кожа на кончиках пальцев и на ладонях свежая и молодая. Бобик оглядывался, отросшая шерсть то и дело поднимается, утробное рычание доносится глухо, словно раскаты очень далекого грома, но, когда вернулись к отряду, для всех он был по-прежнему веселым и дурашливым Псом, большим любителем ловить оленей, хватать взлетающих гусей и даже нырять за рыбой.

Барон послал коня рядом с Зайчиком, лицо серьезное, обронил тихонько:

— Сэр Ричард, если выстроите здесь крепость...

— Да выстрою, выстрою!

— Вам придется присматривать за собачкой, — закончил он многозначительно. — А то повадится бегать туда... В другой раз ее могут встретить стаей. Я пессимист, не верю, что задавил там последнего своего противника.

Оставив отряд разбивать лагерь, мы с Максом и бароном Альбрехтом осмотрели долину самым тщательным образом. Макс поглядывал с вопросом в честных чистых глазах, я видел в них муку, но раскрывать карты рано, да и вообще вряд ли раскрою, такой уж я если не по натуре, то по своей прошлой гребаной жизни.

Альбрехт прикидывал расстояние от дороги, наконец вытянул руку.

— Вот у того дерева можно наметить место для донжона.

Я покачал головой.

— Нет, это ж совсем перекроет тропу.

— А где?

Я показал рукой.

— Вот там лучше.

Он ахнул:

— Так далеко?

— Это недалеко, — заверил я.

Он оглянулся, возразил живо:

— Замок нужно поставить так, чтобы дорога шла прямо под стенами! Контролировать, не покидая крепости!

— Верно, — согласился я. — Барон, вы сказали верно: крепости. Не замок, а крепость. Большую, чтобы надежно запереть как сам путь, так и перекрыть возможности обойти тропками. И открываться ворота крепости будут только по нашему желанию. Да-да, дорога пройдет именно через крепость! Купцы и путешественники смогут отдохнуть, поправить одежду, подковать коней, купить товары, сменить животных...

Он сказал с нервным смешком:

— Настолько огромная? Сэр Ричард, думаю, на этом вы себе и сломите шею.

— Давно ждете?

— Давно, — признался он. — Теперь вижу, кому везет в сражениях, тот ничего не понимает...

— В чем?

— Во всем остальном. Уж простите, сэр Ричард, но эту затею лучше оставить.

— Почему?

— Слишком грандиозна.

Я пробормотал:

— Египетские фараоны какие пирамиды отгрохали... А сфинксов тесали из целых гор? Правда, управились вроде бы не за неделку. Ладно, барон! Чего загадывать? Кто ходит по тонкому льду, тот и крупную рыбу ловит.

Отец Дитрих не понимал, зачем мне это надо, но согласился пойти мне навстречу и послать священников освятить намеченное место. Я договорился, что все это действие произойдет в воскресенье, когда подтянутся отставшие отряды и малость переведут дух.

Кроме того, жители трех ближайших деревень от мала до велика явились поглазеть на собравшихся блестящих рыцарей, на духовенство, так как я в помощь отцу Дитриху призвал еще священников из ближайших городов.

Барон Альбрехт посматривал с интересом, но помалкивал, а прямой сэр Растер проворчал с неудовольствием:

— Что-то не замечал в вас, сэр Ричард, такой набожности. Видно, где-то как-то очень уж согрешили?

Сэр Норберт сдержанно улыбнулся:

— А может, сэр Ричард все же признается нам, своим друзьям? А мы позавидуем всласть...

Растер перекрестился и сказал елеинным голосом:

— Наверное, самому Господу наступил на ногу.

— Да, сэр Ричард иначе бы...

— Сэр Ричард и призвал священников?

— Что-то в лесу очень уж крупное издохло...

Я слушал и хмуро мотал на ус, что вообще-то я хоть и задним умом крепок, а остроумен только на лестнице, но иногда успеваю спасти свою задницу за секунду до того, как мне спустят штаны. И сейчас вот подсуетился, а то за мной уже закрепляется слава, как о недостаточно набожном человеке, а это все равно что занести рыцаря в разряд людей без хороших манер.

Солнце ярко светит с раннего утра, в небе легкие оранжевые облачка, на земле буйство красок: даже крестьяне одели праздничные одежды, а рыцари гордо сверкают металлом доспехов, конской упряжью. Отец Дитрих во всем парадном, с

ним священники, которых он сам отобрал из подвластных мне городов.

Литургия заняла почти час, я уговорил провести по полной программе. Народ трижды опускался на колени и срывал с голов шапки, торжественное пение сотен мужских голосов наполняло воздух торжественным величием и значимостью происходящего.

Альбрехт все поглядывал с великим интересом, он единственный, кто никак не комментировал мой внезапный приступ набожности.

Глава 7

Когда все закончилось, народу раздавали подарки и бесплатно угощали дешевым вином, рыцари устроили турнир и тоже развлекали народ, заодно развлекаясь и сами, а отец Дитрих посмотрел на барона Альбрехта, на меня, взял меня за локоток и тихонько отвел в сторону.

— Кстати, — сказал он негромко, — меня тоже интересует, сэр Ричард... зачем вам это понадобилось?

Я развел руками:

— Отец Дитрих!

Он кивнул:

— Да, это я. Так зачем вам это понадобилось? Только честно.

Я тяжело вздохнул:

— Ладно, вам признаюсь, как на духу. На то вы и святая инквизиция, чтобы знать всю правду. Я планирую построить на том месте замок. Точнее, крепость, чего уж мелочиться!

— Я знаю, — ответил он ровным голосом. — Это все уже знают. Но почему такой молебен?

Я перекрестился.

— Отец Дитрих, я надеюсь на заступничество и даже помощь святых сил. Ибо этот замок... крепость, будет оплотом церкви на этих погрязших во грехе землях. И потому я хочу, чтобы комар носа не подточил.

Он внимательно смотрел на мое просветленное, надеюсь, лицо с сияющими верой в Христа глазами, но во взгляде оставалось сомнение.

— На что вы рассчитываете, сэр Ричард?

— На чудо, отец Дитрих.

Он вздохнул:

— Чудес не бывает, сын мой. Господь не творит чудеса для человека. А то, что темный народ называет чудесами, либо явления природы, либо происки дьявола, призванные внести сомнение в душу человеческую.

Я сказал смиренно:

— Да, отец Дитрих, я знаю. Просто, будучи простым народом, я решил назвать для доступности чудом некоторую помощь созданных Господом существ, которых мы не считаем людьми, но которые тоже наделены разумом и, следовательно, душой. Сейчас до них руки не доходят, понимаю, но когда-то церковь начнет спасать остатки культуры ацтеков, майя, инков, эльфов и прочих гномов от истребления и забвения!

Он покачал головой, глаза стали настороженными.

— О чьей помощи ты говоришь, сын мой? Тебя никто не смущает?

— Еще как смущает, — ответил я честно, — но не в этом случае. Отец Дитрих, мы даже церковь строим не только своими руками, но и с помощью неразумных животных! Волы таскают камень, на лошадях подвозим доски... У меня все то же самое, честное слово! Только лошадки у меня... несколько особенные. Но о Сатане они и не слыхали, честное слово!

Он вздохнул устало:

— Попробую поверить, сын мой. Пока что твои деяния не противоречат учению церкви. Напротив, напротив... Но не впади в соблазн!

Вечером я потихоньку выбрался из шатра, стража было увязалась за мной, гроссграфа надобно охранять, я отмахнулся, мол, на свидание с женщиной иду, свидетели не нужны, а когда отстали, запоздало подумал, какие тут женщины, это что же про меня подумают, о чем завтра говорить будут...

У ближайшего гранитного валуна я присел на землю, тихонько позвал дефа. Он тут же высунул заспанную мордочку из серой поверхности камня. Я дождался, пока осмотрится, осторожные существа, сказал тихо:

— Готовы?

— Да, — ответил он. — Я все передал себе большому. Ты сделал для нас... хорошо, мы тоже сделаем для тебя.

— Только без фокусов и вывертов, — предупредил я. — Хорошо? Как я и начертил!

— Да, я большой все понял, как делать. Мы никогда такое не делали... но мы можем.

Я вернулся и оседлал Зайчика, стражи спросили с непониманием:

— Ваша светлость изволит прогуляться по долине? Говорят, вон в той роще дриады живут...

Я посмотрел на их ожидающие чудес морды, поморщился.

— Я только что от них. Сиськи маленькие, жопы холодные. Нет, теперь проеду к Огненному Разлому. Авось там согреют.

Они остались за моей спиной с раскрытыми ртами. Ну вот, подумал я досадливо, брякнул, не подумав, теперь среди этих парней возрастет стократно несколько иная моя слава. Через неделю появятся очевидцы, которые видели, кого я и как в Огненном Разломе, но священники отшатнутся, главное же — потеряю отца Дитриха, а его мнением очень дорожу.

— Вообще-то, — уточнил я, обернувшись, — поеду с Божьей помощью строить крепость. Помните то место, где отец Дитрих отслужил мессу? Он просил Господа благословить нашу затею.

Один из стражей сказал с готовностью:

— Это святили в том месте, где вы хотите строить замок?

— Верно, — ответил я. — А сегодня мне было видение...

Я сделал многозначительную паузу, стражи окружили меня плотным кольцом, в глазах жадное любопытство. Старший спросил с благоговейным трепетом:

— Ангел?

— А то и архангел, — сообщил я. — Крыльев больно много. Но света было ой-ой, глаза резало, не пересчитал. Не то шесть, не то восемь. Словом, много.

Они тут же зашушукались возбужденно, обсуждая, кто мне привиделся: точно не ангел — у тех всего два крыла, это ж серафим или херувим, а то и в самом деле архангел... Не Гавриил или Иегуддил, а может, Ханафаил, нет, того давно не видели,

но и не Уриелиус, этот вообще на землю не спускается... Тогда сам Михаил! А это неспроста, он по всяким пустякам не является...

— Сейчас я должен ехать на то место, — объяснил я. — И там провести ночь в благочестивой молитве. Посланец небес обещал мне прийти на помощь... если я буду достаточно чист и светел. Так что молитесь за меня, свиньи немытые! Еду с трепетом в сердце и молитвой в душе.

Они остались с распахнутыми ртами, а мы умчались в ночь. За нами понесся Бобик, огромный и страшный. У него после возвращения из лавы глаза время от времени становятся зловеще-багровыми, словно в черепе полыхает адский огонь. В такие минуты его снова страшатся, отпрыгивают, крестятся и бормочут молитвы.

Спина все еще чувствует восторженно-преданные взгляды стражников. Умею, похвалил я себя, с народом разговаривать. Молодец! Понимаю целевую аудиторию. Теперь запомнят: эльфы — сиськи маленькие, жопы холодные. И все, достаточно. Правильные определения должны быть краткими. В смысле, краткие считаются правильными, так как запоминаются.

Простому народу вообще немного нужно. Например, великий Джакомо Казанова, замечательный писатель и путешественник, простому народу известен только как бабник, а великий политический деятель, что Францию из раздробленного феодального государства сделал могучим светским, для них всего лишь кардинал, который хотел трахнуть королеву. Да что там эти, вон великий изобретатель винта, рычага, ветряной и водяной мельницы, а также прочих штук, что перевернули цивилизацию, — для них просто мужик, что бежал по центральной улице голым и кричал непонятное «Эврика!». Наверное, из окна выпрыгнул, когда муж явился.

Вообще простой народ интересуется больше, кто кого трахнул или собирается, чем изменением политического климата в стране. Потому, эльфы: сиськи маленькие, жопы холодные, а об удвоении взвэпэ я позабочусь, не забивайте себе головы ерундой, ребята.

Зайчик, повинуюсь едва заметному движению моего кор-

пуга, остановился на вершине небольшого холмика, скорее бугра. Из-за туч на меня пристально и с напряжением во всем ее облике смотрела, будто странное существо, смертельно бледная луна.

Облака на темном небе застыли в ожидании рассвета немощно-белые, а возле самой луны и вовсе болезненно-голубые. Я всматривался в долину, стараясь представить, что и как расположится. Внизу раздался стук копыт, ко мне поднялись конные сэры Растер и барон Альбрехт.

Я с неудовольствием оглянулся.

— Не спится?

— Как и вам, — ответил Растер сурово. — Сэр Ричард, вам говорили, и я повторю: поменьше теперь рискуйте в одиночку! Рисковать, так уже всем. Наши судьбы повязаны.

Я пробормотал в неловкости:

— Спасибо, сэры Растер. И вам спасибо, барон. Ничего особенного, просто я меньше трудился, чем вы, потому меньше устал.

— Все равно, — начал Растер и осекся.

Под землей раздался далекий гул. На грани неслышимости тяжело вздохнуло, почва дрогнула, гул стал громче. Барон Альбрехт взглянул на меня с вопросом в глазах, Растер перекрестился, зажал в кулаке крест и громко забормотал нечто сборное, составленное из первых слов разных молитв, которые где-то услышал и запомнил.

Вершинка холма начала приподниматься, словно огромный крот выталкивал землю. Рыхлые комья осыпались, наверх начал подниматься наконечник исполинского копыя. Барон охнул, Растер перекрестился снова. Сверкающий наконечник поднимался и поднимался, наконец закончился, однако продолжал вздыматься на толстом древке.

Я наконец понял, что это не копьё, а шпиль. Земля вспучивалась и рассыпалась в стороны уже не комьями, а жирными валами: из земли вырастала крыша, затем начали подниматься стены.

Растер вскрикнул в ужасе:

— Сэр Ричард, что это?

Я ответил дрожащим голосом:

— Господь услышал мою молитву и послал зримое свидетельство своей благосклонности.

— Эт... это... и есть... оно?

— Оно, — подтвердил я. — Надеюсь, что оно. Я молил Господа, чтобы помог построить на этом месте крепость, а я за это построю вблизи монастырь и заведу при нем школу. Похоже, что Господь услышал и внимлил...

Растер скатился с коня, пал на колени и громко забормотал молитву. Альбрехт, помедлив, присоединился к нему, но после пары громко произнесенных фраз повернул голову в мою сторону:

— Сэр Ричард...

— Да?

— Все идет по плану?

— Надеюсь, — ответил я.

— Но не уверены?

Я пробормотал:

— Барон, я даже с вами не бываю уверен. А тут такой... партнер, что либо молчит, либо говорит так туманно, что любой адвокат повесится. Толкуй его, как знаешь...

Лунный свет страшно высвечивал массивный и очень высокий донжон. Весь из огромных грубых глыб, так это выглядит, хотя на самом деле дефы нанесли на стены разделительные канавки в палец глубиной, а то литые стены чересчур, а так это впечатляет, впечатляет...

Вокруг донжона рыхлая земля с громким шорохом оседает и расплывается квадратными плитами серого гранита. Двор заблестел, словно вымытый ливнем, лунный свет заискрился в мелких щербинках: я велел оставить плиты шероховатыми, чтобы подошвы не скользили зимой. Вал земли отступает, раздвигается, теснимый создаваемыми тяжелыми плитами. Растер и Альбрехт громко творят молитвы, барон Альбрехт побледнел и часто крестился, этим жестом выдав сильнейшее смятение.

— Поразительно, — проговорил он дрогнувшим голосом. — Надеюсь, вы заключили союз с нужной стороной...

Я ощутил недобрый холодок.

— Барон, вы на что-то намекаете?

— Сэр Ричард, враг рода человеческого часто помогает людям в обмен на их души.

— Сэр Альбрехт, — отрезал я, — я предвидел такие... да, такие инсинуации! Думаете, я зря устроил вчера то представление?

Он, все еще с белым как полотно лицом, снова перекрестился и ответил чуть увереннее:

— Вы расчетливы, сэр Ричард. Но как бы от успеха не закружилась голова... Дьявол на этом нас и ловит.

— Так то от успехов, — уточнил я. — Моих успехов вы еще не видели! Это так, семечки...

Он покачал головой, взгляд испуганно метнулся в сторону холма. Земляные валы по периметру вымощенного каменными плитами двора начали опускаться, словно сугробы грязного снега под жаркими лучами солнца. Взамен с сухим пощелкиванием, будто сухие дрова в огне, пошли вверх широкие и массивные зубцы стен.

В молчании мы смотрели, как толстая стена — четверо стражей в полных доспехах пройдут плечо в плечо — окружила двор, начала подниматься, уже выросла чуть ли не до облаков, но все продолжает подниматься.

Растер пробормотал смятенно:

— С такой высоты плевком убить можно.

Небо очень медленно светлеет, таинственные ночные облака сдвинулись с места, но за ночь наполовину растаяли, луна поднялась в самый зенит, выйдя на простор небосвода, внизу остались громады облаков. Мир выглядит странным и пугающе незнакомым, а тут еще залитые призрачным светом стены крепости вроде бы перестали расти, однако я чувствую, как в них происходит нечто скрытое даже от моих глаз, внутри каменных глыб снуют дефы, одни тут же засыпают, другие доделывают все, что в моем чертеже...

Звезды медленно гаснут, алая заря проступает робко и стыдливо, мы рассмотрели в сером рассвете, как широкая утоптанная дорога словно река устремляется к высокой толстой стене и ныряет в проем между двумя башнями. Там надолго исчеза-

ет, скрытая стеной, башнями, зданиями, а появляется уже из врат на противоположной стороне.

Дорога на замке, это верно, но чтобы это сгладить, смягчить, будет раструблено, что гроссграф создал в самом важном и опасном месте крепость для защиты путешественников и торговцев, оазис отдыха и восстановления сил, что, собственно, тоже верно.

От массивной крепостной стены еще несло жаром. Мы осторожно проехали под гигантской аркой, решетки пока нет, сделаем сами, выкуем из стальных прутьев толщиной в руку. Широкий туннель в тридцати шагах впереди будет перекрыт еще одной решеткой.

Тот, кто попытается ворваться, будет очень удивлен, обнаружив, что по этому коридору надо объехать, выламывая решетки, вокруг всей крепости, и таких решеток здесь будет пять.

Двор вымощен шероховатыми плитами, так кажется, на самом деле это одна плита, расчерченная канавками. Внутренности двора обделаны белым и светло-желтым мрамором. Вообще-то архитектор из меня хреновый, дизайнер и того хуже, но это же не вилла, а крепость необязательно должна быть роскошной...

...хотя получилась роскошная, даже сам признаю, а за спиной слышу восторженные ахи Растера и даже барона. За это время из лагеря подтянулись еще рыцари, идут позади, потеряв дар речи, только глаза вылезают из орбит.

Никаких украшений на стенах, непривычно, однако придает зловещую красоту функциональности. Это крепость, здесь сильные и жестокие люди, а где льется кровь, каменные цветы на стенах выглядят неуместными.

Солнце поднялось над горами, шпиль головной башни засверкал, как расплавленное золото. Свет начал опускаться, тесня тени, это выглядело, словно Божьи ангелы сошли в крепость и озарили ее своим присутствием.

Мы стояли во дворе, окруженные каменными громадами, Макс непривычно часто крестился, Растер бормотал молитвы, а барон повернулся ко мне, строгий и подтянутый. В глазах я увидел тревогу.

— Сэр Ричард, а вы продумали все?

— Все продумывает только Господь Бог, — ответил я и похвалил себя, что так ловко научился вворачивать имя Господне, выгляжу таким благочестивым, таким благочестивым!

Он смолчал, на демагогию отвечать вообще трудно, а сэр Растер, кончив свою сборную солянку из обрывков молитв, спросил деловым тоном:

— Жертву принесли?

— Какую жертву? — спросил я. — В жертву себя принес Христос, заявив, что эта жертва на земле последняя!

Он ответил с торжественной неловкостью, будто о таком и говорить не стоит, само собой разумеется:

— Сэр Ричард, я пойду за вами даже в ад. Так что от меня можно не скрывать.

— Я не скрываю, — ответил я и посмотрел честными глазами.

Он вздохнул:

— Ладно, если не говорите, значит, пока нельзя. Я понимаю, живем в таком мире, где и с демонами не стоит слишком уж задиаться. Вы ведь помните историю с Мариенбургом...

— Что за история?

Он взглянул с некоторым удивлением.

— Не знаете? Что значит рыцарь, ничего, кроме подвигов!.. Была крепость, которую осаждали враги. Гордый лорд, не желая сдаваться противнику, поджег замок и сгорел в нем вместе с последними защитниками. Их невинные души превратились в чистых и таких же невинных голубей. Но место оказалось настолько удобное, что победители решили построить на том месте крепость еще больше. Однако какой бы высоты стены ни возводили, какие бы тяжелые плиты ни притаскивали — голубки за ночь с легкостью все разрушали до основания. Совсем было отчаялись захватчики, но нашелся знаток, который подсказал замуровать в основание невинную девушку. Девять суток она кричала и плакала, а когда голуби прилетели и хотели, как обычно, снести все до основания, то не смогли вынести крики несчастной и улетели навсегда. Так что жертвоприношение, сэр Ричард, не всегда... гм... служит злу.

— А почему Мариенбург?

— А девушку ту звали Мария, — объяснил он.

— А-а-а... ну, особо охочие до славы и добровольно бы дали себя вот так, чтобы их именем весь город...

Я задумался, мир жесток, и если замуровать какого-нибудь злодея или демократа, то мир немного потеряет, а выиграть — выиграет. Русских интеллигентов бы можно парочку, не жалко, но где их возьмешь, они паразитируют только на благополучном времени, так что придется обойтись без жертв.

— Нет, — сказал я решительно, — никого замуровывать не будем.

— Точно?

— Да, сэр Растер. Хотя благодарю за понимание.

Глава 8

Отец Дитрих, собрав священников, лично прошел по крепости, заглянул во все помещения, даже подвалы, это заняло у него полдня, настолько крепость оказалась огромной, молебны отслужили сперва во дворе, потом в главном зале.

С утра и до полуночи везде пахло ладаном, горели церковные свечи, раздавались возгласы во славу Господа. Отец Дитрих морщился, неграмотные деревенские священники расценивают появления замка как чудо Господне, где им понять слова Творца, что он никогда-никогда не творит чудес и не вмешивается в жизнь человека, но помалкивал.

Придет время и для повышения церковной грамотности, а пока и то хорошо, что умеют. Я ведь прибегаю к услугам сомнительных существ для святого дела, так и святой Игнатий не создал свои знаменитые формулы, а просто открыл их и обнародовал, как открывают и формулируют уже существующие законы природы.

Сэр Растер вместе с неугомимым Максом тоже все облазил и обнюхал, прикидывая, где и сколько расставить солдат для охраны, где для обороны, куда поместить наблюдающих за порядком и за прохождением караванов.

И, конечно, именно Растер выбирал, где будет зал для общих пиршеств, для пирушек основного состава, для попоек

малыми группами избранных и для застолий особо приближенных к власти.

Я не вмешивался, руководитель должен руководить так, чтобы его руководство не ощущалось. Не потому что не тщеславен, я по мелочам не тщеславен, потому отцу Дитриху — дитриховское, Растеру — растеровское, а мне — мое.

Осматривая крепость, Растер все больше мрачнел, хмурился, я осведомился:

— Что-то беспокоит?

— Да, — ответил он деловито. — Привидения.

Я тоже посмотрел по сторонам.

— Привидения? Где вы их увидели?

Он вздохнул:

— В том-то и дело, что не увидел. А как без привидений? Это что за крепость? Должны быть тайные темные места, сэра Ричард! А у вас все настезь, все просматривается, простреливается...

— Мы за прозрачные отношения, — объяснил я. — Никаких тайн от клиентов! Кроме тех, о существовании которых они вообще не должны знать. Конечно, с привидениями крепость интереснее, однако в моем замке их не должно быть по определению.

Он переспросил:

— Это как? Почему?

Я удивился:

— А откуда им взяться?.. В старых замках совершались преступления, после которых души не уходили наверх... или вниз, а оставались вопить о мщении и портить жизнь победителям. И вообще всем тем, кто потом там жил, как соучастникам. Но мы крепость забахали на чистом месте, где никого не казнили, не резали, не утопили, не убили предательски ножом в спину! Даже прелюбодеяний еще не было, представляете?

Он вздохнул, лицо потемнело. Я ощутил беспокойство, а он после паузы проговорил невесело:

— Не знаю, как вам сказать, сэра Ричард...

— Да так и говори, — сказал я зло. — Вижу, что неприятности.

— Вы построили замок, — ответил он, — не совсем на пус-

том месте... Точнее, на пустом, но когда-то давно здесь был очень даже большой и богатый город. Возможно, столица... А там, где вы поставили свой донжон, был дворец. То ли верховного правителя, то ли верховного мага неимоверной мощи... Если бы вы сперва посоветовались со знатоками древностей, вам бы все сказали. Сейчас, кстати, они все только о вас и говорят...

Я спросил настороженно:

— Что говорят?

— Есть предсказание, — проговорил он нерешительно, — что если на этом месте снова выстроить город, то... гм... все возродится.

— Что, — переспросил я сварливо, — это «все»?

Он сдвинул плечами.

— Не знаю.

— А кто знает?

— Боюсь, — вздохнул он, — этого никто не скажет. Слишком уж мало дошло из прошлых эпох. Да и то больше реконструкции. Зачастую на одних догадках. Но все-таки все сходится в одном: если на том месте снова что-то выстроить, то произойдет нечто... да, нечто.

— Может быть, мелочь какая? — спросил я с надеждой.

Он покачал головой, на лице отразилась обида.

— Сэр Ричард, мелочи в летописи не заносят. Тем более во все летописи!

Я подумал, отмахнулся.

— Ну, как христианин я в приметы и предсказания не верю, хотя, конечно, меры приму. Но сейчас меня больше беспокоят ночные гости, что уже бродят по новенькому и абсолютно безпривиденьевому замку!

— Вы о ком?

— Да всякий с вашей легкой руки начал устраиваться по-своему, совершенно не принимая во внимания общий план, так сказать. Эkleктика какая-то получается! Вы уж согласуйте с бароном Альбрехтом, чтобы свобода была полная и беспредельная, но в заранее указанных рамках. И за пределы коридора не выходить, это чревато понижением обороноспособности крепости, а значит, и всей Армлиндии!

Вечером Миртус принес книгу и, поддержав сэра Растера, прочел целую главу, что на этом месте был некогда древнейший город, погибший то ли в Пятый цикл, то ли в Четвертый. Но есть предание, что когда город возродится, то наступит нечто такое, что все хроники называют величайшим и особым событием, но отказываются не только обрисовать его контуры, но даже расходятся во мнении: к добру или к худу возрождение этого города.

Я хмурился, злился, наконец заявил твердо:

— Ни о каком возрождении нет и речи! Запомните и передайте всем. Я не видел планов и чертежей сгинувшего города, я не знаю, кто там жил и чем занимался. Я строю город таким, каким считаю должен быть город. Даже не город, а всего лишь крепость. А нарастет ли при крепости город — не моя забота. Так что никакой связи с прошлым.

Миртус робко заикнулся:

— Сэр Ричард, но предсказания...

Я отмахнулся:

— Для христиан не бывает предсказаний, знамений и пророчеств. Это все от язычества... или, если говорить современным языком, то от Дьявола.

— А вы на каком языке говорите?

Он смотрел прямо, и, хотя в любой момент готов смиренно опустить взор, я чувствовал, что ответ на этот вопрос ему очень важен.

— Миртус, — ответил я с неловкостью, но подпустил в голос таинственности, — я говорю с каждым на его языке. По крайней мере, стараюсь. Ты умный, мог бы заметить. Или еще не въехал? Но ни с кем не говорю на своем... Иначе повяжут и сожгут. Но это я только тебе, понял?..

Он поклонился, не сводя с меня настороженного взгляда.

— Так что мне делать?

— Оборудуй лабораторию, — распорядился я. — Большую. Чтобы десяток человек, а то и больше, могли работать, не толкая друг друга локтями. Сам подбери рабочих в помощь. Ну, вам же понадобится хотя бы уголь, так не самим же профессора и магистрам стоять в котельной?.. Составь заказ на тигли, реторты и прочее, тебе виднее, чем добываете истину. Я все

оплачу, не сомневайся. Знаю-знаю, что вложения в науку не приносят немедленной выгоды. Тем более в фундаментальную! А вам, друзья, долго еще придется возводить фундамент...

Он снова поклонился.

— Сэр Ричард, я не знаю, зачем вы все это делаете...

— И что тебя тревожит?

— Неопределенность, — признался он. — Когда дают пять золотых монет и требуют купить на них свинца, чтобы я превратил в золото и получил сто монет, то понимаю, что от меня хотят. Да, вы правы, это невозможно, хотя кто-то из наших и верит, что получится... но там все ясно!

Я вздохнул:

— Миртус, когда вкладывают деньги в фундамент, никто не ждет, что можно в нем будет жить. Даже, когда возведут стены, и тогда жить в таком дворце еще нельзя, но деньги потрачены не зря. Потому что останется только возвести крышу — и уже жить можно! Но мы пока даже фундамент не строим, а копаем для него яму. И заготавливаем кирпичи. Так что топай, работай во имя светлого будущего.

Барон Альбрехт, в свою очередь, разослал сообщения в крупные артели плотников, столяров, каменщиков насчет начала большихстроек в Армландии. Через пару недель начали прибывать первые мастеровые и ремесленники. Я велел разместить их в самой крепости, благо больше тут жить пока некому, пообещал платить щедро, а после окончания работ одарить всех еще и дополнительными бонусами.

Первый караван, увидев крепость, так неожиданно возникшую на пути, вообще остановился на почтительном расстоянии и сутки не двигался. Я послал туда Макса, оказалось, что купцы в отчаянии вообще собирались повернуть назад.

Когда их провели в крепость и помогли разместиться, я лично провел с ними разъяснительную работу. Дескать, все для рынка, свобода и передвижение товаров, обеспечиваем безопасность и конфиденциальность, самые низкие тарифы, а потом и те снизим, кроме того, охотно выслушаем все ваши пожелания и постараемся удовлетворить их все, так как клиент всегда прав...

Ошарашенные таким приемом, они готовы были отдать все, только бы отпустили живыми, а когда я пообещал, что отныне все дороги Армландии будут безопасны, им не надо будет нанимать такую громоздкую и дорогую охрану, в их глазах я видел только надежду на быструю смерть, чтоб хоть не мучили.

Махнув рукой, я сказал Максус:

— Проведи с ними разъяснительную беседу. Не могу же я заниматься простой арифметикой, когда для алгебры созрел!

— А что это? — спросил он испуганно. — Магия какая-нибудь?

— Кто, алгебра?

— Да и эта, — сказал он тревожно, — которая простая... арифметика.

Я вздохнул:

— Да, здесь пахать еще и пахать. Целина!.. Ладно, я пошел, пошел, пошел... Там еще кто-то прибыл. В кого я превращаюсь, в уполномоченного по приемам?.. Ладно, такой период. Армландия сосредотачивается! Хорошо звучит. Просто, со вкусом, многозначительно. Вроде бы и нет угрозы, а у кого рыльце в пушку — поежится...

В ворота въехал небольшой отряд, не больше двух десятков всадников на крепких конях. Рыцарей всего четверо, мне хватило одного взгляда даже издали, чтобы понять: эти прошли все круги ада войны, сражений, засад, штурмов, ночных боев, поединков, групповых схваток и отчаянных боев против врага впятеро сильнее.

Я сбежал со стены во двор, всадники въехали в крепость без остановок: ни ворот, ни решеток еще нет, но и здесь инстинктивно держат коней так, что готовы выдержать внезапное нападение: рыцари по бокам, лучники и копейщики в середине...

Во главе отряда гигант, но не по росту, а больше по ширине: массивный, растянутый в стороны, как сдавленная гравитацией массивная глыба гранита. На широком поясе, усеянном знакомыми металлическими бляхами, все тот же устрашающего вида топор с широким лезвием.

Я охнул, раскинул руки.

— Бернард!

Он слез с коня тяжело и степенно. Мы обнялись, он оцарапал мои щеки щетиной, что жестче, чем у кабана на спине, сказал тяжелым бухающим голосом:

— Пока мы добирались, такого о тебе наслушались!

— Представляю, — сказал я счастливо. — Люди любят поговорить... Асмер!.. Господи, с ума сойти...

Тот не слез и не соскочил с коня, а неуловимо быстро очутился на земле, словно слился огромной каплей ртути. И так же моментально оказался передо мной, красивый и тонкий, совсем без костей, улыбающийся девичьим ртом и зелеными миндалевидными глазами.

— Рич...

Мы обнялись, я чувствовал невыразимую нежность к этим людям, первым, с кем начал общаться, кто подобрал меня, защитив от герцога Морвента, с кем прошел трудную дорогу до самого Зорра.

— Эти наши люди, — сказал Асмер, — Карл как-то странно затих, и мы решили, что тебе помощь нужнее, чем со стен Зорра высматривать имперские войска.

Рыцари слезали с коней, тех подхватывали под уздцы и уводили, а они смотрели на меня с живейшим любопытством и почтением. Я для них воплощение мечты, как можно с самых низов быстро подняться до вершин могущества, став все-ильным гроссграфом.

— Я счастлив, — проговорил я и ощутил, что в самом деле счастливая жилка трепещет с таким ликованием, что вот-вот выступят слезы умиления. — Вы даже не представляете!.. Дорогие друзья, вы приехали вовремя! Мы здесь таких дров наломаем, что все ахнут!.. И вообще замутим что-то совсем уж та-кое... такое... что всю рыбу переловим.. Ну, типа, не отношения сюзерена и вассалов, а что-то вроде военного или даже воинского братства. Ну там орден какой-нибудь рыцарский... словом, дел будет много, еще за головы схватитесь, что со мной связались!.. Сейчас отдыхайте с дороги, знакомьтесь с местными героями, входите в курс дел и поскорее вливайтесь, вливайтесь! Кадры решают все.

Отец Дитрих тепло и сердечно благословил приехавших,

каждого знает по имени, их быстро разобрали и увели, а я потирал руки и счастливо похлопывал себя по плечу.

Барон Альбрехт задумчиво смотрел им вслед.

— Старая гвардия?

— Из самого Зорра, — объяснил я.

Он посерьезнел.

— Слышал об их борьбе. Там какая-то местная драчка с очень удачливым полководцем, что подминает под себя даже королей?

Я кивнул.

— Да. Появился местный Аттила, опередивший время по взглядам. В смысле, не гнушается союзом с орками, троллями и даже ограми. Всех принимает в свое войско, лишь бы служили его интересам. И, конечно, маги и чернокнижники к нему сбегаются со всех сторон. Этих защищает от церкви, якобы борется с мракобесием... К тому же просто военный гений! Всегда выигрывает, если силы равны, и не проигрывает, если у противника сил в три раза больше.

Барон посерьезнел, лицо вытянулось.

— Надеюсь, нам не придется с ним воевать?

— Я тоже надеюсь, — ответил я честно. — Просто рассчитываю, что эта проблема решится как-то сама собой. Все эти империи обрвов, гуннов и прочих рассыпались достаточно быстро. У нас дел хватает и поважнее, чем воевать с Карлом!..

— С чего начнете, сэр Ричард? — поинтересовался он настороженно. — Кстати, о чернокнижниках этого Карла... К вам тоже пришли какие-то двое. Я велел их задержать и поместить под стражу. Не думаю, что отец Дитрих обрадовался бы, увидев их...

— Верно, — сказал я поспешно, — не обрадуется. Эх, как же трудно и капитал приобрести, и невинность соблюсти!.. Нет, это я так, женские поговорки вспомнил. Вы правы, что укрыли их от глаз инквизиции. Но это не значит, что я буду покровительствовать чернокнижникам.

Он смотрел испытующе.

— Что за игру ведете, сэр Ричард?

— Да не игру...

— Мне можно сообщить, — сказал он все так же напря-

женно, — я иду с вами. Но не хочу идти втемную. Я рыцарь, а не слуга.

— Простите, барон, — сказал я поспешно. — Дело в том, что при всем примате церкви я не хочу терять те умы, которые ищут путей овладения магией, чародейством или хотя бы простейшим колдовством. Это все-таки умы, барон. Даже умищи! Среди моих соратников много хороших и даже замечательных людей, которых умами не назовешь при всем желании! Не так ли?.. А вот маги — умы. Хоть и не наши.

Он сказал медленно:

— Растеру этого достаточно, чтобы всех истребить. А вы что, хотите из ненаших сделать нашими?

— Пытаюсь.

— Но тогда придется поступиться принципами, — предостерег он. — Хорошо бы мелочными, но, боюсь, придется сдать основы. А это уже недопустимо.

— Знаю, — признался я. — Потому и двигаюсь по лезвию ножа над пропастью, размахивая руками и оступаясь на каждом шагу. Стараюсь не столько свои принципы менять, а чтобы маги изменили свои. Все-таки, барон, некогда и апостол Савл был не апостолом, а ревностным истребителем и гонителем христиан!

Он подумал, кивнул.

— Тогда привести их?

Я замотал головой:

— Нет-нет, пока не стоит привлекать внимания. Я лучше приду к ним сам.

Он нахмурился:

— Не слишком ли много чести простолюдинам?

— Это как подать, — ответил я.

Глава 9

В комнату, куда велел поместить магов барон, я вошел с достоинством и величием человека, осматривающего свою вселенную.

Комната богато убрана, на столе поднос с остатками еды, я

незаметно перевел дыхание. Все хорошо, чернокнижники вряд ли поняли, что фактически под арестом.

Оба вскочили, поспешно поклонились. Младший поклонился больше, и вообще в нем чувствуется некоторое заискивание, в то время как старший смотрит с видом человека, который сам может оказывать благодеяния, но ввиду принятых правил кланяется и как бы признает, что он пока что внизу.

Оба смотрели очень внимательно, я видел в их глазах сильнейшее разочарование. Наверное, Миртус не упомянул, что владетельный лорд, который благоволит к исследователям, молод и, похоже, глуп. Ожидали явно увидеть умудренного жизнью человека, который знает, что делает, а увидели молодого здоровяка, а сила, как известно, — уму могила.

— Не спешите с заключениями, — сказал я предостерегающе. — Поговорите с Миртусом еще. Он объяснит, что у меня не прихоть, а долговременная программа.

Узколиций пошевелил рукой, перед нами появились три легких кресла. Я не повел бровью, сел и, создав три чашки с кофе, протянул две им. У обоих расширились глаза, но кофе приняли, младший сразу принялся осторожно отхлебывать, а старший принюхивался, всматривался, я чувствовал, как он задействовал весь свой потенциал анализа, но тут вам не там, у меня совсем другой источник, магам здесь копать нечего.

— Ваша светлость, — заговорил наконец старший, — меня зовут Сардониус Горный. Это мой ученик Дирдотус. Миртуса мы знаем плохо, но его письмо произвело впечатление, что человек верит в то, о чем пишет. А написал он очень много.

— Надеюсь, — ответил я. — Миртус со мной давно. Успел присмотреться. Надеюсь, поверил.

Сардониус чуть-чуть усмехнулся.

— Да, он даже в письме производит впечатление очень осторожного человека. И что вы хотите от нас? Не лично от нас двоих, а вообще... от людей, занятых... тем, чем занимаемся?

Я прямо посмотрел ему в глаза.

— Мне понравилась ваша заминка и... оговорка. В самом деле, не стоит говорить, чем вы занимаетесь. Мы попозже подберем другое название. Заниматься будете тем же, но называться будете иначе. Скажем, учеными. Естествоиспытателя-

ми. Искателями. Словом, там простор. Теперь о том, что хочу я лично. Хочу многое! Но не чудес, если всех желающих, даже простых крестьян, нельзя им обучить. Да так, чтобы другие могли повторить и проверить. В этом случае магия перестает называться магией и называется уже наукой.

Сардониус спросил с удивлением:

— Зачем это вам?

— А сами как думаете? — спросил я.

Он ответил с обезоруживающей откровенностью:

— Не знаю.

— Хорошо, — сказал я.

— Что именно?

— Не напускаете тумана, — ответил я. — И не пытаетесь угадывать. Миртус был прав, пригласив именно вас. Сказать «не знаю» — первый шаг к знанию.

Дирдотус сказал торопливо:

— Нет-нет, мы знаем много! Учитель владеет многими тайными знаниями...

— Знания не должны быть тайными, — прервал я. — По крайней мере, в Армландии. И всякий, кто хочет учиться, должен иметь такую возможность.

Сардониус смотрел на меня с вопросом в глазах, его ученик воскликнул:

— Такое невозможно!

— Для человека все возможно, — ответил я нравоучительно, — ибо Господь создал человека по образу и подобию, не слышали? Просто человек еще во младенчестве, вот и не все может. Но мы его, гада ленивого, заставим повзрослеть! С нами он еще наплачется...

Сардониус обронил:

— Как, ваша светлость? Как заставить повзрослеть?

— Есть у меня идея насчет гутенберговости, — ответил я загадочно. — Это о том, чтобы культуру в массу. Ну, культура пока подождет, она всегда ждет, а вот наука...

В дверь постучали, заглянул Макс. На магов бросил неодобрительный взгляд, мне сказал почтительно:

— Сэр Ричард, прибыла большая артель плотников. Говорят, готовы сразу же приступить к работе!

— Сейчас иду, — откликнулся я, — работы у нас непочатый край.

Макс почтительно придержал дверь, на магов смотрел хмуро, а я повернулся и сказал им подчеркнуто доброжелательно, больше для Макса, чем для магов:

— Отдыхайте, устраивайтесь, по всем вопросам обращайтесь к Миртусу... Пойдемте, Макс.

Маги торопливо откланялись, все понимают, на очереди к могущественному гроссграфу выстроились лорды, не только прибывшие плотники, а я, шагая за Максом, подумал мстительно, типография — цветочки, еще постараюсь вспомнить, как из лягушачьих лапок получить электрический ток, тогда магам вообще поплохее. А можно еще проще: кошку в темноте погладить... Только надо, чтоб шерсть сухая. Электрические искры прямо в пальцы бьют!

И вообще, впервые получу хоть какую-то пользу от того, что вдальблывали в школе. Слава богу, учили основы физики, химии, математики — да маги за такие сокровенные откровения должны меня целовать в то место, где спина называется уже иначе! А я еще могу и простейшие опыты для подтверждения сказанного провести, сложного оборудования не требуется.

Словом, начнем процесс научного познания мира. Это не просто, позиции магии сильны, что вполне объяснимо, но найдутся же гордые сердца, что захотят знать, что именно они делают и почему получается так, а не иначе? Это и будут первые настоящие ученые.

Макс поглядывал искоса, я за всю дорогу не проронил ни слова, уйдя в свои мысли, наконец он сказал вопросительно:

— В крепости уже поговаривают, мол, какое из двух зол меньшее — отдать богу душу или продать ее дьяволу?

Я буркнул одобрительно:

— Оппозиция не дремлет... Ну-ну.

Макс сказал просительно:

— Ну, лучше бы им как-то рты заткнуть?

— Как? — спросил я.

Он потупился на ходу.

— Не знаю. Может, избавиться от всех чернокнижников?

А то много их что-то... Священники уже заметили, беспокоятся.

Я вздохнул:

— Макс, мой меч может сломаться, как и доспехи. Но моя вера никогда не сломится, никогда не иссякнет. Верь! И другие поверят. Или, еще лучше, увидят.

Выбрав день, я велел Миртусу собрать в одном зале магов, алхимиков и прочих чернокнижников. Сам выступил с речью, в которой их перекрестил в ученых и велел раскрывать тайны природы по Декарту, а не пытаться возрождать древние секреты, и объяснил, почему нужно строить именно пирамиду знаний.

Абсолютное большинство слушало с недоверием и недоброжелательством, которое тщательно скрывали, как же, могучий лорд, живем на его деньги, надо поддакивать этой тупой скотине. Миртус откровенно переживал за меня, сам исхудавший еще больше в роли руководителя этого вечно недовольного племени.

В заключение я блеснул знаниями, что застряли у меня в голове со школьной скамьи, познакомил с основами геометрии, алгебры, химии. Вот тут у многих заблестели глазки, а у кого-то и потекли слюнки. Кое о чем только догадывались, а я сформулировал перед ними просто и небрежно, как свое давнее и полузабытое знание, что-то узнали только сейчас, и я видел, как руки уже чешутся от желания проверить, в самом ли деле закон Ломоносова—Лавуазье — закон, а не случайность. Другие морщили лбы, стараясь удержать странное и ослепительное откровение, что в их мире существуют даже отрицательные числа, и с ними можно работать так же, как и с обычными, получая добавочную мощь...

— Наша цивилизация, — сказал я с пафосом и откровенно любуясь собой, — это не дорога озарений, а медленное и кропотливое наращивание кирпичиков этаж за этажом. Потому то, что вы формулируете, должно быть доступно и другим. Для этого не требуется никакого магического дара. Достаточно просто не быть идиотом.

Миртус дергался, бросал взгляды в зал. Застывшее в грима-

се лицо постепенно расслаблялось. Недовольных не так уж и много, хотя есть, даже несмотря на то, что он сам провел предварительную селекцию: не приглашал в мой замок алхимиков, что упорно ищут пути восстановить контроль над Демонами Древних, а из приехавших, часть оставил в лаборатории, рассудив, что будут только спорить, заранее отвергая любые аргументы молодого лорда.

Когда маги расходились, я кивнул одному:

— Тебя как зовут?..

Он послушно остановился.

— Филициус, ваша светлость.

— Задержись, Филициус, — сказал я милостиво.

Миртус смотрел с вопросом в глазах. Я кивнул ему на кресло, Миртус послушно сел, а Филициус дождался отдельного приглашения, хоть и вдвое старше меня по возрасту, но не решается сесть в присутствии лорда без строгого приказа с его стороны.

— О вас идет слава, — сказал я, — как о книжнике. И еще у вас множество учеников, что весьма...

Я остановился, заметили ли оба, что я в слове «чернокнижник» опустил «черно», а Миртус, уже зная мою идеологию, подсказал почтительно:

— ...похвально.

— Да-да, — согласился я. — Это говорит, что вы щедро делитесь знаниями, в то время как большинство ваших коллег жмотничают.

Филициус несмело улыбнулся.

— Вообще-то и меня осуждают.

— Делиться знаниями, — сказал я, — признак силы. Я тут придумал, как вы сможете еще больше распространять свои знания... и вообще — знания.

Он смотрел почтительно, но в его взгляде я видел, какого мнения он о моих придумках, да и Миртус молчит, я даже не огорчился, скоро будут думать иначе, сказал торжественно:

— Начинаем проект «Гуттенберг».

Миртус спросил осторожно:

— Это что?

— Типография, — объяснил я с пафосом. — Довольно пе-

реписывать книги от руки, всякий раз добавляя ошибки, подправляя, искажая, а то и заменяя тексты! Будем — пе-ча-тать!

— Это как?

— Я объясню. А пока выберите среди прибывших плотников хороших столяров. Желательно краснодеревщиков с опытом тонкой работы по дереву. Когда объясню, что требуется, те сами подыщут нужные сорта дерева.

Я отпустил их милостивым кивком и мановением руки, уже научился делать вот так кистью, небрежно и вроде бы не оскорбительно, мол, идите играйте, а я буду мыслить над тем, чтобы всем было хорошо и счастливо.

Ничто не уходит бесследно, это особенно верно в отношении язычества. Церкви не зря строили на месте разрушенных храмов: чтобы народ приходил по многовековой привычке. Даже ритуалы языческие на самом деле не отменили, а изменили, хотя в этом церковь старается не признаваться.

И даже сейчас чуть ли не в каждом христианском обряде всю проступает язычество. Разве что пожирание жертвенного животного заменили символическим пожиранием «плоти и крови Христа», а сладкий запах сжигаемого на кострах мяса жертв заменили похожим запахом ладана.

Так чернокнижники и алхимики плавно и незаметно перейдут в стаз просто книжников и ученых-естественников. С прошлым будет демонстративно покончено. Это потом пропаганда подаст так, что вот появились особые светлые люди, создали новый чистый мир. Но мы-то знаем, что самые праведные христиане вышли из самых что ни есть пресыщенных и обожравшихся всеми благами язычества. Первыми апостолами были гонители христиан, что потом «одумались», отцами церкви стали как раз очень просвещенные язычники, изучившие христианство и принявшие его как раз «по уму», а не «по сердцу».

Натыкаясь на Асмера и Бернарда, я малость тушевался. Все-таки совсем недавно они были надо мной на высоте просто недостижимой, но, оказалось, Асмера мало заботит, что я, недавний простолюдин, вдруг оказался уже гроссграфом. Бернард вообще-то обронил, что однажды видел герцога, тот пу-

тешествовал не просто инкогнито, а вообще в личине странствующего актера и менестреля.

Конечно, Ланзерот высокомерно проигнорировал мое приглашение прибыть на передний край борьбы со Злом. Для него наибольшее зло на свете — император Карл с его армиями и жаждой власти, но Асмер и Бернард, убедившись, что Карл в самом деле отвел войска и как-то странно затих, жаждали борьбы, и теперь, получив от меня широкие полномочия, рьяно взялись за укрепления обороноспособности Армландии. Асмер набрал из простолюдинов желающих стать лучниками, Бернард готовил копейщиков, самую надежную защиту от конницы.

Сэр Растер исхудал, пытаясь поспеть везде, даже Макса почти не видел: тот старательно постигает сложнейшую науку управления большими массами войск, это совсем не то, что командовать отрядом, когда на тебе ни обозов, ни пехоты...

Барон Альбрехт корпел над картой, получив неслыханное задание, что увлекло его самого: рассматривать Армландию не как конгломерат враждующих лордов, а как единое пространство, где общие законы, налоги, отсутствуют кордоны и таможенные сборы на границах каждого баронства и графства, что дает новые невиданные возможности... которые надо понять, оценить и воспользоваться ими.

Первой книгой, которую я решил издать, должна стать, конечно же, Библия. Правда, когда я увидел, сколько в ней страниц, ужаснулся и для начала велел подготовить какое-нибудь послание от апостолов, а то и вовсе что-нить из трудов Тертуллиана, заодно и его удивлю.

Отобранная бригада самых искусных столяров-краснодеревщиков под руководством монахов, собранных отцом Дитрихом, старательно вырезала на досках буквы из первых глав Библии.

Отец Дитрих был потрясен, когда я принес свежееотпечатанные экземпляры речи Тертуллиана. Он сличал один с другим и не находил отличий, что для меня само собой разумеется, а для него, привыкшему к переписыванию книг корявыми писцами, когда у каждого свой почерк, кажется чудом.

— Самое же главное, — сказал я торжественно, — святое

слово наших пастырей дойдет к потомкам неискаженным! Пройдут тысячи лет, а ни одна из букв не изменится...

Он перекрестился, пробормотал несколько благодарственных Господу слов, наконец обратил блестящие от волнения глаза ко мне.

— Сын мой, — произнес он с чувством, — бывали моменты, когда даже я сомневался в тебе!.. Не посланник ли самого дьявола, дескать. Но сейчас вижу, что никто еще не делал для церкви так много!

— Да ладно вам, — сказал я смущенно. — Отец Дитрих, мы ж все работаем на одно дело строительства светлого будущего с человеческим лицом.

— Да, сын мой!

— Теперь Библию, — объяснил я, — можно печатать и печатать. Будет стоит дешево, смогут покупать уже не только самые богатые!

— Господи, дожить бы...

— А придет время, — пообещал я, — когда Библия будет в каждом доме.

Он перекрестился.

— Господи, сын мой! Даже я не могу себе такое представить.

— Правда-правда, — сказал я с убеждением. — Библия в каждом доме — наша цель. Потому еще больше расширим типографию, вы уж проследите, чтобы не было перебоев с доставкой краски, воска, дощечек, а если надо, то придется нанять больше добросовестных работников.

Он сказал торжественно:

— Все сделаю, сын мой! А эти два экземпляра сегодня же отправлю с нарочным в Ватикан. Пусть увидят, что и в ойкумене расцветают дивные цветы веры и знания.

— Спасибо, святой отец, — сказал я. — Вы даже не представляете, как мне нужна будет поддержка Ватикана. Ведь мы только начали, отец Дитрих! Только начали.

Он перекрестился.

— Господи, я только сейчас подумал, что ты, сын мой, и раздираемую войнами Армландию объединил только для того, чтобы паломники и миссионеры понесли эти драгоценные

томики в самые дальние и глухие уголки? Дабы и там люди могли спасти души, дабы и там воссиял свет истинной веры?

Я приосанился и сказал с пафосом:

— Ну да, отец Дитрих, а как же!.. Я такой. Только об этом и думаю. Чтоб, значит, свет истинной веры в самые что ни есть дыры. Нести, значит. Просвещать.

Он прослезился от умиления, я таким отца Дитриха не видел и даже не мог себе представить, чтобы он прослезился. То, что отправит на костер десяток оппонентов, представляю легко, но чтобы вот так расчувствовался...

— Спасибо, сын мой, — сказал он растроганно. — Ты идешь верной дорогой, хоть и тяжела твоя ноша, тяжела.

Наши взгляды встретились, озноб пробежал по коже, вздымая ее пупырышками. Отец Дитрих и сейчас не расслабляется. Возможно, готовился всерьез поговорить со мной о засевавших здесь чернокнижниках. К счастью, я успел отпечатать труды Тертуллиана, тем самым частично реабилитировав магов, так что разговор просто откладывается.

— Тяжела, — ответил я со вздохом. — Когда даже близкие люди не понимают и осуждают, разве это не самая большая тяжесть?

Он взглянул исподлобья, перевел взгляд на отпечатанные листки в руке.

— Господь каждому отмеривает тяжесть по его силе.

Я проворчал:

— Мне иногда кажется, что меня переоценивает.

Он слабо улыбнулся.

— Значит, Господь знает тебя лучше, чем ты сам себя. Верь, иди и не сворачивай!

— Дык стены, отец Дитрих. Еще какие... А пробивать надо только лбом. Такие правила.

Он перекрестил меня и сказал со вздохом:

— Чую в тебе силу, сын мой. Но не сходи с пути добра. Бог совершенен и требует того же от нас!

— Матфий, — сказал я, — глава пятая, строка сорок восьмая. Да что с того, что помню? Если бы не память была у меня ого-го, а что-то другое...

— Чего тебе недостает?

— Не знаю, — признался я. — Иногда таким совершенством себе кажусь, что куда там дьяволу с его жалкой гордостью! Какая там гордыня, посмотрел бы на меня... А иногда самому на себя плюнуть хочется.

Глава 10

Макс и Растер продумывают единую систему обороны Армландии, как систему крепостей, так и мобильные силы, барон Альбрехт корпит над созданием экономики, как единого организма, отец Дитрих не вылезает из типографии, всех священников посадил учить столяров резать буквы, а то и самим работать острым ножичком: это монахам нельзя брать в руки колюще-режущее, а священникам можно, я уединился в своих покоех, запер дверь и осторожно позвал дефа.

Через пару минут из толстого гобелена высунулась светящаяся голова, похожая на облачко ионизированной плазмы. Деф спустился ниже, убедившись, что я один, пропищал:

— Я здесь.

— Наконец-то сможем заняться самым важным, — сказал я.

Он пропищал:

— У вас все важное... Суетливые вы какие-то...

— Это да, — согласился я. — Многие не умеют отличать важное от пустяков. Но я умею! Потому что важным занимаюсь я, замечательный, а все остальные — какой-то хренью. Слушай, настала пора тоннеля.

— Какого?

— Ты сам говорил про тоннель, — напомнил я. — Который под Хребтом. Соединяет эти земли и те.... которые там, на той стороне.

Он сказал лениво:

— А-а... И зачем он?

— Как зачем? — удивился я. — Соединим те земли и эти!

— А зачем?

— Что зачем? Соединять?

— Да.

— Ну, чтобы общаться проще. Вozить товары туды-сюды, туды-сюды... Это же классно! Самим ездить проще.

Он зевнул.

— А зачем?

— Товары возить?

— Да, — ответил он и, чтобы предварить следующий вопрос, добавил: — И ездить вообще.

Я развел руками, слов много, но нет таких, чтобы объяснить путь человека этим лежебокам, которые помнят, как совсем недавно с деревьев слезла некая обезьяна, быстро перебила всех зверей, свела нафиг леса, плодородные земли превратила в пустыни, настроила массу городов из камня, потом вдруг исчезла в страшном грохоте, дыму, огне и падающих с неба камнях... А затем уцелевшие особи вылезли из пещер, снова понастроили городов, и снова все исчезли в грохоте, огне и падающей с неба воды... И так несколько раз, а разница лишь в том, что всякий раз ухитрялись уничтожить себя по-разному.

— Мы такие, — ответил я с достойной гордостью человека, который всегда найдет, чем гордиться. — Мы непоседливые.

— А мы поседливые, — ответил он, зевнул и, прежде чем я успел что-то сказать, двинулся в стену и пропал.

Еще пару раз я вызывал его, но, похоже, попадал на время, когда деф спит. Вообще, думаю, их раса могла бы занять более достойное место, если бы не спали по двадцать три часа в сутки, обогнав даже львов, что спят по двадцать часов.

Вообще, если быть справедливым, то человек в самом деле самое беспокойное и неспящее существо на свете, так что дефов тыкать мордой в спунство не совсем справедливо. Кроме того, у всех свои особенности. Французы вон лягушек едят, за что их прозвали лягушатниками, а есть оригиналы, что даже кошек дома держат...

Через неделю я все-таки сумел его застать неспящим, после долгой паузы он высунулся на стыке стены и потолка.

— Я здесь.

— Привет, — сказал я. — Ну и спите вы!.. Конечно, сон — залог здоровья, но не проспите свое счастье.

— Счастье — это ты?

Я оскорбился:

— Ну конечно! А что, есть другое?.. Так как насчет тоннеля?

Он широко зевнул, светящаяся голова с блестящими глазами рассматривала меня, как большое и опасное насекомое. Наверное, вспомнил, как его поймал для знакомства.

— Неинтересно.

— Ерунда, — заявил я решительно, — еще как интересно! Это ж такое щасте, а вы ходите рядом и не знаете! Да самый кайф с киркой в мохнатых лапах прорыть этот тоннель...

— Он прорыт.

— Тем более! Всего лишь прорыть то место, где его засыпало!.. Для вас раз плюнуть!

Он покачал головой.

— Неинтересно.

Я тоже покачал.

— Интересно! Мне.

— А нам нет, — ответил он, и мне показалось, что он ухмыльнулся, понимая человеческий юмор. — Ладно, пошел спать.

— Ты ж только проснулся!

— А мы любим спать...

Он втянулся обратно в стену, а я подумал, что по морде не получал я давненько, давненько. И самой мордой о стену меня давно не тыкали. Потому так хреново, что дефов переубедить не сумел. Даже отвести меня к хребту и показать то место, где был тоннель, отказались наотрез. Неинтересно. А заинтересовать просто нечем, им ничего от жизни не надо сверх того, что есть.

Злой и раздраженный, словно это мое первое поражение, я бродил по крепости, цепляясь к мелочам, провел генеральную инспекцию типографии и хозяйства магов-естествоиспытателей, обидев Растера, я ж еще и Верховный Главнокомандующий, так что в первую очередь должен интересоваться войском, любая власть держится только на мечях, а еще на копьях и топорах, а я занимаюсь какой-то хренью, наконец через неделю я сумел дозваться дефа снова и сказал торопливо:

— Не спи, не спи! Быстренько укажи место!.. На карте, на карте!

— Место чего? — спросил он вяло и зевнул.

— Ты совсем... одухотворенный?... Мы будем рыть тоннель. Сами. Укажи только, где вход, который засыпали в начале войны. Или в конце, не помню.

— В конце, — ответил он.

Я разложил карту, он спустился вниз и долго рассматривал карту. Мне показалось, что тоже умеет увеличивать нужные места, чтобы рассматривать детали. Я затаил дыхание, этот гад может отказаться и от такой мелочи, больно быстро устают, но деф наконец ткнул мягким пальчиком.

— Вот здесь...

— Возле этой петли?

— Нет, прямо в ней...

— Разумно, — сказал я пораженно, — ишь, не только я один на свете, оказывается, умный! Здесь же самое узкое место, всего десять-двадцать миль, сообразили как-то, что вот тут и тут... да и вообще, Хребет раздвинул задницу на семьдесят-сто. Спасибо, друг!

Он не слушал, уже почти засыпая, наполовину вдвинулся в стену и тут же исчез, словно его изнутри вдернули в спасительный камень.

Я старательно отметил место на карте, к этой точке придется прорубить дорогу через густой лес, раскорчевать, замостить неширокое болотце, кое-где спрямить уже имеющуюся дорогу, что вообще-то уже роскошь, но если удастся пробить Тоннель, то можно себе позволить и роскошь...

Можно себе представить, какая борьба начнется за контроль над Тоннелем, это же единственный реальный путь как на Север, так и на Юг. Проснутся силы, перед которыми Армландия просто муравей перед слоном, надо все продумать заранее и обезопаситься как смогу, пока про тоннель знаю я один.

Ликующий и в то же время вздрагивающий при мысли о возможных неприятностях, я велел собраться у себя всему командному составу. Повара впервые по моей инициативе приготовили небольшой, но шикарный стол на двенадцать человек. Растер, явившийся первым, так удивился, что его едва не свалил напрыгнувший Бобик. Растера он выделяет из всех,

потому что только Растер постоянно восхищается его охотничьими навыками и всякий раз хвалит за пойманную добычу.

Пришел Альбрехт, за ним Макс, Асмер и Бернард явились вместе, как Зигфрид с Тюрингемом, а также Будакер, Митчелл и доблестнейший сэр Ришар де Бюэй, последним пришел припозднившийся Варанг.

Растер довольно потирал ладони, на столе кубки из чистого золота, все украшено драгоценными камнями, блюда тоже из золота, даже подсвечники из этого же металла, символа власти и богатства. И повара постарались, и вина поданы лучшие из лучших.

Слуги наполнили всем кубки, я встал, оглядел всех орлиным взором, кубок в руке, тонкий нежный аромат дорогого вина приятно щекочет ноздри.

— Дорогие друзья, — сказал я с чувством, — вот и закончилась первая часть... можно сказать, предварительная часть преобразования Армландии! С войнами и раздробленностью покончено. Приступаем к самому главному...

Растер снова потер ладони.

— Да-да, сэр Ричард! Уже налито.

Я вскинул бровь, взгляд отечески укоризнен, покачал головой:

— Эх, сэр Растер, когда услышите, что нас ждет, у вас еще не так горло пересохнет. А ждет нас...

В коридоре тяжело затопало, донесся звон металла. Все повернули головы к двери, та с треском распахнулась, на пороге появился запыхавшийся воин в легкой одежде разведчика.

— Ваша милость! — прокричал он. — Не гневайтесь, сэр Норберт велел сообщить немедленно...

В комнате повеяло холодом. Я спросил внезапно охрипшим голосом:

— Что стряслось?

— Два лорда, граф Арлинг и барон Кристофер де Марк, развязали ожесточенную войну. Только что произошло сражение на Мертвом поле!.. Лорд Арлинг собирает вассалов, лорд Кристофер велел собрать своих сторонников и всю родню, грядут новые битвы!

Потолок обрушился на меня, я ощутил себя раздавленным,

как жаба под сапогом. Рыцари смотрели молча, я главный, принимаю решения я, хотя никогда в жизни мне не хотелось так страстно, чтобы кто-то решал такое за меня.

Неужели сейчас все, так тщательно создаваемой мной, рухнет? В животе болезненно заныло.

— Это где? — переспросил я тупо. — Граф Арлинг... он же совсем близко от этих мест?

— Да, — выпалил гонец преданно.

— А барон Кристофер?

— Тоже, — сообщил гонец. — Они почти соседи.

Все смотрели все так же серьезно и молча, а я чувствовал редкую беспомощность. Только что доказал вроде бы свою силу, поверг и сокрушил последних, воцарился, воссел в кресло... даже на трон гроссграфа, осталась только пустяковая инаугурация, даже сумел оглядеть всех отечески суровым взглядом, долго тренировался, и все вроде бы поняли, что в Армландию пришел новый сильный волк...

Я совладал с комом в горле и прохрипел:

— Это неслыханно... Я, как и все вы, не знаю, как такое могло произойти. Могу заверить разве, что оба зачинщика междоусобицы будут наказаны сурово и жестоко. Я выступаю туда немедленно.

Макс вскочил первым:

— Я пойду собирать свой отряд?

— Действуйте, — ответил я.

Рыцари вскакивали, в руках заблестели мечи, а когда их вскинули над головой, показалось, что вспыхнули сотни длинных узких свечей: огни светильников отражаются и переламываются в полированных клинках, грозный отсвет пал на взволнованные лица.

— Мы все пойдем!

— Хорошо, — сказал я коротко. — Мы настоящие борцы за мир и гуманизм в Армландии, так что не оставим камня на камне от замков нарушителей закона!

Господи, мелькнула мысль, да они же радуются, просто ликуют, что их выдернули прямо из-за стола! Это же для баллады: только сели пировать, как зов боевой трубы, крики, звон железа, кто-то напал, мечи в руки и вперед...

Оседлав коней, моментально сформировали ударную группу из лучших рыцарей, никто не захотел остаться в стороне от приключения, накинули на коней цветные попоны, сами оделись ярко и красочно, помчались, покачивая роскошными плюмажами и перьями на шлемах.

Зеленая долина, по которой без всякой видимой причины змеится незарастающая дорога... спрямить, мелькнула мысль... раскрылась во всей красе, похожая на прекраснейшую из картин Рубенса или Тициана, где залитые солнцем прекрасные деревья с живописно pokrученными ветвями, лужайки, цветущие кустарники... а рядом отвесный обрыв с угольно-черной пропастью, на далеком дне зловеще пламенеют багровые россыпи злого огня, вскипает лава и доносится грозный гул.

Господи, мелькнула уstraшенная мысль, когда же эти раны войны затянутся! Или умели наносить незаживающие?... Хуже всего, земляная рана как будто расширяется. Вряд ли деревья стали бы вот так сами свешивать корни в бездну, откуда губительный жар...

Разведчики унеслись далеко вперед — нужно сообщить Норберту, что помощь ведет лично гроссграф всей Армландии, а мы под тяжелый грохот копыт двигались медленно и неумолимо, как ледниковый период.

Лица соратников суровы и решительны. Готовность к скорому сражению делает их значительными, выдувает и уносит мелочность, сейчас каждого можно высекать в мраморе...

Макс взял троих и тоже унесся вперед. Я смотрел с завистью, на своем Зайчике мог бы и не так еще, но положение обязывает, и так слишком часто отрываюсь от простого рыцарского народа.

Рядом со мной сэр Растер и барон Альбрехт. Растер сияет, впереди приключения, а он все еще мальчишка, несмотря на возраст, Альбрехт поглядывает сочувствующе, но помалкивает.

На опушке леса раздавался сухой костяной треск и яростное сопение. Сэр Растер хохотнул: два могучих оленя, не сходя с места, поднимаются, как бараны, на задние ноги и с силой обрушиваются всем весом и яростью на противника. Роскошные рога в белых ссадинах, на мордах кое-где кровь, у одного капает из порванной губы, у другого ухо повисло, как тряпка.

Молодая олениха в сторонке пощипывает зеленую травку и косится на них любопытным взглядом. Как и положено, достанется победителю, это хорошо и правильно: от победившего пойдет более сильное и выносливое потомство. Кто победит, с тем она и пойдет, послушная и любящая. Как не любить и не обожать победителя? Противоестественно.

Сэр Растер с удовольствием рассматривал яростный бой, покряхтывал, когда рога сшибались с таким треском, что должны бы разлететься на сотни мелких кусочков.

— Как сэр Ричард, — сказал он одобрительно, — и сэр Тамплиер! Как жаль, я не видел их схватки...

— Это хорошо, — пробормотал я.

Он покачал головой.

— А мне жаль. Люблю смотреть на беспощадные бои! А вы, сэр Альбрехт?

— Смотреть и я люблю, — согласился барон. Он бросил на меня быстрый взгляд. — Но сэр Ричард у нас уже гроссграф, ему гроссграфить жажжется, а не махать мечом самому. То есть лично.

Растер посмотрел на меня и приосанился, как могла бы приосаниться гранитная скала.

— А я вот, — сказал он молодецки, — все еще сам, сам могу! И мечом, и копьем, и палицей... Как думаете, вон тот серый побьет? Или у которого ухо порвано?

Альбрехт взглянул на оленей с полнейшим равнодушием.

— Нашли из-за чего драться, — бросил он с оттенком презрения. — Добро бы из-за власти над стадом! А то из-за самки... Мы не слишком оторвались, сэр Ричард?

Я оглянулся с беспокойством. Основное войско далековато, мы уже на несколько миль ушли вперед.

— Ничего, — ответил я хмуро, — вязываться в драку не будем. Подождем своих.

Когда солнце начало склоняться к западу, поднялось облачко пыли, вскоре из него вынырнули на бешено скачущих конях легкие всадники. Во главе сэр Норберт, он осадил коня перед нашим отрядом, подняв на дыбы, лихо отдал честь.

Как всегда с чисто выбритым до синевы подбородком, как только и ухитрется в походе так тщательно, прямой в седле,

сухой и твердый, как дерево. Усы приподняты так же воинственно, взгляд суров и прям.

— Сэр Ричард, — доложил он официально, — только что произошло еще одно сражение...

— О Господи!

Он покачал головой.

— Боюсь, руку приложил совсем не Господь. Думаю, совсем не Господь. Впрочем, увидите сами.

Я махнул рукой:

— Ведите.

Просторная долина, стиснутая лесом с двух сторон, холодно и страшно блистает металлом доспехов и оружия. Тела вповалку, я успел увидеть, как последних раненых уносят в лес. Как направо, так и налево.

На поле, значит, только мертвые. Все эти сотни и сотни людей, если не тысячи — мертвые. Хотя могли бы жить и, главное, работать на укрепление моей экономической системы. Безумное расточительство, я этим драчунам вменю самое страшное преступление: вредительство!

Судя по всему, после изнурительной битвы, понеся огромные потери, оба войска отступили в свои лагеря, чтобы продолжить битву утром. Хорошо, будет им утро... Я им устрою такое утро, на всю жизнь запомнят!

Барды воспоют доблесть и отвагу сражавшихся, но я вижу множество убитых и покалеченных, что вообще не есть хорошо для человека моего мировоззрения, хотя, с другой стороны, — а куда их девать, эти излишки драчливого населения? Футбол все еще не придумали. Вот как-то чудится, что среди убитых нет паскалей, давинчей, ньютонов и прочих архимедов, те корпят в подвалах над алхимическими тиглями и не замечают, какие бури проносятся поверху. А эти, что полегли, вообще-то не настолько уж, чтобы я выронил слезу, как мать Тереза...

С другой стороны, я же понимаю, что для успеха моей затеи нужна массовость, я всех этих дураков приспособил бы котлованы рыть или камень долбить...

Я медленно пустил коня по краю поля, со мной сэр Нор-

берт, замки он не любит, будучи прирожденным полевым командиром, зато здесь ему нет равных. Все видит, все знает, обстановку схватывает, а его личный отряд обучен прекрасно, спаян железной дисциплиной, в то же время всяк знает свой маневр, а инициатива поощряема.

— Из-за чего? — спросил я раздраженно и с надлежащим высокомерием если еще не гроссграфа, то могущественного оверлорда. Нет, все-таки гроссграфа, завтра-послезавтра проведем эту церемонию. — Какой пряник не поделили?

Норберт взглянул на меня с удивлением.

— А вы не знали, сэр?

Я выдвинул нижнюю челюсть и спросил с еще большим высокомерием:

— Нам нужно действовать, а не знать! Во многом знании много бед, как сказал Экклезиаст.

— Мудрый был рыцарь, — пробормотал Норберт. — Сэр Ричард, вы будете смеяться...

— Не буду, — пообещал я. — Я всякого насмотрелся. Что, сэр Арлинг плюнул в двух шагах от сэра Марка?

Норберт покачал головой.

— Нет, тогда бы в самом деле стоило начинать войну. Ишь, расплевался! Это оскорбление, что смывается только кровью, сэр. А тут такое, что я начинаю думать, что славным рыцарским временам приходит конец...

Я спросил обрадованно и встревоженно разом:

— Так что за причина?

Он вздохнул, горестно развел руками.

— На этот раз не из-за чего...

— Это как?

— ...а из-за кого, — закончил он.

— Что?

— Представьте себя, сэр Ричард. Война вспыхнула из-за женщины.

Я сказал твердо и с возмущением в голосе:

— Нет на свете такой женщины, из-за которой стоит воевать!

— Сэр Ричард...

В его голосе было столько испуга, что я зло сжал челюсти и

умолк. То, что из-за женщин вспыхивали войны и пограничные, чем между двумя лордами, не новость: вон Клеопатра сумела столкнуть Октавиана и Марка Антония, а Елена — греков и троянцев, но то были простые бесхитростные времена, в языческие времена все жили умом и тем, что ниже пояса, а с возникновением христианства добавилась более высокая константа — душа, так что женщина в рыцарском мире отошла на задний план вместе со всем нижепоясным. Конечно, ей поют славу и в ее честь создают баллады, совершают подвиги, но уберечь женщин — преспокойно будем совершать подвиги в честь, например, козы или вон того воробья, нам как-то без разницы.

— Гм, — проговорил я наконец, — неужели загнивающий Ренессанс подкрался вот так быстро? Я согласен с вами, сэр Норберт, мужчины должны воевать ради славы церкви, во имя Богородицы, Отечества, родителей, своей земли, деревень, права первой брачной ночи, огородов, даже демократии, но никак не из-за женщин! Вообще какое-то загнивание начнется.

Он кивал, соглашаясь, смотрел с надеждой, как на зеркало рыцарства. Я подумал и сказал, уже не как зеркало, а как политик в интересах истинного рыцарства:

— Благородные люди должны проливать кровь ради идей, а не... ну, вы поняли. Так что нам надлежит вмешаться.

— Как? — спросил он, оживая.

— Еще не выработал линию, — ответил я, — но мы посоветуемся с народом, и я решу на основе своего волеизъявления. Эта женщина... она кто? Чья-то дочь, которую не поделили женихи?

Он отмахнулся:

— Хуже, сэр.

— Вот как? — спросил я с интересом. — Чем хуже, тем лучше, как говорит оппозиция.

— Она, сэр Ричард, дочь владетельного Нюнетваля. У него две дочери, одну из них сэр Нюнетваль выдал за барона Фогеля, а вторую — за виконта Рикардо. О первой мало что известно, но о второй, Лоралее, заговорили, когда ее выкрал граф Эдмонт и сделал своей женой. Правда, граф своим счастьем

наслаждался всего четыре месяца, его замок взяли ночным штурмом виконт Ксандвиль и его лучший друг — барон Юбергейт, после чего граф был убит прямо на пороге своей спальни...

— Чума какая-то, а не женщина, — вырвалось у меня. — Но если ее вернули, то что здесь?

— Увы, сэр Ричард, — сказал он с мрачной гордостью человека, который приносит новость не о пустяковой автомобильной аварии, где поцарапались две машины, а о рухнувшем небоскребе в сто этажей, — виконт Ксандвиль и барон Юбергейт расположились в захваченном замке, однако ночью поверглись нападению соседа, что давно точил зубы на графа Эдмонта. А так как ворота все еще лежали выбитые, то в замок проникли легко. Бой был короткий, измученные воины спали, их перерезали, как овец, а леди Лоралею увез к себе нападавший барон Фазлур...

— Чума, — пробормотал я, — настоящая чума. Я бы доплачивал, чтобы сбыть с рук!

— Барон Фазлур взял ее в жены и успел прожить три месяца, но брат погибшего виконта Ксандвиля, доблестный сэр Риен, собрал войско, и они трижды сходились в славном кровавом сражении, где много доблестных рыцарей уже выказали отвагу, показали чудеса доблести, отличились перед соратниками и увенчали себя славой.

Я вздохнул:

— Ну, хоть один человек пришел мстить за брата, а не ради женщины!

Сэр Норберт посмотрел виновато.

— Гм, я вообще-то не слышал ничего про месть. Он заявил, что леди Лоралея должна принадлежать ему по праву родства, на что барон Фазлур заявил, что право тетравленда древнее и, следовательно, выше. Рассудить, чье право древнее, оба благочестиво поручили Господу Богу.

— То есть мечам?

— Ну да, — ответил он с удивлением, — а как же иначе? Хотя можно было и на палицах...

— Да-да, — согласился я, — как еще иначе. На палицах пусть дерутся духовные лица. Сейчас она у этого, как его, барона Фазлура, в замке?

Он горестно вздохнул, покачал головой, но глаза сверкнули гордостью.

— Нет, сэр.

— А что? Какова диспозиция?

Он перекрестился и поплевал через плечо, услышав незнакомое слово.

— Тьфу-тьфу, сэр Ричард, но брат виконта Ксандвила, сэр Риен, все же победил, захватил замок, перебил оборонявшихся и увез леди Лоралею. Он прожил с нею полгода, но как-то в гостях у них побывал дядя сэра Риена граф Фолкен Фанел. Он был настолько очарован женой виконта Риена, что напомнил о праве старшинства в тетравленде. А старший в их роде он, так что леди Лоралея должна принадлежать ему...

— Господи, — сказал я в ужасе, — в этой женщине залежи нефти, что ли? Прямо Ирак какой-то! Нет, даже Саудовская Аравия...

Сэр Норберт закончил с грустным вздохом:

— Виконт наотрез отказался передать ее дяде. Дядя пригрозил вернуться с большим войском. Виконт стоял на своем. Сэр Фолкен в самом деле через месяц вернулся с огромным войском. Замок виконта не слишком хорош, потому пришлось увести леди Лоралею в этот, видите, вон там, на горе? В таком защищаться можно от целой армии. Граф Фолкен, оценив изменившуюся расстановку сил, предложил племяннику взамен пустующий замок на границе с вполне приличными соседями и все тамошние земли. Тем самым граф почти на треть урезал свои владения, но... виконт отказался.

Я развел руками.

— На фоне всеобщей ду... всеобщего рыцарства почему он вдруг один должен быть умнее? Он, как все благородные и достойные люди, показал себя равнодушным к меркантильным благам. Полагаю, отказался с презрением?

Норберт воскликнул, сверкая глазами и раздувая усы:

— С великим презрением и красивыми достойными словами! Не могу выразить восторг, охвативший всех его благородных рыцарей! Все поклялись умереть на поле сражения, но не уступить наглому... даже наглейшему притязанию.

Ну да, мелькнуло у меня в голове, они сражались бы за

право в старшинстве тетравленда, если бы их сюзерен вдруг оказался дядей, тогда да: тетравленд — святое право, а так вот — наглость!

— Сейчас, как видите, сэр Ричард, обессиленные войска разошлись для отдыха.

— Перед новой схваткой?

— Ну да, как же иначе!

— Ну да, ну да, — пробормотал я. — Честь превыше всего. Значит, справа граф Фолкен Фанел, а слева — виконт Риен?

Он посмотрел в удивлении, затем хлопнул себя по лбу.

— Простите, сэр Ричард, я не договорил! Это моя вина, увлекся мелочами. Тьфу, а ведь когда-то, как орел в небесах, мог одним взором окинуть все-все, что копошится там внизу и ползает, аки черви земные и все прочие... Словом, там не граф Фолкен Фанел и виконт Риен.

Я спросил в полном обалдении:

— А кто?

— В том противостоянии победил все-таки дядя и увез к себе. И прожил с нею почти год, но виконт Риен, воспользовавшись удобным моментом, захватил леди Лоралею в момент, когда она совершала паломничество в монастырь. Потом у виконта ее отбил граф Арлинг, а у него теперь пытаются отнять ее...

— ...виконт Риен?

— Увы, у виконта проблемы с нападающими лесными варварами. Но про ослепляющую красоту леди Лоралеи слышаны многие, и теперь граф Арлинг вынужден отбиваться не только от соседей, но и от дальних лордов. Сейчас вот с той стороны леса войска графа Арлинга, а с той...

— Кристофера де Марка, — сказал я, вспомнив рассказ гонца сэра Норберта.

— Совершенно точно, сэр!

— Ничего себе, — пробормотал я, впечатленный таким драматизмом. — Неужели я такой рыночник, не вижу в этой безобразной драке истинного и неповторимого кайфа? Это же романтика, высший порыв души, возможность проявить лучшие рыцарские качества! Не за бабу все-таки дерутся, а за леди...

За спиной слышался приглушенный шум, как если бы

морские волны накатывали на берег. Я оглянулся, в просветы между деревьями видно, как передовые отряды огромного войска готовятся к ночевке.

— Отмена, — сказал я решительно. — В рай отоспимся, а со мной вы попадете в рай, как великомученики. Из меня хреновый будет политик, если, как благочестивый христианин, не воспользуюсь подвернувшимся моментом, увидев левую щеку. Поднимай наше войско и на рысях веди сюда! Всех, до единого человека.

Он смотрел непонимающе.

— И что?

— Когда дерутся двое, — сказал я мрачно, — выигрывает ворона, сидящая на дереве.

Глава 11

Измученные бойцы смотрели без страха на стройные ряды моих свежих и готовых к бою рыцарей. Отряды Растера и Макса отправились в расположение барона Кристофера, я въехал во главе отряда лордов в стан графа Арлинга, и там сразу увидели, что одних знатных рыцарей у меня больше, чем у графа вообще осталось бойцов.

Я выпрямился во весь рост, раздвинул плечи и старался выглядеть страшным и пугающим, так всегда стремятся выглядеть вожаки уличных банд, а также благородные рыцари. Мои рыцари встали за моей спиной, сверкая очами и грозно раздувая ноздри, мол, сокрушим любое сопротивление, а также накажем любое непочтение к нашему лорду, ибо его честь — наша честь.

Я заявил надменно:

— Я, Ричард Длинные Руки, гроссграф Армландии, требую объяснений. Меня интересует, кто посмел развязать междоусобную войну без моего милостивого и временами великодушного соизволения. Я жду.

Из шатра вывели, поддерживая под руки, мужчину средних лет, в накинута на голое тело красном камзоле и такого же цвета штанах. Сапоги тоже красные, но я уже понял: кровь не так заметна и не напугает соратников. Грудь рыцаря пере-

вязана белыми тряпками, уже пропитанными кровью, одна рука висит плетью, окровавленная ткань туго стягивает предплечье, но красные пятна проступают прямо на глазах.

Он с достоинством поклонился, но побледнел еще сильнее от такого усилия.

— Я, — произнес он слабым голосом, — граф Арлинг. Барон Кристофер де Марк пытается овладеть моим замком. Моя честь задета, я не стал отсиживаться за стенами, а вышел навстречу и принял бой в открытом поле.

Я кивнул, все понятно, за стенами замка легко бы отбил любой штурм и нанес противнику немалый урон, а то и разгромил бы, но это же рассуждения простолюдина, а рыцарь постоянно трясется за свою честь, как бы чего не подумали порочащего про его честь и достоинство.

— Понятно, — ответил я, — вы поступили по-рыцарски благородно и красиво. Если не ошибаюсь, вы потому и встали против солнца?

Граф с достоинством наклонил голову.

— Совершенно верно, сэр. Чтобы не сказали, что я воспользовался хоть каким-то преимуществом.

— Очень благородно, — повторил я и покосился на заваленное трупами поле. — Причина войны — леди Лоралея?

Он с еще большим достоинством откинул голову и взглянул мне в лицо.

— Да, сэр.

— Могу я взглянуть на нее?

Он помрачнел.

— Сэр, есть ли в этом необходимость?

Я выдвинул нижнюю челюсть, что за это время незаметно убралась взад, посмотрел на него с высокомерием рожденного гроссграфом.

— Сэр Арлинг, — произнес я ледяным голосом, — я решаю в Армландии, в чем есть необходимость, а в чем нет. Или вы не признаете власть тех лордов, что облекли меня высокой властью гроссграфа?

Я успел заменить рвавшиеся с языка слова «мою власть» на «власть лордов», пусть с ними потягается, мои военачальники придвинулись, ладони на рукоятях мечей. Рыцари их отрядов

уже окружили уцелевшее войско, что лежит обессиленное, граф Арлинг тоже посмотрел на них и понял, что да, гроССграфу виднее.

— Признаю, — ответил он обессиленно.

— Так в чем дело? — потребовал я грозно.

Он повернул голову в сторону рыцарей, готовых подхватить его при неверном движении.

— Сэр Акмур, — произнес он слабым голосом. — Оседлайте моего коня...

Немолодой рыцарь посмотрел на меня враждебно, а ему сказал:

— Сэр, давайте я лучше распоряжусь насчет повозки.

— Нет, — прошептал Арлинг, — коня... Я не могу вернуться в телеге, словно корова, которую везут с бойни.

На воротах его замка забегали, на стене появились лучники, но мост опустили, а решетку подняли: сэр Арлинг едет с нами в сопровождении своих рыцарей, так что не совсем в плену. Барон Альбрехт сразу же послал своих людей встать на всякий случай рядом с арбалетчиками на стенах, а сэр Норберт умело расставил рыцарей на ключевых местах, так что замок в любом случае в наших руках, а мы с израненным сэром Арлингом последовали в его покои.

Челядь радостно выскакивала навстречу, что значит, лорда любят, но пугались грозного вида гостей, исчезали. Зигфрид и Тюрингем со своими десятками отборных воинов сопроводили нас, оставляя их по одному, по двое, так что на последний этаж поднялись совсем с крохотной свитой, зато из самых рослых и внушительных.

Граф Арлинг, хромая и почти повисая на одном из своих рыцарей, остановился перед богато украшенной дверью. Рыцарь деликатно постучал и, дождавшись ответа, нажал на золотую ручку в виде летящего дракона.

В глубине пышно обставленных покоев широкая кровать с балдахинном, пахнет тонкими духами, чирикает в золотой клетке птичка, но я почти ничего не замечал, взгляд сразу прикипел к женщине, что поднялась из кресла навстречу гостям.

Мне показалось в первый миг, что это компьютерная мо-

дель, есть же умельцы, рисуют вот такое совершенство, а потом наделяют идеальной анимацией: абсолютно гладкая ровная и чистая кожа, дивные синие глаза с длинными загнутыми ресницами, тонкой работы нос и пухлый детский рот, выступающий подборок и высокие скулы при чуть-чуть запавших щеках, что лишь подчеркивают общую аристократичность.

Ее фигура, как ни скрывай одеждами, безупречна: высокая грудь, тонкая талия, изящные бедра и длинные ноги. Золотые волосы на темени перевиты синими лентами, под цвет глаз, дальше собираются в косы, толщиной с мою руку, и падают до ягодиц. Леди Лоралея перекинула одну на грудь, взглянула растерянно на лорда, на меня, на молчаливых людей в доспехах.

Тонкие изящные пальцы машинально перебирают косу, у меня разбежались глаза: смотреть ли на грудь, ее изгиб эффектно подчеркивает эта тяжелая плеть волос, то ли на дивной формы руки, то ли на необыкновенное лицо...

— Леди Лоралея, — хмуро представил ее граф Арлинг. — В данный момент... моя жена.

Я поклонился, почти не сознавая, что делаю. Рядом восторженно сопели Альбрехт, Зигфрид и Тюрингем. Даже Норберт похрюкивал как-то странно.

— Да, — услышал я свой хриплый голос, — теперь понимаю, почему пролилось столько крови...

Зигфрид шепнул:

— А сколько еще прольется!

Мне почудился в его голосе восторг. Глаза Тюрингема полыхают неземным огнем, Альбрехт закусил губу, у него вид человека, что отчаянно борется с собой и проигрывает с каждой секундой, а сам Арлинг прижал ладони к груди, словно удерживая выпрыгивающую лягушку.

Я сдвинулся в железном кулаке, я же правитель, мать вашу, политик, а не самец какой-нибудь, проговорил надменно:

— Сэр Арлинг, сердце мое, как гроссграфа, обливается кровью при виде... да, при виде! Как можно такое ради всего лишь женщины? Господь не для того дал нам душу, чтобы мы с нею вот так. Душа и женщина, как говорят отцы церкви, несовместимы. Если перед вами проблема выбора... хотя, на мой пала-

динный взгляд, где тут проблема, какой выбор?.. То вы что должны избрать?.. Неверно шепчете, сэр Зигфрид! И вы, сэр Тюрингем, глазками стреляете слишком блудливо. Да и вы как-то странно смотрите, сэр Альбрехт, как будто вам не ясно!

— Женщины — зло, — шепнул у меня за спиной кто-то из рыцарей, — но я готов стать великомучеником.

Я повысил голос:

— В целях умиротворения района как гуманист и миротворец я конфискую это яблоко раздора. Сэр Норберт, займитесь! Леди Лоралея должна быть немедленно убрана из района конфликта.

Сэр Норберт опустил ладонь на рукоять меча.

— Как скажете, сэр...

— Не так, — прервал я. — Вывезите под охраной в лагерь.

— Чей?

Я повысил голос:

— Сэр Норберт!

— Понял-понял, — ответил он поспешно. Кивнул двум своим рыцарям, они, двигаясь очень быстро, подошли к леди Лоралее, она в испуге вскинула голову и посмотрела на меня в упор. Сердце мое оборвалось. Несколько моих рыцарей, обнажив мечи, остались на местах, но их вид показывал, что по моему слову разнесут здесь все.

Граф Арлинг вскрикнул отчаянно:

— Сэр Ричард, что вы делаете?

— Спасая вас, — ответил я зло. — Над вашими землями нависла угроза со стороны вражеских держав, а вы чем заняты? Половину земель вашего противника, сэра Кристофера, захватили лесные люди, а он куда смотрит?.. Я могу, конечно, сказать вам обоим, куда смотрите, но тут и стены покраснеют! Вы своей нелепой войной истощили земли, вас теперь не только иноземный враг, вас местные хомяки захватят и все уташат!

Леди Лоралею быстро провели к выходу. Группа моих рыцарей тут же встала там стеной, не позволив выйти даже ее служанкам.

Граф Арлинг крикнул отчаянно:

— Но... куда? Что вы с нею сделаете?

— Решим, — ответил я как можно тверже, — и поступим. Армландия нуждается в мире! И спокойствии. Я ее умиротворю. Покой будет, как на кладбище!

Когда женщину вели под усиленной стражей из донжона, барон Альбрехт спросил тихо:

— И как вы сами поступите с этой женщиной?

Я сказал раздраженно:

— Да уж придумаю. Сейчас главное — изъять у них цацку, из-за которой эти дети лупят друг друга. Да так, что разорили весь край. Вообще-то это такая женщина, ее бы врагу подсу-нуть...

— Зачем?

— Барон, вы меня удивляете. Как это зачем?

— Простите, сэр Ричард, это я с недосыпу. Но, с другой стороны, для чего мы рождаемся, как не для подвигов во имя дамы? Крестьянин пашет, священник служит Богу, а мы сражаемся...

— ...за веру, короля и Отечество, — прервал я. — И хотя Отечества еще нет, но можно заменить его своими огородами. Но бабс в этом перечне, заметьте, нет вовсе! Сражаться рыцари должны за идеи, за честь, за... не знаю, даже за химеру какую-то, это благородно и возвышенно, но не за баб, сэр Альбрехт, не за баб! Даже если они леди.

Он вздохнул, в мудрых глазах я увидел отчетливый укор.

— Сэр Ричард, а разве женщина — это не химера? Вот вы все о бабах каких-то, но ведь это леди...

Я развел руками, в самом деле уел, ответил с некоторым раскаянием:

— Простите, сэр Альбрехт, я тоже недопереспал. То есть перенедоспал. И уже перестал замечать женщин. Столько суток не покидать седла, у меня вся задница отбита, какие тут женщины, только о пользе Отечества думать...

Он натянуто улыбнулся.

— Ладно-ладно, сэр Ричард! Все понятно. Зато здесь окончательно закончено покорение Армландии! Можно отдохнуть, вволю поваляться в постели. Хотя у вас планы, планы...

— У нас, — поправил я сварливо. — И в этих планах женщинам места нет! Вовсе. Мы мужчины, а не самцы какие-то.

Честь, слава, экономика, гуманизм... еще что-нибудь из культуры для рюшечек, но не женщины!.. Надеюсь, вы меня правильно поняли?

— Понял, понял, — ответил он поспешно на вопрос, в котором прозвучала угрожающая нотка. — На знамени — честь, слава, экономика, гуманизм, а женщины там... ниже, под знаменем. Даже еще ниже, я вас понял. Но эта... гм... такая женщина! Я понимаю, почему даже рыцари делают для нее исключение.

Из конюшни графа Арлинга выкатили изящную повозку. Украшена золотом так обильно, что застрянет даже не в болоте, а на любой неровной дороге. Конюхи оглядывались на грозных гостей, что старше хозяев, поспешно впрягали лучших коней.

Леди Лоралею усадили на бархатное сиденье, у дверцы повозки поставили стражу. Зигфрид и Тюрингем, гордясь близостью к гроссграфу, которого знали еще совсем не гроссграфом, то и дело подъезжали, докладывали, что пока все под контролем, а местные рыцари как будто даже рады.

— Вот-вот, — сказал я, — думаю, граф Арлинг и барон де Марк, выразив «искреннее и неподдельное» моим самодурством, втайне будут довольны. А то и рады.

Зигфрид переспросил непонимающе:

— Как? Почему?

— Ну, Зигфрид, ты меня удивляешь! — ответил я раздраженно. — Будто не знаешь: стоит женщину выпихнуть из комнаты, как ссора между мужчинами тут же затихает! Эти двое устали от бессмысленной и кровавой войны, но гордость, гордость!.. А тут я изымаю предмет спора, драться уже не из-за чего. Будут зализывать раны, громко и во всеуслышанье обвинять меня, доказывая всем, что, не вмешайся я со своим войском, они бы еще показали... но останутся лояльными подданными.

Альбрехт подошел, прислушался, покачал головой.

— Но будут обвинять, — сказал он задумчиво, — а это нехорошо.

Я отмахнулся.

— Придется привыкать. Иначе, желая сделать всех счастливыми и лояльными, я приду к правильной мысли перебить все человечество. А Господь сотворил наш мир не на правильности! Вот так. Потому что все предыдущие миры творил именно на ней, правильности, и потому все их рушил...

Зигфрид перекрестился и подсказал:

— На милосердии?

Я отмахнулся.

— Если бы на милосердии, все бы в грехах и беззаконии утонули. Вы же знаете нас, ребята, чего нам выделяться друг перед другом? Мы еще те свиньи, нам только дай волю. Нет, он творил на справедливости и милосердии, разделив поровну, а потом все перемешал в такой пропорции, чтобы уравновешивало и удерживало на плаву. Потому я, как самодур-тиран, должен быть и справедливым, и милосердным одновременно, что значит противоречить самому себе. Раньше у людей от этого начиналось раздвоение личности, но я из мира, где даже двуличные люди уже редкость, у всех по несколько личностей и ников, так что я справлюсь, справлюсь всем назло и вопреки...

Зигфрид в задумчивости почесал голову.

— А как это, милосердие и справедливость... одновременно?

— Очень просто, — объяснил я. — В одной деревне кузнец убил соседа, а его жену изнасиловал. Односельчане его схватили и собрались повесить, но староста сказал: люди, что вы делаете? Он же единственный кузнец! Кто же нам коней подкует, кто косы и серпы сделает, кто вообще с железом умеет? Ему возражают, что за такие дела по справедливости надо вешать. Правильно, ответил староста, но кузнец у нас один! А вот плотников — шестеро. Хватит и пяти. Так что давайте для кузнеца проявим снисхождение, общество ведь держится на милосердии, а во имя торжества справедливости повесим плотника, чтоб людям неповадно было убивать соседей и насиловать их жен...

Они морщили лбы, стараясь понять сложную логику пра-

вителя и взаимопереплетаемость в обществе милосердия и справедливости, но, как мне показалось, так и не вружились.

Зифрид тяжело вздохнул и, хлопнув Тюрингема по плечу, пустил коня в сторону ворот. Коляска сдвинулась с места, кучер помахивал кнутом, мои рыцари оголили мечи, красиво и грозно выстроились с двух сторон.

Занавеска на окошке чуть отодвинулась. Леди Лоралея рассматривала то ли двор, с которого ее увозят, то ли тех, кто увозит.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	51
Глава 6	61
Глава 7	68
Глава 8	76
Глава 9	87
Глава 10	95
Глава 11	102
Глава 12	111

ЧАСТЬ 2

Глава 1	180
Глава 2	187
Глава 3	200
Глава 4	210
Глава 5	217
Глава 6	225
Глава 7	234
Глава 8	239
Глава 9	248
Глава 10	254
Глава 11	260
Глава 12	267
Глава 13	275

Глава 14.	283
Глава 15.	291
Глава 16.	300

ЧАСТЬ 3

Глава 1	336
Глава 2	346
Глава 3	354
Глава 4	363
Глава 5	371
Глава 6	382
Глава 7	392
Глава 8	401
Глава 9	409
Глава 10.	419
Глава 11.	433

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ГРОССГРАФ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Е. Сырцова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 15.04.2008.
Формат 84х108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 70 000 экз. Заказ № 4802273

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо»

зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.

foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,

в том числе в специальном оформлении,

обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (7272) 252-59-90/91.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ВАДИМ ПАНОВ

Серия «Тайный Город»:

«Войны начинают неудачники»

«Коммандор войны»

«Атака по правилам»

«Все оттенки черного»

«И в аду есть герои»

«Наложницы ненависти»

«Куколка последней надежды»

«Тень Инквизитора»

«Кафедра Странников»

«Правила крови»

«Королевский крест»

«Царь горы»

«День дракона»

Другая сторона Москвы!

Серия «Анклавы»:

«Московский клуб»

«Поводыри на распутье»

Загляни в реальное будущее!

А также:

Сборник рассказов «Таганский перекресток»

Новинка лета 2007! «Занимательная механика»

Более 1.000.000

ПРОДАННЫХ КНИГ!

www.vadimpanov.ru

www.eksmo.ru

МАСТЕР ФЭНТЕЗИ №1

Ник ПЕРУМОВ

ПЕРВАЯ КНИГА НОВОГО ЦИКЛА
«Семь Зверей Райлега.
ТЁРН»

www.eksmo.ru
www.perumov.com

Скоро! Книга 2. "Алиедора"
Книга 3. "Исход Дракона"

Более 12.000.000 проданных книг
Лучший фантаст Европы 2004
Лучший фантаст России 2003 и 2006

Серия **«БОЕВАЯ
МАГИЯ»**

С начала 2007 года
в серии вышли:

Владимир Романовский «Добронег»

Сергей Крускоп «Ночь дракона»

Наталья Осояну «Невеста ветра»

Андрей Гальперин «Лезвие власти»

Дмитрий Казаков «Ледяной клинок»

Андрей Уланов «Раз герой, два герой»

Денис Богачев «Две половины победы»

Денис Юрин «Одиннадцатый легион»
«Время мушкетеров»

**ЛУЧШИЕ КНИГИ ЖАНРА
БОЕВОЙ МАГИИ
В ОДНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ СЕРИИ!**

www.eksmo.ru

ISBN 978-5-699-27776-6

9 785699 277766 >

Ричард

Длинные Руки —

хроссграф

